РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

1(98)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Перспективы модернизации России начала XIX в.: Взгляд из Америки
Prospects of Modernization of Russia in the Early 19th Century: A View from America

Китай: Опыт борьбы с коррупцией
China: The Experience of the Fight Against Corruption

Франция и Россия в эпоху Э. Макрона
France and Russia in the Era of E. Macron

Современный мировой порядок: Глобальные и философские проблемы
Contemporary World Order: Global and Philosophical Issues

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

москва
2018

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75

ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзеханов – доктор исторических наук, профессор, главный редактор, *В.Н. Бабенко* – доктор исторических наук, профессор, *Л.Н. Верченов* – кандидат философских наук, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *В. Деннингхаус* – доктор исторических наук, профессор Гамбургского университета, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, *О.И. Киянская* – доктор исторических наук, профессор, зам. главного редактора, *Ф. Конт* – доцент Университета Париж 1, Сорбонна, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Р.М. Нуреев* – доктор экономических наук, профессор, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.Н. Шаншиева* – кандидат философских наук

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Художник обложки *Г.И. Козубов*

Р 75 **Россия и современный мир** = Russia and the contemporary world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Редкол.: В.С. Мирзеханов (гл. ред.) и др. – М., 2018. – ISSN 1726–5223. – № 1 (98). – 255 с.

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009
ISSN 1726–5223
© ИНИОН РАН, 2018

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

Памяти Владимира Алексеевича Виноградова	**6**	*In memory of Vladimir Alekseevich Vinogradov*
РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА		**RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW**
А.Г. Готовцева «Он всегда будет жертвой интриг»: Придворная борьба Александровской эпохи	**8**	*A.G. Gotovtseva «He Will Always Be the Victim of Intrigues»: Court Fight in the Reign of Emperor Alexander I*
А.С. Панов Восстание декабристов и перспективы модернизации России в восприятии американцев в 1820-х годах	**29**	*A.S. Panov The Decembrists and the Americans' Perception of Russia's Modernization Prospects in the Context of the 1820s Revolutionary Wave*
А.А. Ильин А.И. Герцен о проблеме политического насилия	**47**	*A.A. Ilyin A.I. Herzen about the Problem of Political Violence*
А.Б. Асташов Переселенческая политика военных властей России во время «великого отступления» 1915 г.	**63**	*A.B. Astashov Resettlement Policy of the Russian Military Authorities During the «Great Retreat» of 1915*
И.И. Глебова Россия–1917: Проблема исторического выбора	**78**	*I.I. Glebova Russia–1917: The Problem of Historical Choice*
С.С. Ипполитов «Я видел мертвых...»: Российское общество Красного Креста и Американский Красный Крест в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918–1920 гг.	**100**	*S.S. Ippolitov «I Saw Dead...»: The Russian Red Cross and the American Red Cross in Siberia and the Far East in 1918–1920*

РОССИЯ И МИР. В XXI ВЕКЕ

В.Н. Чернега
Франция и Россия в эпоху Э. Макрона: Возможно ли реальное сближение? **113**

Н.А. Коновалова
Внешняя политика России в рамках современной международной системы **126**

Ю.А. Гринева
Миграционная политика Италии в первом десятилетии XXI в.: Опыт для России **139**

А.В. Малов
Продовольственный суверенитет как фактор современного миропорядка **146**

Е.В. Пинюгина
Россия и формирование евразийских межгосударственных транспортных проектов **157**

Т.Б. Уварова
Новое российское пограничье: Постсоветская Беларусь в социально-антропологическом ракурсе **172**

РАЗМЫШЛЕНИЯ. СООБЩЕНИЯ. КОММЕНТАРИИ

И.Ю. Жилина
Экономические аспекты современного терроризма **188**

О.Ю. Адамс
Антикоррупционное законодательство КНР в 1995–2015 гг. **206**

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

V.N. Chernega
France and Russia in the Era of E. Macron: A Real Rapprochement, is it Possible? **113**

N.A. Konovalova
Foreign Policy of Russia in the Contemporary International System **126**

Yu.A. Grineva
Italian Migration Policy in the First Decade of the XXI Century: Experience for Russia **139**

A.V. Malov
Food Sovereignty as a Factor of the Contemporary World Order **146**

E.V. Piniugina
Russia's Role in the Formation of the Eurasian Interstate Transport Projects **157**

T.B. Uvarova
The New Russian Borderland: The post-Soviet Belarus in Socio-Anthropological Perspective **172**

REFLECTIONS. COMMUNICATIONS. COMMENTS

I.Yu. Zhilina
Economic Aspects of Contemporary Terrorism **188**

O.Yu. Adams
Anti-Corruption Legislation of the PRC in 1995–2015 **206**

Л.В. Скворцов
Понятие гетеротопии и современный мировой порядок: К постановке проблемы **219**

L.V. Skvortsov
The Concept of Heterotopia and the Contemporary World Order: The Problem Statement **219**

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

REVIEWS. SUMMARIES

В.П. Любин
Русские эмигранты в Италии в XX в.: Новые исследования **233**

V.P. Ljubin
Russian Emigrants in Italy in the 20th Century: The New Research Work **233**

А.В. Белинский
Основные принципы российской политической элиты: Право, правда, общее благо и насилие. (Реферат) **247**

A.V. Belinskii
Fundamental Principles of the Russian Political Elite: Law, Truth, Public Welfare and Violence. (Summary) **247**

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА АЛЕКСЕЕВИЧА ВИНОГРАДОВА (02.07.1921–27.12.2017)

Академик РАН, профессор, доктор экономических наук, лауреат Государственной премии СССР, кавалер высших орденов нашей страны и иностранных государств.

После тяжелого ранения в начальной стадии войны демобилизован, поступил учиться в МГИМО МИД СССР. Окончив вуз в 1948 г. (первый выпуск), В.А. Виноградов начинает свою деятельность в Президиуме АН СССР, где впоследствии поднимается до высокой должности заместителя Главного ученого секретаря Академии. В конце 50-х – 60-е годы вносит большой вклад в установление международных связей АН СССР.

В 1972–1998 гг. – директор ИНИОН РАН. Ему удается превратить научную библиотеку (ФБОН) в исследовательский институт. «Виноградовский» ИНИОН – одно из высших достижений советской социально-гуманитарной науки 70–80-х годов. Этот Институт стал окном России в мир, и наоборот – вхождением мировой науки и культуры в русское сознание.

Владимир Алексеевич был не только выдающимся ученым, но и великим научным администратором. Он сумел превратить «долгострой» рядом с метро «Профсоюзная» в великолепное здание, которое до катастрофического пожара 2015 г. было центром социогуманитарной науки России.

Автоматизация библиотечного дела, создание национальной и международной системы научной информации (МИСОН), самые большие в мире аннотированные базы данных, библиографический центр, не имеющий себе равных, реферативные журналы по всем направлениям социально-гуманитарных наук, аналитика, специнформация, переводы классиков общественной науки XX в. – это и многое другое заслуга академика В.А. Виноградова.

После ухода с поста директора Владимир Алексеевич сосредоточился на работе руководителя Отдела глобальных и региональных проблем ИНИОН и любимого им Совета по экономической истории РАН. Автор 17 монографий и более 400 публикаций, он отдал свой выдающийся талант

темам государственной собственности, приватизации, теории научной информации в области общественных наук. Он всегда помогал нам, сотрудникам его Института. Внешне строгий, обладал широкой и любящей душой. Создал в ИНИОН атмосферу дружелюбия, уважения друг к другу, терпимости. Учитель, директор, старший друг, источник заботы и защиты. Мудрец, мужественный и красивый человек.

Как мы были счастливы и спокойны, работая с Владимиром Алексеевичем!

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

А.Г. Готовцева

«ОН ВСЕГДА БУДЕТ ЖЕРТВОЙ ИНТРИГ»: ПРИДВОРНАЯ БОРЬБА АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХИ

Аннотация. *В статье речь идет о политической борьбе при дворе императора Александра I. Анализируются идеи, циркулирующие в придворных кругах в разные этапы правления Александра. Делается вывод о том, что во многом следование этим идеям было продиктовано желанием представителей элиты стать как можно ближе к престолу и устранить конкурентов. При этом сам Александр I умело использовал эти идеологические разногласия в качестве своеобразной системы «сдержек и противовесов».*

Ключевые слова: *придворная борьба, Александр I, А.А. Чарторижский, П.А. Строганов, П.П. Долгоруков, М.М. Сперанский, А.С. Шишков, А.А. Аракчеев, либерализм, консерватизм, религиозные движения, Священный союз.*

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, Москва. E-mail: brunhilda@yandex.ru

A.G. Gotovtseva. «He Will Always Be the Victim of Intrigues»: Court Fight in the Reign of Emperor Alexander I

Abstract. *This article is about the court fight in the reign of the emperor Alexander I. The author analyses the ideas circulating in the court at different stages of Alexander's reign and concludes that the court following these ideas, wanted to become closer to the throne and eliminate competitors, while Alexander used these differences as a system of «checks and balances».*

Keywords: *the court fight, Alexander I, A.A. Chartoryzhsky, P.A. Stroganov, P.P. Dolgorukov, M.M. Speransky, A.S. Shishkov, A.A. Arakcheev, liberalism, conservatism, religious movements, the Holy Alliance.*

Gotovtseva Anastasya Gennad'evna – Doctor of Philology, Professor of Russian State University for the Humanities (RGGU). E-mail: brunhilda@yandex.ru

1

Близкие друзья великого князя Александра Павловича, составившие после его воцарения Негласный комитет, – та сила, о которой обычно вспоминают, рассуждая о начале царствования Александра I. Эти молодые люди, европейски образованные, подолгу в Европе жившие, размышляли о будущем России именно в европейском контексте. С этой точки зрения среди них выделяется польский магнат князь Адам Чарторижский, императорской волей возглавивший внешнюю политику России. Он мечтал о восстановлении Польши после его разделов Екатериной II. Восстановление это должно было произойти путем отвоевания бывших польских территорий у Пруссии.

Историк Александровского царствования великий князь Николай Михайлович осуждал подобные планы Чарторижского, отмечая, что намерение «à ne rien faire qui pût exercer une fâcheuse influence sur les destinées futures de ma patrie»[1] было хотя «благородно с точки зрения человеческой, патриотично для поляка и его родины, но цинично и даже преступно для руководителя русских интересов» [34, с. 41–42]. Однако в глазах друзей юности, товарищей по Негласному комитету, никакой крамолы в позиции князя не было.

Воспитателем Чарторижского был аббат Шипионе Пьяттоли, апологет идеи «вечного мира». Идея эта была сформулирована в начале XVIII в. другим аббатом, Шарлем Сен-Пьером, и с тех пор бытовала в европейской политической культуре (см. об этом подр.: [4, с. 5–24; 1, с. 160–207]). В соответствии с ней Чарторижский пытался строить внешнюю политику России, создавая планы переустройства Европы и ратуя за создание антинаполеоновской коалиции. В мемуарах он писал: «Я твердо верил <…> что для меня возможно будет примирить русское стремление с благородными идеями, заставив служить ненасытную жажду русских к славе и первенству благу человечества <…> Я желал, чтобы Александр стал в некотором роде арбитром мира (arbitre de paix) для всего цивилизованного человечества <…> чтобы его царствование, наконец, начало бы новую эру в европейской политике <…> основанную на общем благе и праве каждого» [54, p. 370–371][2].

Это – изложение космополитической мечты, лежащей в основе концепции «вечного мира» и всех ее производных. На ее фоне национальные интересы отдельных стран и народов кажутся не столь важными, и рассматривать их стоит только в рамках всеобщего контекста. Поэтому Чарторижский, создавая свои мемуары и заботясь, как любой мемуарист, о собственном поло-

1. «Не делать ничего, что могло бы оказать неблагоприятное влияние на будущие судьбы моего отечества» [54, p. 324].

2. По причине не вполне точного перевода, сделанного в издании [48] здесь и далее перевод сверен с французским изданием: [54].

жительном образе, считал вполне возможным признаться, что, хотя и «избегал произносить имя Польши, идея ее восстановления скрыто содержалась в самом духе» его внешнеполитической работы, в том направлении, которое он «хотел придать русской политике» [54, p. 372][3]. Отмечу, что идею «вечного мира» разделял также воспитатель будущего императора Александра I Фредерик Лагарп, имевший на своего воспитанника несомненное влияние [37, с. 60–61]. Казалось, что с учетом этого замыслам министра не должно ничто помешать.

Но близилась война и, конечно, в окружении юного императора были те, кто пропагандировал активные военные действия против «корсиканского выскочки». Сторонники так называемой «русской партии» противостояли партии «вечного мира». Наполеон называл этих людей «une trentaine de freluquets, que sous différens titre environnent l'empereur de Russie» или просто «ces trente freluquets»[4], и был уверен, что им платит жалованье английское правительство, а император Александр находится под их полным влиянием [56, p. 493, 501]. Один из современников, граф Александр Ланжерон, остроумно констатировал: «Их было не тридцать, но к несчастью, их было слишком много. Впрочем, Наполеон нашел верное слово…» (цит. по: [50, с. 284]). Взгляды членов «русской партии» были националистические, даже «ура-патриотические».

Главой партии был энергичный и амбициозный князь Петр Петрович Долгоруков-младший. Он известен в истории прежде всего своей дипломатической встречей с Наполеоном в ноябре 1805 г. По мнению многих современников, именно поведение князя стало причиной Аустерлицкого разгрома союзных русско-австрийских войск[5].

Но роль Долгорукова при александровском дворе, его отношения как с императорским окружением, так и с самим монархом, конечно, не ограничиваются незавидной репутацией самоуверенного придворного, который не сумел разгадать гениальную провокацию великого Наполеона. Выполняя сложные дипломатические поручения, князь имел и военные таланты, он занимал далеко не последнее место в придворной иерархии, составляя оппозицию «молодым друзьям» императора (см. об этом подробнее: [12]).

3. Оригинал на французском.

4. «Тридцать хлыщей, которые под различными титулами окружают императора России», «эти тридцать хлыщей» – фразы из 30-го, «аустерлицкого», бюллетеня Великой армии (12 фримера / 14 (3) декабря 1805 г.).

5. Долгоруков держался с французским императором высокомерно, а по возвращении в Главную квартиру представил дело так, будто Наполеон испугался силы Русской армии. Последовало решение союзников атаковать французские войска и катастрофическое поражение. Подобные суждения можно найти в переписке и мемуарах той поры. См., напр.: [35, с. 18, 22, 41].

* * *

«Космополиты» убеждали государя, что некоторое изменение существующих границ для восстановления польской государственности обеспечит прочный мир в Европе и защитит ее от Наполеона. Война же с Наполеоном – особенно после трагедии Аустерлица – отнюдь не необходима.

Ближайший друг Чарторижского, граф Павел Строганов, в декабре 1805 г. писал ему из Берлина о желательности «заключить внезапный союз с Бонапартом и вместе есть пирожные» [32, с. 346][6]. В начале 1806 г. он подал императору официальное «мнение», в котором заявлял, что «в настоящем положении польза России требует, чтобы кабинет наш не пренебрег никаких средств, достоинству Е[го] И[мператорского] В[еличесст]ва соответствующих, сблизиться с Франциею». Того же мнения придерживался и сам князь: «Сохранение мира и всеобщего спокойствия Европы с самого начала 1801 года было всегдашним и постоянным предметом попечения российского двора. Для достижения сей главной политической цели надлежало возобновить прежнее доброе согласие, существовавшее в сношениях между Россиею и Франциею до времени революции, и для пользы общего дела надлежало пожертвовать всеми другими уважениями» [44, с. 217; 49, с. 200].

Долгоруков же обещал Пруссии помощь в случае, если та решится воевать с Наполеоном [30, с. 233]. Строганов, так же как и его конфидент князь Адам, был раздражен, считал Долгорукова виновным во всех бедах, а деятельность его не только бесполезной, но и вредной.

Долгоруков же, должно быть, искренне верил в благотворность и необходимость своих действий. Он внушал юному царю: «Вы единственный, государь, кто имеет возможность, средства и желание спасти Европу; но имея дело с деятельным врагом, ему противопоставляют такую же активность, чтобы быть уверенным в победе над ним» [35, с. 93–94][7].

После Аустерлица, вопреки общей убежденности в невозможности продолжить войну, Долгоруков не отказался от своей риторики: «Вы единственный среди государей Европы, кто своей властью и всеобщим доверием, которое внушает Ваш образ действий и Ваша решимость, может еще его (Наполеона. – *А. Г.*) остановить <…> Вы можете еще одержать победу в этом прекрасном деле, защитником которого Вы объявили себя в глазах всей Европы и которым Вы удостоились всеобщего поклонения» [35, с. 32][8].

За этими словами – целая стройная концепция. Александр должен стать спасителем Европы. Такая роль – нечто существенно отличное от «арбитра

6. Оригинал на французском.
7. Оригинал на французском.
8. Оригинал на французском.

мира», которым видел русского императора Чарторижский и его окружение. Гению Наполеона должен быть противопоставлен не миротворец, не верховный судья мирного европейского порядка (на эту роль претендовал сам Бонапарт), а мессия[9].

Как-то в присутствии государя Долгоруков заявил Чарторижскому: «Вы рассуждаете, милостивый государь, как польский князь, а я рассуждаю, как русский» [35, с. 11].

Чарторижский действительно был поляком, и этого было достаточно для обвинений. По меткому замечанию А.Л. Зорина, поляки «воспринимались как пятая колонна внутри империи» [17, с. 165]. Ф.Ф. Вигель писал: «Князь Адам Чарторижский <...> сделался всем ненавистен. В средних классах называли его прямо изменником, а тайная радость его при виде неблагоприятных для нас событий не избежала также от глаз высшей публики» [8, с. 404–405]. Чарторижский признавался в мемуарах: «Русские воображали себе, что я тайно сочувствую Франции» [54, p. 351]. «Изменнический» мотив дискредитации оппонентов окажется значимым и в дальнейшем.

2

Во время военных действий 1806–1807 гг. возобладала одна модель – «спасение», в данном случае спасение Европы. Борьба за влияние переносится в главную квартиру армии и касается в основном военных дел. Так или иначе, к моменту заключения Тильзитского мира, когда противоборство придворных вернулось от бивуаков в дворцовые залы, лица при дворе сменились[10].

9. Одна из идеологических моделей дискредитации Наполеона, разработка которой началась как раз в декабре 1806 г., – легенда о Наполеоне-лжемессии и Наполеоне-Антихристе (см., напр.: [26, с. 63–64, 301; 18, с. 38–39; 15, с. 235–236; 16, с. 84–85; 31, с. 130–131]). В соотнесении с метафорой «Александр – спаситель Европы» она создавала аллюзивную библейскую схему.

10. В декабре 1806 г. умирает Долгоруков. Полугодом ранее, в июле, подал в отставку Чарторижский. Утратив влияние на императора, хотя и сохранив личное общение, он перестал играть при дворе былую роль. В.П. Кочубей покинул пост министра внутренних дел в ноябре 1807 г. по причине слишком заметной для послетильзитской России симпатии к Англии. Что касается находившегося в Лондоне Строганова, то он, поняв, что в Петербурге все изменилось и «друзья его сошли со сцены», принял решение покинуть гражданскую службу. Он ушел со всех высоких государственных постов еще раньше Кочубея, в марте 1807 г., и поступил в действующую армию, добровольно отказавшись от придворного влияния. Из друзей юности рядом с Александром остался лишь Н.Н. Новосильцев, однако и тот уже никогда больше не пользовался прежним влиянием. В 1809 г. он уехал в Вену.

Место при особе императора занял новый потенциальный вершитель судеб империи – М.М. Сперанский. «Новый фаворит, – замечает А.Л. Зорин, – лишь заполнил функциональную нишу, возникшую с уходом с государственной арены членов Негласного комитета, и прежде всего Чарторижского» [17, с. 215]. Собственно, и сам Сперанский отмечал подобную преемственность в известном Пермском письме Александру I: «В существе своем он (план государственного преобразования. – *А. Г.*) не содержал ничего нового; но идеям, с 1801 года занимавшим Ваше внимание, дано в нем систематическое расположение» [40, с. 412].

То, что в Негласном комитете существовало лишь в набросках и суждениях, у Сперанского получает стройную систему. Говоря словами Ключевского, «он был идеолог или теоретик», ум которого работал лишь с отвлеченными понятиями [21, с. 199].

Политика на некоторое время разворачивается на внутренние дела. Сперанский начинает готовить свои реформы. Следует обратить внимание на то, каким он видел российского императора: «В России государь соединяет в себе все роды сил, он есть законодатель, верховный судия и первый исполнитель своих собственных законов – вот что называем мы государственным постановлением и на сем одном понятии основываем мы все наши суждения о законах» [41, с. 185]. Если вспомнить рассуждения Чарторижского об императоре – «арбитре мира», то можно заключить, что в проектах Сперанского государю предлагалась та же роль, но по отношению к собственным подданным[11].

Главную оппозицию Сперанскому, как известно, составлял тверской салон великой княгини Екатерины Павловны, по просьбе которой Н.М. Карамзин написал свою «Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Конечно, нет никаких доказательств, однозначно подтверждающих знакомство Александра I с «Запиской…» Карамзина, но нет и никаких сомнений, что настроения кругов, близких в великой княгине, и порождаемые ими суждения были императору хорошо известны. Сам Карамзин был чужд властных амбиций, однако его перо могло быть использовано. В центре его записки – идея спасения, предложенная еще П.П. Долгоруковым; однако эта идея предложена на другом историческом фоне. Европа, по мнению Карамзина, уже проиграна «в Аустерлице и Фридланде». В новой

11. А.С. Шишков в относительно недавно обнаруженном сатирическом наброске, озаглавленном «Прогулка. Стихи к А.С. Хвостову» изобразил некоего «Мироправа» (arbiter de paix? – А. Г.). Догадка публикатора М.Г. Альтшуллера о том, что под этим именем Шишков изобразил Александра I «с его несостоятельными либеральными замыслами» в свете приведенных выше обстоятельств лишь подтверждается (см.: [2, с. 13–17]).

обстановке нужно было думать только о России – «чтобы сохранить ее внутреннее благосостояние, т.е. не принимать мира, кроме честного» [19, с. 54].

А проект уложения государственных законов, подготавливаемый Сперанским, в оценке Карамзина, не что иное, как переведенный кодекс Наполеона: «Обещают скорый конец плаванию и верную пристань. Уже в Манифесте объявлено, что первая часть законов готова, что немедленно готовы будут и следующие. В самом деле, издаются две книжки под именем проекта Уложения. Что ж находим?.. Перевод Наполеонова Кодекса! <…> Время ли теперь предлагать россиянам законы французские, хотя бы оные и могли быть удобно применены к нашему гражданственному состоянию? <…> когда имя Наполеона приводит сердца в содрогание, мы положим его Кодекс на святой алтарь Отечества?» [19, с. 92][12].

Сперанский убеждал государя, что хотя войны с Наполеоном нельзя избежать, ее необходимо отсрочить на возможно долгое время: «Нет никакой вероятности, чтоб Франция начала войну, если Россия строго будет держать себя в настоящем положении» [41, с. 409]. Это было вполне в русле того отношения, которое высказывали представители Негласного комитета. И вызывало такую же реакцию оппозиционных кругов. Как отмечает А.Л. Зорин, «парадоксальным образом деятельность Сперанского, направленная на корректировку профранцузской линии официальной дипломатии, могла выглядеть в глазах недостаточно информированных людей как проявление его особой симпатии к Франции» [17, с. 193]. Даже польский контекст был призван его противниками в качестве аргумента [17, с. 212–213].

Но все эти обвинения в пособничестве Наполеону в посттильзитский период были мало состоятельны: с равным успехом можно было записать в изменники самого императора, который дружески обнимался с Наполеоном и называл его братом. Кроме того, Сперанский не был поляком. Поэтому нужен был другой, более сильный довод.

И здесь появляется новый элемент – религиозно-мистический. Он был в каком-то смысле подсказан действиями самого Сперанского, пытавшегося унифицировать масонство для объединения и просвещения духовенства [11, с. 108–109; 17, с. 217–221]. Терминологической и идеологической базой для противников реформатора в этом контексте стала преимущественно книга

12. Между тем, как отмечал биограф Сперанского М.А. Корф, «Наполеонов кодекс, каковы бы ни были частные его несовершенства, вполне соответствовал всем тогдашним требованиям науки и общества» [23, с. 162].

французского аббата Огюстена Баррюэля «Памятные записки к истории якобинства», первая часть которой была издана на русском языке в 1805 г.[13]

Из круга той же Екатерины Павловны вышел еще один любопытный документ, направленный императору, а именно «Записка о мартинистах» Ф.В. Ростопчина. «Мартинисты, – писал Ростопчин, – возвысили и умножили свою секту присоединением значительных лиц, которым доставили важные должности <…> Они все более или менее преданы Сперанскому, который, не придерживаясь в душе никакой секты, а может быть, и никакой религии, пользуется их услугами для направления дел и держит их в зависимости от себя». «Я уверен, – продолжал он далее, – что Наполеон, который все направляет в своих целях, покровительствует им и когда-нибудь найдет сильную опору в этом обществе, столь же достойном презрения, сколь и опасном <…> Эта секта не что иное, как потаенный враг правительства и государей» [38, с. 79–81]. Суждения этого рода для официальной государственной власти всегда имеют чувствительный «привкус» реально существующего заговора.

В этот же контекст укладываются знаменитые четыре главы «О России» – итог публицистической деятельности 1809–1811 гг. сардинского посланника при русском дворе Жозефа де Местра, которые были переданы императору. Образовательные проекты Сперанского прямо затрагивали интересы протежируемых посланником иезуитов. Последняя глава этого сочинения Местра, «De l'iliminisme», посвящена иллюминизму[14]. Местр, конечно, был осторожен и не бросал, да и не мог бросать прямых личных обвинений в адрес Сперанского. Его задача была другая: дать императору почувствовать общий контекст и обозначить некую угрозу, существующую внутри правительства: «В своем наступлении эта организация (иллюминаты. – *А. Г.*) как будто остановилась на подступах к России. Почему? Потому что народ, а лучше сказать – огромная глыба нации просто не готова воспринять ее нашествие, но если правительство предоставит протестантам свободу действий и начнет покровительствовать протестантскому учению, в России случится то, что уже случилось в других странах» [28, с. 89].

В письмах же своему королю Виктору Эммануилу I и другим конфидентам дипломат куда более откровенен: в связи с «весьма влиятельной сектой, которая уже давно поклялась низвергнуть все троны» прямо упоминает имя

13. С 1805 по 1809 г. вышло два издания перевода этой книги на русский язык. Сочинение Баррюэля проводило идею всемирного масонского заговора и во многом определило самосознание противников реформ [17, с. 202–206].

14. Название это неточно переводят как «О просвещении».

«г-на Сперанского»[15]. Ненависть ко всякого рода тайным обществам и масонским сектам, сильнейшей из которых виделись в то время иллюминаты, весьма сближала православных патриотов Карамзина и Ростопчина с истинным католиком и апологетом иезуитов Местром.

Сперанского обвиняли в иллюминатстве многие его противники [40, с. 231]. Он сам признавался царю в феврале 1811 г.: «В течение одного года я попеременно был мартинистом, поборником масонства, защитником вольностей, гонителем рабства и сделался, наконец, записным иллюминатом» [43, с. 460]. В.И. Семевский писал по этому поводу: «Слово “иллюминат” стали употреблять в весьма неопределенном смысле, обозначая им, каждый со своей точки зрения, вообще людей неблагонамеренных» [39, с. 9]. Поэтому ясно, что Сперанского обвиняли не столько в принадлежности к последователям ликвидированного в середине 1780-х годов ордена Вейсгаупта (хотя и это тоже имело место), сколько делали человеком, который готовит свержение в России существующей власти. Такой дискурсивный ход был очень удобен еще и потому, что Александр I хорошо помнил, при каких обстоятельствах сам стал императором.

3

С началом Отечественной войны 1812 г. вновь возобладала идея спасения – теперь уже не Европы, а Отечества. Сперанский, как известно, был смещен, а на место государственного секретаря (конечно с несравнимо меньшими полномочиями) был назначен А.С. Шишков, который и стал главным идеологом борьбы с Наполеоном внутри страны.

Однако с выходом военных за пределы России актуализовалась идея спасения Европы, которая теперь противопоставляла себя спасению Отечества на идеологической основе христианского универсализма [17, с. 242–266]. Это было диалектическое перерождение идеи спасения Европы, предложенной

15. Местр был уверен «в существовании [в России] весьма влиятельной секты, которая уже давно поклялась низвергнуть все троны и с адской ловкостью использует для сего самих государей». При этом зараженные германской философией придворные, такие как «г-н Сперанский», который «исполняет веления той обширной секты», «погубят императора». Впрочем, и сам император не чужд губительных идей: «Истинный враг России – это ее правительство и даже сам император, который дал соблазнить себя новейшими идеями и прежде всего германской философией, которая для России есть не что иное, как настоящий яд» [27, с. 120, 132, 181, 217].

еще Долгоруковым. Она выросла из синтеза идей мессианства российского государя с идеями вечного мира, которая не была забыта императором[16].

Выражением этого синтеза стал Священный союз, который, удивил современников. Его называли и «возвышенным абсурдом» (Р.-С. Каслри), и «плодом воображения, достигшего наивысшей степени экзальтации» (Э.-Д. Паскье), и шиболетом, лишенным смысла («shibboleth vide de sens») (К.-В. Миттерних). Подобные отзывы были спровоцированы, конечно, тем, что религиозно-мистический текст Акта Священного союза не имел ничего общего с дипломатическим документом и «был составлен так, что под него можно было подвести практически любое содержание» (см. об этом: [36]).

Интересную деталь эпохи Священного союза описал Б.М. Гаспаров. В общественном сознании актуализируются и даже контаминируются два образа императора. С одной стороны, он Спаситель, а с другой – идеальный Цезарь, вселенский предводитель монархов («царь царей»), верховная власть которого гарантирует вселенский мир и дарует «золотой век» всем народам (в сущности, он тот же arbitre de paix). Такую контаминацию обеспечила, конечно, новая мистическая составляющая государственной идеологии, изменившая взгляды самого царя: некогда чуждая его рационализму идея «спасения» в свете мистической религиозности становится такой же актуальной, как идея «всеобщего мира». Любопытное свидетельство тому – переписка с Лагарпом, убеждающим своего царственного воспитанника не участвовать в военных действиях Ста дней. Александр отверг эту идею, заявив, что не будет склоняться перед «гением зла», ибо «нужно мужество сражаться с ним» [3, с. 79].

Акт Священного союза – символический документ, заканчивающий войну и примиряющий две дискурсивные модели: мессианство и вечный мир. Однако это относилось к сфере внешней политики. Политика внутренняя жила по своим законам.

Религиозно-мистический элемент, который использовался традиционалистами для дискредитации Сперанского, проник в государственную идеологию и стал полностью поддерживаться монархом.

Возникшее в конце 1812 г. Библейское общество стало выражением такого рода воззрений. Как метко замечает Р. Уортман, «Библия сменила философию в качестве источника этических взглядов, оправдывающих власть императора» [45, с. 299]. Стоит здесь согласиться с М.Л. Майофис, утверждающей, что цель Библейского общества была «с помощью разнообразных мер в области просвещения и реорганизации религиозной жизни мирно, избегая

16. Графиня София Шуазёль-Гуфье вспоминала о своей беседе с Александром I в конце 1812 г.: «Я также отметила некоторые соответствия между идеями государя о всеобщем мире и сочинением Сен-Пьера» [52, с. 93].

социальных потрясений, совершить модернизацию духовной жизни подданных. Модернизация подразумевала в этот момент создание единого правового, политического и культурного европейского пространства». А само общество «и насаждавшаяся посредством его модель христианства стали в этот период орудиями либерализации режима и модернизации» [25, с. 290, 292].

* * *

В придворной структуре Александровского царствования Сперанскому часто противопоставляют Аракчеева. Схема эта, прочно вошедшая в историографию, восходит к знаменитой пушкинской сентенции о «гениях зла и блага». Однако во времена Сперанского Аракчеев еще не был главой большой придворной партии. Он и сам еще не видел себя в качестве такового. Через две недели после высылки Сперанского будущий грозный временщик писал брату Петру: «Теперь приступаю к описанию, что, я думаю, известно вам уже, о выезде из Петербурга господина Сперанского и господина Магницкого. На их счет много здесь говорят нехорошего, следовательно, если это так, то они и заслужили свою нынешнюю участь, но вместо оных теперь партия знатных наших господ сделалась уже чрезвычайно сильна, состоящая из графов Салтыковых, Гурьевых, Толстых и Голицыных. Следовательно, я, не быв с первыми в связи, был оставлен без дела, а сими новыми патриотами равномерно нелюбим, также буду без дела и без доверенности» [5, с. 191].

Князь Александр Николаевич Голицын, будущий глава Библейского общества и министр духовных дел и народного просвещения, которого под именованием «Голицыных» судя по всему, и имел в виду Аракчеев вольно или невольно способствовал падению Сперанского. Обер-прокурор Святейшего Синода, Голицын чувствовал, конечно, в написанном реформатором проекте унификации масонских лож, предполагавшем кроме прочего «объединение наиболее способных из духовных лиц всех сословий» [10, с. 253] вторжение в сферу своей компетенции. Это, видимо, и послужило поводом к тому, что через Голицына получил доступ к царю Жозеф де Местр. По крайней мере близкий Сперанскому человек, Федор Матвеевич Гауеншильд, директор благородного пансиона при Царскосельском лицее, свидетельствовал, что тот именно Голицыну «приписывал свое падение» [10, с. 261]. Это, впрочем, не мешало последнему взаимодействовать со Сперанским до его падения – по делам реформы духовного образования [22, с. 19–21], а после – использовать его идеи о духовном объединении государственных людей уже в рамках своих собственных проектов [9, с. 137–138]. Сперанский же в должности Сибирского генерал-губернатора активно участвовал в деятельности детища Голицына – Российского библейского общества [22, с. 21].

Нельзя не признать, что существует огромная традиция, считающая князя Голицына лидером обскурантов и главой структуры, которую как современники, так и потомки характеризовали эмоционально («министерство народного затмения». – *Н.М. Карамзин*; «министерство религиозно-утопической пропаганды». – *Г.В. Флоровский*). На самом деле, многие инициативы лично Голицына и возглавляемого им Министерства духовных дел и народного просвещения укладывается в проевропейский космополитический дискурс [ср.: 46]. А именовать его «либеральным» или нет – вопрос терминологии.

Итак, к 1817 г., моменту создания голицынского «сугубового» министерства, «космополитическая» ниша при особе императора оказалась прочно занята. Окончательно вошедший в силу Аракчеев стал искать центр противоположного полюса. Саркастичный Н.И. Греч вспоминал: «Аракчеев издавна со всею злобою зависти смотрел на успехи в распространении силы Голицына. Под влиянием его внушений составилась партия антиголицынская, ничем не лучше в нравственном отношении» [14, с. 266]. Современники, размышлявшие на эту тему, в своих оценках солидарны. Аракчеев «стоял на почве неподвижного православия», осуждал Библейское общество, прервал отношения с Голицыным, любил все русское и вообще был «великим патриотом» [6, с. 123; 7, с. 255; 53, с. 196–197].

Главным «рупором» аракчеевской партии стал настоятель Юрьева монастыря архимандрит Фотий (Спасский). Именно его устами царю предлагалась та же самая роль мессии, спасителя, только в жизни духовной и во внутренней политике государства. В формате же религиозного дискурса она становится и вовсе очевидной: «Помазанник Божий! Убо да воскреснет Бог и десницею Твоею и духом на Тебе сущих, – да расточатся враги Бога, – отцев наших, противник Господа нашего Иисуса Христа, хульники Святого Духа, последователи новой вражией прелести, лютого неверия Антихристова; и яко исчезает дым, да исчезнут со всем ложным учением от лица земли нашея!».

Теперь враг, Антихрист, уже не «Наполеон видимый», а «духовный Наполеон»: «Бог победил видимого Наполеона, вторгшегося в Россию: да победит Он и духовного Наполеона лицем твоим, коего можешь ты, Господу содействующу, победить в три минуты». «Духовный» Наполеон – образ собирательный. Это и «сугубое» министерство, и Библейское общество и различные мистики, в том числе из бывшего ближайшего окружения Сперанского[17].

17. К ним, в первую очередь, следует отнести Р.А. Кошелева, у которого, по свидетельству Ф.М. Гауеншильда, Сперанский был другом дома, но затем Кошелев стал считать его врагом. Кошелев – фигура крайне любопытная. Существует мнение, что именно он был серым кардиналом религиозной политики Александра I. Архимандрит Фотий в первую очередь его считал истинным врагом православной веры (обзор мнений о Кошелеве см.: [29, с. 223–224]).

Фотий писал о некоем возглавляемом Голицыным тайном обществе: «Общество, верующее во Антихриста, общество карбонариев, всячески старается к 1836 году сделать приуготовления, аки бы к учреждению единого Царства Христова. Ибо в 1836 году замысел есть, что уже все царства, церкви, религии, законы гражданские и всякое устройство должны быть уничтожены, и должна аки бы начаться какая-то единая в сем мире новая религия – едино стадо, единое царство, и должен быть аки бы единый какой-то царь, коего столица предназначается быть в Иерусалиме» [47, с. 377, 378].

С одной стороны, обвинения Голицына в карбонарстве было следствием появления в России реальных тайных обществ, вдохновителем которых сторонники партии Аракчеева называли главу Библейского общества (см. подр.: [13, с. 196–202]). С другой стороны, эти обвинения не были новы для традиционалистов: иллюминатство, в котором обвиняли Сперанского, и карбонарство, которое ставили в вину Голицыну, при всей разнице как самих этих терминов, так и путей их проникновения в Россию, с семантической точки зрения весьма близки между собой, так как потеряли свой первоначальный смысл. Тому, кого именовали иллюминатом или карбонарием, априорно приписывалась подготовка революции, т.е. ниспровержения существующего порядка вещей. «Ах! боже мой! он карбонари!» – восклицает грибоедовский Фамусов в адрес Чацкого.

Подобные обвинения своих оппонентов традиционны для определенных кругов возле престола. Так, в 1831 г., уже в царствование Николая I, дальний родственник князя Голицына, А.Б. Голицын, пугал императора заговором иллюминатов, от которых необходимо спасать государство [11, с. 9–11].

Филиппики Фотия вполне согласовывались с обращениями к царю адмирала А.С. Шишкова. Сравнение вдохновленной Наполеоном «грозы двенадцатого года» с «грозой» голицынской деятельности становится для обоих общим местом: «Угодно было монаршей воле Твоей, без всякого у меня вопроса и без всякого искания моего, наименовать меня министром народного просвещения в самое многотруднейшее время. Я повиновался священному гласу Твоему в 1812 году, когда враг Отечества шел с оружием на Россию. С тем же пламенным усердием повинуюсь и ныне, когда тайная вражда умышляет против церкви и престола».

«Тайная вражда» укоренилась в Министерстве народного просвещения, поэтому необходимо «употребить способы к тихому и скорому потушению того зла, которое хотя и не носит у нас названия карбонарства, но есть точно оное», а «министерство просвещения <…> явно и очевидно попускало долгое время расти сему злу, и, мало сказать, попускало, но оказывало тому всякое покровительство и ободрение» [51, с. 1–2].

Шишков, так же как и Фотий, предлагал Александру роль спасителя Отечества от скверны. Симптоматично, что и здесь Европа оказывается в антитезе

России: «Одно слово Твое, один взор рассеет в царстве Твоем всех вольнодумцев, учеников чужих земель. Они почувствуют заблуждение свое и обратятся на правый путь. Престол Твой оградится вернейшими Тебе сердцами, и чужеземные козни не посмеют и приблизиться к пределам Твоего царства. Ты защитил народ Свой от вооружившейся на него Европы, Ты спасешь его от сильнейшего врага – адского духа, устремляющегося искоренить в нем веру и все добродетели. Твой народ возлюбил Тебя, чуждые страны прославят, потомство будет Тебе благодарно, и Бог, по долговременной жизни Твоей, примет Тебя в Свои объятия» [51, с. 79].

Когда в 1824 г. Голицын был отстранен почти от всех занимаемых им должностей, место министра народного просвещения занял именно Шишков, как некогда он же занял место Сперанского.

4

Нет сомнения, что император Александр I не был сторонним наблюдателем борьбы возле престола, напротив, находясь между двух лагерей, он умело лавировал между ними. Двуличие «северного сфинкса» неоднократно описано в исследованиях и мемуарах. Историк В.О. Ключевский искал его истоки в детских годах цесаревича: «Александру вечно приходилось вращаться между двумя противоположными течениями, из коих ни одно не было ему попутным, стоять между двумя противоречиями, подвергаясь опасности стать третьим, попасть в разлад с самим собой» [21, с. 192].

М.М. Сперанский в адресованной Александру I оправдательной записке 1813 г. приписывал такое поведение императора «общему мнению», которое заставляет императора поступать неправильно: «Исполнители, коих Ваше Величество употребляли в сем деле (составлении “твердых законов”, реформах), каждый попеременно в свою очередь, были предметом зависти, клеветы и злословия в большей или меньшей степени». И далее: «Не попустите, Всемилостивейший Государь, чтобы система ложных страхов и подозрений – система, коею, как я догадываюсь, ищут уловить внимание Вашего Величества, – что система сия, всегда приводившая Государей к бесславию, а Государства к бедствиям, превозмогла над достоинством морального Вашего характера» [42, с. 33, 44].

«Система», о которой пишет Сперанский, не была внешней по отношению к Александру, и ближайшее окружение царя это видело уже в начале его правления. Граф Строганов, размышляя о характере своего царственного друга, писал жене в феврале 1806 г.: «Я жалею его, что он имеет такой характер, который будет причиной того, что он никогда не сможет найти верных слуг и всегда будет одурачен шарлатанами и будет жертвой интриг. Его

слабость – причина нестабильности его системы, и я не стал бы утверждать, что не она управляет нашим отечеством» [33, с. 199][18].

Глава австрийской дипломатии К.-В. Меттерних отмечал в донесении императору Францу I в августе 1817 г.: «Ваше величество, без сомнения убеждены издавна, что ум императора Александра неспособен твердо придерживаться одного и того же круга идей» [55, p. 54]. Но вряд ли дело было в неспособности императора, в слабости его характера. «Молодой государь <…> отлично разбирался между разными личностями и умел вовремя выдвинуть того или другого деятеля, оставаясь лично как бы в стороне и не оказывая наружного предпочтения любимцу данной минуты», – замечал великий князь Николай Михайлович [34, с. 26].

Александр никогда не одаривал всем своим доверием какую-либо одну придворную партию, а, по меткому выражению А.А. Кизеветтера, «становился в свою любимую позу между двух противоположных течений» [20, с. 340][19]. Он, подобно пушкинскому Онегину, все время менял маски:

Чем ныне явится? Мельмотом,
Космополитом, патриотом,
Гарольдом, квакером, ханжой,
Иль маской щегольнет иной…

Традиционно противопоставляют «дней Александровых прекрасное начало» и послевоенную эпоху, когда император Александр в поисках мистического озарения оставил дела государственные и в стране наступила темная реакция. Однако с точки зрения придворной борьбы, проходящей в разные периоды Александровского правления, подобная оценка не может быть зафиксирована однозначно. Наоборот, ярко выражена преемственность между дискурсивными моделями, которые перетекали из одного периода царствования в другой.

Ю.М. Лотман писал о страсти Александра I к различным театральным эффектам в повседневной жизни [24, с. 279–287]. Не испытывая склонности к просмотру театральных пьес, «северный Тальма» сам желал быть и актером, и, еще более, режиссером. И это проявлялось не только в любви к командованию парадами или разыгрыванию эффектных слезных мизансцен. В большой пьесе царствования Александра Павловича, написанной им

18. Оригинал на французском.

19. Справедливости ради стоит отметить, что Кизеветтер пишет в процитированном отрывке об уравновешивающем влиянии Сперанского и Аракчеева, с чем автор данной статьи не вполне согласна.

самим, менялись декорации и исполнители главных ролей, но пьеса не сходила со сцены, пока не была отыграна до конца.

Библиография

1. Алексеев М.П. Пушкин и проблема «вечного мира» // Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л.: Наука, 1972. С. 160–207.

2. Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М.: Нов. лит. обоз., 2007. 444 с.

3. Андреев А.Ю. Император Александр I и начало нового века в семантике Священного союза (из истории одного рождественского гимна) // Изобретение века: Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия. М.: Нов. лит. обозр., 2013. С. 71–84.

4. Андреева И.С. Вековая мечта человечества // Трактаты о вечном мире. М.: Алетейя, 2003. С. 5–26.

5. Аракчеев А.А. Письмо П.А. Аракчееву, 3 апреля 1812 г. // Русская старина. 1874. Т. 10. Кн. 5 (май). С. 190–192.

6. Брадке Е.Ф., фон. Автобиографические записки // Аракчеев: Свидетельства современников. М.: Нов. лит. обоз., 2000. С. 106–126.

7. Булгарин Ф.В. Поездка в Грузино в 1824 году // Аракчеев: Свидетельства современников. М.: Нов. лит. обоз., 2000. С. 252–263.

8. Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Захаров, 2003. Кн.1. 607 с.

9. Вишленкова Е.А. «Заботясь о душах подданных: Религиозная политика в России первой четверти XIX века». Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2002. 439 с.

10. Гауеншильд Ф.М. М.М. Сперанский / Пер. с нем. // Русская старина. 1902. Т. 110. кн. V (май). С. 251–262.

11. Гордин Я.А. Мистики и охранители. Дело о масонском заговоре. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 1999. 288 с.

12. Готовцева А.Г. «Русский князь» при императорском дворе: Петр Долгоруков и Александр I // Уральский исторический вестник. 2015. № 1 (46). С. 73–81.

13. Готовцева А.Г., Киянская О.И. Рылеев. М.: Молодая гвардия, 2013. 350[2] с. (Жизнь замечательных людей.)

14. Греч Н.И. Воспоминания старика // Аракчеев: Свидетельства современников. М.: Нов. лит. обоз., 2000. С. 263–276.

15. Дубровин Н.Ф. Наполеон в современном обществе и в русской литературе // Русский Вестник. 1895. Т. 237. № 4. С. 214–248.

16. Дубровин Н.Ф. Наполеон в современном обществе и в русской литературе // Русский Вестник. 1895. Т. 239. № 7. С. 73–114 [оконч. предыдущ.].

17. Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла. М.: Нов. лит. обоз., 2001. 414 с.

18. Казаков Н.И. Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 3. С. 31–47.

19. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. 127 с.

20. Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М.: Территория будущего, 2006. 448 с.

21. Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 5: Курс русской истории. Ч. 5. 476 с.

22. Кондаков Е.Ю. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 343 с.

23. Корф М.А. Жизнь графа Сперанского: в 2 т. СПб.: Тип. II отд. собст. е.и.в. канц., 1861. Т. 1. XVIII, 283 с.

24. Лотман Ю.М. Театр и театральность в строе культуры начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. С. 269–287.

25. Майофис М.Л. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М.: Нов. лит. обоз., 2008. 800 с.

26. Мельникова Л.В. Армия и Православная церковь Российской империи в эпоху Наполеоновских войн. М.: Кучково поле, 2007. 416 с.

27. Местр Ж, де. Петербургские письма. СПб.: Инапресс, 1995. 334 с.

28. Местр Ж., де. Сочинения. СПб.: Владимир Даль, 2007. 104 с.

29. Минаков А.Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2011. 560 с.

30. Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб.: Тип. Штаба отд. корп. внутр. стражи , 1844. 304 с.

31. Наринский М.М. Наполеон в современной ему российской публицистике и литературе // История СССР. 1990. № 1. С. 126–138.

32. Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов. Историческое исследование эпохи императора Александра I: в 3 т. СПб.: Эксп. загот. госуд. бумаг, 1903. Т. 2. XXII, 435 с.

33. Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов. Историческое исследование эпохи императора Александра I: в 3 т. СПб.: Эксп. загот. госуд. бумаг, 1903. Т. 3. XXXII, 381 с.

34. Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования: в 2 т. СПб.: Экспед. загот. госуд. бумаг, 1912. Т. 1. XIV, 580 с.

35. Николай Михайлович, вел. кн. Князья Долгорукие, сподвижники императора Александра I в первые годы его царствования: Биографические очерки. Изд. 2-е, испр. и дом. СПб.: Эксп. загот. госуд. бумаг, 1902. 189 с.

36. Парсамов В.С. «Апокалипсис дипломатии» («Акт о Священном союзе» в интерпретации К.-В. Миттерниха, баронессы Крюденер, Жозефа де Местра и Александра Стурдзе) // Освободительное движение в России: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. Вып. 20. С. 44–66.

37. Парсамов В.С. Мечты о мирном XIX веке // Изобретение века: Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия. М.: Нов. лит. обозр., 2013. С. 55–72.

38. Ростопчин Ф.В. Записка о мартинистах, представленная в 1811 году графом Ростопчиным великой княгине Екатерина Павловне // Русский архив. 1875. Кн. III. № 9. С. 75–81.

39. Семевский В.И. Декабристы-масоны // Минувшие годы. 1908. № 2 (февраль). С. 1–50.

40. Семевский В.И. Падение Сперанского // Отечественная война и Русское общество 1812–1912: Юб. изд: в 7 т. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911. Том II: После Тильзита. Россия перед 1812 г. С. 221–246.

41. Сперанский М.М. Избранные сочинения / Сост., вступ. ст., ком. В.С. Парсамова. М.: РОССПЭН, 2010. 776 с.

42. Сперанский М.М. Оправдательная записка, адресованная Александру I, 1813 г. // Дружеские письма графа М.М. Сперанского к П.Г. Масальскому, писанные с 1798 по 1819 г., с историческими пояснениями, составленными К. Масальским, и некоторые сочинения первой молодости графа М.М. Сперанского. СПб.: тип. II отд-ния Собств. е.и.в. канцелярии, 1862. 142, 16 с.

43. Сперанский М.М. Отчет о делах 1810 г., представленный императору Александру I 11 февраля 1811 года // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1877. Т. 21. С. 447–462.

44. Строганов П.А. Мнение (нач. 1806 г.) // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1892. Т. 82: Дип. сношения России и Франции в эпоху Наполеона I. Т. III: 1805–1806. С. 215–217.

45. Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М.: ОГИ, 2002. Т. 1. 605 с.

46. Фаджионатто Р. А.Н. Голицын // Против течения: Исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX в. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2005. С. 218–266.

47. Фотий (Спасский), архимандрит. Борьба за веру. Против масонов. М.: Ин-т рус. цивилиз., 2010. 400 с.

48. Чарторижский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I: в 2 т. М., 1912–1913. Т. 1. [2], X, 388 с.

49. Чарторижский А.А. Записка (нач. 1806 г.) // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1892. Т. 82: Дип. сношения России и Франции в эпоху Наполеона I. Т. III: 1805–1806. С. 200–214.

50. Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование: в 4 т. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1897. Т. 2. 408 с.

51. Шишков А.С. Записки. М.: Унив. тип., 1868. [2], II, 142 с.

52. Шуазель-Гуффье С. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе / Пер. с франц. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2007. 236 с.

53. Щебальский П.К. Шишков, его союзники и противники // Русский вестник. 1870. Т. 90. № 11/12. Паг. 1. С. 192–254.

54. Czartoryski A. Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'empereur Alexandre Ier: 2 vol. Paris, 1887. T. 1. XX, 438 p.

55. Metternich C-V. Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, chancelier de cour et d'État; pub. par son fils le prince Richard de Metternich: 8 vol. Paris: E. Plon et Cie, 1881. T. III. 631 p.

56. Napoléon Ier. Oeuvres de Napoléon Bonaparte: 5 vol. Paris: C.L.F. Panckoucke, 1821. T. III. [4], 524 p.

References

Alekseev M.P. Pushkin i problema «vechnogo mira» // Pushkin: Sravnitel'no-istoricheskie issledovanija. Leningrad: Nauka, 1972. P. 160–207.

Al'tshuller M.G. Beseda ljubitelej russkogo slova: U istokov russkogo slavjanofil'stva. Moscow: Nov. lit. oboz., 2007. 444 p.

Andreev A.Ju. Imperator Aleksandr I i nachalo novogo veka v semantike Svjashhennogo sojuza (iz istorii odnogo rozhdestvenskogo gimna) // Izobretenie veka: Problemy i modeli vremeni v Rossii i Evrope XIX stoletija. Moscow: Nov. lit. obozr., 2013. P. 71–84.

Andreeva I.S. Vekovaja mechta chelovechestva // Traktaty o vechnom mire. Moscow: Aletejja, 2003. P. 5–26.

Arakcheev A.A. Pis'mo P.A. Arakcheevu, 3 apr. 1812 // Russkaja starina. 1874. Vol. 10. Kn. 5 (may). P. 190–192.

Bradke E.F., fon. Avtobiograficheskie zapiski // Arakcheev: Svidetel'stva sovremennikov. Moscow: Nov. lit. oboz., 2000. P. 106–126.

Bulgarin F.V. Poezdka v Gruzino v 1824 godu // Arakcheev: Svidetel'stva sovremennikov. Moscow: Nov. lit. oboz., 2000. P. 252–263.

Chartorizhskij A. Memuary knjazja Adama Chartorizhskogo i ego perepiska s imperatorom Aleksandrom I: v 2 t. Moscow, 1912–1913. Vol. 1. [2], X, 388 p.

Chartorizhskij A.A. Zapiska (nach. 1806 g.) // Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshhestva. Saint Petersburg: Tip. Stasjulevicha, 1892. Vol. 82: Dip. snoshenija Rossii i Francii v jepohu Napoleona I. Vol. III: 1805–1806. S. 200–214.

Czartoryski A. Mémoires du prince Adam Czartoryski et correspondance avec l'empereur Alexandre Ier: 2 vol. Paris, 1887. T. 1. XX, 438 p.

Dubrovin N.F. Napoleon v sovremennom obshhestve i v russkoj literature // Russkij Vestnik. 1895. Vol. 237. N 4. P. 214–248.

Dubrovin N.F. Napoleon v sovremennom obshhestve i v russkoj literature // Russkij Vestnik. 1895. Vol. 239. N 7. P. 73–114 [okonch. predydushh.].

Fadzhionatto R. A.N. Golicyn // Protiv techenija: Istoricheskie portrety russkih konservatorov pervoj treti XIX v. Voronezh, 2005. P. 218–266.

Fotij (Spasskij), arhimandrit. Bor'ba za veru. Protiv masonov. Moscow: In-t rus. civiliz., 2010. 400 p.

Gauenshil'd F.M. M.M. Speranskij / Per. s nem. // Russkaja starina. 1902. Vol. 110. kn. V (maj). P. 251–262.

Gordin Ja.A. Mistiki i ohraniteli. Delo o masonskom zagovore. Saint Petersburg: Izd-vo «Pushkinskogo fonda», 1999. 288 p.

Gotovceva A.G. «Russkij knjaz'» pri imperatorskom dvore: Petr Dolgorukov i Aleksandr I // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2015. N 1 (46). P. 73–81.

Gotovceva A.G., Kijanskaja O.I. Ryleev. Moscow: Molodaja gvardija, 2013. 350[2] p. (Zhizn' zamechatel'nyh ljudej).

Grech N.I. Vospominanija starika // Arakcheev: Svidetel'stva sovremennikov, Moscow: Nov. lit. oboz., 2000. P. 263–276.

Karamzin N.M. Zapiska o drevnej i novoj Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnoshenijah. Moscow: Nauka, 1991. 127 p.

Kazakov N.I. Napoleon glazami ego russkih sovremennikov // Novaja i novejshaja istorija. 1970. N 3. P. 31–47.

Kizevetter A.A. Istoricheskie ocherki. Moscow: Territorija budushhego, 2006. 448 p.

Kljuchevskij V.O. Kurs russkoj istorii // Kljuchevskij V.O. Sochinenija: v 9 t. Moscow: Mysl', 1989. Vol. 5: Kurs russkoj istorii. Ch. 5. 476 p.

Kondakov E.Ju. Liberal'noe i konservativnoe napravlenija v religioznyh dvizhenijah v Rossii pervoj chetverti XIX veka. Saint Petersburg: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena, 2005. 343 p.

Korf M.A. Zhizn' grafa Speranskogo: v 2 t. Saint Petersburg: Tip. II otd. sobst. e.i.v. kanc., 1861. Vol. 1. XVIII, 283 p.

Lotman Ju.M. Teatr i teatral'nost' v stroe kul'tury nachala XIX veka // Lotman Ju. Moscow: Izbrannye stat'i: v 3 t. Tallin: Aleksandra, 1992. Vol. 1. P. 269–287.

Majofis M.L. Vozzvanie k Evrope: Literaturnoe obshhestvo «Arzamas» i rossijskij modernizacionnyj proekt 1815–1818 godov. Moscow: Nov. lit. oboz., 2008. 800 p.

Mel'nikova L.V. Armija i Pravoslavnaja Cerkov' Rossijskoj imperii v jepohu napoleonovskih vojn. Moscow: Kuchkovo pole, 2007. 416 p.

Mestr Zh, de. Peterburgskie pis'ma. Saint Petersburg: Inapress, 1995. 334 p.

Mestr Zh., de. Sochinenija. Saint Petersburg: Vladimir Dal', 2007. 104 p.

Metternich C-V. Mémoires, documents et écrits divers laissés par le prince de Metternich, chancelier de cour et d'État; pub. par son fils le prince Richard de Metternich: 8 vol. Paris: E. Plon et Cie, 1881. T. III. 631 p.

Mihajlovskij-Danilevskij A.I. Opisanie pervoj vojny imperatora Aleksandra s Napoleonom v 1805 godu. Saint Petersburg: Tip. Shtaba otd. korp. vnutr. strazhi, 1844. 304 p.

Minakov A.Ju. Russkij konservatizm v pervoj chetverti XIX veka. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 2011. 560 p.

Napoléon Ier. Oeuvres de Napoléon Bonaparte: 5 vol. Paris: C.L.F. Panckoucke, 1821. T. III. [4], 524 p.

Narinskij M.M. Napoleon v sovremennoj emu rossijskoj publicistike i literature // Istorija SSSR. 1990. N 1. P. 126–138.

Nikolaj Mihajlovich, vel. kn. Graf Pavel Aleksandrovich Stroganov. Istoricheskoe issledovanie jepohi imperatora Aleksandra I: v 3 t. Saint Petersburg: Jeksp. zagot. gosud. bumag, 1903. Vol. 2. XXII, 435 p.

Nikolaj Mihajlovich, vel. kn. Graf Pavel Aleksandrovich Stroganov. Istoricheskoe issledovanie jepohi imperatora Aleksandra I: v 3 t. Saint Petersburg: Jeksp. zagot. gosud. bumag, 1903. Vol. 3. XXXII, 381 p.

Nikolaj Mihajlovich, vel. kn. Imperator Aleksandr I. Opyt istoricheskogo issledovanija: v 2 t. Saint Petersburg: Jeksped. zagot. gosud. bumag, 1912. Vol. 1. XIV, 580 p.

Nikolaj Mihajlovich, vel. kn. Knjaz'ja Dolgorukie, spodvizhniki imperatora Aleksandra I v pervye gody ego carstvovanija: Biograficheskie ocherki. Izd. 2-e, ispr. i dom. Saint Petersburg: Jeksp. zagot. gosud. bumag, 1902. 189 p.

Parsamov V.S. «Apokalipsis diplomatii» («Akt o Svjashhennom sojuze» v interpritacii K.-V. Mitterniha, baronessy Krjudener, Zhozefa de Mestra i Aleksandra Sturdzy) // Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii: Mezhvuz. sb. nauch. tr. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2003. Vyp. 20. P. 44–66.

Parsamov V.S. Mechty o mirnom XIX veke // Izobretenie veka: Problemy i modeli vremeni v Rossii i Evrope XIX stoletija. Moscow: Nov. lit. obozr., 2013. P. 55–72.

Rostopchin F.V. Zapiska o martinistah, predstavlennaja v 1811 godu grafom Rostopchinym velikoj knjagine Ekaterina Pavlovne // Russkij arhiv. 1875. Kn. III. N 9. P. 75–81.

Semevskij V.I. Dekabristy-masony // Minuvshie gody. 1908. N 2 (February). P. 1–50.

Semevskij V.I. Padenie Speranskogo // Otechestvennaja vojna i Russkoe obshhestvo 1812–1912: Jub. izd: v 7 t. Moscow: Tip. t-va I.D. Sytina, 1911. Vol. II: Posle Til'zita. Rossija pered 1812 g. P. 221–246.

Shhebal'skij P.K. Shishkov, ego sojuzniki i protivniki // Russkij vestnik. 1870. Vol. 90. N 11/12. Pag. 1. P. 192–254.

Shil'der N.K. Imperator Aleksandr I. Ego zhizn' i carstvovanie: v 4 t. Saint Petersburg: Tip. A.S. Suvorina, 1897. Vol. 2. 408 p.

Shishkov A.S. Zapiski. Moscow: Univ. tip., 1868. [2], II, 142 p.

Shuazel'-Guff'e S. Istoricheskie memuary ob imperatore Aleksandre i ego dvore / Per. s franc. Moscow: Gos. publ. ist. b-ka Rossii, 2007. 236 p.

Speranskij M.M. Izbrannye sochinenija / Sost., vstup. st., kom. V.S. Parsamova. Moscow: ROSSPJeN, 2010. 776 p.

Speranskij M.M. Opravdatel'naja zapiska, adresovannaja Aleksandru I, 1813 g. // Druzheskie pis'ma grafa M.M. Speranskogo k P.G. Masal'skomu, pisannye s 1798 po 1819 god, s istoricheskimi pojasnenijami, sostavlennymi K. Masal'skim, i nekotorye sochinenija pervoj molodosti grafa M.M. Speranskogo. Saint Petersburg: tip. II otd-nija Sobstv. e. i. v. kanceljarii, 1862. 142, 16 p.

Speranskij M.M. Otchet o delah 1810 g., predstavlennyj imperatoru Aleksandru I 11 fevralja 1811 goda // Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshhestva. Saint Petersburg: Tip. Imp. akad. nauk, 1877. Vol. 21. P. 447–462.

Stroganov P.A. Mnenie (nach. 1806 g.) // Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshhestva. Saint Petersburg: Tip. Stasjulevicha, 1892. Vol. 82: Dip. snoshenija Rossii i Francii v jepohu Napoleona I. Vol. III: 1805–1806. P. 215–217.

Uortman R. Scenarii vlasti: Mify i ceremonii russkoj monarhii: v 2 t. Moscow: OGI, 2002. Vol. 1. 605 p.

Vigel' F.F. Zapiski. Moscow: Zaharov, 2003. Kn. 1. 607 p.

Vishlenkova E.A. «Zabotjas' o dushah poddannyh: Religioznaja politika v Rossii pervoj chetverti XIX veka». Saratov: Izd-vo Saratovskogo gos. un-ta, 2002. 439 p.

Zorin A.L. Kormja dvuglavogo orla. Moscow: Nov. lit. oboz., 2001. 414 p.

А.С. Панов

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ В ВОСПРИЯТИИ АМЕРИКАНЦЕВ В 1820-х ГОДАХ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема восприятия американцами восстания на Сенатской площади сквозь призму революционных движений в Европе и Латинской Америке первой половины 1820-х годов. Североамериканское общество внимательно наблюдало за разворачивающимися в мире событиями, пытаясь сравнить их со своим собственным революционным опытом. Автор приходит к выводу о том, что восстание декабристов воспринималось в США как составляющая мирового революционного тренда, требующего осмысления. Как и в отношении других стран, где происходили восстания или революции, России следовало пройти тест на готовность к модернизации.*

Ключевые слова: *движение декабристов, образы Другого, модернизация, ориентализм, национальный характер.*

Панов Антон Сергеевич – аспирант,
ассистент кафедры зарубежного регионоведения
и внешней политики, Российский государственный
гуманитарный университет (РГГУ), Москва.
E-mail: pushpanrocks@gmail.com

A.S. Panov. The Decembrists and the Americans' Perception of Russia's Modernization Prospects in the Context of the 1820s Revolutionary Wave

Abstract. *The article considers the problem of the Americans' perception of the Decembrist revolt in Russia on December 14, 1825 through the prism of the revolutionary movements in Europe and Latin America of that period. The North American society was closely observing the unfolding events in the world, trying to compare them with their own revolutionary experience. In this context the Decembrist revolt in Russia is perceived in the USA as a part of the worldwide revolutionary trend, requiring comprehension. Together with other countries where revolts or revolutions took place, Russia should be tested for its modernization abilities.*

Keywords: *the Decembrist revolt, images of the Other, modernization, orientalism, the national character.*

Panov Anton Sergeevich – postgraduate student, assistant lecturer at the Department of Area Studies and Foreign Policy, Russian State University for the Humanities (RGGU), Moscow.
E-mail: pushpanrocks@gmail.com

Одной из ключевых проблем в изучении Русской революции 1917 г. до недавнего времени являлся поиск ее идеологических и духовных истоков. Для поколений советских людей была непреложной истиной сформулированная В.И. Лениным мысль о трех поколениях русских революционеров, первым из которых оказались декабристы. Дворянские офицеры, вышедшие 14 декабря 1825 г. на Сенатскую площадь, как известно, «разбудили» Герцена, который, в свою очередь, «развернул революционную агитацию» [9, с. 261]. Эта ленинская аксиома во многом стала причиной появления декабристского мифа в историографии и побудила отечественных историков к усиленному изучению убеждений лидеров декабристов, в том числе «американских корней» их проектов. Так, например, хорошо изучен вопрос о влиянии Конституции США и главных законов отдельных штатов на конституцию Н.М. Муравьева [1, с. 492–496; 4].

По другую сторону Атлантики изучение восстания декабристов в XX в. находилось под воздействием концепций, в которых выражалась различная степень уверенности в способности России к модернизации и демократизации. Поэтому знание о дворянских тайных обществах, возникших во второй половине царствования Александра I, также во многом мифологизировалось [24].

Недавние российские исследования начали «возвращать» декабристов в их историческую среду и в значительной степени избавили от идеологии [8]. В связи с этим представляется актуальным возвратить восстание на Сенатской площади и в соответствующий ему по времени американский контекст.

В статье рассматриваются образы декабристов в репрезентациях современников-американцев. Изучение заокеанского взгляда на петербургские события декабря 1825 г. осуществляется на основе методологии социального конструктивизма (в частности, так называемого западного ориенталистского дискурса) [5; 12; 14]. В рамках заявленной методологии нас будет интересовать не соответствие образа реальности, а то, почему инонациональные события воображались так, а не иначе. Поэтому восстание декабристов рассматривается не само по себе, а в американском социокультурном и политическом контексте, который и позволяет ответить на вопрос «почему».

Источниковая база представлена материалами американской прессы и реляциями посла США в России Генри Миддлтона. Газеты в «эру доброго согласия» не только были самым простым способом узнать о происходящем в стране и мире, но стали «основным полем борьбы общественных идей» [6, с. 19]. Мы ограничили выборку газет двумя главными изданиями той эпохи: во-первых, это «Нэшнл Интеллидженсер», выпускавшейся в Вашингтоне, имевшей полуофициальный статус и старавшейся сохранять нейтральный тон; во-вторых, «Найлз Уикли Реджистер», издававшейся в Балтиморе Иезекией Найлсом, горячо поддерживавшим в первой половине 1820-х годов революционно-освободительные движения в Латинской Америке и Греции.

* * *

Первая революционная волна 1820-х годов (как это явление назвал Эрик Хобсбаум), прокатившаяся по странам Южной Европы и Латинской Америки [15, с. 158–159], оказала серьезное воздействие на формирование национальной идентичности Соединенных Штатов Америки. Наблюдая за происходящими событиями в разных уголках земного шара, представители молодой американской нации не только сравнивали зарубежный освободительный опыт со своим, но и убеждались в его уникальности.

Было бы логичным предположить, что американцы с симпатией относились к любой революции, однако это вовсе не так. После разочаровывающего опыта Французской революции образованные круги в США весьма осторожно восприняли новую волну протестных движений в 1820-х годах. На восприятие американцами революций влияло множество различных обстоятельств.

Так, например, в исследовании А.А. Исэрова об отношения США к борьбе Латинской Америки за независимость убедительно показано, что религиозный фактор оказывал реальное влияние на образ этого региона в репрезентациях американцев. Католицизм в глазах протестантской общественности становился религией подчинения и невежества, препятствуя успешной либерализации латиноамериканцев [6, с. 51–56].

В то же время борющиеся за независимость греки имели больше шансов достичь успеха благодаря наследию своей древней философии, высоко ценившейся в образованной среде США. Жители Пелопоннеса XIX в. виделись многим американцам наследниками великой культуры своих далеких предков из Древней Эллады, с которыми они в действительности имели мало общего. Общее воодушевление довольно ярко иллюстрирует письмо анонимного читателя, опубликованное в 1823 г. в «Юнайтед Стейтс Газетт», где тот приветствует желание греков повторить американский революционный опыт [56; 58].

Эти два примера – лишь отдельные воплощения теории о линейном прогрессе народов, уходящей корнями в эпоху Просвещения, в рамках которой формировались представления европейцев и американцев о мире. Согласно ей, все народы проходят один и тот же стадиальный путь развития от варварства до истинного просвещения, что в синхроническом разрезе позволяет рассмотреть все страны мира на разных уровнях прогресса. Для суждения о степени цивилизованности народа вводилось умозрительное понятие «национального характера», выявлявшее соотношение между свободным правительством (и / или рыночной экономикой) и «качеством» жителей той или иной страны [57, p. 3]. Ключевыми факторами, оказывавшими влияние на национальный характер, были природные условия (климат, расположение государства и др.) и историко-культурный контекст (происхождение нации, религия, форма правления и др.).

В крайне популярном американском географическом атласе Вудбриджа, вышедшем в 1824 г. и издававшемся почти без изменений до 1866 г., государства разделены на несколько категорий: на дикие, варварские, полуцивилизованные, цивилизованные и просвещенные. Россия в этом своеобразном рейтинге народов занимает четвертую ступень – цивилизацию, которая в целом характеризуется хорошим знанием наук и искусств, а также равенством в положении мужчин и женщин. Но, как замечает составитель атласа, некоторые цивилизованные страны (например, Польша или Португалия) могут быть названы таковыми лишь с оговорками, поскольку большая часть их населения во многом сохраняет варварские обычаи. К таким государствам относится и Россия [59, p. 176], так как бóльшая часть населения страны остается «вассалами или рабами» [59, p. 179] и, несмотря на определенный прогресс в деле распространения знания [59, p. 208], невежественна [59, p. 200].

Анализ степени развития стран и особенностей национальных характеров позволяет Вудбриджу ранжировать все государства в своеобразном рейтинге силы. Европейские страны, по его мнению, могут быть разделены на четыре класса. Россию, наряду с Великобританией, Францией, Австрией и Пруссией, он помещает в наиболее престижный первый класс (это великие державы в рамках Венской системы международных отношений), правда, предсказуемо с несколькими оговорками. По мнению автора атласа, Российская империя обязана этому положению только своими размерами, численностью населения и значительным политическим влиянием, хотя ее культурное и научное развитие оставляет желать лучшего [59, p. 259].

После Наполеоновских войн именно размеры и недостаточная цивилизованность Российской империи страшили американских современников. «В каком же состоянии оставлена Европа после всех этих событий (т.е. после Наполеоновских войн и Венского конгресса. – *А. П.*)? – вопрошал спикер

Палаты Представителей Генри Клей в 1818 г. – Она разделена на две великие силы: одна имеет неоспоримое превосходство на земле, а другая – на воде. Париж перемещен в Санкт-Петербург, а флотилии [стран] Европы находятся на дне моря или сконцентрированы в портах Англии. Россия – это огромное сухопутное животное – внушая благоговение ужасным видом своей необъятной силы всей континентальной Европе, ищет способ окружить Порту, и, представляя себя океанским кракеном, желает омыть свои огромные бока в более мягких водах Средиземного моря» [19, p. 157].

С началом революционных событий в Европе и Латинской Америке на рубеже 1810–1820-х годов отношение к России как к противнику либерализации еще более усилилось. Если Священный союз, именуемый на страницах «Найлз Уикли Реджистер» «печально известной хунтой» *(notorious junta),* представлялся многим американцам реакционным, но хотя бы цивилизованным образованием, то Россия во главе с Александром I начинает представать той «извечной» силой, которая в принципе отрицает все новое и готова на завоевания и интервенции – лишь бы все осталось как прежде [21, p. 21–22].

Опасения относительно возможного появления вооруженных сил Священного союза в Южной Америке толкают в 1823 г. президента Дж. Монро и госсекретаря Дж.К. Адамса к формулировке «доктрины Монро», постулирующей принцип «Америки для американцев» и запрещающий европейским империям продолжать колонизационную политику в Америке. Восторженно принятая простыми гражданами США, она одержала окончательный успех скорее благодаря поддержке Великобритании [20, p. 193]. Как бы то ни было, отказ от планов Священного союза по отправке карательного корпуса в Южную Америку в потенциале мог привести к увеличению роли США в регионе и воодушевлял тех, кто мечтал о повторении американского революционного опыта где-нибудь еще [25, p. 175; 7]. Однако едва ли кто-либо осенью 1825 г. мог предположить, что к сонму наций, охваченным огнем восстания, может примкнуть и Россия.

* * *

Если государственная машина во многом замкнута на воле одного человека – в нашем случае российского императора – то его смерть так или иначе принесет изменения для всей жизни страны. После того, как 11 февраля 1826 г. американские газеты сообщили о смерти Александра I [28], в прессе стали появляться разного рода спекуляции о будущем России и взаимоотношениях между великими князьями Константином, считавшимся всеми наследником, и Николаем.

Константин Павлович, рассматривавшийся основным наследником усопшего императора, был характеризован как обладатель «очень вспыльчи-

вого характера и жестокого нрава», обладающего большим авторитетом в армии [45; 29; 30; 31]. Йезекия Найлз в большой статье 11 февраля отзывался об Александре I и о Константине крайне негативно, называя первого холодным и расчетливым деспотом, а второго – высокомерным и жестоким любителем военной помпезности и парадов [47]. Перспективы грядущего царствования также отнюдь не радовали: по мнению автора статьи, новый император вполне может замахнуться на исполнение мечты своей бабки Екатерины и присоединить к России Грецию вместе с Константинополем, тем самым не только сделав империю еще более могущественной и угрожающей, но и обрубив на корню революционные устремления самих греков [45]. После известий о желании Константина отречься от престола в пользу своего брата внимание прессы естественным образом переключилось на Николая Павловича [46; 48; 35].

Первые упоминания в газетах о событиях на Сенатской площади датируются 16 и 18 марта, а причиной волнений названо нежелание солдат присягнуть на верность Николаю. Кроме того, указывается, что в восстании погибли примерно 200–300 человек, в том числе несколько генералов [34; 49].

В течение всей весны и лета на страницах газет появляются сообщения об арестах и проводимом расследовании, в ходе которого было выяснено существование разветвленной тайной организации офицеров [44; 36; 37], а также передаются слухи о тяжелом внутриполитическом положении императора [29]. Следующее упоминание прессы о декабристах относится к 6 апреля, когда газета «Нэшнл Интеллидженсер» сообщила, что уже ко 2 февраля «в российской столице было совершенно тихо», а император принимает самое деятельное участие в расследовании недавних событий в армии [34]. Кроме того, газета сообщает о четырех сотнях человек, приговоренных к смертной казни [42].

15 апреля в «Найлз Уикли Реджистер» указывается, что имел место широкомасштабный заговор, история которого уходит корнями в 1815 г. Целью заговора было убийство не просто императора Александра I, но и обоих его братьев. Руководителем заговора именуется Михаил Орлов, который якобы хотел стать главой новообразованной республики [там же].

Далее, 25 апреля в короткой заметке сообщалось, что Николай I продолжает заниматься последствиями «беспорядков», награждая отличившихся в их прекращении [27]. 4 мая – что аресты продолжаются, как продолжается и расследование всех обстоятельств волнений. При этом указывалось на абсурдность планов заговорщиков [40]. В общей оценке их численности газеты разнились: «Найлз Уикли Реджистер» сообщала о 20 тыс. человек [50], в то время как «Нэшнл Интеллидженсер» – о 14 тыс., включая представителей самых знатных семейств. По мнению автора последней заметки, император

находится в сложном положении, так как «и помилование, и наказание могут быть в равной степени фатальны» [39].

20 июля некий капитан Дикинсон сообщил газете о том, что «судьба людей, принимавших участие в восстании при восшествии Николая [на престол], будет скоро предана огласке», причем «никто из них не будет казнен, но все они будут отправлены в ссылку в Сибирь на больший или меньший срок, согласно степени вины» [32].

Только 7 сентября тема воссоздания хода событий на Сенатской площади была окончательно закрыта, когда газета «Нэшнл Интеллидженсер» напечатала краткую версию «Донесения Следственной комиссии», официального доклада российских властей о произошедшем. «Донесение» попало за океан не без участия американского посла в России Генри Миддлтона, находившегося в Санкт-Петербурге в то время и описавшего события на Сенатской площади в письмах к государственному секретарю Генри Клею.

* * *

Миддлтон происходил из богатой плантаторской семьи Южной Каролины, владевшей более 700 рабами, что делало его одним из самых крупных рабовладельцев штата [2, примечания]. К моменту своего назначения послом в Россию Миддлтон был уже достаточно успешным политиком. Он занимал пост губернатора Южной Каролины (1810–1812), а затем был представителем от штата в Конгрессе (1815–1819), отстаивая вместе с Джоном Кэлхуном в составе партии джефферсоновских демократов права и свободы американского Юга.

В Санкт-Петербурге Миддлтон показал себя умным дипломатом, отстаивая интересы США на тихоокеанском побережье, а также выступая сторонником новых освободительных движений в Южной Америке и Греции. Аристократическое происхождение и хорошее образование делало его «своим» для петербургской дворянской элиты, что позволило ему завязать дружеские отношения с заведовавшим Комиссией составления законов М.М. Сперанским, министром финансов (до 1823 г.) Д.А. Гурьевым и министром иностранных дел К.В. Нессельроде.

В донесениях американского посла о восстании декабристов следует выделить несколько тематических блоков: причины, цели, итоги восстания и – самое интересное – его размышления насчет перспектив реформ в России.

По данным Миддлтона, молодое поколение русских дворян и офицеров недовольно своим пассивным положением в обществе, желает принимать более деятельное участие в управлении государством, а заговор готовился уже достаточно давно под видом собраний литературного общества, имевшего филиалы в разных частях страны [2]. Члены сообщества имели контакты

с зарубежными либералами, а князь С.П. Трубецкой [3, с. 336–346] даже «получил от Бенжамена Констана проект конституции, которую подразумевалось привести в жизнь при подходящем случае» [2; 13]. Поводом к выступлению стал затянувшийся кризис междуцарствия после смерти Александра I [10, с. 62].

Как сообщает американский посол 21 декабря 1825 г. (2 января 1826 г.), 14 декабря восставшие видели свою основную задачу в том, чтобы «представить на подпись Сенату план правления, устанавливающий регентство» [2]. В своем следующем послании Миддлтон подчеркивает, что «точные цели восстания до сих пор неясны, но кажется, это было что-то вроде попытки смены [формы] правительства» [там же]. Он употребляет при этом словосочетание *«institute of government»*, которое, по замечанию М. Раева, использовалось в то время как эвфемизм для обозначения конституции [55, p. 289. Footnote].

Восстание, как известно, провалилось, и власти для расследования обстоятельств создали специальную Следственную комиссию («Следственный комитет») во главе с генералом А.И. Татищевым. В сообщении от 26 декабря Миддлтона о том, что комиссия «каждую ночь проводит в крепости, допрашивая очевидцев и рассылая по всей стране указы об арестах подозреваемых» [2]. Спустя месяц, 30 января (11 февраля) 1826 г. американский посол сообщает о беспрецедентном масштабе расследования: «Число людей, приговоренных к тому или иному наказанию (за исключением тех сотен, что пошли по этапу), по всей вероятности, могло достигнуть примерно четырех или пяти сотен» [2; 11, с. 394–395]. Эти данные, а также прилагавшийся к письму секретный правительственный отчет о допросах, судя по всему, могли быть получены им от одного из членов Секретного комитета, расследовавшего обстоятельства неудавшегося переворота, князя А.Н. Голицына, в чьем доме Миддлтон снимал апартаменты [2].

Кроме того, какую-то информацию он мог получать и от М.М. Сперанского. Как замечает П. Бушкович, «дипломат никогда не называл свои источники, но его дружба с семьей Сперанского указывает на один из них. Сперанский был вовлечен в расследование и с 1 июня стал членом Верховного уголовного суда над декабристами. Миддлтон также получал официальную информацию от Нессельроде, но неизвестно, говорил ли он с ним приватно. Донесения других послов содержали сведения об официальных встречах с царем, и некоторые переклички в сообщениях указывают на то, что Миддлтон беседовал и с ними» [там же].

* * *

Однако не вышеописанные сообщения американского посла представляют собой наибольший интерес, а его личные размышления на тему возможности

проведения реформ в России. Генри Миддлтон относился к числу пессимистов в отношении перспектив либерализации императорского режима. По его мнению, реформы давно уже назрели, однако существуют серьезные сомнения, что они немедленно улучшат состояние дел в стране, так как «в кругах, которым принадлежит реальная власть, царит дурманящее невежество, а проблеск разума так мал, что борьба за реформы может стать настоящим бедствием, избежать же его можно, только проявляя большую осторожность и не применяя никаких провокационных мер». Кроме того, по мнению американского посла, для подавляющей части населения страны сама жизнь – «это физическое выживание, а значит, он [народ] недостаточно зрел для утверждения или отстаивания своих неотъемлемых прав» [2].

Генри Миддлтон, как и маркиз де Кюстин 13 лет спустя [21, p. 22], увидел Россию в категориях «извечности» и «постоянности», отказывая даже декабристам в западной цивилизованности, замечая, что «безрассудство» вооруженных выступлений заговорщиков «может быть точно оценено только теми, кто хорошо знает склонности и чувства русских, а иначе можно воспринять это событие как действия преступников, сошедших с ума от своих амбиций» [2].

Политический режим России, по мнению американского посла, в принципе не может быть модернизирован и либерализован, потому что ее народ находится на таком уровне цивилизации и образованности, что отвергает саму мысль о какой-либо другой форме правления, кроме деспотического абсолютизма [там же].

Таким образом, как верно заметил американский исследователь М. Раев в комментариях к размышлениям Миддлтона, «автократия – единственная подходящая форма правления для России, а Россия – самая подходящая страна для тирании» [55, p. 288]. Американский посол настолько эссенциализирует эту формулу, что пытается осмыслить вообще всю структуру российского общества через нее, выстраивая трехчастную модель по принципу матрешки, где император безраздельно правит дворянством, имеющим столь же обширную власть над собственными крестьянами: «Я склоняюсь к мысли, что привычка к повиновению сидит так глубоко, что даже не требуется сильного руководства, чтобы держать всех в подчинении, тем более это уже стало второй натурой. Добавлю, кажется самым естественным, что настоящая знать склонится к союзу с самодержавием, чтобы использовать выгоду крепостничества [2].

Исходя из этого, прочность всей государственной структуры будет зависеть не от того, когда и насколько либеральными будут реформы. Прочность структуры будет зависеть от того, насколько российская власть как «единственный европеец» (согласно афоризму А.С. Пушкина) окажется осторожна и аккуратна в реализации своих замыслов в стране, где любое покушение на

«извечные» порядки будет грозить крушением всей конструкции. Вот поэтому демарш декабристов, блестящих представителей молодого дворянства (того самого сословия, которое выступает медиатором между властью и народом), вызывает смятение дипломата, характеризующего их не «сумасшедшими преступниками», но беспечными мечтателями, ослепленными идеалами.

В этом отношении симпатии Миддлтона находятся целиком на стороне российских императоров, вынужденных искать разумные выходы из неразрешимой дилеммы тирании и либерализма. Так, он высоко оценивает попытки Александра I хотя бы частично облегчить состояние населения в стране: «Если бы было найдено реальное средство, с помощью которого можно было защитить гражданские свободы населения России, то Александр I, который, как известно, ценил абсолютную власть только как способ делать добро, несомненно, испробовал бы его. Но такова сила обстоятельств и побочных влияний, что он редко был способен довести до конца какие-либо даже незначительные реформы в своем государстве» [2].

Даже поворот Александра I от либеральных настроений начала его царствования к более консервативной политике не смог разрушить положительный образ монарха в глазах американского посла. Охранительный характер последних лет правления усопшего императора Миддлтон объясняет зловредным «иностранным наущением», заставившим его опасаться нововведений [там же]. Той же благосклонностью пользуется в глазах американского посла и новый монарх, Николай I, который, по словам дипломата, отказался выступать в роли «труса или тирана», каким его хотели бы многие видеть [там же], и продемонстрировал решимость продолжать реформы.

* * *

Подобный пессимизм в отношении возможностей перспектив российской модернизации можно было обнаружить и на страницах американских газет. «Смерть Александра была последним вздохом перед смертью надежд на цивилизацию», – отмечал автор заметки в «Найлз Уикли Реджистер». Подхватывая один из слухов, окружавших восстание декабристов, он продолжал: «Последние два года представители знати, за исключением тех, кто был в непосредственном фаворе двора, образовали союз, дабы принудить императора пойти на уступки для блага народа». Боясь вероятного политического поражения, император уехал в Таганрог, где скоропостижно скончался, смешав все планы заговорщиков [47], которых после открытия заговора ожидал арест и неминуемая расправа.

После публикации «Донесений Следственной комиссии» дискуссия о возможности модернизации продолжилась во многом через комментирование официальной позиции русских властей. Стоит напомнить, что правитель-

ство нового императора стремилось представить события на Сенатской площади как аномалию, акцию группы дворян-офицеров, не имевшую глубоких корней и связей в народе, а значит, отличную от европейских и южноамериканских революционных движений [22; 15, с. 165–167]. В этой связи важно отметить стремление российских властей сгладить возникшие из-за кризиса междуцарствия проблемы в высшем свете петербургского общества и сохранить легитимность нового правления как в глазах собственного дворянства, так и перед иностранными наблюдателями [23].

Это стремление особенно явно видно в обзоре 1830 г. «Американ Эннюал Реджистер», посвященном событиям в России за предыдущие несколько лет: «Вступление [Николая I] на престол было отмечено военным восстанием, которое было немедленно подавлено благодаря его личной энергии и присутствию духа, хотя оно и было связано с грозным заговором, организованным против его предшественника и жертвами которого должна была стать вся семья Романовых. <…> Победив мятежников из числа его армии, он проявил самое благородное из качеств – мягкость – по отношению к ним, а также показал свое отвращение к бессмысленному пролитию крови. “Они не сделают из меня ни тирана, ни труса”, – таким было достопамятное заявление, сопровождавшее помилование многих осужденных на смерть» [16, p. 279–280].

Эта характеристика почти дословно повторяет цитированные выше реляции Миддлтона из Санкт-Петербурга, не оставляя сомнений по поводу основного источника сведений о декабристах в Америке, коим являлось российское правительство.

Тем не менее следует сказать, что намерение убедить иностранную публику в случайности восстания вследствие заблуждений его участников и в справедливом милосердии по отношению к ним удалось лишь частично.

Автор заметки в «Нэшнл Интеллидженсер» отмечал, что организаторы восстания – офицеры и представители знати, «чьи варварские *(barbarous)* имена необязательно особо оговаривать», основали в 1817 г. секретное общество, чьей целью было «изменение существующих институтов *(institutions)* в империи». Мотивом, двигающим заговорщиками, стала «извращенно понятая *(ill understood)* любовь к стране». Само восстание *(eruption)* упоминается лишь вскользь, маркируя пренебрежительное отношение к нему автора заметки, не придающему ему большого значения. В заметке утверждается, что точность доклада комиссии не вызывает сомнений, так как «на всем ее протяжении ощущается сдержанность и беспристрастность». Тем не менее автор высказывает удивление по поводу того, что столько масштабная и амбициозная организация была обнаружена так поздно [41].

В другой заметке, написанной после публикации «Донесения», отмечается, что лидеры восстания обращались к опыту США и вдохновлялись примером Д. Вашингтона. «Не является ли это, – вопрошает автор, – примером

[положительного] влияния истории нашей революции и [текущего] состояния?» [54]. Тем не менее несмотря на явные признаки недовольства текущим положением общества, казнь и ссылку декабристов, «император Николай, надо полагать, пользуется популярностью среди своих *рабов*, и все выглядит спокойным», отмечает другой автор [53].

Как видно, попытка имперского правительства представить наказание декабристов милосердным была встречена с сарказмом: «Исходя из того, каким образом была произведена казнь, она представляется более мягким [приговором] в сравнении с ужасающим актом милосердия, которое обрекло преступников, закованных в кандалы, маршировать девятьсот английских миль [в Сибирь] и затем быть заживо погребенными... Каждый несчастный выживший мог бы, как нам кажется, горько и справедливо воскликнуть: “Счастлив, тот, кто умер!”» [51]. Этот пассаж, перепечатанный «Найлз Уикли Реджистер», сопровождался комментарием о том, что все сосланные в сибирские рудники в Нерчинске должны были и в самом деле пройти пешком весь путь до места, скованные одной цепью. Церемония гражданской смерти тоже была понята газетчиками буквально: как символическое погребение заживо внутри шахты [там же].

Вскоре до американской публики дошли относительно достоверные сведения о приговорах восставшим. По сообщению одной бостонской газеты, общее число осужденных достигло 118 человек. Пятеро из них должны были быть казнены четвертованием, 31 – обезглавлены, а остальные – осуждены на разные сроки сибирской ссылки, подвергнуты гражданской смерти или понижены в чине. В конце заметки указывается, что в итоге были повешены пятеро заговорщиков – те, кого должны были четвертовать [52]. Тем не менее хотя в общем и целом новости о наказании декабристов были переданы верно, имидж нового императора был серьезно испорчен.

Как и ранее Константину, да и России вообще, если вспомнить атлас Вудбриджа, Николаю I вменялся в вину воинственный характер. 2 декабря 1826 г. в газетах сообщалось, что Россия готовит кампании с Персией и Турцией для захвата Молдавии и Валахии. Автор заметки едко замечал, что «их завоевание сделает *дальнейшие* присоединения совершенно необходимыми! Как видится, главным принципом русских монархов стало приращение территорий к стране, а не улучшение того, что уже есть. Современное государство растянулось на площади около пяти миллионов квадратных миль, и все равно русским хочется еще больше земли!» [44]. Завершается заметка прогнозом: «Легко можно предположить, что подобное состояние вещей не продлится [вечно, и мы можем] предположить, что некоторые царства будут отколоты [spewed up] после революций, особенно если общество станет более образованным» [там же].

Судьба подобных революций, однако, вряд ли могла бы быть позитивной. В этой связи в «Найлз Уикли Реджистер» появилась небольшая заметка, где вспоминалось подавление восстания Т. Костюшко в 1794 г.: «Спустя 10 часов после известия о подавления сопротивления [Варшавы] был отдан приказ поджечь город и убить всех мужчин, женщин и детей, которые попытаются убежать от пламени», – делится своими историческими познаниями автор статьи. И продолжает: «Девять тысяч человек было сожжено или заре-зано, и русские "святые" пели *te Deums* по итогам резни, которую совершил по приказу варварского правительства его цепной пес Суворов. Турки никогда так далеко не заходили, а здесь христиане убивали христиан» [44].

Нельзя, однако, сказать, что мнение американских газет было целиком столь однозначно негативным по отношению к России. Довольно любопытным в этой связи, выглядят, например, статьи в «Чероки Феникс», первой газете, издававшейся с 1828 г. индейцами. Автор заметки «Распространенные заблуждения в отношении России» отмечал, что образ национального характера этой страны, в отличие от многих других, по большей части составляется именно на основе мифов, а не реальных фактов [17]. В другой же заметке отмечалось, что цивилизованные страны переоценивают воинственность русских и их жадность до завоеваний, заявляя, будто в последние годы ни одно из территориальных приобретений не было произведено без согласия других государств: «Что Россия приобрела со времен Екатерины? Где ее неимоверная сила проявила себя? Она получила часть Польши, потому что ее соседи дали разрешение. Она получила определенный кусок Швеции, потому что ее соседи не позаботились о нем. И она установит [флаг] с черным орлом на стены Константинополя, когда Англия разрешит. Но она же пока не разрешила, не так ли?» [18]. Иная тональность в отношении России объясняется тем, что «Чероки Феникс» должна было одновременно и показать широту взглядов, и отразить критическое отношение к политике притеснявшего индейцев правительства. Таким образом, газета оказывается защитницей России, противопоставляя себя изданиям, приближенным к Вашингтону.

* * *

Подводя итоги, следует отметить, что на рассуждения американских современников о декабристах и возможных последствиях их выступления влияли несколько дискурсов: ориенталистско-цивилизационный, ранжирующий народы по степени их просвещенности, и органично с ним связанный революционный, спекулирующий о перспективах повторения, восставших в 1820-х наций, пути Американской революции.

На конкретное восприятие восстания декабристов в США в первую очередь повлияли слухи, распространявшиеся после событий на Сенатской

площади сначала по Санкт-Петербургу, а затем и по всей Европе. Все эти разношерстные донесения из России были в какой-то мере упорядочены только после публикации перевода «Донесения Следственной комиссии» в начале сентября 1826 г. К работе Комиссии в некоторой степени был допущен американский посол в Санкт-Петербурге Генри Миддлтон. В переписке с собственным начальством он не мог обойти тему возможных изменений политического режима в стране после 14 декабря 1825 г.

Письма Миддлтона из российской столицы хотя и информируют о событиях на Сенатской площади и ходе расследования причин восстания, но имеют и другую цель – возобновление дискуссии о возможности модернизации России. При анализе этой проблемы американский посол предстает пессимистом, не верящим, что по крайней мере в ближайшем будущем «национальный характер» русских изменится. Высоко оценивая реформаторский вклад Александра I и надеясь на нового императора как продолжателя дела брата, «единственным европейцем» в России Миддлтон считает правительство.

По мере появления все новых официальных заявлений российских властей сведения и о причинах, и ходе восстания, а также о его последствиях становились все более достоверными. Тем не менее даже относительно милосердное обхождение нового императора с бунтовщиками не привело к какому-либо улучшению имиджа. Замена четвертования высылкой в Сибирь была воспринята как подтверждение бесчеловечности российской власти, обрекшей сотни людей благородного происхождения на медленную смерть в холодах бесконечной тайги. Общим местом рассуждений о перспективах правления Николая I становится предположение о возможности экспансии русского «медведя» на Запад. И хотя отдельные газеты предполагали, что подобные умозаключения чересчур гипотетичны, общий вывод был крайне пессимистичным.

Библиография

1. Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения, 1815–1832. М.: Наука, 1975. 626 с.

2. Бушкович П. Генри Миддлтон и восстание декабристов. Ч. 1–2 // Родина. 2015. № 615 (4). URL: https://rg.ru/2015/04/21/rodina-middlton.html (Дата обращения: 11.10.2017.)

3. Гордин С. Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 года. Л.: Лениздат, 1989. 400 с.

4. Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев. М.: Изд-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933. 403 с.

5. Журавлева В.И. Изучение имагологии российско-американских отношений: Итоги и перспективы // Американский ежегодник. М.: Весь мир, 2010. С. 142–167.

6. Исэров А.А. США и борьба Латинской Америки за независимость 1815–1830. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. 480 с.

7. Исэров А.А. США и Панамский конгресс 1826 года // Американский ежегодник 2003. М.: Наука, 2005. С. 98–117.

8. Киянская О.И. Декабристы в отечественной истории и историографии: Полемические заметки // Россия и современный мир. 2017. № 2 (95). С. 42–56.

9. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1968. Т. 21. 671 с.

10. Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.; Л.: Госиздат, 1926. 246 с.

11. Нечкина М.В. Движение декабристов. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 2. 508 с.

12. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.

13. Парсамов В.С. Декабристы и Франция. М.: РГГУ, 2010. 440 с.

14. Саид Э.В. Ориентализм. СПб.: Русский міръ. 2006. 640 с.

15. Хобсбаум Э. Век революций. Европа 1789–1848. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. 480 с.

16. American Annual Register for the Years 1827. – 8–9. N.Y.: E. & W.G. Blunt, 1830. 622 p.

17. Cherokee Phoenix. 1828. Apr. 3.

18. Cherokee Phoenix. 1828. June 11.

19. Clay H. Emancipation of the South American States. In the House of Representatives, March 24, 1818 // Works of Henry Clay, Comprising his Life, Correspondence and Speeches. Vol. 5. N.Y.: Henry Clay Publishing Company, 1896. 659 p.

20. Dangerfield G. The Awakening of American Nationalism, 1815–1828. Prospect Heights, IL: Waveland Press, Inc., 1994. 332 p.

21. Engerman D.C. Modernization from the Other Shore. American Intellectuals and the Romance of Russian Development. Cambridge, MS: Harvard University Press, 2003. P. 22.

22. Galt A.H. The Good Cousins' Domain of Belonging: Tropes in Southern Italian Secret Society Symbol and Ritual, 1810–1821 // Man: New Series. 1994. Vol. 29. N 4. P. 785–807.

23. Lang D.M. The Decembrist Conspiracy Through British Eyes // American Slavic and East European Review. 1949. Vol. 8. N 4, Dec. P. 262–274.

24. Laserson M. Democracy as a Regulative Idea and as an Established Regime: The Democratic Tradition in Russia and Germany // Journal of the History of Ideas. 1947. Vol. 8. N 3. P. 342–362.

25. Little N. Transoceanic Radical: William Duane: National Identity and Empire, 1760–1835. London: Pickering & Chatto, 2008. 230 p.

26. Nagengast W.E. The Stalingrad of 1812: American Reaction toward Napoleon's Retreat from Russia // The Russian Review, 1949. Vol. 8. N 4. P. 302–315.

27. National Intelligencer. 1826. Apr. 25.

28. National Intelligencer. 1826. Feb. 11.

29. National Intelligencer. 1826. Feb. 16.

30. National Intelligencer. 1826. Feb. 21.

31. National Intelligencer. 1826. Feb. 25.

32. National Intelligencer. 1826. July 20.

33. National Intelligencer. 1826. June 15.

34. National Intelligencer. 1826. March 16.

35. National Intelligencer. 1826. March 4.

36. National Intelligencer. 1826. May 23.

37. National Intelligencer. 1826. May 23.

38. National Intelligencer. 1826. May 30.

39. National Intelligencer. 1826. May 30.

40. National Intelligencer. 1826. May 4.

41. National Intelligencer. 1826. Sep. 7.

42. Niles' Weekly Register. 1826. Apr. 15.

43. Niles' Weekly Register. 1826. Apr. 8.
44. Niles' Weekly Register. 1826. Dec. 2.
45. Niles' Weekly Register. 1826. Feb. 11.
46. Niles' Weekly Register. 1826. Feb. 25.
47. Niles' Weekly Register. 1826. June 3.
48. Niles' Weekly Register. 1826. March 11.
49. Niles' Weekly Register. 1826. March 18.
50. Niles' Weekly Register. 1826. May 6.
51. Niles' Weekly Register. 1826. Oct. 7.
52. Niles' Weekly Register. 1826. Oct. 14.
53. Niles' Weekly Register. 1826. Sep. 30.
54. Niles' Weekly Register. 1826. Sept. 16.
55. Raeff M. An American View of the Decembrist Revolt // The Journal of Modern History. 1953. Vol. 25. N 3 (Sep.). P. 286–293.
56. Repousis A. «The Cause of the Greeks»: Philadelphia and the Greek War for Independence, 1821–1828 // The Pennsylvania Magazine of History and Biography. 1999. Vol. CXXIII. N 4 (Oct.). P. 333–363.
57. Romani R. National Character and Public Spirit in Britain and France, 1750–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 348 p.
58. Sacred Name of Washington [pseud.] // The United States Gazette, 1823. Mar. 1.
59. Woodbridge W.C. A System of Universal Geography on the Principles of Comparison and Classification. 2nd ed. Hartford: Oliver D. Cooke & Co., 1827. 338 p.

References

Bolhovitinov N.N. Russko-amerikanskie otnoshenija, 1815–1832. Moscow: Nauka, 1975. 626 p.
Bushkovich P. Genri Middlton i vosstanie dekabristov. Ch. 1–2 // Rodina. 2015. N 615 (4). URL: https://rg.ru/2015/04/21/rodina-middlton.html (Data obrashhenija: 11.10.2017.)
Gordin S. Mjatezh reformatorov: 14 dekabrja 1825 goda. L.: Lenizdat, 1989. 400 s.
Druzhinin N.M. Dekabrist Nikita Murav'ev. M.: Izd-vo politkatorzhan i ssyl'noposelencev, 1933. 403 s.
Zhuravleva V.I. Izuchenie imagologii rossijsko-amerikanskih otnoshenij: Itogi i perspektivy // Amerikanskij ezhegodnik. M.: Ves' mir, 2010. S. 142–167.
Isjerov A.A. SShA i bor'ba Latinskoj Ameriki za nezavisimost' 1815–1830. M.: Russkij Fond Sodejstvija Obrazovaniju i Nauke, 2011. 480 s.
Isjerov A.A. SShA i Panamskij kongress 1826 goda // Amerikanskij Ezhegodnik 2003. M.: Nauka, 2005. S. 98–117.
Kiyanskaja O.I. Dekabristy v otechestvennoj istorii i istoriografii: Polemicheskie zametki // Rossija i sovremennyj mir. 2017. N 2 (95). S. 42–56.
Lenin V.I. Poln. sobr. soch. M.: Politizdat, 1968. T. 21. 671 s.
Mezhducarstvie 1825 goda i vosstanie dekabristov v perepiske i memuarah chlenov carskoj sem'i. M.; L.: Gosizdat, 1926. 246 s.
Nechkina M.V. Dvizhenie dekabristov. M.: Izd-vo AN SSSR, 1955. T. 2. 508 c.
Nojmann I. Ispol'zovanie «Drugogo». Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskih identichnostej. M.: Novoe izdatel'stvo, 2004. 336 s.
Parsamov V.S. Dekabristy i Francija. M.: RGGU, 2010. 440 s.
Said Je.V. Orientalizm. SPb.: Russkij mir. 2006. 640 s.

Hobsbaum Je. Vek revoljucij. Evropa 1789–1848. Rostov n/D.: Feniks, 1999. 480 s. American Annual Register for the Years 1827. – 8–9. N.Y.: E. & W.G. Blunt, 1830. 622 p.

Cherokee Phoenix. 1828. Apr. 3.

Cherokee Phoenix. 1828. June 11.

Clay H. Emancipation of the South American States. In the House of Representatives, March 24, 1818 // Works of Henry Clay, Comprising his Life, Correspondence and Speeches. Vol. 5. N.Y.: Henry Clay Publishing Company, 1896. 659 p.

Dangerfield G. The Awakening of American Nationalism, 1815–1828. Prospect Heights, IL: Waveland Press, Inc., 1994. 332 p.

Engerman D.C. Modernization from the Other Shore. American Intellectuals and the Romance of Russian Development. Cambridge, MS: Harvard University Press, 2003. P. 22.

Galt A.H. The Good Cousins' Domain of Belonging: Tropes in Southern Italian Secret Society Symbol and Ritual, 1810–1821 // Man: New Series. 1994. Vol. 29. N 4. P. 785–807.

Lang D.M. The Decembrist Conspiracy Through British Eyes // American Slavic and East European Review. 1949. Vol. 8. N 4, Dec. P. 262–274.

Laserson M. Democracy as a Regulative Idea and as an Established Regime: The Democratic Tradition in Russia and Germany // Journal of the History of Ideas. 1947. Vol. 8. N 3. P. 342–362.

Little N. Transoceanic Radical: William Duane: National Identity and Empire, 1760–1835. London: Pickering & Chatto, 2008. 230 p.

Nagengast W.E. The Stalingrad of 1812: American Reaction toward Napoleon's Retreat from Russia // The Russian Review, 1949. Vol. 8. N 4. P. 302–315.

National Intelligencer. 1826. Apr. 25.

National Intelligencer. 1826. Feb. 11.

National Intelligencer. 1826. Feb. 16.

National Intelligencer. 1826. Feb. 21.

National Intelligencer. 1826. Feb. 25.

National Intelligencer. 1826. July 20.

National Intelligencer. 1826. June 15.

National Intelligencer. 1826. March 16.

National Intelligencer. 1826. March 4.

National Intelligencer. 1826. May 23.

National Intelligencer. 1826. May 23.

National Intelligencer. 1826. May 30.

National Intelligencer. 1826. May 30.

National Intelligencer. 1826. May 4.

National Intelligencer. 1826. Sep. 7.

Niles' Weekly Register. 1826. Apr. 15.

Niles' Weekly Register. 1826. Apr. 8.

Niles' Weekly Register. 1826. Dec. 2.

Niles' Weekly Register. 1826. Feb. 11.

Niles' Weekly Register. 1826. Feb. 25.

Niles' Weekly Register. 1826. June 3.

Niles' Weekly Register. 1826. March 11.

Niles' Weekly Register. 1826. March 18.

Niles' Weekly Register. 1826. May 6.

Niles' Weekly Register. 1826. Oct. 7.

Niles' Weekly Register. 1826. Oct. 14.

Niles' Weekly Register. 1826. Sep. 30.

Niles' Weekly Register. 1826. Sept. 16.

Raeff M. An American View of the Decembrist Revolt // The Journal of Modern History. 1953. Vol. 25. N 3 (Sep.). P. 286–293.

Repousis A. «The Cause of the Greeks»: Philadelphia and the Greek War for Independence, 1821–1828 // The Pennsylvania Magazine of History and Biography. 1999. Vol. CXXIII. N 4 (Oct.). P. 333–363.

Romani R. National Character and Public Spirit in Britain and France, 1750–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 348 p.

Sacred Name of Washington [pseud.] // The United States Gazette, 1823. Mar. 1.

Woodbridge W.C. A System of Universal Geography on the Principles of Comparison and Classification. 2nd ed. Hartford: Oliver D. Cooke & Co., 1827. 338 p.

А.А. Ильин

А.И. ГЕРЦЕН О ПРОБЛЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

Аннотация. *В статье показано, как с течением времени менялась политическая позиция Герцена в зависимости от обстоятельств и опыта его идейных исканий. Анализируются влияние на Герцена якобинской политической традиции, его реакция на европейские революции 1848–1849 гг. и отношение к русскому революционному движению. Особое внимание уделяется прежде неизвестным связям Герцена с французскими демократами.*

Ключевые слова: *А.И. Герцен, политическое насилие, европейские революции 1848–1849 гг., современники Герцена.*

Ильин Андрей Александрович – аспирант,
аспирантская школа по историческим наукам НИУ ВШЭ,
Москва. Email: andrew.a.ilyin@gmail.com

A.A. Ilyin. A.I. Herzen about the Problem of Political Violence

Abstract. *This article is about changes in the A.I. Herzen's political position. The author analyzes the impact on Herzen Jacobin political tradition, Herzen's reaction to the revolutionary events of 1848–1849, his attitude of the Russian revolutionary movement. The author pays Special attention to the analysis of unknown relations of Herzen with the French Democrats.*

Keywords: *Alexander Herzen, political violence, revolutions in Europe 1848–1849, contemporaries Herzen.*

Ilyin Andrei Aleksandrovich – postgraduate student,
Graduate School of History, HSE,
Moscow. Email: andrew.a.ilyin@gmail.com

В литературе существуют различные точки зрения на А.И. Герцена как общественного деятеля. Некоторые авторы склонны считать его умеренным либералом, ставившим реалистичные цели и предпочитавшим мирные средства их достижения. В их представлениях Герцен был противником террора

и других видов политического насилия. Подобных взглядов придерживаются И. Берлин [3], В. Страда [56], Е.Н. Дрыжакова [37, с. 137–139], Л.П. Громова [36, с. 89]. Критическое отношение к радикальным идеям позднего Герцена отмечает и Е.Л. Рудницкая [55, с. 17]. После смерти Герцена в 1870 г. эта точка зрения довольно прочно утвердилась в общественных кругах. Ситуация начала меняться в период юбилеев 1900 и 1912 гг., когда многие политические деятели включились в борьбу за использование его наследия в своих интересах [48]. Среди них был и В.И. Ленин, который в статье «Памяти Герцена», написанной в 1912 г. к 100-летию со дня его рождения, представил мыслителя предшественником большевизма, подчеркивая революционный характер его деятельности и публицистики [43]. Позже эта концепция легла в основу работ советских историков, посвященных Герцену (см.: [1, с. 181]).

Тема насилия была одной из основных тем, волнующих Герцена. В «Былом и думах» он писал, что уже в юношеские годы заинтересовался историей Французской революции. Узнав некоторые подробности из разговоров с гувернанткой и учителем французского языка, а также из немногих доступных ему книг, Герцен встал на сторону якобинцев, оправдывая применение ими жестоких насильственных мер. С одним из своих друзей юный Герцен даже прервал всякие отношения после того как тот отказался признать справедливость казни Людовика XVI, назвав его помазанником божьим [8, с. 64, 79, 161]. В последующие годы заметное влияние на Герцена оказали французские социалисты, такие как П. Балланш, В. Консидеран, П. Леру, которые отвергали насильственный путь развития общества. Однако их влияние не стало определяющим: в начале 1840-х годов в спорах о Французской революции, разгоревшихся в кругу западников, он вместе с В.Г. Белинским занял крайнюю позицию, защищая якобинцев от жиронды, за которую выступали Т.Н. Грановский и В.П. Боткин [2, с. 484; 47, с. 278–279; 10, с. 242; 10, с. 123]. В эти годы Герцен утверждал, что исторический прогресс без насилия невозможен: «Без крови не развяжутся эти узлы. Отходящее начало судорожно выдерживает свое место и, лишенное всяких чувств, готово всеми нечеловеческими средствами отстаивать себя» [10, с. 309].

В дневнике, который он вел в 1842–1845 гг., содержатся записи об истории революций. В одной из них Герцен рассуждает, например, о том, что убийство короля нельзя рассматривать отдельно от преступлений королевской власти. Не отрицая того, что король заслуживает сострадания, он добавляет, что люди равны, в том числе и в праве на сочувствие: «Да, жалостно прощанье Карла I с детьми. А разве все погибающие в Спилберге, Сибири, Бобруйске, Динабурге, Петропавловской крепости бездетны? Да, может, они и не прощались с ними; да, может, их дети пошли по миру. Люди до сих пор не могут поверить, что они не токмо перед богом, но и перед людьми равны» [10, с. 293].

Через несколько лет, в 1848 г., Герцен столкнулся с живыми наследниками якобинцев, которые активно участвовали в начавшихся европейских революциях. Они, как и множество других сил, были вовлечены в политическую борьбу, сопровождающуюся в условиях революции ростом насилия. Однако Герцен занял в те годы несколько иную позицию. Он подчеркивал, что никого не защищает и не обвиняет. Революция представлялась ему природным явлением, где нет места ни морали, ни праву; революцию со всеми ее кровавыми ужасами и несправедливостями, как и любой природный катаклизм, можно лишь, по его словам, воспринимать как данность. «Мы видим, – писал он, – куда несется поток; доказывать юридически водопаду, чтоб он не разливался, не топил бы чужих берегов, ни к чему не ведет» [19, с. 216].

Герцена абсолютно не убеждали аргументы о праве на восстание, на которое часто ссылались защитники революций. Могло даже сложиться впечатление, что он вообще не поддерживал ни одну из сторон, занимая позицию ироничного и стороннего наблюдателя: «Борьба началась; кто победит, нетрудно предсказать; рано или поздно, per fas et nefas (правдами и неправдами – лат.), победит новое начало. Таков путь истории. Вопрос тут не в праве, не в справедливости – а в силе и в современности» [19, с. 66]. Из-за подобных рассуждений некоторые современники воспринимали Герцена (например, немецкий журналист Р. Зольгер) как разочаровавшегося в прежних идеалах скептика [63; 38, с. 73–77].

Герцену, однако, никогда не удавалось последовательно сохранять позицию нейтрального наблюдателя. Многие его высказывания того периода свидетельствуют, что право на революционное насилие остается для него сложной, мучительной проблемой.

Большое впечатление на Герцена произвели парижские события 22–26 июня 1848 г., когда рабочие подняли восстание, которое вскоре было подавлено правительственными войсками. После этих дней, симпатизировавший рабочим и крайне левым лидерам Герцен, как «социалистический Иеремия» (цит. по: [44, с. 554]), оплакивал неудачи революции и закат европейской цивилизации. Но в отличие от ветхозаветного пророка Герцен свои надежды на спасение возлагал не на Божью милость, а на силу сопротивления в гражданской войне и иноземное вмешательство. Он понял, что правительства до последнего будут отстаивать статус-кво силой и что достичь успеха возможно лишь путем насилия и разрушения. «Париж расстреливал без суда... Что выйдет из этой крови? – спрашивал Герцен в статье “После грозы”, – кто знает; но что бы ни вышло, довольно, что в этом разгаре бешенства, мести, раздора, возмездия погибнет мир, теснящий нового человека, мешающий ему жить, мешающий водвориться будущему, – и это прекрасно, а потому – да здравствует хаос и разрушение! Vive la mort! И да водружится будущее» [32, с. 48].

Наиболее вероятными кандидатами на роль разрушителей старой Франции и всей европейской цивилизации в целом Герцен считал европейский пролетариат и Русскую армию. Он писал своим московским друзьям: «…Дай бог, чтоб русские взяли Париж, – пора окончить эту тупую Европу, пора в ней же расчистить место новому миру. Итак, милости просим!» [27, с. 81].

Эти отчаянные призывы с энтузиазмом воспринял анархист Э. Кёрдеруа (E. Coeurderoy), написавший под влиянием Герцена книгу «Ура!!! Или революция казаков». В ней он приветствовал крушение старого мира, гибнущего под ударами гражданской войны или внешнего вторжения. «Запад не сдастся добровольно! В таком случае, не все ли мне равно, откуда явится и как будет зваться тот народ-меченосец, который при свете факелов погрузит Европу во власть анархии? Не все ли мне равно, будет ли это мой брат в Адаме, во Христе или в Мятеже? Разве война за счастье человечества не есть долг всех наций?» [39]. Книга Кёрдеруа вышла в 1854 г., он отправил ее Герцену, сопроводив письмом. Герцен отвечал доброжелательно, но отметил, что не во всем согласен с автором: на тот момент взгляды его стали куда более умеренными, чем прежде [28; 11, с. 60–65]. Уже в 1849 г. Герцен убедился, что сила не на стороне революционеров и что никакого общего восстания не произойдет, как и не будет никакого вмешательства извне. Герцен наблюдал за тем, как французское правительство все более жестко действует против радикалов, не встречая серьезного сопротивления. Настрой его статей все больше менялся: теперь он осознал, что преимуществами, которые дают право сильного, могут воспользоваться лишь контрреволюционные верхи. В этот период народ представлялся Герцену скорее безропотной жертвой властей, которая, подобно Лаокоону, запечатленному в скульптуре, терпит мучения, насланные на него богиней Афиной: «У меня сжимается сердце при виде того, что происходит вокруг изо дня в день. Это даже не борьба: представь себе растрепанную, пьяную, полуголую женщину, всю в синяках от жестоких побоев своего грубияна-мужа, представь себе, что она даже не протестует, что она терпит это унижение, а тот не унимается, – вот такой Лаокооновой группой выглядит столица Вселенной» [24, с. 273]. Гражданская война, так же как и любая другая война, в чем теперь убедился Герцен, – это «свирепое отвратительное доказательство безумия людского, обобщенный разбой, оправданное убийство, апофеоз насилия…» [19, с. 130].

Эти новые идеи Герцена наиболее полно выразились в статье «Донозо Кортес, маркиз Вальдегамас, и Юлиан, император Римский», которая позже в качестве заключительной главы вошла в его книгу «С того берега». Впервые статья была опубликована 18 марта 1850 г. в газете «Voix du Peuple». Ее появление было вызвано нашумевшей «Речью о ситуации в Европе» известного консерватора Д. Кортеса в законодательном собрании в Мадриде 30 января того же года. В ней он обрисовал угрожающее положение дел

в поглощенной революцией Европе. Своей речью он стремился склонить кортесы предоставить кредит правительству Б. Мурильо. Сложившаяся ситуация, утверждал он, требует не только напряжения всех сил европейской католической цивилизации, но и дополнительных финансовых вложений [49].

Кортес пессимистично отзывался о современной Европе, и Герцен был полностью согласен с ним, повторяя его утверждение: «Европа в той форме, в которой она находится теперь, – разрушается» [32, с. 137]. Но если Кортес полагал, что старый порядок можно спасти, призывая к решительным мерам, то Герцен настаивал, что, несмотря на временные успехи реакции, неодолимые силы мировой истории приведут к падению современных государств и торжеству социализма и мешать этому бесполезно и аморально; нельзя «убить ребенка, чтоб прокормить отходящего старика, чтоб возвратить ему на минуту утраченные силы» [32, с. 138]. Современная ситуация напоминала Герцену эпоху поздней Римской империи, а борьба с социализмом – гонения на христианство, которое, вопреки всему, сумело стать доминирующей общественной силой к концу Античности. Европейские консерваторы уподоблялись Герценом императору Юлиану – гонителю христиан, защитнику обреченного старого мира, потерпевшему неудачу.

Кортес выделял два социальных института, чье финансирование нельзя сокращать. Это армия и церковь; спасение старого порядка невозможно без священника и солдата, которые, по словам испанского консерватора, воплощали самоотречение и дисциплину [61, p. 323–324]. Герцен уделил особое внимание этой риторической формуле из речи оппонента. Если о священнике он отзывался как о безвредном «живом мертвеце», то солдат, считал он, таит в себе большую опасность. Герцен сравнивал его с палачом, называя «невинным убийцей, обреченным на злодеяние обществом» [32, с. 139].

Статья была воспринята публикой как радикальный пацифистский манифест: «…Черт знает, какого шума я наделал несколькими строками», – писал сам автор о произведенном эффекте [22, с. 307]. Консервативная газета «La Patrie» потребовала от прокурора республики запретить публикацию статьи из-за нападок на армию и систему правосудия. Однако это лишь подогрело спрос на номер газеты «Voix du Peuple» со статьей Герцена, и весь ее тираж в 40 тыс. экземпляров был распродан [32, с. 142; 62, с. 110; 23, с. 281].

Другим объектом критики Герцена стала концепция «gouvernement fort» (сильного правительства – фр.), ставшая лозунгом консервативных политических сил во Франции в 1848–1849 гг. Противники революции считали, что для законности восстановления и порядка в стране необходимо принимать самые решительные меры: ссылать в заморские территории, сажать в тюрьму, а в иных случаях и казнить. Радикально настроенные политики, на которых были направлены эти меры, активно протестовали против новой политики

властей, активно выступали против концепции «сильного правительства», служившей этим мерам оправданием [54]. Среди них был и Герцен, который писал: «Gouvernement fort … не нормальное состояние, не status quo, а кризис, переворот, осадное положение, suspension des droits de l'homme (отмена прав человека – фр.] 93 года» [32, с. 147]. Эти слова были навеяны речью П.Н. Жерди (P.N. Gerdy) в Палате депутатов. Ее главный смысл заключался в том, что «сильное правительство», прибегнувшее к террору против собственного народа, породит лишь хаос и анархию в стране, но никак не мир и порядок [там же]. Герцен разочаровался в террористических методах. Якобинский террор из символа народной мести, каким он представлялся ему ранее, стал теперь в глазах Герцена примером государственного произвола и насилия.

То, чего опасался Герцен, произошло: революции 1848–1849 гг. завершились, и консервативные правительства вышли из нее победителями. Герцен больше не верил в поступательное социально-политическое развитие Запада и с начала 1850-х годов все больше внимания стал уделять России. Он был воодушевлен перспективой реформ в стране, намеревался выразить поддержку ее властям и умерить собственные политические требования. Казалось, Герцен был уже готов сделать выбор между радикализмом и умеренной политической программой. И тем не менее его как «неисправимого социалиста» [26, с. 273] никогда не оставляло в полной мере убеждение, что применение насилия в некоторых случаях неизбежно. Вместе с тем он осознавал, что радикализм образца 1848 г. в новой ситуации был уже неуместен.

Однако в определенных кругах Герцена продолжили воспринимать как революционера. Его обвиняли в безответственности и жестокости, что стало общим местом в статьях и письмах консервативно мыслящих. Так, Шедо-Ферроти (барон Ф.И. Фиркс) писал, что Герцен проповедует «междоусобную войну» [50, с. 36], сходные оценки встречаем у Б.Н. Чичерина [61], Ю.Н. Голицына [59, с. 486; 19], И.С. Аксакова [35, с. 2]. Руководствуясь теми же соображениями, П.А. Вяземский иронизировал по поводу «военного» псевдонима «Искандер», который Герцен взял в честь Александра Македонского [5].

В ответ на подобные обвинения Герцен требовал указать, где и когда они с Огаревым «проповедовали убийство» [6]. Действительно, он избегал в своих статьях в «Колоколе» и в «Полярной звезде» утверждений об оправданности насилия в политике. Он признавал, что насилие в революции приводит к смерти, страданию и разрушениям [11, с. 222]. Он также писал, что сам с отвращением относится «к крови» [20, с. 239, 241; 29, с. 191] и что по мере развития цивилизации насильственные меры становятся все менее эффективными [32, с. 180]. Однако может наступить момент, когда революция будет неизбежной и оправданной. Герцен был убежден, что ее ожидаемый итог –

политическая свобода и справедливое социальное устройство («земля и воля») – может иметь в некоторых случаях столь высокую цену, что может оправдать значительные издержки. «Страшна и пугачевщина, но, скажем откровенно, если освобождение крестьян не может быть куплено иначе, то и тогда оно не дорого куплено», – писал он [34, с. 84].

Его газета «Колокол» еще осенью 1858 г. поместила два «письма» из России, в которых в той или иной форме содержались намеки на желательность революции в стране. В обоих письмах Герцен обвинялся в излишней мягкости и вере в способность власти к реформам [46; 52; 4]. Издатель не счел нужным отвечать по существу, ограничившись указанием на то, что его прежние «радикальные» взгляды, по сути, остаются без изменений [6]. Обращаясь к консервативным критикам, он писал, что не является автором этих писем и «есть значительная разница между помещением корреспонденции и собственной статьей» [17].

В 1860 г. в «Колоколе» вышло сходное с предыдущими по направлению, но гораздо более радикальное «Письмо из провинции», подписанное «Русский человек». Вопрос о его авторстве вызвал разногласия среди исследователей. М.К. Лемке утверждал, что автором «письма» был Н.Г. Чернышевский [42, с. 167]. Он основывался на ценных, но ныне недоступных источниках – воспоминаниях, а также на устных свидетельствах и личном архиве А.А. Слепцова, организатора первой «Земли и воли», которому якобы Чернышевский читал свою статью перед отправкой в Лондон.

Б.Н. Козьмин убедительно показал, что Чернышевский не мог быть автором «письма» [40]. Другим кандидатом на авторство был Н.А. Добролюбов, в его пользу говорят характерные политические идеи и общий настрой статьи. Можно согласиться и с Е.Н. Дрыжаковой, что наиболее вероятным автором является близкий по взглядам к Добролюбову Н.А. Серно-Соловьевич, «очень интересный гость из Петербурга» [25, с. 22], посетивший Герцена в Лондоне незадолго до публикации «письма» [39, с. 124]. Вне зависимости от того, кто написал «письмо», можно утверждать, что в нем нашли выражение взгляды представителей круга радикально настроенной столичной молодежи.

«Русский человек» в своем послании к редактору рассуждает о готовящейся отмене крепостного права и в очередной раз критикует веру Герцена в Александра II и его правительство. В России, пишет он, набирает силу тяжелый и затяжной конфликт между крестьянством и другими сословиями. Этот конфликт может быть разрешен только силовыми методами. По мнению «Русского человека», другого выхода нет, так как крепостные, испытывающие тяжкий гнет со стороны помещиков, находятся в отчаянном положении, а образованная публика не в состоянии помочь простому народу, так как слишком свысока к нему относится и не осознает его проблем. Царская

власть, которая должна проводить реформы, не желает и не способна осуществить преобразования в интересах народа. Насильственный переворот представлялся автору наиболее целесообразным, так как он может обеспечить прочные основания для будущего порядка, а любые права, предоставленные императором, не гарантированы, ибо «то, что дается, то легко и отнимается». Напротив, права, завоеванные в ходе революции, могут служить прочной основой нового политического и социального порядка [51, с. 533]. В настоящее время, пишет «Русский человек», крестьяне от отчаянья готовы «взяться за топоры» [51, с. 535], и он приветствует эту решимость: «Нет, наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет! (…) Вы все сделали, что могли, чтобы содействовать мирному решению дела, перемените же тон, и пусть ваш Колокол благовестит не к молебну, а звонит набат! К топору зовите Русь!» [там же].

Как известно из переписки Герцена, он высоко ценил автора «Письма из провинции» и ставил его смелость и деятельный характер в пример собственному сыну [20, с. 25]. Публичная позиция Герцена, впрочем, была более критической. Статья была радикальной даже по меркам «Колокола», и, чтобы смягчить ее смысл, Герцен снабдил ее редакторским предисловием, в котором оспорил самые резкие тезисы автора. Он признавал автора единомышленником, пусть и представляющим одно «из крайних выражений [их общего]… направления» [18, с. 239]. Отвечая «Русскому человеку», Герцен писал, что насилие является самым крайним средством, «ultima ratio» [там же]. Следует сказать, что это не противоречило взглядам и его оппонента, который также считал насилие крайней мерой, но в отличие от Герцена утверждал, что других возможностей для улучшения положения дел в России не осталось. Анализируя на примере присланной статьи причины распространения идеи политического насилия, Герцен писал, что чаще всего оно – следствие невозможности уничтожить несправедливые и устаревшие социальные и политические институты иным способом. В других случаях насильственные действия порождают чувство гнева и стремление угнетенных отомстить бывшим угнетателям и не имеют никакой практической цели. «Кровавые перевороты», – отмечал Герцен, – «…бывают иногда необходимы, ими отделывается общественный организм от старых болезней, от удушающих наростов; они бывают роковым последствием вековых ошибок, наконец, делом мести, племенной ненависти…» [18, с. 240].

Герцен считал, что в России нет социально-психологических и политических условий для немедленного восстания, к которому призывал «Русский человек», однако он не исключал их формирования в будущем. Предсказывая революцию, Герцен избегал призывов к насилию. Он подчеркивал отсутствие у русских революционеров единства целей и четкой организации и предупреждал, что затеянная ими революция будет обречена. Необходимо, по его

словам, разработать конкретную программу и создать четко выстроенную организацию [18, с. 242]. Герцен не считал себя вправе определять за каждого, является ли нравственным использование насилия в том или ином случае. Он оставлял выбор читателю: «Тогда рассуждать нельзя, тут каждый должен поступать, как его совесть велит, как его любовь велит... но, наверное, и тогда не из Лондона звать к топорам» [18, с. 243].

После публикации ответа редакции вопрос, однако, оказался далеко не исчерпан. Прокламация «Молодая Россия», появившаяся в апреле 1862 г., заставила Герцена снова вернуться к теме допустимости насилия. Прокламация произвела большое впечатление на публику не только своим воинственным тоном, но и временем своего появления – незадолго до петербургских пожаров, что вызвало подозрение у некоторых, посчитавших это делом рук поджигателей, вдохновившихся «Молодой Россией» [41].

Автор прокламации – бывший студент П.Н. Заичневский, называя Герцена своим учителем, теперь с сожалением отмечал, что тот отошел от своих ранних радикальных идей и его «революционный задор» угас. Заичневскому были близки взгляды прежнего «Герцена, приветствовавшего революцию, Герцена, упрекавшего Ледрю-Роллена и Луи Блана в непоследовательности, в том, что они, имея возможности, не захватили диктатуры в свои руки, не повели Францию по пути кровавых реформ для доставления торжества рабочим» [45, с. 63]. Автор объяснял изменение взглядов Герцена неудачным опытом 1848–1849 гг., которому он придавал якобы неоправданно большое значение.

Заичневский считал, что революционеры 1848 г. проиграли из-за своей нерешительности, он был уверен, что ошибок предшественников «Молодая Россия» повторять не будет. Автор прокламации не считал насильственные меры необходимыми и надеялся, что они не понадобятся, но признавал, что насилие потребуется, если революционерам будет оказано большое сопротивление. «В этом последнем случае с полною верою в себя и в свои силы, в сочувствие к нам народа, в славное будущее России, которой вышло на долю первой осуществить великое дело социализма, мы издадим один крик: “В топоры” и тогда… тогда бей императорскую партию не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам! Помни, что тогда, кто будет не с нами, тот будет против; кто против, тот наш враг; а врагов следует истреблять всеми способами» [45, с. 68].

В своей ответной статье «Молодая и старая Россия» Герцен заметил, что если он и «отстал» в своих убеждениях от авторов прокламации, то «сердцем» он вместе с ними [15, с. 204]. Защищаясь от критики «Молодой России», Герцен писал, что был неверно понят: он не исключал необходимости

в насильственных переворотах, но лишь утратил «любовь к ним» [11, с. 221]. Заключительные слова этой статьи содержат его страстный призыв: «…Будьте готовы. Придет роковой день, станьте грудью, лягте костьми, но не зовите его как *желанный день*» [11, с. 225].

Иногда, когда Герцен писал о защите прав и интересов «народа», сложная логика определения цены и последствий протеста отступала на второй план. Так, Герцен одобрительно отозвался о крестьянине, который «убил своего помещика, вступившись за честь своей невесты… И превосходно сделал» – таков был вердикт Герцена [33]. Эти слова цитировал Ленин, чтобы доказать, что издатель «Колокола» был не либералом, но настоящим революционером [43, с. 260]. Ситуация, описанная в заметке, буквально повторяет сюжет знакового для Герцена «Вильгельма Телля». У Шиллера Телль оправдывает и спасает лесничего Баумгартера, который зарубил топором австрийского наместника, пытавшегося изнасиловать его жену – метафорический смысл самозащиты швейцарских кантонов от власти Священной Римской империи [58, с. 8–17]. На Герцена могло оказать влияние и «Путешествие из Петербурга в Москву», где А.Н. Радищев оправдывает сходный поступок своего персонажа [53, с. 271–276]. Можно предположить, что значение высказываний Герцена, так же как и в двух других случаях, выходило за рамки конкретных примеров. Когда, по убеждению Герцена, под угрозой оказывается привычный уклад жизни, и тем более сама жизнь, весь «народ» приобретает право защищаться любыми возможными способами. В период окончательного разочарования Герцена в крестьянской реформе, который пришелся на 1861–1862 гг., «Колокол» публиковал материалы в защиту идеи крестьянского восстания против властей и помещиков. Оно должно было стать новой «народной войной», такой же, как в 1812 г., когда простые люди защищали себя и свою землю от посягательств внешнего врага [31, с. 225].

Начавшееся в 1863 г. восстание в Польше Герцен тоже расценил как акт самозащиты. Его подняла законно стремящаяся к независимости польская нация вследствие агрессии со стороны Российской империи. Герцен описывал столкновение русских войск и восставших поляков как экзистенциальную борьбу за жизнь. Любые средства, которые могли в ней выбрать поляки, считал он, были оправданны [30, с. 41]. Однако читающая публика в России в своем большинстве разделяла совсем другие взгляды. Ее кумиром стал виленский губернатор М.Н. Муравьев – генерал от инфантерии, с особой жестокостью подавивший восстание. Герцен называл Муравьева «вешателем» и «палачом» [9, с. 260], казнящим «людей, лошадей, волов, усадьбы, поля и леса» [7, с. 222]. Поражение польского восстания привело к новому пересмотру Герценом своих взглядов. Польское дело заставило его забыть, что политические революции бесполезны и что теперь наступила эпоха социальных переворотов, которые в силу своей природы должны происходить мирно [12, с. 58].

Самым значительным произведением позднего периода творчества Герцена стали его письма «К старому товарищу», где он выступил с критикой радикальных взглядов «старого товарища» Бакунина, а также Огарева, который в то время с ним сблизился [21, с. 138]. В этих письмах Герцен писал о своем осознании того, что насилие ведет лишь к разрушению и никак не содействует формированию нового. Он утверждал, что потерял веру «в прежние революционные пути» [13, с. 586], но сохранил убежденность в способности социальных переворотов изменить мир к лучшему [18, с. 221]. Причину прежних заблуждений Герцен искал в пережитом им опыте в 1848 г.: «Стоя возле трупов, возле ядрами разрушенных домов, слушая в лихорадке, как расстреливали пленных, я всем сердцем и всем помышлением звал дикие силы на месть и разрушение старой, преступной веси, – звал, даже не очень думая, чем она заменится» [16, с. 586].

В письмах содержится также его оценка современного положения Российской империи. В конце 1860-х годов Герцен считал, что распространение прогрессивных идей и сотрудничество с властями в настоящий момент принесет больше пользы, так как социалистическое движение, несмотря на свои справедливые идеи, слабее правительства, оно лишено «единства убеждений» и «сосредоточенных сил», поэтому проиграет ему в открытом столкновении [13, с. 588]. Но в будущем, если соотношение сил изменится «…надобно в тиши собирать полки и не грозить. Угроза при бессилии вредна», – писал Герцен [13, с. 582].

Позиция Герцена о применении насилия в политике никогда не была однозначной. В его публицистике разных лет можно обнаружить и неоякобинские взгляды и пацифизм, поддержку революции и ее порицание. Однако вышесказанное не означает, что в статьях Герцена речь идет исключительно об инструментарии политической борьбы, его наследие и по сей день сохраняет определенную теоретическую автономность и самодостаточность.

Библиография

1. Базилева З.П. «Колокол» Герцена (1857–1867 гг.). М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1949. 296 с.

2. Белинский В.Г. Письмо В.П. Боткину от 8 сентября 1841 г. // Собрание сочинений: в 9 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 9. С. 478–486.

3. Берлин И. Герцен и Бакунин о свободе личности // История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 85–126.

4. Бушканец Е.Г. О двух «письмах» в редакцию «Колокола» // Литературное наследство. Т. 63. М.: Издательство АН СССР, 1956. С. 662–667.

5. Вяземский П.А. Своим пером тупым и бурным // Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского: в 12 т. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1896. Т. 12. С. 166–167.

6. Герцен А.И. «Le Nord» // Собрание сочинений: в 30 т. Издательство АН СССР, 1960. Т. 19. С. 67.

7. Герцен А.И. Адресоложество // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1959. Т. 17. С. 259–260.

8. Герцен А.И. Былое и думы // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1956. Т. 8. 519 с.

9. Герцен А.И. Былое и думы // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1957. Т. 11. 809 с.

10. Герцен А.И. Дневник // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1954. Т. 2. С. 199–413.

11. Герцен А.И. Журналисты и террористы // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1959. Т. 16. С. 220–226.

12. Герцен А.И. Иркутск и Петербург (5 марта и 4 апреля 1866 г.) // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1960. Т. 19. С. 58–65.

13. Герцен А.И. К старому товарищу // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1960. Т. 20. Кн. 2. С. 575–593.

14. Герцен А.И. Концы и начала // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1959. Т. 16. С. 129–198.

15. Герцен А.И. Молодая и старая Россия // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1959. Т. 16. С. 199–205.

16. Герцен А.И. Нас упрекают. М.: Издательство АН СССР, 1958. Т. 13. С. 361–363.

17. Герцен А.И. Опять объяснение // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1958. Т. 14. С. 61.

18. Герцен А.И. От редакции // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1958. Т. 14. С. 238–244.

19. Герцен А.И. Письма из Франции и Италии // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1955. Т. 5. С. 7–226.

20. Герцен А.И. Письмо А.А. Герцену от 10 марта (27 февраля) 1860 г. // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1963. Т. 27. Кн. 1. С. 24–25.

21. Герцен А.И. Письмо А.Н. Герцену от 22 (10) июня 1869 г. // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Наука, 1964. Т. 30. Кн. 1. С. 138–139.

22. Герцен А.И. Письмо Г. Гервегу от 19 (7) марта 1850 г. // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1961. Т. 23. С. 307–308.

23. Герцен А.И. Письмо Г. Гервегу от 25 (13 февраля) 1850 г. // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1961. Т. 23. С. 280–281.

24. Герцен А.И. Письмо Г. Гервегу от 18 (6) февраля 1849 г. // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1961. Т. 23. С. 271–274.

25. Герцен А.И. Письмо И.С. Аксакову от 28 (16) февраля 1860 г. // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1963. Т. 27. Кн. 1. С. 22.

26. Герцен А.И. Письмо к императору Александру II // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1957. Т. 12. С. 272–274.

27. Герцен А.И. Письмо московским друзьям от 2–8 августа (21–27 июля) 1848 г. // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1961. Т. 23. С. 79–92.

28. Герцен А.И. Письмо Э. Кёрдеруа от 7 июня (26 мая) 1854 г. // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1963. Т. 25. С. 182–185.

29. Герцен А.И. Порядок торжествует! // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1961. Т. 19. С. 166–199.

30. Герцен А.И. Преступления в Польше // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1959. Т. 17. С. 39–43.

31. Герцен А.И. Русским офицерам в Польше // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1959. Т. 16. С. 251–257.

32. Герцен А.И. С того берега // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1955. Т. 6. С. 7–142.

33. Герцен А.И. Убитый помещик // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1958. Т. 14. С. 233.

34. Герцен А.И. Юрьев день! Юрьев день! // Собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1957. Т. 12. С. 80–86.

35. Голос. 1867. № 46. С. 2.

36. Громова Л.П. А.И. Герцен и русская журналистика его времени. СПб.: Издательство СПб. университета, 1994. 156 с.

37. Дрыжакова Е.Н. Герцен на Западе: В лабиринте надежды, славы и отречений. М.: Академический проект, 1999. 300 с.

38. Каменев Л.Б. Об А.И. Герцене и Н.Г. Чернышевском. Пг.: Жизнь и знание, 1916. 144 с.

39. Кёрдеруа Э. Ура!!! Или революция казаков // Отечественные записки. 2007. № 5. URL: http://www.strana-oz.ru/2007/5/ura-ili-revolyuciya-ot-kazakov (Дата обращения: 29.05.2017.)

40. Козьмин Б.П. Был ли Н.Г. Чернышевский автором письма «Русского человека» к Герцену // Литературное наследство Т. 25/26. М.: Журнально-газетное объединение, 1936. С. 576–585.

41. Козьмин Б.П. П.Г. Заичневский и «Молодая Россия» // Из истории революционной мысли в России. М.: Издательство АН СССР, 1961. С. 127–345.

42. Лемке М.К. Политические процессы в России 1860-х годов (по архивным документам). Изд. 2-е. М.; Пг.: Государственное издательство, 1923. 685 с.

43. Ленин В.И. Памяти Герцена // Полное собрание сочинений: в 55 т. Изд. 5-е. М.: Издательство политической литературы. Т. 21. С. 250–262.

44. Летопись жизни и творчества А.И. Герцена: в 5 кн. М.: Наука, 1974. Кн. 1. 612 с.

45. Молодая Россия // Прокламации шестидесятых годов М.; Л.: Московский рабочий, 1926. С. 59–69.

46. Опоздавшие письма из Петербурга // Колокол. 1858. № 23–24. С. 188–190.

47. Панаев И.И. Литературные воспоминания. М.: Правда, 1988. 456 с.

48. Паперно И. Интимность и история: Семейная драма Герцена в сознании русской интеллигенции (1850–1990-е годы) // Новое литературное обозрение. 2010. № 103. С. 41–66.

49. Петров Д.К. А.И. Герцен и Доносо Кортес // Записки Неофилологического общества при Императорском Петроградском университете. 1915. Вып. 8. С. 192–210.

50. Письмо А.И. Герцена к русскому послу в Лондоне с ответом и некоторыми примечаниями Д.К. Шедо-Ферроти. 4-е изд. Berlin: Librairi B. Behr. (E. Bock), 1862. 46 с.

51. Письмо из провинции // Колокол. 1860. № 64. С. 533–535.

52. Письмо к редактору // Колокол. 1858. № 25. С. 201–208.

53. Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Полное собрание сочинений: в 3 т. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1938. Т. 1. С. 225–392.

54. Рейхель А. Письмо М.А. Бакунину 31 (19) мая 1848 г. // Материалы для биографии М. Бакунина: в 3 т. М.: Соцэкгиз, 1928. Т. 2. С. 89–91.

55. Рудницкая Е.Л. Русский радикализм // Революционный радикализм в России: Век девятнадцатый. М.: Археографический центр, 1997. С. 7–22.

56. Страда В. Гуманизм и терроризм в русском революционном движении // Россия как судьба. М.: Три квадрата, 2013. С. 209–267.

57. Чичерин Б.Н. Обвинительный акт // Колокол. 1858. № 29. С. 236–239.

58. Шиллер В. Вильгельм Телль Л.; М.: Государственное издательство художественной литературы, 1933. 182 с.

59. Эйдельман Н.Я. Переписка Ю.Н. Голицына с Герценом // Проблемы изучения Герцена. М.: Издательство АН СССР, 1963. С. 485–495.

60. Compte rendu des séances des l'Assemblée nationale. Paris: La Typographie Panckoucke, 1849. T. 10. 921 p.

61. Cortés J.D. Discurso sobre la situación general de Europa, pronunciado en el Congreso el 30 de enero de 1850 // Obras de don Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas: en 6 t. Madrid: Imperanta de Tejado, editor, 1854. T. 3. P. 305–325.

62. Labry R. Herzen et Proudhon. Paris: Bossard, 1928. 252 p.

63. Solger R. Das Untergangsthum // Deutsche Monatsschrift für Wissenschaft, Politik, Leben und Kunst. 1850. N 12. S. 326–331.

References

Bazileva Z.P. «Kolokol» Gercena (1857–1867 gg.). Moscow: OGIZ Gospolitizdat, 1949. 296 p.

Belinskij V.G. Pis'mo V.P. Botkinu ot 8 sentjabrja 1841 g. // Sobranie sochinenij: v 9 t. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1982. T. 9. P. 478–486.

Berlin I. Gercen i Bakunin o svobode lichnosti // Istorija svobody. Rossija. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. P. 85–126.

Bushkanec E.G. O dvuh «pis'mah» v redakciju «Kolokola» // Literaturnoe nasledstvo. T. 63. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1956. P. 662–667.

Chicherin B.N. Obvinitel'nyj akt // Kolokol. 1858. N 29. P. 236–239.

Coeurderoy E. Ura!!! Ili revoljucija kazakov // Otechestvennye zapiski. 2007. N 5. URL: http://www.strana-oz.ru/2007/5/ura-ili-revolyuciya-ot-kazakov (Data obrashhenija: 29.05.2017.)

Compte rendu des séances des l'Assemblée nationale. Paris: La Typographie Panckoucke, 1849. T. 10. 921 p.

Cortés J.D. Discurso sobre la situación general de Europa, pronunciado en el Congreso el 30 de enero de 1850 // Obras de don Juan Donoso Cortés, marqués de Valdegamas: en 6 t. Madrid: Imperanta de Tejado, editor. 1854. T. 3. P. 305–325.

Dryzhakova E.N. Gercen na Zapade: V labirinte nadezhdy, slavy i otrechenij. Moscow: Akademicheskij proekt, 1999. 300 p.

Gercen A.I. Adresolozhestvo // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959. T. 17. P. 259–260.

Gercen A.I. Byloe i dumy // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1956. T. 8. 519 p.

Gercen A.I. Byloe i dumy // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1957. T. 11. 809 p.

Gercen A.I. Dnevnik // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1954. T. 2. P. 199–413.

Gercen A.I. Irkutsk i Peterburg (5 marta i 4 aprelja 1866 g.) // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1960. T. 19. P. 58–65.

Gercen A.I. Jur'ev den'! Jur'ev den'! // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1957. T. 12. P. 80–86.

Gercen A.I. K staromu tovarishhu // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1960. T. 20. Kn. 2. P. 575–593.

Gercen A.I. Koncy i nachala // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959. T. 16. P. 129–198.

Gercen A.I. Molodaja i staraja Rossija // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959. T. 16. P. 199–205.

Gercen A.I. Nas uprekajut // Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958. T. 13. P. 361–363.

Gercen A.I. Opjat' objasnenie // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958. T. 14. P. 61.

Gercen A.I. Ot redakcii // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958. T. 14. P. 238–244.

Gercen A.I. Pis'ma iz Francii i Italii // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955. T. 5. P. 7–226.

Gercen A.I. Pis'mo A.A. Gercenu ot 10 marta (27 fevralja) 1860 g. // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963. T. 27. Kn. 1. P. 24–25.

Gercen A.I. Pis'mo A.N. Gercen ot 22 (10) ijunja 1869 // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Nauka, 1964. T. 30. Kn. 1. P. 138–139.

Gercen A.I. Pis'mo G. Gervegu ot 18 (6) fevralja 1849 g. // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961. T. 23. P. 271–274.

Gercen A.I. Pis'mo G. Gervegu ot 19 (7) marta 1850 g. // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961. T. 23. P. 307–308.

Gercen A.I. Pis'mo G. Gervegu ot 25 (13 fevralja) 1850 g. // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961. T. 23. P. 280–281.

Gercen A.I. Pis'mo I.S. Aksakovu ot 28 (16) fevralja 1860 g. // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963. T. 27. Kn. 1. P. 22.

Gercen A.I. Pis'mo Je. Kjorderua ot 7 ijunja (26 maja) 1854 g. // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963. T. 25. P. 182–185.

Gercen A.I. Pis'mo k imperatoru Aleksandru II // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1957. T. 12. P. 272–274.

Gercen A.I. Pis'mo moskovskim druz'jam ot 2–8 avgusta (21–27 ijulja) 1848 // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961. T. 23. P. 79–92.

Gercen A.I. Porjadok torzhestvuet! // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961. T. 19. P. 166–199.

Gercen A.I. Prestuplenija v Pol'she // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959. T. 17. P. 39–43.

Gercen A.I. Russkim oficeram v Pol'she // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959. T. 16. P. 251–257.

Gercen A.I. S togo berega // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955. T. 6. P. 7–142.

Gercen A.I. Ubityj pomeshhik // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958. T. 14. P. 233.

Gercen A.I. Zhurnalisty i terroristy // Sobranie sochinenij: v 30 t. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1959. T. 16. P. 220–226.

Golos. 1867. N 46. P. 2.

Gromova L.P. A.I. Gercen i russkaja zhurnalistika ego vremeni. Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPb universiteta, 1994. 156 p.

Jejdel'man N.Ja. Perepiska Ju.N. Golicyna s Gercenom // Problemy izuchenija Gercena. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963. P. 485–495.

Kamenev L.B. Ob A.I. Gercene i N.G. Chernyshevskom. Petrograd: Zhizn' i znanie, 1916. 144 p.

Koz'min B.P. Byl li N.G. Chernyshevskij avtorom pis'ma «Russkogo cheloveka» k Gercenu // Literaturnoe nasledstvo T. 25/26. Moscow: Zhurnal'no-gazetnoe obedinenie, 1936. P. 576–585.

Koz'min B.P. P.G. Zaichnevskij i «Molodaja Rossija» // Iz istorii revoljucionnoj mysli v Rossii. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961. P. 127–345.

Labry R. Herzen et Proudhon. Paris: Bossard, 1928. 252 p.

Lemke M.K. Politicheskie processy v Rossii 1860-h gg. (po arhivnym dokumentam). Izd. 2-e. Moscow; Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923. 685 p.

Lenin V.I. Pamjati Gercena // Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. Izd. 5-e. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoj literatury. T. 21. P. 250–262.

Letopis' zhizni i tvorchestva A.I. Gercena: v 5 kn. Moscow: Nauka, 1974. Kn. 1. 612 p.

Molodaja Rossija // Proklamacii shestidesjatyh godov Moscow; Leningrad: Moskovskij rabochij, 1926. P. 59–69.

Opozdavshie pis'my iz Peterburga // Kolokol. 1858. N 23–24. P. 188–190.

Panaev I.I. Literaturnye vospominanija. Moscow: Pravda, 1988. 456 p.

Paperno I. Intimnost' i istorija: Semejnaja drama Gercena v soznanii russkoj intelligencii (1850–1990-e gody) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2010. N 103. P. 41–66.

Petrov D.K. A.I. Gercen i Donoso Kortes // Zapiski Neofilologicheskogo obshhestva pri Imperatorskom Petrogradskom universitete. 1915. Vyp. 8. P. 192–210.

Pis'mo A.I. Gercena k russkomu poslu v Londone s otvetom i nekotorymi primechanijami D.K. Shedo-Ferroti. 4-e izd. Berlin: Librairi B. Behr. (E. Bock), 1862. 46 p.

Pis'mo iz provincii // Kolokol. 1860. N 64. P. 533–535.

Pis'mo k redaktoru // Kolokol. 1858. N 25. P. 201–208.

Radishhev A.N. Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu // Polnoe sobranie sochinenij: v 3 t. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1938. T. 1. P. 225–392.

Rejhel' A. Pis'mo M.A. Bakuninu 31 (19) maja 1848 g. // Materialy dlja biografii M. Bakunina: v 3 t. Moscow: Socjekgiz, 1928. T. 2. P. 89–91.

Rudnickaja E.L. Russkij radikalizm // Revoljucionnyj radikalizm v Rossii: Vek devjatnadcatyj. Moscow: Arheograficheskij centr, 1997. P. 7–22.

Shiller V. Vil'gel'm Tell' Leningrad; Moscow: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Hudozhestvennoj Literatury, 1933. 182 p.

Solger R. Das Untergangsthum // Deutsche Monatsschrift für Wissenschaft, Politik, Leben und Kunst. 1850. N 12. S. 326–331.

Strada V. Gumanizm i terrorizm v russkom revoljucionnom dvizhenii // Rossija kak sud'ba. Moscow: Tri kvadrata, 2013. P. 209–267.

Vjazemskij P.A. Svoim perom tupym i burnym // Polnoe sobranie sochinenij knjazja P.A. Vjazemskogo: v 12 t. Saint Petersburg: Tipografija M.M. Stasjulevicha, 1896. T. 12. P. 166–167.

А.Б. Асташов

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ВОЕННЫХ ВЛАСТЕЙ РОССИИ ВО ВРЕМЯ «ВЕЛИКОГО ОТСТУПЛЕНИЯ» 1915 г.

Аннотация. *В статье речь идет о политике властей в 1915 г. в отношении тех групп населения, которые считались «враждебными». Анализируются документы, в том числе неопубликованные, описывающие конкретные меры, которые предпринимались в отношении немцев-колонистов и евреев во время «великого отступления» 1915 г. Делается вывод о том, что в основе политики военного командования были не шовинистические соображения, а представления о целесообразности проживания «неблагонадежных элементов» в зоне боевых действий.*

Ключевые слова: *Первая мировая война, отступление 1915 г., выселение, этнические группы, немцы-колонисты, евреи, Русская армия.*

Асташов Александр Борисович – кандидат исторических наук, доцент РГГУ, Москва. E-mail: astashsh@yandex.ru

A.B. Astashov. Resettlement Policy of the Russian Military Authorities During the «Great Retreat» of 1915

Abstract. *The article deals with the policy of the authorities in 1915 regarding those groups of the population that were considered «hostile». The documents, including unpublished ones, describing concrete measures that were taken against the German colonists and Jews during the «great retreat» of 1915 are analyzed. It is concluded that the policy of the military command was based not on chauvinistic considerations, but on the idea of expediency «unreliable elements» in the war zone.*

Keywords: *the First World War, retreat of 1915, eviction, ethnically groups, German colonists, Jews, Russian army.*

Astashov Aleksandr Borisovich – Candidate of History, associate Professor, Russian State University for the Humanities (RGGU), Moscow. E-mail: astashsh@yandex.ru

В годы Первой мировой войны военный опыт приобретали не только армии противоборствующих сторон, но и те, кто вынужденно оказался в прифронтовой полосе – мирное население. Этот опыт был получен главным образом в рамках вынужденного выселения с территорий, на которых проходили боевые действия, и последовавших в его результате бытовых тягот и физического напряжения. Среди тех, кого выселяли, выделялись прежде всего враждебные к Русской армии немцы, особенно немцы-колонисты и евреи. Выселению подвергались также рассматривавшиеся как лояльные к России поляки, белорусы, украинцы, латыши и др. Однако в данной работе речь пойдет прежде всего о тактике армейского командования и гражданских властей по отношению к евреям и немцам.

В литературе выселение немцев-колонистов и еврейского населения из Польши в годы Первой мировой войны трактуется однозначно: в рамках намеренной акции по ликвидации этих этнических групп в ходе развязанной кампании по шпиономании. Кроме того, в выселении видят комплекс мероприятий против собственников для возможной конфискации их собственности. Целью такой политики авторы видят сплочение населения империи на шовинистической почве, а также экономическую поддержку патриотических настроений.

Однозначным в этой литературе представляется и вывод: целей власти не добились, поскольку шовинизм озлоблял различные национальности и на фронте, и в тылу, раскалывал армию и общество. Экономическая же составляющая переселенческой политики подготовила идеологию массовой конфискации земель у собственников, т.е. была одной из предпосылок прихода к власти левых радикалов. Политическая же составляющая выселения евреев привела сначала к фактической ликвидации черты оседлости, а потом проявилась в участии многих евреев в революции. Все авторы сходятся в подчеркивании единства в проведении этой акции как гражданского, так и военного руководства [15, с. 427–444; 1; 18]. Среди причин такой политики авторы работ называют антисемитские и ксенофобские убеждения военного командования [13; 37, с. 26–29].

Долгое время переселенческая политика военных и гражданских властей описывалась на узком круге источников: материалах организаций, защищавших беженцев-евреев [5; 12]. Только в последнее время круг источников расширился за счет привлечения документов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), которые характеризуют политику армии по отношению к населению [14]. Однако это не поменяло тенденции: Русскую армию обвиняли в «безумной» тактике «выжженной земли», в карательной и притеснительной политике, массовых репрессиях и т.п. в отношении немцев-колонистов и евреев [44; 15, с. 162–171; 3; 4]. В статье делается попытка осмыслить переселенческую политику, используя широкий круг

источников и концепцию «уязвимых границ» в зоне боевых действий [39; 40].

* * *

Немцы и евреи составляли значительную часть населения Польского края и Прибалтики. Согласно справке Варшавского статистического комитета, на 1 января 1909 г. в 10 губерниях (считая и Холмскую) Польского края проживали 634 649 протестантов, в том числе в селах – 425 733 человек. Из них немцев – 392 100 человек, а немцев-колонистов – 232 935 в 19 018 усадьбах [42, л. 3; 22, л. 86–88]. В России к 1914 г. насчитывалось 5 млн 250 тыс. евреев. В Польском крае их проживало 25%, а в Северо-Западном крае – свыше 27%. Около половины всех российских евреев (включая членов семей) относились к мелкой буржуазии, т.е. к мелким торговцам и ремесленникам, и около четверти – к рабочему классу [8, с. 304–305; 41].

Военные и гражданские власти воспринимали немцев-колонистов и евреев как «неблагонадежные элементы» и до войны. В отношении немцев-колонистов МВД собирало свидетельства об их возможной вредной деятельности для военно-стратегического положения России [21, л. 1–1 об.]. Опасались, что в условиях военных действий скажется психологическая совместимость, родственность культурно-политических установок, жизненного мира немцев-колонистов и Германской армии [30, л. 5 об., 112]. Таким образом, могла бы возникнуть почва для содействия неприятельским войскам [30, л. 5; 5, л. 329]. Среди военных кругов были опасения, что немецкие колонии могут стать готовой базой для германского нашествия. Особенно ситуация накалилась в связи с турецким десантом в Бессарабии в конце ноября 1914 г. Десант высадился как раз в районе немецких поселений [30, л. 17–17 об., 20–30].

Довоенная государственная политика в отношении евреев препятствовала их социально-экономической активности в коренных губерниях России, предоставляя евреям права только в рамках черты оседлости. Впрочем, среди некоторых деятелей славянства, связанных с Российским МИДом, существовали и планы «окончательного решения еврейского вопроса» в случае военного конфликта. Так, видный эксперт по славянству А.Ю. Геровский в своей записке 1914 г. предлагал в ходе будущей войны «прогнать жидов, разделить землю между крестьянами и выселить всех (около 1 млн) евреев из Восточной Галиции, причем обязательно до наступления мира» [9, л. 8, 9, 11]. Во время войны Геровский состоял советником по особым поручениям генерал-губернатора Восточной Галиции В.А. Бобринского, известного националистического деятеля. В своих «памятных записках» по управлению краем Бобринский предполагал «озаботиться о мерах, которые следовало бы

применить в целях прекращения в Галиции еврейского засилья» путем секвестра имений сбежавших евреев-помещиков [27, л. 40 об.].

Некоторые лица из военного руководства страны также разделяли антисемитские убеждения. Однако нельзя говорить, что антисемитских позиций придерживалось все армейское руководство. Только 56% начальников высказывались за удаление евреев из армии накануне войны. Остальные, включая будущих начальника штаба главковерха М.В. Алексеева и командарма 10-й армии А.Е. Радкевича, считали евреев годными к военной службе, а их нахождение в армии – средством ассимиляции [25, л. 8, 16 об., 18, 98, 118 об., 130].

Существует также крайне ограниченное количество аргументов, в которых можно усмотреть связь антисемитских или антинемецких настроений с военной стратегией на рубежах России. В литературе такую связь видят в существовании «политики населения», якобы развивавшейся в трудах русских военных статистиков А.М. Золотарева и Ф.А. Макшеева [11, с. 13–69; 16, с. 58–59, 232–233, 395, 404]. Однако анализ этих трудов показывает, что в них всего лишь очерчиваются такие факторы будущей войны, как население, ресурсы для Русской армии (скот, повозки, продовольствие) и т.п. Возможность противостояния этнических групп и Русской армии на территории самой России нигде в этих работах не учитывается.

В проектировавшемся «Полевом положении об управлении войск» также ничего не говорится о действиях по выселению определенных враждебных групп, целых селений и городов, а тем более каких-либо этносов. Даже в таких местах будущего театра военных действий, как Восточная Галиция, Царство Польское, район Двинского военного округа предполагалось оставить существовавшее гражданское правление и предоставить гражданским властям дополнительные военно-полицейские функции [26, л. 76–76 об., 159–187]. Это, кстати, привело к серьезным ошибкам в области поддержания обороноспособности тыла: тыловые структуры оказались неготовыми принимать потоки беженцев, содержать войска и боеприпасы, организовывать снабжение войск [6, л. 28–39 об., 86–90].

С начала зимы 1914 г. закончилась активная фаза военных действий между Россией и Германией на Западном фронте. Позиционное противостояние породило информационную борьбу: в ход пошли листовки, попытки братания, пропагандистские рассказы о «зверствах» противника по отношению к мирному населению и военнопленным. В ноябре 1914 г. русские солдаты массово сдавались в плен – и пропагандистская машина была призвана остановить этот процесс [38, л. 79, 81–83]. Пропаганда подстегнула антинемецкие настроения, и только благодаря вмешательству властей дело не дошло до погромов [30, л. 7 об.].

Вместе с наступившей паузой в боевых действиях зимой 1914–1915 гг. на первое место стали выходить вопросы создания оборонительной полосы, восстановления хозяйственной жизни края, где немцы-колонисты и особенно евреи играли важную роль. Соответственно, немецкое и еврейское население было хорошо осведомлено о хозяйственно-оборонительных секретах Русской армии. Именно поэтому евреев и немцев постоянно обвиняли в «шпионаже» и «тяготении к неприятелю» [30, л. 112]. Командование утверждало, что немцы-колонисты служили проводниками немецких отрядов, снабжали вражеские отряды сведениями о дислокации русских войск, посылали подозрительные сигналы посредством ракет, почтовых голубей и т.п. [21, л. 15]. Зачастую к этим обвинениям примешивались и личные счеты. Усилившуюся рознь между евреями и местным населением некоторые лица в военном командовании объясняли потерей евреями возможности притеснять славянское православное население, что и приводило к помощи противнику в Галиции и Буковине [32, л. 36–37 об.].

Естественно, военные власти крайне нервно реагировали на любые проявления «содействия» противнику, даже на простое выражения симпатии. Даже поднесение оккупантам «хлеба-соли», цветов и т.п. строго каралось, вызывало репрессии, причем и по отношению к русским, и к полякам, а тем более – к немцам и евреям. Немцев-колонистов обвиняли также в том, что они, изменив, убегали к неприятелю. К тому же во время этих побегов противнику передавались оборонительные секреты [23, л. 2, 3, 6; 34, л. 269 об.]. Наконец, поступали сообщения о диверсионных подрывах на железной дороге, в чем обвиняли враждебные этнические группы [24, л. 23–24 об., 28; 22, л. 32, 34, 96, 138].

Общение населения с противником усилилось с конца 1914 г. В этот «мирный» период, в условиях отсутствия сплошной боевой линии, пограничные области были напичканы многочисленными разъездами противника, легко перемещавшимися по территории, на которой находились русские войска. Противодействовать контактам врага с немцами-колонистами было, в сущности, невозможно. В условиях строительства боевой линии, создания запасов, передвижения войск такие контакты представлялись для военного командования недопустимыми. Именно эти факты стали причиной распоряжения главковерха о высылке всех немцев-колонистов в кратчайший срок. Мероприятия по выселению были активно поддержаны командованием штаба Северо-Западного фронта во главе с главкомом Н.В. Рузским, генерал-квартирмейстером М.Д. Бонч-Бруевичем и начальником контрразведки фронта Н.С. Батюшиным, всегда стоявшими на антигерманских позициях.

Система выселения враждебных элементов с фронта сформировалась еще до начала массового выселения немцев-колонистов. Задача противодействия интересам противника со стороны враждебно настроенного населе-

ния наталкивалась, однако, на отсутствие серьезных контрразведывательных органов [10, с. 23–27; 2]. В местах противостояния с противником крайне трудно было провести необходимые следственные мероприятия, доказать непосредственную вину нарушителей военных законов. Убрать с театра военных действий сомнительный элемент было легче, нежели налаживать правильную систему противодействия конкретным нарушителям. Так, в приказе главкома армиями Северо-Западного фронта от 7 сентября 1914 г. № 58 указывалось, что в случае, если расследование не выявило доказательств виновности конкретного лица в государственной измене, таковое все равно подлежало высылке во внутренние губернии империи. Выселяемые подлежали направлению за пределы расположения армий и только на время занятия этого района воинскими частями [33, л. 23, 148–148 об., 161; 31, л. 2].

В условиях активного противостояния с противником надо было предпринимать, как полагали в командовании, более действенные меры по контролю над враждебно настроенным населением. Вопрос о выселении немцев-колонистов за пределы театра военных действий впервые был поднят 23 декабря 1914 г., когда главком армиями Северо-Западного фронта генерал Рузский приказал выселять из прифронтовой полосы шириной в 15 верст внутрь империи всех немцев-колонистов мужского пола в возрасте 15 лет и старше – кроме больных, не могущих выдержать переезда. А с 30 декабря главковерх уже повелел выслать в кратчайший срок из Привислинского края всех немцев-колонистов [22, л. 1, 3, 46].

Сложная, непрямая передача приказания главковерха породила массу вопросов у гражданских властей. Неясным оказалось, например, само понятие «немец-колонист», поскольку в законах значилось только понятие «поселянин-собственник», без национальной принадлежности. Вставал вопрос о том, кого считать «немцем», что делать с матерями, женами и детьми колонистов, находившихся в действующей армии; жен, вдов, вдовых матерей, детей-сирот и незамужних сестер лиц, убитых или умерших на войне, или лишившихся трудоспособности за ранами и увечьями. В некоторых районах немцы-колонисты вообще не выселялось, но за ними было установлено постоянное наблюдение и периодические поверки [30, л. 95; 22, л. 35].

Для уточнения и согласования подобных случаев Ставка назначила на 25 января 1915 г. особое совещание из представителей Варшавского генерал-губернатора и военного командования; были разработаны и разосланы местным властям специальные правила, касавшиеся выселения [42, л. 28; 22, л. 89–91, 94, 95, 101–102]. Однако даже наличие таких правил не сняло все разногласия [22, л. 109, 113; 30, л. 144, 145, 236 об., 237, 335 об.].

В архивах отложилось множество дел, характеризующих сложные судьбы тех, кто был выслан как «немцы-колонисты». К 8 марта из Польши выселению подверглись только 22 906 немцев-колонистов из 232 935 человек, т.е.

меньше 10% находившихся до войны в крае [21, л. 211–212]. Летом 1915 г. была проведена эвакуация 67 тыс. немецких колонистов из Волынской губернии.

Во время выселения немцев-колонистов местные власти неожиданно оказались в роли временных владельцев огромного количества земель. При этом сама армия испытывала трудности в обеспечении продовольствием. К тому же необходимо было решать вопрос с устройством массы беженцев, выселявшихся из районов расположения войск, организовать борьбу с распространением заразных болезней в тыловом районе армии. В этой ситуации встал вопрос о временном размещении беженцев на землях немцев-колонистов.

Действия администрации по установлению контроля над землями колонистов вызвали попытки захвата этих земель местными польскими крестьянами. Так, в Плоцкой губернии уже в январе 1915 г. в среде низших классов польского населения, по словам губернатора, наблюдались «грабительские инстинкты и полное пренебрежение к чужим правам собственности». Власти требовали принятия срочных мер по охране имущества колонистов [22, л. 70–70 об.], секвестра земель колонистов, передачи пустующих земель местным учреждениям Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ). Передача земель в ГУЗиЗ началась с апреля 1915 г. [30, л. 112 об.].

Вопросы собственности на землю немцев-колонистов и ее использования породили, однако, разногласия между Ставкой и Советом министров. Последний в ходе решения проблемы ликвидации немецкого землевладения принял 2 февраля 1915 г. решения о постепенной скупке земель колонистов. Тем самым гражданские власти пытались упорядочить передачу частных земель в руки государства. Такой порядок, однако, не устраивал военных и местную администрацию в Польше. Военное командование предполагало разрешить жителям обработку земель колонистов, чтобы в будущем иметь в районе армии запасы продовольствия. Учитывая бесхозный характер земель, возможность ее попадания в руки спекулянтов, главковерх Николай Николаевич 25 мая 1915 г. распоряжением № 4224 принял решение о приостановке всех сделок по продаже земли немцев-колонистов в частные руки. На деле это означало блокирование всех сделок по передаче этих земель в местные отделения Крестьянского банка и передачу земель в ведение военных и гражданских властей на фронте. Министерство юстиции и Совет министров пытались вернуть контроль над землями немцев-колонистов вплоть до Февральской революции. Распоряжение № 4224 было снято только 6 марта 1917 г. «за отсутствием в настоящее время поводов, послуживших основанием для его издания» [30, л. 126–126 об., 240, 314].

* * *

В отличие от немцев-колонистов, составлявших компактные группы в виде постоянных поселений и представлявшихся в виде враждебных анклавов, «готовых баз» для противника, евреи считались постоянно перемещающимися лицами, готовыми к «враждебным» действиям в самых различных ситуациях и местах. Это определялось главным занятием евреев в приграничных территориях: торговлей, снабжением населения и армии и т.п.

Первые приказы о выселении еврейского населения были изданы в Восточной Галиции. Здесь была даже попытка осуществить массовое изгнание евреев за границу. Такой вид высылки за пределы страны основывался на запрещении допуска в Россию иностранных евреев по 819 ст. «Законов о состояниях» [32, л. 25]. 27 декабря 1914 г. начальник штаба Верховного Главнокомандующего Русской армии Н.Н. Янушкевич потребовал принятия против евреев Восточной Галиции «самых суровых мер». Неоднократно Янушкевич настаивал на том, чтобы евреев «гнали впереди» армии. Мало этого: именно здесь была предпринята попытка собрать евреев в специальные лагеря («становища») в ожидании «удобного момента» для их «проталкивания» в сторону противника. В этих лагерях, разбросанных по окраинным этапным пунктам на границе с Австро-венгерской армией, существовала довольно жесткая система содержания: жилье в виде шалашей, землянок и легких навесов, под охраной полицейской стражи и с выдачей довольствия сухарями по одному фунту в сутки на человека [32, л. 107 об.].

Однако тактика выдавливания враждебного населения – касающаяся не только евреев, но и немцев-колонистов – в сторону противника не всегда срабатывала. Впервые сбой имел место в Восточной Пруссии, когда выяснилось, что не все немецкое и еврейское население удалось выдворить впереди своих войск. Часть населения осталась на местах. Но будучи обнаруженными, они оказались свидетелями, как считалось, многих оборонительных секретов, которые могли выдать противнику. Такие группы предполагалось или оставлять на месте, усиливая за ними наблюдение, или выявлять среди них подозрительных лиц с дальнейшей высылкой. Так же поступали и с оставшимся еврейским населением в Восточной Галиции. При этом Янушкевич категорически отрицал само наличие приказов о высылке евреев в глубь России [32, л. 2, 3, 17, 18, 26, 27, 36 об., 37, 107 об., 110–111].

Впоследствии для нейтрализации «вредной» деятельности евреев на русском фронте армия использовала несколько видов высылки. Иностранных подданных, согласно п. 16 ст. 19 «Правил о местностях, состоящих объявленными на военном положении», отправляли в уезды Полтавской губернии вне театра военных действий. Евреи – русские подданные, выселявшиеся с театра военных действий по 16 п. 19 ст., были от надзора свободны и могли прожи-

вать в черте еврейской оседлости. Кроме того, практиковалась высылка отдельных лиц, присутствие которых в данном районе было признано нежелательным [20, л. 8, 30–31; 35; 28, л. 9, 10, 12, 19; 17, л. 118; 19, л. 21 об.; 20, л. 30 об.].

Большую группу высланных евреев составляли неблагонадежные, уличенные в мошенничестве и подозреваемые в шпионстве. Многочисленные сигналы о мошенничестве евреев на фронте поступали от проверяющих организаций – полевых контролеров. Чаще всего такие действия заключались в неправомерном провозе в качестве военных грузов (многие сотни вагонов) продовольственных товаров, топлива, парфюмерных изделий и т.п. с последующей их спекулятивной продажей. Практически всегда эти действия сопровождались участием военнослужащих Русской армии – от рядовых до штаб-офицеров. Это и стало препятствием для полномасштабного расследования всех случаев мошенничества [29, л. 1–5]. В феврале 1915 г. по повелению главковерха было предписано в порядке 12 ст. «Правил о местностях» принимать «самые энергичные и решительные меры, не исключая повешения и телесных наказаний, в случаях мошенничества и обмана» со стороны евреев [32, л. 19]. Реально, однако, дело ограничилось высылкой евреев, подозреваемых в мошенничестве, в Томскую губернию [32, л. 29]. Но после высылки в Ставку посыпались многочисленные прошения, в которых подчеркивались заслуги высылаемых, их деловые качества («чинно и благородно вел дела»), патриотизм («защитник матушки-Руси»), бедствия оставленных многодетных семей, слабое здоровье высланных и т.п. [29, л. 57]. Именно эти жалобы и заявления чаще всего приводятся в качестве иллюстрации бедственного положения высланных евреев в годы войны в целом.

Кроме того, рассматривался и вопрос высылки евреев, которые подозревались в том, что могли «причинить вред» непосредственно в ходе военных действий. «Во избежание недоразумений» они подлежали удалению только из районов, занятых войсками, и притом только в том случае, если войсковые начальники потребуют этого от местной гражданской власти [20, л. 3; 28, л. 60–60 об.].

Выселение самой большой группы евреев (до нескольких сот тысяч) основывалось на п. 4. ст. 415 «Положения о местностях», предоставлявшего командованию право выселять из района боевых действий всех лиц, присутствие которых будет признано нежелательным [36, с. 55; 28, л. 18; 31, л. 102]. Именно эта высылка породила явление еврейского беженства, стала предметом разногласий в военном и гражданском руководстве, а впоследствии – главной темой рассуждений о судьбе российского еврейства в годы Первой мировой войны.

С конца января 1915 г. на уровне штабов армий и корпусов стали издаваться приказы о выселении евреев и всех подозрительных лиц из конкретных

районов боевых действий или важных в тактическом отношении участков (штабы, узлы связи, оборонительные линии). Такие выселения особенно усилились в апреле-мае 1915 г., т.е. во время «великого отступления», и затронули ряд местностей Восточной Галиции, Польские губернии (Варшавскую, Петроковскую, Плоцкую, Сувалкскую), западные окраины России (Гродненскую, Виленскую, Курляндскую, Ковенскую губернии) [20, л. 2, 19, 54, 55]. При этом командование на местах иногда расширительно трактовало понятие района боевых действий, включая в него целые губернии. Наиболее известна попытка выселить, начиная с 27 апреля 1915 г., 300 тыс. человек из Ковенской губернии (район 10-й армии) из почти полумиллиона живших там евреев [28, л. 51–52].

Однако вопреки распространенному мнению, высшее военное руководство, включая и начальника штаба главковерха Н.Н. Янушкевича, выступило против очищения от евреев Ковенской губернии и вообще против «огульных» выселений [32, л. 36, 37, 71]. Главком армий Северо-Западного фронта М.В. Алексеев уже на следующий день после приказа о высылке евреев из Ковенской губернии разъяснял, что такая мера неэффективна, она восстанавливает евреев против армии. Алексеев ссылался при этом на неблагоприятный опыт выселения китайцев в Маньчжурии в 1905 г. В своем письме от 6 мая начальникам армий и тыла, Алексеев подчеркивал, что «лично не остановился бы по отношению к евреям перед мерами не только строгости, но даже и крайней жестокости, если бы видел в этом действительную пользу для армии и государства» [32, л. 85–86 об.]. Алексеев и далее постоянно выступал против поголовного выселения лиц любой национальности из районов военных действий [19, л. 21 об.].

Против массовых выселений евреев выступал и Совет министров, опасаясь нарушения черты оседлости, разорения населения, дополнительных тягот для страны по их устройству на новых местах жительства. Союзники по Антанте также выступали против выселения, грозя сорвать оборонные заказы. Наконец в печати, в Государственной думе, в обществе началась широкая кампания против выселения евреев. В результате к 17 мая массовые высылки евреев были полностью прекращены, а высланным евреям было разрешено выехать на места прежнего жительства [28, л. 108–110 об.]. 24 мая по приказу главковерха поголовное выселение было окончательно прекращено, а 17 августа последовало распоряжение об освобождении всех заложников [20, л. 39 об.]. Впоследствии, уже в 1916 г., военные власти очень болезненно воспринимали предложения армейского начальства на местах о попытках огульного, т.е. многотысячного, целыми селениями, выселения евреев с театра военных действий. Так, на предложение главкома Северного фронта в марте 1916 г. выдворить с театра военных действий около 14 тыс. человек в районе Двинска Алексеев сначала потребовал отсрочить уже согласованное с МВД высе-

ление. А в апреле потребовал вообще прекратить подобную практику [35, л. 15, 16].

Представленный материал позволяет сделать следующие выводы. В условиях маневренной войны на прифронтовом пограничье сложилась сложная ситуация, связанная с близостью противодействовавших армий, самой подвижностью «границы». В связи с этим возникали эпизоды этнического противостояния, в частности «отложения» этнических групп, существовавших в рамках анклавов, близких по культурному смыслу к противнику. В прифронтовых областях не соблюдались гражданские и военные законы, существовали и факты прямой измены в виде вынужденного или прямого шпионажа, мошенничества и т.п. Попытки кардинального решения вопроса в виде высылки враждебных этнических групп вперед фронта к противнику или наоборот внутрь страны с театра военных действий натолкнулись на неясность самих критериев отбора групп выселяемых (в случае с немцами-колонистами) и на сбой тыловой организации снабжения, как это произошло при массовом выселении евреев. В этой ситуации командование, исходя из задачи обеспечения эффективности военных действий, в итоге ограничилось контролем за враждебным населением в прифронтовых местностях. При этом командование учитывало не проблемы гуманизма, а проблемы эффективности переселенческой политики.

Библиография

1. Бахтурина А.Ю. «Лучше пусть немцы разорятся, чем будут шпионить»: Немцы-колонисты и российское общество в годы «германской» войны // Новый исторический вестник. 2013. Вып. 35. С. 6–32.

2. Васильев И.И., Зданович А.А. Генерал Н.С. Батюшин. Портрет в интерьере русской разведки и контрразведки // Батюшин Н.С. Тайная военная разведка и борьба с ней. М.: ООО «X-history», 2002. С. 26–28.

3. Гольдин С. Депортация Русской армии евреев из Ковенской и Курляндской губерний // Евреи в меняющемся мире: Материалы 5-й международной конференции (Рига, תורוקמ. 16–17 сентября 2003 г.). Рига: Центр изучения иудаики Латвийского университета, 2005. С. 260–265.

4. Гольдин С. Русское командование и евреи во время Первой мировой войны: Причины формирования негативного стереотипа // Мировой кризис 1914–1920-х годов и судьба восточноевропейского еврейства. М.: РОССПЭН, 2005. С. 29–46.

5. Дознания и переписка по делам о грабежах, мародерстве, торговле спиртом. 1916 г. // РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 301. 593 л.

6. Докладные записки о проекте Положения о полевом управлении войск. 1913–1914 гг. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2305. 113 л.

7. Документы о преследовании евреев // Архив русской революции. Берлин, 1928. С. 245–284.

8. Западные окраины Российской империи. Под ред. М.Д. Долбилова и А.И. Миллера. М.: НЛО, 2006. 608 с.

9. Записка А.Ю. Геровского о политике России в Прикарпатье. Август 1914 г. // АВПРИ. Ф. 323. Оп. 617. Д. 91. Л. 8–13.

10. Зданович А.А. Отечественная контрразведка (1914–1920): Организационное строительство М.: Крафт+, 2004. 240 с.

11. Золотарев А.М. Военно-географический очерк окраин России и пути в соседние территории: Курс военных и юнкерских училищ. СПб.: Типолит. М.П. Фроловой, 1903. 246 с.

12. Из черной книги русского еврейства. Материалы для истории войны 1914–1915 годов // Еврейская старина. Трехмесячник Еврейского историко-этнографического общества. СПб., 1918. Т. X. С. 195–296.

13. Иоффе Г.З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 году // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 85–97.

14. Лор Э. Новые документы о Российской армии и евреях во времена Первой мировой войны // Вестник Еврейского университета. М.; Иерусалим, 2003. № 8 (26). С. 245–268.

15. Лор Э. Русский национализм и Российская империя. Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: НЛО, 2012. 304 с.

16. Макшеев Ф.А. Военное хозяйство. Курс Интендантской академии. Часть третья. Снабжения в военное время. Пг.: Типография П. Усова, 1915. 612 с.

17. Материалы об организации гражданского управления в Галиции. 1914–1916 гг. // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 12. 337 л.

18. Нелипович С.Г. В поисках внутреннего врага: Депортационная политика России в 1914–1918 гг. // Первая мировая война и участие в ней России. М.: ГПИБ, 1994. Т. 1. С. 54–64.

19. О выселении беженцев. 1916 г. // РГВИА. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 286. 23 л.

20. О выселении еврейского населения во внутренние губернии России и о ходатайствах административно-ссыльных лиц об освобождении от высылки. 1915–1916 гг. // ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 904. 72 л.

21. О выселении немцев-колонистов во внутренние губернии России в связи с военными действиями. 1914–1915 гг. // ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 524. 324 л.

22. О колонистах, высылке немцев-колонистов из Привислинского края. 1914–1915 гг. // ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 611. 254 л.

23. О конфискованном имуществе немцев-колонистов, перешедших на сторону Германских войск. 1915 г. // ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 213. 25 л.

24. О наблюдении за передвижением немецких войск на территории губерний Царства Польского. 1914 г. // ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 167. 132 л.

25. О призыве евреев. 1913–1916 гг. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 19. Д. 37. 342 л.

26. Об организации Положения о полевом управлении войск. 1913–1914 гг. // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 2312. 382 л.

27. Об организации управления в оккупированной русскими войсками Галиции. 1914–1915 гг. // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 13. 646 л.

28. Общие распоряжения о высылке евреев. 1915 г. // РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 455. 168 л.

29. Общие распоряжения о высылке евреев. 1915–1916 гг. // РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 456. 428 л.

30. Переписка о выселении немцев-колонистов. 1914–1917 гг. // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 28. 336 л.

31. Переписка о высылке колонистов, евреев. 1915–1916 гг. // РГВИА. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 67. 692 л.

32. Переписка об ограничении въезда евреев в Галицию. 1914–1917 гг. // РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. 1869. 219 л.

33. Переписка с губернским жандармским управлением о заподозренных в шпионаже. 1914–1915 гг. // РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 340. 451 л.

34. Подлинные постановления Варшавского генерал-губернатора о наложении административных взысканий. 1915 г. // ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 699. 275 л.

35. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Третье. СПб.: Государственная типография, 1895. Т. XII. 1892 г. Ст. 8757. С. 480.

36. Положение о полевом управлении войск в военное время: Проект. СПб.: Воен. тип., 1914. 67 с.

37. Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ, 2001. 328 с.

38. Распоряжения Верховного Главнокомандующего. 1914 г. // РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 10. 342 л.

39. Рибер А.Дж. Меняющиеся концепции и конструкции фронтира: Сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала «Ab Imperio»). Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 199–222.

40. Рибер А.Дж. Устойчивые факторы российской внешней политики: Попытка интерпретации // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2001. С. 94–145.

41. Россия. Демография еврейского населения Российской империи (1772–1917) // Электронная еврейская энциклопедия. Т. 7. Стлб. 382 // http://www.eleven.co.il/article/15443 (Дата обращения: 01.07.2017.)

42. Телеграммы П.Н. Енгалычева о высылке немцев-колонистов. 1915 г. // ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 460. 35 л.

43. Холквист П. Тотальная мобилизация и политика населения: Российская катастрофа (1914–1921) в европейском контексте // Россия и Первая мировая война: Материалы Международного научного коллоквиума. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 83–101.

44. Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // The Russian Review. 2001. Vol. 60. N 3 (Jul., 2001). P. 404–419.

References

Bahturina A.Ju. «Luchshe pust' nemcy razorjatsja, chem budut shpionit'»: Nemcy-kolonisty i rossijskoe obshhestvo v gody «germanskoj» vojny // Novyj istoricheskij vestnik. 2013. Vyp. 35. P. 6–32.

Vasil'ev I.I., Zdanovich A.A. General N.S. Batjushin. Portret v inter'ere russkoj razvedki i kontrrazvedki // Batjushin N.S. Tajnaja voennaja razvedka i bor'ba s nej. Moscow: OOO «H-history», 2002. P. 26–28.

Gol'din S. Deportacija russkoj armiej evreev iz Kovenskoj i Kurljandskoj gubernij // Evrei v menjajushhemsja mire: Materialy 5-j mezhdunarodnoj konferencii (Riga, תורוקמ. 16–17 sentjabrja 2003 g.). Riga: Centr izuchenija iudaiki Latvijskogo Universiteta, 2005. P. 260–265.

Gol'din S. Russkoe komandovanie i evrei vo vremja Pervoj mirovoj vojny: Prichiny formirovanija negativnogo stereotipa // Mirovoj krizis 1914–1920 godov i sud'ba vostochnoevropejskogo evrejstva. Moscow: ROSSPJeN, 2005. P. 29–46.

Doznanija i perepiska po delam o grabezhah, maroderstve, torgovle spirtom. 1916 g. // RGVIA. F. 2068. Op. 1. D. 301. 593 l.

Dokladnye zapiski o proekte Polozhenija o polevom upravlenii vojsk. 1913–1914 gg. // RGVIA. F. 2000. Op. 1. D. 2305. 113 l.

Dokumenty o presledovanii evreev // Arhiv russkoj revoljucii. Berlin, 1928. P. 245–284.

Zapadnye okrainy Rossijskoj imperii. Pod red. M.D. Dolbilova i A.I. Millera. Moscow: NLO, 2006. 608 p.

Zapiska A.Ju. Gerovskogo o politike Rossii v Prikarpat'e. Avgust 1914 g. // AVPRI. F. 323. Op. 617. D. 91. L. 8–13.

Zdanovich A.A. Otechestvennaja kontrrazvedka (1914–1920): Organizacionnoe stroitel'stvo. Moscow: Kraft+, 2004. 240 p.

Zolotarev A.M. Voenno-geograficheskij ocherk okrain Rossii i puti v sosednie territorii: Kurs voennyh i junkerskih uchilishh. Saint Petersburg: Tipolit. M.P. Frolovoj, 1903. 246 p.

Iz chernoj knigi russkogo evrejstva. Materialy dlja istorii vojny 1914–1915 godov // Evrejskaja starina. Trehmesjachnik Evrejskogo Istoriko-Jetnograficheskogo obshhestva. Saint Petersburg, 1918. Vol. X. P. 195–296.

Ioffe G.Z. Vyselenie evreev iz prifrontovoj polosy v 1915 godu // Voprosy istorii. 2001. N 9. P. 85–97.

Lor Je. Novye dokumenty o rossijskoj armii i evrejah vo vremena Pervoj mirovoj vojny // Vestnik Evrejskogo universiteta. Moscow; Ierusalim, 2003. N 8 (26). P. 245–268.

Lor Je. Russkij nacionalizm i Rossijskaja imperija. Kampanija protiv «vrazheskih poddannyh» v gody Pervoj mirovoj vojny. Moscow: NLO, 2012. 304 p.

Maksheev F.A. Voennoe hozjajstvo. Kurs Intendantskoj akademii. Chast' tret'ja. Snabzhenija v voennoe vremja. Pg.: Tipografija P. Usova, 1915. 612 s.

Materialy ob organizacii grazhdanskogo upravlenija v Galicii. 1914–1916 gg. // RGVIA. F. 2005. Op. 1. D. 12. 337 l.

Nelipovich S.G. V poiskah vnutrennego vraga: Deportacionnaja politika Rossii v 1914–1918 gg. // Pervaja mirovaja vojna i uchastie v nej Rossii. Moscow: GPIB, 1994. Vol. 1. P. 54–64.

O vyselenii bezhencev. 1916 g. // RGVIA. F. 2032. Op. 1. D. 286. 23 l.

O vyselenii evrejskogo naselenija vo vnutrennie gubernii Rossii i o hodatajstvah administrativno-ssyl'nyh lic ob osvobozhdenii ot vysylki. 1915–1916 gg. // GARF. F. 215. Op. 1. D. 904. 72 l.

O vyselenii nemcev-kolonistov vo vnutrennie gubernii Rossii v svjazi s voennymi dejstvijami. 1914–1915 gg. // GARF. F. 215. Op. 1. D. 524. 324 l.

O kolonistah, vysylke nemcev-kolonistov iz Privislinskogo kraja. 1914–1915 gg. // GARF. F. 215. Op. 1. D. 611. 254 l.

O konfiskovannom imushhestve nemcev-kolonistov, pereshedshih na storonu Germanskih vojsk. 1915 g. // GARF. F. 215. Op. 1. D. 213. 25 l.

O nabljudenii za peredvizheniem nemeckih vojsk na territorii gubernij Carstva Pol'skogo. 1914 g. // GARF. F. 215. Op. 1. D. 167. 132 l.

O prizyve evreev. 1913–1916 gg. // RGVIA. F. 400. Op. 19. D. 37. 342 l.

Ob organizacii Polozhenija o polevom upravlenii vojsk. 1913–1914 gg. // RGVIA. F. 2000. Op. 1. D. 2312. 382 l.

Ob organizacii upravlenija v okkupirovannoj russkimi vojskami Galicii. 1914–1915 gg. // RGVIA. F. 2005. Op. 1. D. 13. 646 l.

Obshhie rasporjazhenija o vysylke evreev. 1915 g. // RGVIA. F. 2049. Op. 1. D. 455. 168 l.

Obshhie rasporjazhenija o vysylke evreev. 1915–1916 gg. // RGVIA. F. 2049. Op. 1. D. 456. 428 l.

Perepiska o vyselenii nemcev-kolonistov. 1914–1917 gg. // RGVIA. F. 2005. Op. 1. D. 28. 336 l.

Perepiska o vysylke kolonistov, evreev. 1915–1916 gg. // RGVIA. F. 1932. Op. 12. D. 67. 692 l.

Perepiska ob ogranichenii v#ezda evreev v Galiciju. 1914–1917 gg. // RGVIA. F. 2003. Op. 2. 1869. 219 l.

Perepiska s gubernskim zhandarmskim upravleniem o zapodozrennyh v shpionazhe. 1914–1915 gg. // RGVIA. F. 1932. Op. 2. D. 340. 451 l.

Podlinnye postanovlenija Varshavskogo general-gubernatora o nalozhenii administrativnyh vzyskanij. 1915 g. // GARF. F. 215. Op. 1. D. 699. 275 l.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie Tret'e. SPb.: Gosudarstvennaja tipografija, 1895. T. XII. 1892 g. St. 8757. P. 480.

Polozhenie o polevom upravlenii vojsk v voennoe vremja: Proekt. Saint Petersburg: Voen. tip., 1914. 67 p.

Poljan P. Ne po svoej vole... Istorija i geografija prinuditel'nyh migracij v SSSR. Moscow: OGI, 2001. 328 p.

Rasporjazhenija Verhovnogo Glavnokomandujushhego. 1914 g. // RGVIA. F. 2019. Op. 1. D. 10. 342 l.

Riber A.Dzh. Menjajushhiesja koncepcii i konstrukcii frontira: Sravnitel'no-istoricheskij podhod // Novaja imperskaja istorija postsovetskogo prostranstva: Sbornik statej (Biblioteka zhurnala «Ab Imperio»). Kazan': Centr Issledovanij nacionalizma i Imperii, 2004. P. 199–222.

Riber A.Dzh. Ustojchivye faktory rossijskoj vneshnej politiki: Popytka interpretacii // Amerikanskaja rusistika: Vehi istoriografii poslednih let. Sovetskij period: Antologija. Samara: Izd-vo Samarskogo un-ta, 2001. P. 94–145.

Rossija. Demografija evrejskogo naselenija Rossijskoj imperii (1772–1917) // Jelektronnaja evrejskaja jenciklopedija. Vol. 7. Stlb. 382 // http://www.eleven.co.il/article/15443 (Data obrashhenija: 01.07.2017.)

Telegrammy P.N. Engalycheva o vysylke nemcev-kolonistov. 1915 g. // GARF. F. 215. Op. 1. D. 460. 35 l.

Holkvist P. Total'naja mobilizacija i politika naselenija: Rossijskaja katastrofa (1914–1921) v evropejskom kontekste // Rossija i Pervaja mirovaja vojna: Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma. Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin, 1999. P. 83–101.

Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // The Russian Review. 2001. Vol. 60. N 3 (Jul., 2001). P. 404–419.

И.И. Глебова

РОССИЯ–1917: ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО ВЫБОРА

Аннотация. *В статье предпринимается попытка рассмотреть истоки, предпосылки и динамику Русской революции. Главный вопрос, которым задается автор: действительно ли она может быть вписана в ряд европейских революций конца XIX – начала XX в.?*

Ключевые слова: *Россия, Февральская революция, Октябрьская революция, Первая мировая война, большевики.*

Глебова Ирина Игоревна – доктор политических наук,
руководитель Центра россиеведения ИНИОН РАН, Москва.
E-mail: glebova.i.i@yandex.ru

I.I. Glebova. Russia–1917: The Problem of Historical Choice

Abstract. *The article deals with the origins, background and dynamics of the Russian Revolution. The main question the author is interested in is whether we can fit it in one line with the European revolutions of the late 19th – the early 20th century?*

Keywords: *Russia, the February revolution, the October revolution, the First World War, the Bolsheviks.*

Glebova Irina Igorevna – Doctor of Political Sciences,
Head of the Center of Russian studies of the Institute
of Scientific Information on Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow.
E-mail: glebova.i.i@yandex.ru

Возвращение Октября

2017-й год в России идет под знаком революции. В России вообще вспоминают юбилеями – это традиция (история революции активнее всего разрабатывалась в 1927, 1957, 1987, 1997 гг.), а тут еще магия даты – 100-летие

требует воспоминаний. И главная юбилейная интонация – именно вспоминательная: 1917-й год – наше прошлое. Разговоры о революции – в основном ретроспективные; их ведут историки – о причинах и мотивах, ходе и «выходе», правых, виноватых и ошибавшихся.

Главный итог юбилейного года видится мне в том, что Россия оказалась неспособна вырваться из плена Октября. Наша революция теперь уже навсегда останется Октябрьской; когда говорят о Великой русской революции[1], имеют в виду именно Октябрь. Февраль по-прежнему в тени – малопонятен, малоинтересен; царская Россия – лишь исторический материал для выстраивания логики революции[2].

«Большой стиль» русской революции

Революционный год (от февраля 1917 – до января 1918 г.)[3] оказался для России временем исторического выбора: какой будет страна, кто (какие силы) станут направлять ее в истории. Структура гражданской войны, из которой выйдет совсем *другая* страна (уже не царская и не февральская), определилась тогда.

Страна ответила на Февральскую революцию атмосферой эйфории, явленной большей частью столицей и большими городами, и общенациональной готовности к переменам[4]. Однако с ликвидацией старой власти

1. Это новая официальная формула событий 1917–1921 гг. (дана в Историко-культурном стандарте 2013 г., наделавшем много шума). Юбилей должен был ее закрепить. В ее основе – не просто историографическая отсылка к Великой Французской революции (республиканскому мифу о ней), но попытка подогнать русскую революцию под европейскую «норму». Надо сказать, что у этой формулы есть «предшественники» – вспомним хотя бы волошинский «Мартобрь» (точнее, метафора это гоголевская, но М. Волошин перекинул ее на свое время).

2. 1861-й год породил 1905-й, 5-й год – «генеральная репетиция» 17-го (ленинские трактовки по-прежнему актуальны); 1914–1916 – мировая бойня и романовско-распутинское разложение и т.п.

3. Год был длинным: От «медовой» (по определению З.Н. Гиппиус) февральско-мартовской революции до разгона Учредительного собрания, с которым она связывала все надежды, свое будущее. Именно тогда, как полагает Ю.С. Пивоваров, и победил Октябрь.

4. Многочисленные описания революции (первых «дней свободы»), по существу иллюстрируют короткую формулу современника: «радостное, “весеннее” возбуждение» [15, с. 193]. Емкость (второй план) придают ей такие свидетельства: в провинции известия о событиях в Петрограде, полученные 1–2 марта, особенного впечатления на население не произвели; настроение было безучастным и сдержанно-любопытным. Именно в этом современники видели особенный характер революции: «Все ждали, что будет и не выражали сочувствия ни той, ни другой стороне. Никто не только не пожелал выступить в защиту правительства, но… не выразил даже

(«старого режима») революция не остановилась – не закончилась. Напротив, шла эскалация революционного процесса. Страна все больше разворачивалась к гражданской войне, внутренне на нее настраивалась, в нее втягивалась. Август-сентябрь 1917 г. – пик этой эскалации. – Россия забалансировала на грани. Нужен был только толчок, чтобы сорваться.

Тут возникает вопрос: почему? Как мне представляется, одна из причин – в том, что революционный процесс, который нашел разрядку в Феврале 17-го, был не единственным. Это соединение и конфликт принципиально разных движений: февральского демократического, народных (историки говорят об общинной революции 1917–1918 гг., но сюда следует отнести и процессы в городе – в основном в Петрограде) и большевизма (о структуре русской революции см.: [14, с. 27–44]). Каждое из этих движений имело целью перестроить («пересоздать») Россию. То есть революция есть сложное (в социальном и культурном отношениях) явление, сразу вышедшее за рамки политики. Этим обусловлены ее особый облик, стиль, последствия.

Об исторических предпосылках Февральской революции

Февраль был первым из исторических выборов 1917 г. Эта революция имела долгую историю, завершив по крайней мере столетний спор власти и общества о том, какой быть России. То есть при всей необязательности и исторической «ненужности» Февраль 17-го был неслучаен.

Так завершилось историческое противостояние «образованного меньшинства» с породившей его (когда-то) властью (напрашиваются аналогии с конфликтами: отец–сыновья, творец–дети / ученики). Вследствие долгой культурной эволюции («отбора», воспитания, накопления культуры) в России к началу XX в. появилось общество, имевшее многие черты гражданского[5]. Оно не только прошло пору ученичества (прямого следования за европейской

сожаления о падении его». Не было ничего, что говорило бы «о возможности движения провинции против Петрограда» [15, с. 32–33]. Чем дальше от центра, тем больше были выражены эти настроения.

5. Мы привыкли считать тех, кто его составлял, малоэффективными, неопытными, неврастеничными хлюпиками, посредственностями, историческими неудачниками. Это взгляд в перспективе поражения: раз проиграли – значит, «лузеры», не заслуживающие ни понимания, ни снисхождения. Здесь чувствуются ленинское: «интеллигенция – это говно нации», сталинское: «спецы» – «пятая колонна», «пособники внешнего врага». Эти оценки не вытравить ни из простого обывателя, ни из профессионального исследователя. Они, однако, характеризуют нас, нынешних, а не русское общество начала XX в. Ничего лучше (мощнее, разнообразнее, обученнее, опытнее и результативнее) в нашей истории не было. Наше же к ним отношение похоже на то, как они сами воспринимали «николаевское самодержавие».

культурой)[6], но и преодолело детскую зависимость от власти – выросло из той системы отношений, которые последняя выстроила и где желала быть всем. Русское общество, с которым (и «через» которое) Россия вошла в XX в., было во всех отношениях моде́рным. Ему свойственны тоска по обновлению, неутомимые искания «новой правды», новой веры, новых ценностей и ориентиров. В нем жил дух «бунтарства»; поиск, эксперимент и т.п. – естественный способ его существования, самореализации; его время – это современность / будущее, а не настоящее / прошлое. Оно было до крайности самоуверенно, победно, заряжено на социальное творчество; хорошо сознавая свои силы, отказывало в каких-либо перспективах «самодержавию».

Если общество уверовало в собственную сверхполноценность, наращивая тщеславие и готовясь делать карьеру в истории, то власть погрязла в комплексах неполноценности, остро переживала свою «неудачливость». Она «состарилась», истощила запас творческой (как консервативной, охранительной, насильственно-репрессивной, так и модернизационной, преобразовательской) энергии. Ее перспективы были отягощены прошлым; власть перестала побеждать, усваивала роль жертвы, была обречена отступать под общественным натиском со всех сторон (даже «изнутри» – со стороны нового двора, бюрократии, генералитета).

Этим во многом объясняется тот факт, что самодержавие, долго бывшее в России «единственным европейцем», консерватором и реформатором в одном лице, сильно ослабило модернизаторские функции. Оно утратило монополию на революционизм (эпоха перестроек России в формате монархических «революций сверху» закончилась), растеряло этос социального творчества. Пространство, традиционно принадлежавшее власти, неуклонно сокращалось (политические контрреформы конца XIX и начала XX в. были ограниченным административно-репрессивным средством торможения этого процесса). Функции социального переустройства перехватило общество. В стремлении подчеркнуть свою новую – социально-творческую, креативную, развивающую – роль оно и присвоило власти статус реакционера, отжившего (пережитого Россией) явления, олицетворявшего «темное» прошлое и туда тянувшее[7].

Трансформация элиты должна была получить внешнее, формальное выражение. Борьба общества с властью была борьбой за новые формы, создающие благоприятную рамку для дальнейшего обновления страны. Отчетливее

6. Западные русисты отмечают, что русское общество в начале XX в. чувствовало себя вполне европейским, а Россию полагало частью Европы; что в стране бурно развивалась «буржуазная культура», формировалось «новое гражданское сознание» (см., напр.: [21, p. 222]).

7. Это представление никуда не ушло. См., напр.: [20, p. 9–25].

всего это демонстрирует сфера политики: собственно, ее появление служило показателем перемен, люди политики были авангардом модернизации. Политические элиты располагали силой и решимостью играть самостоятельную роль и определять социальные ориентиры, не просто стремились к расширению пространства своей деятельности, но требовали тотального, принципиального изменения (осовременивания по европейским образцам) оснований элитообразования, воспроизводства власти. Поэтому в России оказались одинаково возможны как масштабные реформы, так и революционная ломка старой системы.

В этом – и только в этом – смысле модернизировавшиеся элиты противостояли самодержавию, отмежевывались от него. Только в этом смысле власть и была им чужда. В остальном тогдашняя монархия соразмерна современному ей обществу: она принадлежала верхнему культурному слою (России европеизированных, образованных «верхов»), «генетически» связывая его с «Европой избранных». Более того, по своим внутренним параметрам (соотношению либерального и насильственного эксплуатационного, т.е. собственно «руссковластного»), самодержавие начала XX в. гораздо ближе к европейским «родственникам», чем к собственным «прародителям» (из XVI, XVIII и даже XIX вв.).

К началу XX в. русская власть обрела то качество, которое не позволяло ей сделать систематический террор средством удержания своего господства. Для нее многое (из прежнего) стало невозможно, непозволительно. В России это принято считать слабостью, для власти непозволительной и преступной. Мне представляется, что в этом была ее сила. Гуманизация («очеловечивание», демократизация) – мера исторической эволюции русской власти; благодаря этому она могла бы продолжиться – «вписаться» в новые времена[8]. Самоограничение власти в 1905 г. было естественным следствием длительной эволюции, в ходе которой «взрослело» общество и растрачивался сило-

8. Гуманизация – это и есть путь ограничения власти. Известная николаевская самохарактеристика, так раздражавшая общественников: «Хозяин Земли Русской» – вовсе не утверждение идеала самовластия в грозненском («а жаловать своих рабов… и их казнить») или петровском («поднять Россию на дыбы» и на дыбу) смыслах. Времена настали другие; изменилось общество – поменялась власть. Именно в этот момент ее и убрали. Собственно, это и есть главный вопрос, заданный русской революцией: почему мы терпим власть насильничающую, а не насильничающую не любим, порочим, презираем, свергаем? Неужели именно первая «социально» близка? – Так что же мы за общество, чего хотим?

вой, полицейский (т.е. собственно кратократический[9]) властный потенциал. У этой эволюции были шансы продолжиться.

Мировая война обострила все старые проблемы страны и породила новые. Она изменила русское общество: чрезвычайно раздражила и ожесточила, сделав в то же время избирательно легковерным и утопическим. Иначе говоря, явилась первым пунктом в повестке русской революции. Именно под влиянием (давлением) войны образованный обыватель к концу 1916 г. свыкся с идеей смены действующей власти. «…Страна полна слухов, которые показывают полное падение доверия к управительным способностям Государя и какое-то прямо *желание* переворота. В перевороте видят единственный способ уничтожить измену… – фиксировал в дневнике Л.А. Тихомиров, тонкий бытописатель и "социолог" того времени. – Пожалуй, и народ, и армия в общем *за него* (за императора. – *И. Г.*), но очень условно, а именно не веря его способности управлять и даже вырваться из сетей "измены". Ну при таком настроении весьма возможна мысль – вырвать его силой из рук "измены" и дать ему других "помощников"… И это – вовсе не настроение одних "революционеров", не "интеллигенции" даже, а какой-то огромной массы обывателей… Теперь против Царя – в смысле полного неверия в него – множество самых обычных "обывателей", даже тех, которые в 1905 г. были монархистами, правыми и… стояли против революции» [9, с. 331].

Через поиск «врагов», критику власти (царя, двора, бюрократии и т.п.) преодолевались ставшие всеобщими трагическое ощущение невозможности больше жить в войне (войной), потребность сбросить ее чудовищное напряжение. Революция должна была встряхнуть, радикально изменить жизнь – конечно, к лучшему. По существу, и общество (гражданское и политическое), и обычный обыватель (а в войну «обыватель» торжествовал над внутренним «гражданином») были и не то чтобы против Николая, властей, но против войны: желали выйти из нее – как угодно. Такой выход и увидели в революции. В то, что войну можно закончить военным путем (сражаясь), зимой 1916–1917 гг. кажется, не верил никто (кроме царя и военного руководства), а вот в революцию – как желанное будущее, альтернативу войне – поверили. При этом переворот представлялся актом против «измены», которая, якобы, мешала России победить[10].

9. Обратим внимание на этимологию греческого слова «kratos»: прежде всего оно означало «силу» (не физическую, а способность одолеть в борьбе), а позднее приобрело значение «власти» и «управления» [16, с. 12].

10. Современные исследователи указывают на «всеобщую уверенность в том, что все или почти все отступления и катастрофы России в этой войне могут быть отнесены на счет измены» [19, с. 506]. «Параноидальная атмосфера, в которой политические силы слева, справа и из центра обрушивались на высших представителей государства и друг на друга с обвинениями в измене, не слишком способствовали стабильности режима и военным успехам», – подчеркивает У. Феллер [19, с. 218].

Парадокс: антивоенная, по существу, революция имела имидж (а отчасти и была) военно-патриотической; революция во имя победы – так ее мыслили общественники, так воспринял и обыватель. Но главное: едва ли не всем казалось, что это путь в нормальную жизнь, возвращение к нормальности. А вот народу (рабочему, солдату, крестьянину) революция была «интересна» как возможность «прикончить» войну, переключиться на «внутреннего врага». Об этом настрое, бессмысленном и беспощадном, свидетельствовал осенью 1916 г. тот же Тихомиров: «…в народе назревают самые бесшабашные бунтовские инстинкты, и грозят реками крови» [9, с. 210, 314].

Февраль 1917 г. было бы неверно ограничивать действенной («технической») частью. Ему предшествовала «революция сознания». Февралисты – прежде всего думские, кабинетные, салонные революционеры. По мере «углубления» войны они все больше становились трибунами и глашатаями революции. Через тексты, выступления, беседы, встречи и проч. февралисты готовили страну к Февралю, формировали в умах «установку» на революцию, «лепили» из себя революционеров.

Казалось, и «революция действия» должна была быть во всех отношениях общественной – по целям, движущим силам и методам, по результатам. Но Февраль 1917 г. неожиданно для всех (царя, политиков, бюрократии, полиции) оказался многосоставным событием, где результировались разные социальные темы, требования, переживания, движения. Успех же петроградской революции обеспечило соединение протестного творчества («восстания») масс с политической волей общественных элит, выстроивших новую власть (альтернативу «старой»). Новизна, демонстративные (до нарочитости) демократизм и «народность» были ее преимуществами перед «николаевским самодержавием».

Мировая война началась и закончилась[11] вспышками социального единства, для России вообще-то не характерного. В августе 1914-го, как и в феврале 1917-го, на исторической сцене действовал народ. Только войну он встретил патриотическим, милитарным, самодержавным, а в революции был антивоенным и антивластным. На короткий миг Февраль объединил то, что столетиями сцепляла монархия: два враждебных склада русской жизни, две субкультуры – «верхнюю» (интеллигентскую, европеизированную, давшую России тип современного человека) и «низовую» (традиционалистскую, архаичную, взбудораженную и раздраженную модернизационными экспериментами субкультуры «верхов» на рубеже XIX–XX вв. – просто потому, что они означали вторжение в ее жизнь, изменение ее внутреннего строя, ее

11. Я полагаю, что Февраль 1917-го поставил для России точку в той исторической эпопее; усталость от войны, напряженное ожидание ее окончания разрядились в революции (подробнее см.: [7, с. 329–347]).

органики), составлявшую основную массу народонаселения. Потому и стал подлинно народной революцией.

Иначе говоря, революция – как идея и социальная практика – объединила простой народ и интеллигенцию, светско-политическую часть общества и церковь и т.п. Сообща они и скинули с себя историческую скрепу: русская монархия пала. Не ушла, а именно пала – под общим натиском общества и народа. Монарха свергли, династическая линия во власти не продолжилась. Одни считают это главным историческим достижением, другие – грехом (преступлением) Февраля. В любом случае Февраль создал другую страну; она родилась буквально в день отречения Николая II.

Февралисты у власти

Февраль 1917-го – пик эмансипационного процесса, продолжавшегося в России с Великих реформ 1860–1870-х годов (и одна из возможных радикальных на него реакций). Деятели этой революции принадлежали русскому освободительному движению, воплощали в жизнь эти идеалы. Они представляли ту современную (моде́рную) Россию, которая появилась, набрала сил и вполне определилась в недрах «старого порядка» (того, что она полагала старым порядком). Казалось, она и поведет страну в XX в. Победив, лидеры Февраля стали строить *новую* Россию: по своему образу и подобию. Но как раз это и не удалось – как творцы нового мира они потерпели поражение.

Февраль подвела тотальность победы. В отличие от революции 1905 г., где возобладал компромисс – власть и общество пошли на взаимное самоограничение, в феврале 1917 г. «организованная общественность» полностью и окончательно уничтожила «самодержавие»[12]. Из политики были исключены все политические силы, не связанные происхождением с освободительным движением / традицией (те, что правее кадетов) – как «контрреволюционеры». Лидеры Февраля сделали исключительную ставку на новую,

12. Я беру это слово в кавычки: ибо после Первой революции характеристика русской монархии как «самодержавной» уже не является адекватной. Ошибка всех исследователей революции – в том, что монархия и бюрократия настойчиво и последовательно исключаются из эмансипационного процесса. Притом весь негатив истории русской свободы списывается на них. Основы этой традиции заложили февралисты (так их новая Россия наращивала субъектность). Но вот интересный факт. Выбирая для себя прошлое (общенациональные праздники), они остановились на следующих датах: 19 февраля – день освобождения крестьян от крепостной зависимости, 17 октября – «день установления в Российском Государстве первого конституционного строя», 27 февраля – «в память Великой Российской революции, когда сам народ в лице Исполнительного комитета Государственной думы взял власть в свои руки» (см.: [10, с. 326]). Здесь февралисты адекватны истории: монархия – фигурант освободительной традиции.

революционную легитимность[13]. Но она не могла гарантировать устойчивость, стабилизировать революцию; апелляция к ней была связана как раз с социальной радикализацией.

Февральская власть сразу пошла на радикальные меры: сделала ставку на всеобщность прав (максимально широкую демократизацию), всеобщее избирательное право, «гражданский строй» (общественную самоорганизацию); отменила всё «старорежимное» – в том числе местную администрацию, полицию, т.е. необходимые управленческие, правозащитные механизмы (возможно, плохие, но традиционные, привычные). Происходила не незначительная перестройка (обновление «здания» – своего рода евроремонт), но полная перемена – настоящая агрессия политической современности[14]. Россия, в значительной степени истощенная, разложенная и ожесточенная мировой войной, была плохим испытательным полигоном для такого рода экспериментов.

Именно в попытке реализовать свою утопию, а не в неспособности справиться с упавшей в руки властью, – главная проблема Февраля. Конечно, февральские политики вовсе не желали обрушить страну – только улучшить, осовременить (кстати, таковы же были намерения М.С. Горбачёва, Б.Н. Ельцина – всех реформаторов от власти, народных освободителей). Однако ускорили процесс не эмансипации, а энтропии, хаоса, распада. З.Н. Гиппиус в августе 1917 г. задавалась вопросом: «Отчего свобода, такая сама по себе прекрасная, так безобразит людей? И неужели это уродство обязательно?» [6, с. 545]. Русская революция впервые в XX в. так отчетливо продемонстрировала: эмансипационные процессы несут в себе огромные риски, и в отсутствии ограничительных рамок негативные тенденции побеждают. Причем происходит это как-то незаметно, исподволь. Вот что вспоминал о влиянии Февраля современник, тогда подросток: «…школьная жизнь пошла вкривь и вкось. Не знаю, что было тому причиной: в укладе… дорогого частного учебного заведения ничего не изменилось, кормить продолжали нас прекрасно, прислуга продолжала называть нас, при случае, “барчуками”, никаких митингов… Учителя наши.., как и раньше, никак не влияли на нас политически, но… учение и дисциплина разваливались сами собой» [15, с. 184].

13. Сообщая на митинге в Таврическом дворце 2 марта 1917 г. об образовании Временного правительства, П.Н. Милюков в ответ на вопрос: «Кто вас выбрал?» воскликнул: «Нас выбрала русская революция» [18, с. 155–156].

14. Февралисты казались политиками-реалистами, пытавшимися чуть «подтянуть» Россию к европейской норме («уравнять» с Европой). Но как практики власти они были совершенными революционерами: пытались рвануть страну из <проклятого> прошлого в <счастливое> будущее; в реализации демократического идеала далеко опередили тогдашнюю Европу.

Великая Освободительная революция совершенно неожиданно для ее лидеров пробудила не созидательный энтузиазм, а социальные болезни. А.Ф. Керенский указывал на «своеобразнейшее явление революционной эпохи – массовую, болезненную лень»: «Солдаты переставали рыть окопы, нести службу, сражаться. Рабочие переставали работать. Чиновники забывали о своих канцеляриях. Вся деловая, трудовая жизнь огромной страны замирала. Всюду раздавались только бесконечные речи, прения, рассуждения» [5, с. 342]. О том же писал И.А. Бунин: «На всем… пространстве России… вдруг оборвалась громадная, веками налаженная жизнь и воцарилось какое-то недоуменное существование, беспричинная праздность и противоестественная свобода от всего, чем живо человеческое общество» [3, с. 155]. Февральская революция намеревалась освободить труд[15], но привела к освобождению от труда.

Граждане новой России превращались из служащих (и служивых) – в освобожденных от службы, из работающих – в безработных (в смысле нежелания тяжело и эффективно работать, утраты этого навыка). В стране распадались любые трудовые «ассоциации», производственно-технологические и информационно-управленческие структуры, нарушались связи (социальные коммуникации). Создалась невиданная ранее ситуация: большинство населения вдруг стало балластом – асоциальными элементами, не работавшими на ниве создания общественного продукта. Единственная партия, которая могла победить в таком «обществе», – партия освобождения от труда.

Это происходило и в непосредственной близости от власти. Февраль привел не к «пересозданию» государства[16], а к разложению государственного механизма. Он попросту разладился: там едва ли не раньше всего воцарились расхлябанность, рассредоточенность, безработность. Служащие «большую часть своего времени заняты словоизвержением в советах или манифеста-

15. Символично название первой организации русских марксистов: «Освобождение Труда».

*16. Стремление построить свое государство (перезагрузить / перезапустить его – как компьютер) характерно для всех революций. Утопия февралистов (русской либерально-демократической интеллигенции) требовала **современного** государства, которое соответствовало бы гражданскому обществу (составляло ему пару). И здесь очевидно противоречие между идеологией и практикой. Февралисты (во всяком случае, кадеты) были сторонниками сильного государства, но их действия, по существу, вели к «минимизации» властно-бюрократической вертикали – переходе на общественную горизонталь. А это – радикальный вызов не только национальной традиции, но и реалиям тотальной войны: тогда государство не просто укреплялось, но в нем нарастали тоталитарные тенденции. Интересно, что большевики, стоявшие за отмирание государства, едва придя к власти, подчинили «умирающему» всю политическую, хозяйственную, культурную и т.д. жизнь общества.*

циями на улицах» [12, с. 449], – отмечал уже в марте 1917 г. французский посол в России М. Палеолог. В Военном министерстве, например, началась борьба за шестичасовой рабочий день и шла массовая запись в эсеры [5, с. 342–343]. О результатах этой борьбы вспоминал А.И. Гучков: когда понадобилось издать «очень спешный» циркулярный приказ, оказалось, что в Главном управлении Генерального штаба это некому сделать. Был введен шестичасовой рабочий день и в пять часов в штабе еще оставались писари, но не было офицеров. «Главное управление Генерального штаба – война идет! Демократические требования [эти офицеры] применяли прежде всего к себе, вместо того, что писарям показать пример характера, выдержки. Это был крайний трагизм. Я чувствовал, что все слякотно, все расползалось» [1, с. 134]. Утрата управленческих навыков, падение организационной культуры не позволяли контролировать сложнейшие социальные процессы, воздействовать на них.

По существу, к концу апреля – началу мая либеральная революция образованной, европейски воспитанной (во всех смыслах) России выполнила свои задачи[17].

Массовизация революции

1917-й год – это время не только общественного брожения, но и народного взрыва, целой серии революций: рабочих, солдат, городских низов, крестьянства. Происходила массовизация революции, началось всероссийское «восстание масс», которые по своему радикализму были сродни средневековым протестным движениям. Через Февраль 1917 г. Россия выскочила в массовое общество (точнее, оно вышло из революции)[18].

Массовые революционные движения имели, конечно, причины социального (социально-экономического) характера. В то же время были следствием процессов, которые шли в стране с 60-х годов XIX в., и мировой войны. Однако их главный источник – сама революция. Послефевральский народ – это

17. Пожалуй, главная тема, открытая для науки этой революцией – уязвимость демократического устройства, его зависимость от конкретных условий (времени и места), а также вариативность демократий. Выскажу предположение: России начала XX в. более всего соответствовал политический режим 1906–1914 гг. – это ***ее мера*** *демократии (демократический размер). Послефевральские же свободы оказались для страны чрезмерны (прежде всего, культурно, ментально). Проблема Февраля состояла в том, что февралисты (общество, интеллигентный обыватель) эту меру уже превзошли (переросли), а большинство народа до нее еще далеко не дозрело.*

18. ***Оно*** *формировалось со времен Великих реформ – под влиянием индустриализации, урбанизации; новый импульс получило в 1905–1906 гг. с рождением массовой политики. Тотальная война и социальная революция окончательно его оформили.*

совсем иная социальная среда («почва»), чем рабочие, солдаты, крестьяне царской России. Народ менялся в ходе революции, в ответ на нее. «Политический радикализм интеллигентских идей» соединился с «социальным радикализмом народных инстинктов»[19], что дало разрушительный эффект.

Историки много пишут о том, что после Февраля в деревню ринулись дезертиры. Эта взрывоопасная масса, озлобленная и надорванная войной, послужила катализатором «передельной революции», а потом, в Гражданскую, составила основу крестьянского повстанчества. Но резервы народной революции имелись и в больших городах – Петрограде, Казани, Нижнем Новгороде и др. (где было сосредоточено большое количество запасных полков). Социальное пространство там было чрезмерно засорено: из-за войны и революции скопилось огромное количество практически ничем не занятых людей (беженцев, дезертиров, запасных, а также профессиональных революционеров). Многие из них были вооружены (не случайно большевики занимались затем всеобщим разоружением народа). Этот социальный потенциал мог быть задействован как угодно и кем угодно.

«Лабораторией» народной революции – местом, где творилась новая социальность, – стали улицы Петрограда. Вот характерная зарисовка, относящаяся к самому началу апреля 1917 г.: «С раннего утра и до поздней ночи улицы города были переполнены толпами народа. Большую часть их составляли воинские чины. Занятия в казармах нигде не велись, и солдаты целый день и большую часть ночи проводили на улицах. Количество красных бантов, утеряв прелесть новизны, по сравнению с первыми днями революции, поуменьшилось, но зато неряшливость и разнузданность как будто еще увеличились. Без оружия, большей частью в расстегнутых шинелях, с папиросой в зубах и карманами, полными семечек, солдаты толпами ходили по тротуару, никому не отдавая чести и толкая прохожих. Щелканье семечек в эти дни стало почему-то непременным занятием “революционного народа”, а так как со времени “свобод” улицы почти не убирались, то тротуары и мостовые были сплошь покрыты шелухой» [4, с. 27]. Это типовое описание Петрограда; с Февраля 1917 г. город стал именно таким. А семечки – знак праздника / праздности; означают праздное времяпрепровождение в деревне.

В послевоенных дневниках Карла Шмитта есть такое замечание: «Человек с улицы – господин улицы; это и есть современная демократия» [22, S. 12]. В Феврале народ (солдат, матрос, рабочий, городские низы) и явился как господин петроградской улицы: эмансипировался и почувствовал себя реальной исторической силой. Послефевральское время (до большевиков, до Гражданской войны) – самое для него счастливое. Он – главный бенифициарий,

19. Эти слова П.Б. Струве, сказанные им после Первой революции, точно характеризуют и 1917 г. [17, с. 148].

настоящий диктатор 1917 г. (не Керенский, не Ленин, не Троцкий). Сбросив с себя путы «старого мира» (все ограничители / ограничения, которые тот на него наложил), «господин улицы» освободился от тяжести всяких социальных обязательств – стал сам себе хозяином. Он принес в революцию свои желания, свои темы. В конечном счете он и распорядился страной, как умел.

Послефевральский народ стал свободен и празден – не нацелен на труд, созидание. «Кучками шатаются праздные солдаты, плюя подсолнухи. Спят днем в Таврическом саду. Фуражка на затылке. Глаза тупые и скучающие, – скажет в августе 1917 г. З.Н. Гиппиус. – Скучно здоровенному парню. На войну он тебе не пойдет, нет! А побунтовать… это другое дело. Еще не отбунтовался, а занятия никакого» [6, с. 535]. Перед нами – *бывшие* солдаты, *бывшая* армия, превратившаяся в вооруженную орду. Вид этих солдат-крестьян, «разнузданный и расхлестанный» (так его характеризовали современники), – это политическое заявление: символ пораженчества, дезертирства. С этими людьми нельзя было вести войну – во всяком случае с внешним врагом. Народ освободился – от службы, от обязательств и обязанностей (прежде всего в отношении государства / революции и иных подобных абстракций). Показательно: в те дни, когда «новые петроградцы» лузгали семечки, «корпорация» дворников постоянно отказывалась от профессиональной обязанности – убирать, заявляя, что это не их дело.

У «господина» петроградской улицы появились дела поважнее прежних (царского времени); он был занят митингами, манифестациями. «С тех пор, как началась революционная драма, не проходит дня, который не был бы отмечен церемониями, процессиями, представлениями, шествиями, – указывал М. Палеолог. – Это – непрерывный ряд манифестаций: торжественных, протеста, поминальных, освятительных, искупительных, погребальных и пр. …Все общества и корпорации, все группировки, – политические, профессиональные, религиозные, этнические, – являлись в Совет <рабочих и солдатских депутатов> со своими жалобами и пожеланиями… Таврический сад видел за своей оградой прецессии евреев, мусульман, буддистов, рабочих, работниц, учителей и учительниц, молодых подмастерьев, сирот, глухонемых, акушерок. Была даже манифестация проституток» [12, с. 447–448].

А вот как французский посол описывает одно из таких торжеств (на Марсовом поле 23 марта 1917 г. – в память жертв революции): «Ораторы следуют без конца один за другим, все люди из народа, все в рабочем пиджаке, в солдатской шинели, в крестьянском тулупе, в поповской рясе, в длинном еврейском сюртуке. Они говорят без конца, с крупными жестами… Большинство речей касается социальных реформ и раздела земли. О войне говорят между прочим и как о бедствии, которое скоро кончится братским миром между всеми народами» [12, с. 451]. Всего этого было так много, что «кто-то из иностранцев, побывав… в Петрограде, сказал, что русская столица

с ее бесконечными митингами, проделками “анархистов”… и т.д. напоминает ему грандиозный дом для сумасшедших» [13].

Палеолог относил эти разговоры на счет особой природы русских; однако это не было просто эмоциональной разрядкой, одним из видов революционных развлечений. Послефевральские уличные разговоры – поиск способов самовыражения: языка, без которого невозможно построить новую идентичность, новую реальность. Причем как вид говоривших, так и качество разговора точно характеризуют нового «господина улицы». Он – не демократ, не гражданин. Для него это – пустые слова; вообще, язык Февраля не переводим на народный (к примеру, слово «оратор» солдат-крестьянин на фронте и в тылу переводил для себя так «оратель» – тот, кто орет, громко говорит). Если характеризовать этот тип с помощью концепции политической культуры, то ему идеально подходит определение «парохиал». Это тот, кто вне политики (она для него не существует – он не понимает смысла политических действий), он – локалист (его не интересуют темы и проблемы, непосредственно с ним самим не связанные), недоверчив (враждебен политике, политикам, государству; доверяет исключительно ближнему кругу, «своим»), нацелен на прямые насильственные действия (считает, что права, власть можно только отнять, захватить – взять силой), политически безответственен (бессознательно живет в политике, действует «как все» – «миром», «скопом»).

Иначе говоря, это не современный политический человек, но победившая архаика, отменяющая политику. Этот «господин улицы» внеположен гражданской политической культуре – и в этом смысле органически враждебен Февралю. Он отрицает идеалы этой революции; они ему недоступны – он до них не «дорос». По существу, именно этот гражданин – главный контрреволюционер 1917 г. Но он в полной мере воспользовался плодами Февраля – чтобы стать именно «господином»: заявить о себе, приобщиться к власти, начать творить *свой* новый мир.

Местом первоначального действия (пробы сил, «разминки») и стал для него Петроград. Он – не просто новый (а потому «плохой») горожанин, но человек, враждебный городу (из деревни – патриархальный, традиционалистский), напуганный им и взявший у него реванш. Петербург как бы провоцировал на это – тем, что был именно городом (в европейском смысле – по организации, архитектуре, стилю и образу жизни горожан). Занесенные сюда ветром революции солдат-крестьянин, матрос, всякий пришлый элемент и преодолевали это давление – преображали город, делали «своим». Не случайно они оперировали именно в центре; рабочие окраины были им ближе, доступнее, понятнее, а значит, малоинтересны. Петроград их не абсорбировал – попросту не мог переварить такую массу.

Но было и еще одно. В народной культуре как бы воспряло кочевое начало; тысячи и тысячи людей оказались вне налаженной (оседлой) жизни –

пустились кочевать. И раскинули свои «кочевья» (становища, «привалы») в главном городе «оседлой», европейской, т.е. чуждой им культуры (ее символе). Семечки, мусор, загаженные парки, разбитые статуи, обездвиженные трамваи – это «присвоение» / захват Петербурга-Петрограда. Об историческом значении этого захвата сказал О. Мандельштам: «Скифский праздник на брегах Невы». Город переставал быть прежним – становился *народной* столицей: Ленинградом. С этого начались процессы де-европеизации (после двух столетий европеизации) России, де-урбанизации (по определению А.С. Ахиезера, следствием революции стала не урбанизация деревенской России, а «деревенизация» города [2, с. 554]).

Революционный народ: «Кто был ничем…»

А.Ф. Керенский на одном из своих многочисленных выступлений возглашал: «Основное положение демократии – все равны». Так он разъяснял смысл «Декларации прав солдата» (11 мая 1917 г.), отменившей обязательное отдание чести в армии, т.е. фактически уравнявшей офицеров и солдат. Уравнение (именно уравнение: материально-имущественное и социальное, а не равенство – в правах – вместе с братством и свободой) – главное слово народной революции[20].

С первых дней Февраля обнаружился передельно-уравнительный характер народных движений. Показательно: солдаты и матросы (их вооруженный, силовой фактор) выступили за уничтожение социальной иерархии (как «старорежимной) – поначалу символическое. В армии развернулась настоящая война за отмену традиционного приветствия старших по званию (отдания чести) и ликвидацию погон («обеспогонивание») [10, с. 140–228], которые воспринимались как знак принадлежности к привилегированному («высшему») сословию, символ власти, принуждающей к исполнению своей воли. По существу, речь шла об анархическом бунте против всего этого, а также об отмене авторитетов – всяких отношений, основанных на авторитете и ответственности.

Февраль 1917 г. фактически дал старт гражданской войне, которая шла поначалу в символических формах: против царских орлов и орденов, офицерских погон и проч. – всех символов власти, статуса, богатства (да и просто

20. Вот что писал об этом Максим Горький: «…моему народу свойственно тяготение к равенству в ничтожестве.., исходящее из дрянненькой азиатской догадки: быть ничтожным – проще, легче, безответственней» [8, с. 207]. Конечно, у «уравнения» была и высокая мотивация – потребность в социальной справедливости. Для социальности этого типа она имеет особое значение, является неразрешимой проблемой – и теперь, спустя столетие. А тогда реализовалась через удовлетворение уравнительно-передельных «дрянненьких» инстинктов.

достатка). Все это – элементы образа врага, чрезвычайно важного для народной революции, имя которому: «буржуй». Первым этапом борьбы с ним, в которой применялось массовое насилие, и была антиофицерская кампания. Так, солдаты одного из пехотных полков заявили в мае 1917 г. командиру своего корпуса, что единение с офицерами возможно, если те «откажутся от буржуазии и полностью перейдут на сторону пролетариата». Офицер одного из артиллерийских дивизионов, дислоцированных в Твери, сообщал начальству летом 1917 г.: «Война капитализму понимается как призыв к немедленному уничтожению капиталистов и буржуев, – причем, под этим понимаются все те, кто не в солдатской форме». Даже унтер-офицеров, произведенных в прапорщики, нижние чины воспринимали как предателей своего «класса»: «Надел погоны офицерские, значит, продался буржуазии» [10, с. 209].

Мир без «буржуазии» (попов, помещиков и капиталистов) – вот идеал народной революции. Солдат восстал против офицера – чтобы «уравнять» его с низшими чинами (заставить «категорически присоединиться» к ним), отделить от «буржуазии». Пролетариат хотел не только восьмичасового рабочего дня, но и самоуправления: получить в свои руки промышленность, установить полный контроль над предприятиями, убрать собственников, управляющих, мастеров. Крестьянство желало вытеснить из деревни помещика, а также нового (столыпинского) крестьянина – и всё (землепользование, организацию) подчинить общине. А кроме того, осуществить вековую мечту: взять землю (через «черный передел» поставить окончательный заслон частной собственности), избавиться от гнета города – от власти «политического и административного чиновника сверху», от необходимости кормить «городских»[21].

«Россия, ты сдурела!»

Летом 1917 г. ситуация была смутной. Единственное, что было ясно: идет разложение. В августе на всероссийский съезд губернских комиссаров в Петрограде собрались представители местной власти. В газетах сообщалось, что во всех речах, прозвучавших на съезде, начиная с речи приветствовавшего съезд министра-президента А.Ф. Керенского и кончая речью представителя власти самой отдаленной окраины, проводилась главенствующая мысль о скорейшем создании твердой государственной организованной

21. «Господам хлеба не дадим, – говорили на сходах в разных частях страны крестьяне, – потому что не хотим кормить буржуев и зарвавшихся рабочих, не дадим хлеба и армии, потому что так быстрее кончится война» (цит. по: [11, с. 65–66]).

власти. Иначе говоря, февралисты с мест заявили о том, что страна неуправляема – установилось безвластие.

На культуру такого типа ситуация безначалия повлияла катастрофически[22]. Вместе со старой властью, ее полицейско-карательской функцией, из социальной жизни ушла тема наказания. Это автоматически снимало и проблему преступления, вины – прежде всего как проблему юридическую и полицейскую. Либералы во власти придерживались следующей точки зрения: к органам власти граждане свободной России должны прибегать «лишь постольку, поскольку это требуется действительными интересами правового общежития»; в отсутствие новой правовой системы в повседневной жизни следовало руководствоваться «правом неписанным, живущим в нашем сознании, свойственном всему культурному человечеству» (см. об этом: [5, с. 343–344]). Однако в сознании большинства граждан новой России жило другое право, свойственное некультурному человечеству, – обычное. Его ярчайшее проявление – самосуд. Следствием торжества обычного права стали всеобщая беззащитность и всеобщее насилие.

Это нечем было сдержать; поразительным образом вместе с полицией из жизни ушла и мораль (моральные «сдержки» ограничения моралью). Революция создала героев и вождей, но устранила моральные авторитеты. В этом смысле показательно отношение к православной церкви и ее поведение. Там тоже действовали распадные, энтропийные тенденции; церковь сначала поспешно и безответственно отреклась от прошлого (от царя, царизма, «старого режима»), затем устранилась от происходящего, занявшись собой. (Заметим в скобках, что революционный процесс определяла тенденция к локализации: нации и провинции в 1917 г. «побежали» от центра; социум разламывался на национальные, профессиональные и т.п. локусы.) Поэтому преображенная революцией Россия на какое-то время стала «миром поголовного хама и зверя» (так сказал об этом И. Бунин), торжества «животно-первобытного» в человеке и «животно-первобытных человеков»; она раскрыла «несказанно страшную правду о человеке».

Все это, безусловно, серьезно и страшно, напоминает дикий и жестокий праздник непослушания. Символично, что дети, захваченные вихрем освобожденческой революции, активно участвовали в политических манифестациях. Притом частенько требовали ликвидации «ига родителей» и на своих красных флагах писали: «Да здравствует детский социализм!» [10, с. 272]. В революционной России все (и «верхи», и «низы») вдруг стали вести себя

22. Склонность к безвластию / безгосударственности или крутой диктатуре, отрицание частной собственности, передельные инстинкты сближали народ с большевиками. Правда, народ хотел именно своей утопии – того, что ему предлагали большевики, но без большевиков.

как непослушные дети, оставшиеся без надзора. Это – проявление инфантилизма, незрелости (не в смысле молодости, а в смысле недоцивилизованности) всего социального организма. Культурные дефициты «обнажились» и стали «работать» в момент социального слома, когда социум стремительно утрачивал цивилизационную оболочку («опрощался»). Это и стало главной причиной распада – не психология, а культура.

Революция сметала институты, административные и социальные (начиная с собственности), право, преемственность и проч. – все то, что было следствием культуры. Все формы жизни, созданные культурой (в процессе долгой и затратной исторической эволюции), распадались. К августу 1917 г. масштабы распада стали пугающе очевидны – о ситуации можно сказать словами Ю.Ф. Карякина, сказанными им в 1993 г.: «Россия, ты сдурела!». «Диктатура митинга», стихия «праздника» (освобождения от обязанности: трудиться, служить, исполнять, подчиняться – в отсутствие принуждения сверху), эмансипация от норм и правил (правовых, религиозных, моральных, эстетических) создавали деморализующую атмосферу. В ней терялось общество, т.е. социальная база Февраля, – рассыпались его структуры, устои, оно маргинализировалось. Происходило то, о чем за 100 лет до революции упреждал Н.М. Карамзин: «…В правлениях новое опасно, / А безначалие ужасно! / Как трудно общество создать! / Оно устроялось веками: / Гораздо легче разрушать / Безумцу с дерзкими руками. / Не вымышляйте новых бед: / В сем мире совершенства нет».

Февраль очень быстро потерял опору. И виновата в этом была не только новая власть («виновата» – в каком-то последнем, окончательном смысле: вина – на ней[23]; в том, в каком и «царизм» не был «окончательно» повинен в Феврале). Революция (как любое событие такого масштаба) есть состояние общества – выражение его потребностей, дефицитов, фобий. Февраль создал возможность (почву) для разложения, но разлагаться-то стало само общество – так неожиданно быстро и легко, в таких грандиозных масштабах, что никто и не предполагал.

А большинство простого народа сразу отвергли устои прежнего порядка, бросились в новую жизнь – без Бога, Царя и Отечества. То, как они преобразились в «дни свободы», какие личины на себя надели, свидетельствует: они вообще – вне порядка (против традиций и моде́рностей, в отрыве от любых связей – вырваны, точнее, вырвались из них), в нем не нуждались. Они –

23. Февралисты, конечно, повинны – в том смысле, в каком об этом сказал И.А. Бунин: «Прав был дворник (Москва, осень 1917 года): – Нет, простите! Наш долг был и есть – довести страну до Учредительного собрания! Дворник, сидевший у ворот и слышавший эти горячие слова, – мимо него быстро шли и спорили, – горестно покачал головой: – До чего в самом деле довели, сукины дети!» [3, с. 135].

против всяких скреп; за безвластие, безначалие, безверие, безработицу и прочее «без». Их роль – разрушительная: они – маргиналы, проводники радикализации. Им органичен хаос; они идут на развал «старого мира» (им «нужно», чтобы он распался, оставив по себе пустое место – «пустошь»). И вождей себе ищут соответствующих – чтобы узаконить свой новый мир.

Это очень важный опыт, данный русской революцией – и не только России. Только в этой атмосфере возможна была победа большевизма; он явился на разлагавшийся социальный организм. Все плоды разложения (социальные, экономические, управленческие, культурно-ментальные) стали капиталом большевистской революции.

Большевики и революция

В «смутной» атмосфере 1917 г. победили большевики – как некая третья сила, пришедшая «извне» (они «воспитывались» вне России», вне легальной публичной политики – в эмиграции, ссылке, подполье; не знали русской жизни – ее устройства, достоинств, не дорожили ею). Победили потому, что легализовали распад (вписали в процессы «справедливой войны» со «старым миром» – «несправедливости и горя»), использовали стихию народной революции. Ленинско-троцкистский большевизм дал ей язык, обещал решить ее задачи (мир – солдатам, земля – крестьянам, фабрики – рабочим), наделил ее смыслом (двигатель истории – классовая борьба, буржуазия – классовый враг), «придумал» для нее будущее («коммунистический рай на земле» – абсолютно органично народной утопии).

Из всех послефевральских политиков большевики оказались наиболее созвучны революционному народу. В межреволюционные месяцы они осуществили элементаризацию, варваризацию социализма. Большевизм, задумывавшийся как безоговорочное отрицание всего варварского в русском, стал концентрированным выражением русского варварства. Растворение в массе, необходимое для овладения ею, привело к тому, что «почвенное» начало поглотило в большевизме начало цивилизованное, европейское. В ходе революции социалистическая идея в ее западном понимании все больше уступала место неокультуренному, «низовому» «черносотенному социализму». (А его носители во главе со Сталиным неизбежно должны были вытеснить из партии зараженную «европеизмами» прослойку – выжечь как скверну.) Большевики-то и отформатировали революцию особым образом.

Во времена русской революции весь мир судил об этом событии по французскому примеру: происходит падение монархии, на ее место приходят умеренные силы, которые играли важную роль при старом режиме, их сметают крайние радикалы, террор достигает апогея (кровь, безумие, попытка перевернуть все человеческое бытие), потом Термидор и Наполеон – вот

алгоритм революции. По сути, такой была Английская революция 40-х годов XVII в. Этот опыт уверил всех европейских, западных интеллектуалов, что революции происходят так. И все вслед за Токвилем полагали, что новый порядок зреет в рамках старого, а созрев, побеждает (революции, по Марксу, – локомотивы истории).

Внешне русская революция развивалась по тому же сценарию: свержение монархии вполне умеренными, известными до революции силами, приход радикалов, террор, гражданская война, убийство монарха. Поэтому русские эмигранты (к примеру, П.Н. Милюков) и даже большевики полагали, что в середине 1920-х придет Термидор; кто-то даже видел в Сталине Бонапарта. Но русский случай оказался иным.

Русская революция выпадает из общеевропейского ряда. Она была первой в череде революций «нового типа» (XX в.): итальянской, немецкой, португальской, испанской и др., направленных против современности (в том смысле, что они не открывали дорогу новому, но закрывали ее)[24]. Иначе говоря, если встать на точку зрения исторического прогресса (предположить, что он есть), то в 1917 г. в России случилась антипрогрессистская, реакционная революция.

Революция в ее октябрьском изводе оказалась направлена против освободительной, демократической, европейской линии русской истории (линии Февраля). Она дала пример не эмансипации (хоть и кровавой) индивида, но его нового закрепощения (эксплуатации по-новому); отбросила Россию на «особый путь», на котором страна отказалась от всех достижений европейской цивилизации (семьи, частной собственности, государства, права, прав и т.д.[25]; потом пришлось кое-что вернуть, так как без этого не может обойтись человеческое общество, но в варварском, извращенном и ограниченном виде). Реакцией на все сложности, которые принесла в страну на рубеже XIX–XX вв. современность стал массовый запрос на упрощение / примитивизацию. Большевики лишь «упаковали» его в современные формы.

24. Большевики уничтожали все то новое, что возникло в недрах «старой» России. Это и есть главное последствие их революции. Не случайно мы и сегодня – перед задачами 100-летней давности, и не знаем, как их решать. В этом острая политическая актуальность 1917 г.

25. Именно в этом, а не в просвещенческом прогрессизме, который декларировала большевистская революция, ее главный замах; именно этим она и потрясла мир.

Библиография

1. Александр Иванович Гучков рассказывает… Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М.: ТОО Ред. журн. «Вопросы истории», 1993. 143 с.

2. Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. 804 с.

3. Бунин И.А. Окаянные дни. СПб.: Азбука-классика, 2003. 320 с.

4. Врангель П.Н. Записки (ноябрь 1916 – ноябрь 1920 г.): в 2 кн. М.: Менеджер, 1991. Кн. 1. 293 с.

5. Гайда Ф. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2003. 432 с.

6. Гиппиус З. Дневники. М.: НПК «Интелвок», 1999. Т. 1. Синяя книга. Петербургский дневник. 736 с.

7. Глебова И.И. Еще один камень в фундамент российской идентичности: Вспоминая «забытую войну» // Труды по россиеведению: Сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2014. Вып. 5. С. 329–347.

8. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. СПб.: Изд. Азбука-классика, 2005. 224 с.

9. Дневник Л.А. Тихомирова, 1915–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2008. 440 с.

10. Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб.: Дм. Буланин, 2001. 349 с.

11. Куренышев А.А. Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М.: Гос. исторический музей, 2000. 222 с.

12. Палеолог М. Царская Россия накануне революции: Репринт. воспроизв. изд. 1923 г. М.: Политиздат, 1991. 494 с.

13. Петроградская газета. 1917. 11 июня.

14. Пивоваров Ю.С. Русское настоящее и советское прошлое. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2015. 336 с.

15. Россия 1917 г. в эго-документах: Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2015. 510 с.

16. Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издат. центр научных учебных программ», 1999. 148 с.

17. Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи: Интеллигенция в России. Сб. ст., 1909–1810 гг. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 136–152.

18. Февральская революция 1917 г.: Сб. док. и мат. М.: РГГУ, 1996. 353 с.

19. Феллер У. Внутренний враг: Шпиономания и закат императорской России. М.: НЛО, 2009. 376 с.

20. Late imperial Russia: Problems and prospects / Essays in honor of R.B. McRean. N.Y., 2005. 208 p.

21. Russia in the European context, 1789–1914: A member of the family. N.Y., 2005. 238 p.

22. Schmitt C. Classarium: Aufzeichnungen der Jahre, 1947–1951. B.: Duncker a. Humbolt, 1991. 364 S.

References

Ahiezer A.S. Rossija: Kritika istoricheskogo opyta (Sociokul'turnaja dinamika Rossii). 2-e izd., pererab. i dop. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1997. Vol. 1. 804 p.

Aleksandr Ivanovich Guchkov rasskazyvaet… Vospominanija predsedatelja Gosudarstvennoj dumy i voennogo ministra Vremennogo pravitel'stva. Moscow: TOO Red. zhurn. «Voprosy istorii», 1993. 143 p.

Bunin I.A. Okajannye dni. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 2003. 320 p.

Dnevnik L.A. Tihomirova, 1915–1917 gg. M.: ROSSPEN, 2008. 440 p.

Feller U. Vnutrennij vrag: Shpionomanija i zakat imperatorskoj Rossii. Moscow: NLO, 2009. 376 p.

Fevral'skaja revoljucija 1917 g.: Sb. dok. i mat. Moscow: RGGU, 1996. 353 p.

Gajda F. Liberal'naja oppozicija na putjah k vlasti (1914 – vesna 1917 g.). Moscow: ROSSPEN, 2003. 432 p.

Gippius Z. Dnevniki. Moscow: NPK «Intelvok», 1999. Vol. 1. Sinjaja kniga. Peterburgskij dnevnik. 736 p.

Glebova I.I. Eshhe odin kamen' v fundament rossijskoj identichnosti: Vspominaja «zabytuju vojnu» // Trudy po rossievedeniju: Sb. nauch. tr. Moscow: INION RAN, 2014. Is. 5. P. 329–347.

Gor'kij M. Nesvoevremennye mysli: Zametki o revoljucii i kul'ture. Saint Petersburg: Izd. Azbuka-klassika, 2005. 224 p.

Kolonickij B.I. Simvoly vlasti i bor'ba za vlast': K izucheniju politicheskoj kul'tury rossijskoj revoljucii 1917 g. Saint Petersburg: Dm. Bulanin, 2001. 349 p.

Kurenyshev A.A. Krest'janstvo i ego organizacii v pervoj treti HH veka. Moscow: Gos. istoricheskij muzej, 2000. 222 p.

Late imperial Russia: Problems and prospects / Essays in honor of R.B. McRean. N.Y., 2005. 208 p.

Paleolog M. Carskaja Rossija nakanune revoljucii: Reprint. vosproizv. izd. 1923 g. Moscow: Politizdat, 1991. 494 p.

Petrogradskaja gazeta. 1917. 11 Jul.

Pivovarov Ju.S. Russkoe nastojashhee i sovetskoe proshloe. Moscow; Saint Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ; Universitetskaja kniga, 2015. 336 p.

Rossija 1917 g. v jego-dokumentah: Vospominanija. Moscow: ROSSPEN, 2015. 510 p.

Russia in the European context, 1789–1914: A member of the family. N.Y., 2005. 238 p.

Schmitt C. Classarium: Aufzeichnungen der Jahre, 1947–1951. B.: Duncker a. Humbolt, 1991. 364 S.

Sergeev V.M. Demokratija kak peregovornyj process. Moscow: Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond; OOO «Izdat. centr nauchnyh uchebnyh programm», 1999. 148 p.

Struve P.B. Intelligencija i revoljucija // Vehi: Intelligencija v Rossii. Sb. st., 1909–1810 gg. Moscow: Molodaja gvardija, 1991. P. 136–152.

Vrangel' P.N. Zapiski (nojabr' 1916 – nojabr' 1920 g.): v 2 kn. Moscow: Menedzher, 1991. Kn. 1. 293 p.

С.С. Ипполитов

«Я ВИДЕЛ МЕРТВЫХ…»: РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КРАСНОГО КРЕСТА И АМЕРИКАНСКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1918–1920 гг.

Аннотация. *На основе не исследованных ранее архивных документов, впервые введенных в научный оборот, автор исследовал малоизвестную страницу Гражданской войны в России: деятельность Российского общества Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке и его взаимодействие с иностранными благотворительными организациями. В статье впервые в отечественной историографии изучено взаимодействие российских и иностранных благотворительных организаций в деле создания работающей системы оказания помощи больным и раненым в условиях деградации и развала государственного управления на территориях, подконтрольных правительству А.В. Колчака в 1918–1920 гг.*

Ключевые слова: *Гражданская война в России, Российское общество Красного Креста, Американский Красный Крест, Александр Васильевич Колчак, правительство адмирала Колчака, Сибирь, Дальний Восток России, благотворительная деятельность.*

Ипполитов Сергей Сергеевич – кандидат исторических наук, проректор по развитию Московского государственного института культуры. E-mail: nivestnik@yandex.ru

S.S. Ippolitov. «I Saw Dead…»: The Russian Red Cross and the American Red Cross in Siberia and the Far East in 1918–1920

Abstract. *Basing on archival documents, not studied before and now introduced into scientific circulation, the author examines the unfamiliar page of the Civil war in Russia: the Russian society of the Red Cross in Siberia and the Far East and its interaction with foreign charitable organizations. For the first time in Russian historiography the article describes the interaction of Russian and foreign charitable organizations in creating the medical care system for sick and wounded in conditions of degradation and collapse of the state control on the territories, governed by A.V. Kolchak in 1918–1920.*

Keywords: *the Civil war in Russia, the Russian society of the Red Cross, the American Red Cross, Alexander Vasilievich Kolchak, the government of Admiral Kolchak, Siberia, the Far East of Russia, charity.*

**Ippolitov Sergey Sergeevich – Candidate of History,
vice rector for development of Moscow State Art
and Cultural University. E-mail: nivestnik@yandex.ru**

Восстановление деятельности Российского общества Красного Креста на территориях, находившихся под контролем контрреволюционных режимов, стало определенной вехой Гражданской войны в России. Это событие ознаменовало собой не просто возобновление медицинской помощи больным и раненым участникам боевых действий. Значение и смысл этого события были гораздо глубже. Наряду с попытками – когда более, когда менее удачными – создавать структуры государственного управления на неподконтрольных большевистской власти территориях, воссоздание деятельности РОКК стало попыткой возродить общественные структуры, элементы гражданского общества, которые, казалось, безвозвратно исчезли в мясорубке братоубийственной войны. В жестокости военных действий, в разрухе, воровстве и хаосе тыловой жизни [1, с. 101–121] российские общественные благотворительные организации предприняли попытку создать действенный механизм помощи нуждающимся.

Вся деятельность РОКК в рассматриваемый период была тесно связана с зарубежными миссиями российского Красного Креста, которые приобрели в условиях Гражданской войны особое значение. Через них осуществлялась связь с иностранными Красными Крестами, другими общественными благотворительными организациями, оказывавшими помощь России. Конечно, нельзя сказать, что эта помощь текла широкой рекой, но она была очень существенна, а в условиях сильнейшей инфляции к концу 1919 г. и оскудения внутреннего рынка просто необходима. Кроме того, за границей на 1917–1918 гг. оставалось большое имущество Красного Креста, в котором остро нуждались воссозданные организации в Омске и Екатеринбурге. Обоснованием же законности претензий на это имущество, их юридическим оформлением должны были заниматься именно зарубежные миссии РОКК. Уже в марте 1919 г. появилась на свет секретная телеграмма российского посла в Париже В.А. Маклакова, где он информировал адмирала Колчака о многомиллионном имуществе военно-санитарного ведомства, Красного Креста и Земгора за границей с просьбой разрешить распределение этого имущества между Сибирью, югом и севером России [3, л. 31].

Но Маклаков несколько поторопился с планом распределения имущества. В своих расчетах он опирался на признание 16 марта ВГУ РОКК Женевским Постоянным Международным Бюро Красного Креста [3, л. 1].

Однако для полного возобновления юридического бытия необходимо было добиться признания Временного Главного управления Международным комитетом Красного Креста. В июле 1919 г. в Женеве рассматривался вопрос, кого считать всероссийским Красным Крестом [4, л. 31]. В результате были выработаны условия, на которых Временное Главное управление РОКК в Омске могло быть признано таковым. 29 июля секретная телеграмма с изложением этих условий, отправленная из Парижа С.Д. Сазоновым, министром иностранных дел правительства Колчака, была получена в Омске. Сводились они к следующему:

«1. Омское Правительство должно было заявить графу Игнатьеву в Париже, что считает преемником признанного Российского Креста:

а) Главный Крест в совокупном составе членов старого Главного Креста,

б) Омский Главный Крест,

в) Екатеринодарское Управление Креста…

2. Главный Крест должен возбудить перед Женевским Международным Комитетам ходатайство о признании, удостоверенное возможно большим числом членов Главного Красного Креста, особенно предыдущего состава» [5, л. 73, 75].

Необходимо отметить, что иностранная помощь российским санитарным учреждениям вообще, и Красному Кресту, в частности, летом-осенью 1919 г. была необходима как никогда. Положение антибольшевистских сил в Сибири и на Дальнем Востоке становилось катастрофическим. При общем развале фронта и тылового управления сильнее всего страдали наименее защищенные – раненые, чье положение было особенно трагичным. Вот что отмечал в своем дневнике А.П. Будберг, бывший на тот момент времени военным министром правительства А.В. Колчака, 28 августа 1919 г.: «Много кричат о плохом уходе, но никто не идет в санитары и сиделки, хотя тыл переполнен здоровыми балбесами и безработными женщинами; еще больше говорят о грязном и рваном белье, но я не слышал, чтобы где-нибудь образовался добровольный кружок, который взял бы на себя мойку и починку белья. Я как-то указал начальнику санитарно-эвакуационной части на недопустимость возить раненых на двуколках без подстилки и узнал при этом, что все затруднение в том, что кто-то не может купить соломы по предельной цене, для нее установленной; сего контрольного буквоедства оказалось достаточным, чтобы сложить ручки и таскать искалеченных раненых по омским ухабам» [6, с. 138].

16 августа 1919 г. условия были приняты, граф П.Н. Игнатьев назначен главноуполномоченным РОКК для заграницы [7, л. 78]. Международный комитет Красного Креста в Женеве в конце концов согласился поддерживать официальные отношения с ВГУ РОКК, но последнему еще не раз приходилось отстаивать свой статус. Это необходимо было сделать и на Между-

народном Конгрессе в Женеве, где присутствовали представители Советского Красного Креста, и осенью 1919 г., когда из-за начавшегося отступления Колчака и оставления им больших территорий Игнатьеву пришлось возбуждать ходатайство перед Международным комитетом о «непрекращении юридического бытия национального РОКК вне территорий, занятых большевиками» [8, л. 310].

Круг вопросов, находившихся в ведении зарубежных миссий, не ограничивался решением юридических проблем и представительскими функциями. Как уже говорилось выше, они являлись центрами, в которых сосредоточивалась и которыми координировалась значительная часть иностранной помощи. Поэтому ВГУ, кровно в этой помощи заинтересованное, делало все для обеспечения стабильности их работы. Непосредственно Омским Временным Главным управлением финансировалось шесть европейских миссий: в Париже, Швейцарии, Польше, Чехословакии, Лондоне, Стокгольме, миссии в Иокогаме и Вашингтоне. Представление о размерах субсидий для них дает тот факт, что только с 1 сентября 1919 по 1 января 1920 г. на их содержание было отпущено (в суммарном пересчете на рубли) около 37 млн [9, л. 7–8]. Если учесть, что на содержание самого ВГУ и всех подведомственных ему учреждений за весь 1919-й год было израсходовано в рублевом выражении более 28 млн руб. при общем балансе в 65 млн, становится понятным значение, этим миссиям придаваемое. За четыре месяца зарубежные представительства израсходовали около 56% средств, необходимых для финансирования деятельности РОКК в течение года.

Тесные связи существовали с китайской миссией в Харбине; ею содержался санаторий для выздоравливающих. Всего же в документах за 1918–1919 гг. из фонда ВГУ и личного фонда М.Л. Киндякова имеются ссылки на 18 зарубежных миссий РОКК, действовавших в этот период. Ключевую роль впоследствии суждено было сыграть одной из них – Константинопольской, которая, начиная с 1920 г., с момента прибытия в Турцию основной массы российских эмигрантов, стала одним из главных центров российских общественных организаций в эмиграции. Миссия РОКК вошла составной частью в Центральный Объединенный комитет Всероссийского Земского Союза, Всероссийского Союза городов и Российского общества Красного Креста.

Однако ни самая активная помощь заграницы, ни собственные закупочные экспедиции ВГУ не могли обеспечить четкое функционирование всех его учреждений.

Характерно, что идея создания небольших производств, который могли бы, с одной стороны, давать средства для благотворительной деятельности, а с другой – удовлетворять острейший голод в производственных товарах и услугах на территории Сибири и Дальнего Востока, отнюдь не являлась эксклюзивным изобретением РОКК. Так, уполномоченный Шведского кон-

сульства г. Омска по делам германских и турецких военнопленных 16 мая 1919 г. писал следующее: «Проживающие в лагерях военнопленные офицеры и солдаты обратились… с просьбой об оказании им содействия в деле получения… разрешения на устройство мастерских в отдельных лагерях Иркутского Военного округа. С одной стороны, офицеры вовсе не подлежат принудительной посылке на работы за пределы лагеря, а большинство остающихся теперь в лагерях солдат – инвалиды или же по иным причинам неспособны к труду вне лагеря. Предоставление им возможности заниматься в пределах лагеря каким-либо мастерством внесло бы некоторое разнообразие в тяжелую лагерную жизнь и оказало бы благотворное влияние на психику заключенных. С другой стороны, происходящие в политической жизни Центральной Европы события не дают надежды на получение Шведским Красным Крестом в дальнейшем сумм, достаточных для оказания материальной поддержки военнопленным в прежнем размере. Наконец, говорить об опасной для русских рабочих конкуренции со стороны предполагаемых к открытию мастерских, на наш взгляд, не приходится, ибо местное производство, как известно, совершенно не в состоянии удовлетворить острую нужду местного населения во всех предметах домашнего обихода и ремесленных изделиях. Таковые теперь приходится ввозить по бешеным ценам с Востока. Между тем многие из таких изделий: столярные, кузнечные, кожаные могли бы при большом количестве опытных мастеров среди военнопленных быть изготовляемы в лагерях по ценам гораздо более низким, чем нынешние рыночные» [10, л. 271].

Весной 1919 г. родилась идея об объединении заграничной помощи. 12 мая в Омск была направлена телеграмма от поверенного в делах в Вашингтоне С.А. Угета, в которой высказано предложение об объединении заграничной благотворительности, приведя ее в связь с деятельностью ВГУ и о необходимости создания для этого в «главнейших странах» центральных комитетов помощи России [11, л. 45]. 14 июня, не удовлетворившись, видимо ходом объединительного процесса, С.А. Угет отправил еще одну подобную телеграмму, но уже на имя министра иностранных дел [12, л. 9].

Объединение зарубежной благотворительности началось 30 мая 1919 г. с открытия в Лондоне Комитета российского Красного Креста в Великобритании для помощи раненым и беженцам из Сибири, Архангельска и Дона. Лондонский комитет находился под опекой трех именитых покровителей: Королевы Александры, герцога Корноутского и принцессы Елены-Христинес. На посту Президента находился Председатель Британского Красного Креста сэр Артур Станлей. Бюро воззваний возглавляла супруга премьер-министра г-жа Ллойд-Джорж. После президента в структуру Лондонского Комитета, в порядке убывания, входили вице-президент, главный комитет, исполнительный комитет, который в свою очередь осуществлял

руководство Британским комитетом Красного Креста, Бюро Красного Креста, ведавшее помощью беженцам, пленным, связями с прессой, транспортным обеспечением. Исполнительный комитет был также напрямую связан с Главным Управлением РОКК через его главноуполномоченного [43, с. 57]. Характерно, что первый транспорт, сформированный Комитетом, предполагалось отправить в Петроград [13, л. 113].

7 июня 1919 г. состоялось слушание на заседании исполнительной комиссии ВГУ РОКК вопроса об организации российского Комитета помощи в заграничных странах в интересах уполномоченных Красного Креста и под их контролем, но на автономных началах [14, л. 38], а 30 июня Министерством иностранных дел для ВГУ получена секретная телеграмма российского посла в Париже об установлении контакта с Политическим совещанием и создававшимся Комитетом объединения помощи русским за границей, целью которого ставилось приведение в порядок обособленной деятельности представителей различных областей работников «старого Креста» [15, л. 5].

Необходимо отметить, что Российский Красный Крест принимал участие в жизни Международного Красного Креста и помимо работы по сбору пожертвований. В апреле в Каннах открылась Всемирная конференция специалистов по инициативе Комитета общества Красного Креста, на которой была выработана программа и организован Международный совет и Бюро гигиены и общественного здравия. Полномочия ВГУ на участие в конференции были возложены на особоуполномоченного Голубева [16, л. 58]; в июле начата подготовка к Международному конгрессу Красного Креста, на который Временным Главным управлением для представительства РОКК был назначен Ю.В. Ключников [17, л. 193]. В этом же месяце состоялось объединение всех организаций РОКК под единым началом. 29 июля в Париже прошло совещание по делам РОКК под председательством графа П.Н. Игнатьева, на которого было возложено общее руководство деятельностью представительства РОКК за границей при содействии совещания из членов Главного управления [18, л. 7].

Таким образом, к лету 1919 г. можно было говорить о существовании в мире целого ряда благотворительных организаций, в своей деятельности ориентированных на оказание помощи России, ведущую роль в объединении которых сыграло Временное Главное управление РОКК посредством своих зарубежных миссий. Далеко не всегда эта помощь носила бескорыстный характер, что просматривалось иногда в деятельности иностранных Красных Крестов на территории России, особенно Американского Красного Креста, однако значение ее для судеб многих и многих соотечественников было достаточно велико.

Первый документ о взаимодействии Омского ВГУ с иностранными Красными Крестами на территории России датируется 25 февраля 1919 г.,

когда из Стокгольма от поверенного в делах Бэре на имя министра иностранных дел была отправлена секретная телеграмма с просьбой о свободном пропуске и оказании содействия делегатам Датского Красного Креста, ехавшим из Петрограда (в источнике Петербург) в Омск по делу о германских военнопленных. В качестве аргумента упоминалось о помощи Датского Красного Креста российским военнопленным и заключенной в Петроградских и московских тюрьмах интеллигенции [19, л. 15].

ВГУ являлось основным официальным институтом, распоряжавшимся зарубежной помощью, обеспечивавшим проезд иностранных миссий и поставлявшим кадры в учреждения этих миссий. Так, в марте 1919 г. МИД обратилось в ВГУ с просьбой предоставить возможность бесплатного проезда 20 делегатам Комитета соединенных скандинавских Красных Крестов [20, л. 107], а в августе ВГУ была получена вербальная нота японской дипломатической миссии в Сибири о беспошлинном провозе санитарных материалов для жителей Сибири (3240 ящиков весом 5500 пудов) и об установлении непосредственных отношений этой миссии с РОКК [21, л. 351].

С подобными просьбами обращались Британский и Американский Красные Кресты [22, л. 59]. Британским же Красным Крестом был сформирован санитарный отряд, который в документах упоминается как «российский отряд Британского Красного Креста» [23, л. 141] и Англо-российский госпиталь в Екатеринбурге [24, л. 117].

Контакты Российского общества Красного Креста с иностранными Красными Крестами были, конечно, намного шире, но сведений о них в наших архивах, к сожалению, не найдено. Хотя документы такие существуют. Доказательством может служить список дел по общей канцелярии ВГУ, где, среди прочих, упоминаются материалы о сношениях с Японией, Британским, Канадским, Американским и Северными Красными Крестами [25, л. 36], причем это были, очевидно, не единичные документы, а целые дела.

Гораздо более полно в источниках отражена деятельность Американского Красного Креста, и не только в силу их сохранности, но и благодаря масштабам помощи последнего. В нескольких документах фонда ВГУ РОКК имеются карандашные памятки авторов, типа «смотрите дело (или журналы) Американского Красного Креста» [26, л. 117], которые дают основание предполагать существование богатой источниковой базы для исследования. Самих журналов и отчетов найти не удалось. Можно предположить, что они не были переданы нашей стране в составе Пражского архива и хранятся сейчас в США, но и имеющиеся в нашем распоряжении создают довольно полную картину деятельности этой организации в России. Уже в марте 1919 г. им направлена в Сибирь крупная партия медикаментов. Сохранилось ходатайство американцев о бесплатном провозе по сибирским железным дорогам грузов Красного Креста для бесплатного распределения между беженцами и граж-

данским населением Сибири [27, л. 24]; а еще раньше, в феврале, ими оказывалась помощь в ликвидации последствий эпидемии – 24 февраля князь Голицын обратился к Американскому Красному Кресту с просьбой о превращении госпиталя в Тюмени, ему принадлежащего, в сыпнотифозный из-за переполнения госпиталей РОКК [28, л. 12].

Наиболее крупные масштабы помощь Америки приобрела в июле-августе 1919 г. В июле упоминалось об Отделе призрения беженцев Западной Сибири Американского Красного Креста [29, л. 225]; тогда же началась подготовка плана совместной деятельности Российского и Американского Красного Крестов. 21 июля в ВГУ поступило отношение Министерства иностранных дел с копией телеграммы Угета, сообщавшей о желании Америки оказать разностороннюю помощь РОКК [30, л. 64]. Спустя пять дней в Сибирь из Америки была отправлена очередная партия медикаментов и санитарных принадлежностей [31, л. 82]. 29 июля – новая телеграмма Угета, на этот раз о намерении Американского Красного Креста до сентября выслать в Сибирь 7 тыс. т медикаментов [32, л. 58]. В конце месяца в телеграмме ВГУ на имя Президента Северо-Американских Соединенных Штатов план санитарной помощи начал упоминаться в настоящем времени: «Российский Красный Крест, осведомившись о том, что Красный Крест Соединенных Штатов… предоставил на Ваше усмотрение план санитарно-медицинской помощи Сибири, считает своим долгом заявить Вам как председателю Красного Креста, что таковая помощь… необходима для Сибири и будет принята с чувством искренней благодарности» [33, л. 13]. И наконец, 24 августа Временное Главное управление получило по телеграфу доклад В.Е. Буймистрова о предоставлении Американским Красным Крестом Президенту ходатайства о выдаче средств на организацию санитарной компании в целях ограждения великого Сибирского пути от эпидемии [34, л. 96]. В результате к сентябрю 1919 г. можно было говорить об определенной ориентации Временного Главного управления на помощь Америки и ее Красного Креста, что нашло свое отражение в планах тесного увязывания деятельности РОКК и Американского Красного Креста. Шел процесс сближения ВГУ и американской военной миссии, активизировалась переписка с Вашингтоном, а 15 сентября на заседании исполнительной комиссии даже был поставлен вопрос об издании англо-российского военно-технического словаря [35, л. 133].

Сами американцы всячески подчеркивали бескорыстность своей помощи и независимость ее от политики. Уполномоченный Сибирской комиссии Американского Красного Креста доктор Манже, определяя ее статус, подчеркивал, что Сибирская комиссия «является организацией неправительственной, работа которой не связана с другими организациями союзных государств, не имеет обязательного характера и не продиктована политическими, дипломатическими и иными соображениями и что помощь, оказываемая

русскому народу, является помощью американского народа, вызванной исключительно одними чувствами человеколюбия…» [36, л. 411].

Вот как описывал увиденное в Сибири сотрудник Американского Красного Креста Рудольф Бьюкели, оставивший драматические воспоминания «Поезд смерти»: «Я видел мертвых, тела которых болезни и паразиты разъедали до тех пор, пока жизнь не покинула их после 5 месяцев ежедневной мучительной пытки от голода, грязи и холода. Клянусь богом, я не преувеличиваю. Через окна товарных вагонов размером 24 фута на 10, я видел животных, которые когда-то были людьми, мужчинами, женщинами и детьми; на меня глядели лица, в которых я не мог признать человеческие существа. Они были подобны мордам животных, неизвестной людям породы. Полнейшее безумие и ужас смотрели на меня из их глаз, и на всем лежали знаки смерти, ошибаться в которых было невозможно» [2, с. 136].

Действительно, участие Американского Красного Креста в помощи больным и раненым в Сибири в период Гражданской войны хорошо известно и задокументировано.

Однако человеколюбивая риторика, которой были наполнены отчеты и воспоминания деятелей Американского Красного Креста, не всегда имела реальных оснований. Тесное взаимодействие между Красными Крестами и широкомасштабная помощь американцев продлилась лишь до середины сентября 1919 г., когда армии адмирала Колчака начали терпеть одно поражение за другим. С этого момента характер деятельности Американского Красного Креста существенно меняется. Слишком опасно, да и незачем было связывать себя с режимом, который мог в скором времени пасть.

Анализ деятельности Американского Красного Креста на территории Сибири и Дальнего Востока дает основание предполагать, что, помимо оказания медицинской помощи русскому населению, он преследовал еще и иные, далеко не благотворительные, цели. Учитывая огромный интерес во всем мире к событиям в России, нельзя было не увидеть, что любая помощь ей будет являться прекрасной рекламой организации, эту помощь осуществлявшей [44, с. 38]. Поддержка России стала своего рода бизнесом, приносящим как политический, так и обычный капитал в денежном выражении. Второй активно накапливался в Америке, где несколько посреднических агентств осуществляли отправку в Россию продовольственных посылок, деньги на которые вносились российскими эмигрантами для своих родственников [46, л. 102]. Сложнее было приобрести капитал политический, сохранив при этом максимально возможный нейтралитет, что с успехом удалось Американскому Красному Кресту, во многом в ущерб своей основной деятельности. 23 сентября 1919 г. ВГУ рассматривался доклад помощника уполномоченного во Владивостоке доктора П.В. Захарова о деятельности американцев в этом городе. Он сообщал о характере работы Американского Красного Креста,

которая сводилась, по его описанию, *«к рекламированию своей деятельности, вместо действительно широкой помощи населению* (курсив мой. – *Авт.*). Не отказываясь на словах в согласии осуществлять помощь русскому Красному Кресту и вести с ним совместную работу, американцы на деле ограничили свою помощь крайне незначительным количеством медикаментов, хирургических инструментов и материалов, а вместо совместной деятельности резко сократили свою работу в особых госпиталях, заняв для них лучшие помещения и принимая все меры к тому, чтобы вся деятельность их протекала исключительно под флагом Американского Красного Креста. В этой их деятельности появился план работы, имевший целью оказать материальную помощь населению Сибири, по возможности минуя российские государственные и благотворительные учреждения» [38, л. 165]. Действительно, подобные обвинения имели основания. 7 мая появилось упоминание об отказе Американского Красного Креста оказать обещанную помощь и невозможность в связи с этим формирования Приамурским окружным управлением подвижного лазарета [39, л. 138]; в июле 1919 г., в разгар боевых действий на фронте и при острой нехватке медицинского персонала из Архангельска выехала на родину работавшая там организация Американского Красного Креста, что потребовало возобновления деятельности Российского Красного Креста в северной области [40, л. 52].

Подобная линия Американского Красного Креста, направленная на обособление своей деятельности от существовавших в Сибири государственных и общественных формирований, попытка автономной работы имела успех, доказательством чего является тот факт, что Американский Красный Крест был избран посредником при обращении Советской власти к Омскому Правительству, когда из Царского Села пришло обращение Центрального Комитета Российского Красного Креста к Американскому с просьбой о ходатайстве перед Омским Правительством разрешения на приобретение и вывоз зерна из территорий, находившихся под властью Комитета членов Учредительного собрания для помощи голодающим детям Советской Республики (Обращение было подписано председателем ЦК Российского Красного Креста Вениамином Свердловым и главноуполномоченным Датского Красного Креста в России Мартини [41, л. 2–5]); и в период пребывания у власти в Иркутске Политического центра, когда Американский Красный Крест выступал посредником при передаче ему имущества РОКК [42, л. 60].

На мысль о попытке политизировать краснокрестную деятельность наводят два значительных факта: визит 28 апреля на заседание исполнительной комиссии ВГУ начальника военной миссии майора Слоттера [43, л 73], и появление в газете американского Бюро печати в связи с несанкционированной поездкой доктора Соколова в Америку, просьбы оказать России помощь «в борьбе за восстановление порядка в России» [44, л. 260].

Исполнительной комиссией по второму факту было принято специальное заявление о том, что подобные высказывания «противоречат аполитичной краснокрестной деятельности» [45, л. 260]. На основании этих событий, конечно, нельзя делать вывод о втягивании РОКК в сферу политики, но подобное предположение в отношении Американского Красного Креста выглядит вполне реальным.

Работа российских благотворительных организаций на территории Сибири и Дальнего Востока в этот период протекала в тесном контакте с иностранными организациями, внесшими заметный вклад в дело помощи жертвам Гражданской войны в России [45, с. 102].

И все же, несмотря на эти специфические черты в работе Американского Красного Креста в 1919 г. на территории России, значение сотрудничества российской и американской краснокрестных организаций велико и духовный потенциал, накопленный в процессе совместной деятельности, весьма ценен.

Библиография

1. Будберг А.П. Дневник белогвардейца. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2001. 270 с.
2. Бьюкели Р. Поезд смерти / Поезд смерти. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1960. 156 с.
3. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12.
4. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12.
5. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12.
6. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12.
7. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12.
8. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12.
9. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12.
10. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12.
11. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 12.
12. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 13.
13. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 13.
14. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 16.
15. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 7, 191.
16. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 21.
17. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 21.
18. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 32.
19. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 32.
20. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 39.
21. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 43.
22. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57.
23. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57.
24. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57.
25. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57.
26. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57.
27. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57.
28. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57.

29. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57.
30. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57.
31. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57.
32. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57.
33. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 57.
34. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 6.
35. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 6.
36. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 6.
37. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 7.
38. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 7.
39. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 70.
40. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 8.
41. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 9.
42. ГАРФ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 7.
43. Ипполитов С.С. Российское общество Красного Креста в Сибири и на Дальнем Востоке: организация и помощь армии и населению (1919–1920 гг.) // Новый исторический вестник. 2013. № 1 (35). С. 56–68.
44. Ипполитов С.С., Минаев В.В. «От этого зависит вся судьба России»: К изучению демографической и экономической экспансии Китая и Японии на востоке России во время Второй русской смуты // Новый исторический вестник. 2013. № 3 (37). С. 38–39.
45. Карпенко С.В. Экономический кризис и коррупция: Из истории тыла белых армий Юга России (1918–1920 гг.) // Экономический журнал. 2015. № 2 (38). С. 101–121.
46. Кокоулин В.Г. «От мала до велика спекулируют на чем только возможно»: Городские рынки в «белой» Сибири (1918–1919 гг.) // Новый исторический вестник. 2012. № 3 (33). С. 94–109.
47. РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 304. Л. 271.
48. Черниченко М.Ю. Кризис денежного обращения в тылу войск генерала А.И. Деникина в освещении печати Белого юга России (1919 г.) // Новый исторический вестник. 2014. № 1 (39). С. 70–88.

References

B'jukeli R. Poezd smerti / Poezd smerti. Kujbyshev: Kujbyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. 156 p.
Budberg A.P. Dnevnik belogvardejca. Minsk: Harvest, Moscow: AST, 2001. 270 p.
Chernichenko M.Ju. Krizis denezhnogo obrashhenija v tylu vojsk generala A.I. Denikina v osveshhenii pechati Belogo juga Rossii (1919 g.) // Novyj istoricheskij vestnik. 2014. N 1 (39). P. 70–88.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 12.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 12.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 12.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 12.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 12.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 12.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 12.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 12.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 12.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 13.

GARF. F. 1845. Op. 1. D. 13.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 16.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 7, 191.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 21.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 21.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 32.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 32.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 39.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 43.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 57.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 57.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 57.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 57.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 57.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 57.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 57.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 57.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 57.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 57.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 57.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 6.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 6.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 6.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 7.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 7.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 7.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 70.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 8.
GARF. F. 1845. Op. 1. D. 9.

Ippolitov S.S. Rossijskoe obshhestvo Krasnogo Kresta v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: Organizacija i pomoshh' armii i naseleniju (1919–1920 gg.) // Novyj istoricheskij vestnik. 2013. N 1 (35). P. 56–68.

Ippolitov S.S., Minaev V.V. «Ot jetogo zavisit vsja sud'ba Rossii»: K izucheniju demograficheskoj i jekonomicheskoj jekspansii Kitaja i Japonii na vostoke Rossii vo vremja Vtoroj russkoj smuty // Novyj istoricheskij vestnik. 2013. N 3 (37). P. 38–39.

Karpenko S.V. Jekonomicheskij krizis i korrupcija: Iz istorii tyla belyh armij juga Rossii (1918–1920 gg.) // Jekonomicheskij zhurnal. 2015. N 2 (38). P. 101–121.

Kokoulin V.G. «Ot mala do velika spekulirujut na chem tol'ko vozmozhno»: Gorodskie rynki v «beloj» Sibiri (1918–1919 gg.) // Novyj istoricheskij vestnik. 2012. N 3 (33). P. 94–109.

RGVA. F. 39515. Op. 1. D. 304. L. 271.

В.Н. Чернега

ФРАНЦИЯ И РОССИЯ В ЭПОХУ Э. МАКРОНА: ВОЗМОЖНО ЛИ РЕАЛЬНОЕ СБЛИЖЕНИЕ?

Аннотация. *В статье рассматриваются концептуальные и практические аспекты внешнеполитического курса Франции при президенте Э. Макроне. Освещаются противоречия этого курса, связанные прежде всего с евроатлантистскими установками нового главы французского государства, а также и с его представлениями о Франции как о великой державе. Особое внимание уделяется перспективам франко-российских отношений.*

Ключевые слова: *евроатлантизм, великая держава, противоречия, франко-российские отношения.*

Чернега Владимир Николаевич – доктор юридических наук,
Чрезвычайный и Полномочный Посланник, консультант Совета Европы,
ведущий научный сотрудник Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва.
E-mail: vladimir. tchernega@free.fr; v.n. tchernega@gmail.com

V.N. Chernega. France and Russia in the Era of E. Macron: A Real Rapprochement, is it Possible?

Abstrac. *The article examines conceptual and practical aspects of foreign policy of France under President Emmanuel Macron, the existing contradictions of this course, associated primarily with the Euro-Atlantic strategy of the new Head of the French state and his conception of France as the great power. Special attention is paid to the prospects of the French-Russian relations.*

Keywords: *Euro-Atlantism, the great power, contradictions, the French-Russian relations.*

Chernega Vladimir Nicolaevich – Doctor of Law,
Extraordinary and Plenipotentiary Envoy, the leading researcher,
the Institute of Scientific Information on Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow.
E-mail: vladimir. tchernega@free.fr; v.n. tchernega@gmail.com

Избрание в мае 2017 г. Э. Макрона президентом Франции породило много надежд как внутри страны, так и за ее пределами. Самый молодой глава государства в истории Пятой республики (39 лет) позиционировал себя во время избирательной кампании как решительный реформатор, намеренный прежде всего сломать правовые и бюрократические барьеры на пути к количественному и качественному росту экономики, адаптации ее к цифровой технологической революции. Вместе с тем он обещал укрепить механизмы внутренней и внешней безопасности и в связи с этим внести необходимые изменения во французскую внешнюю политику. Она должна была стать более гибкой и прагматичной, лучше обеспечивать национальные интересы страны.

Стоит отметить, что в ходе упомянутой избирательной кампании впервые за многие десятилетия внешнеполитические вопросы дебатировались почти столь же активно, как и внутренние. Можно сказать и по-другому: еще никогда с момента установления Пятой республики в 1958 г. в глазах большинства кандидатов и стоявших за ними избирателей внутренние проблемы – экономический, социальный, миграционный кризисы, исламский терроризм, дефицит доверия к истеблишменту – не были столь тесно связаны с международным положением Франции, особенно с ее внешнеполитической ориентацией. Закономерно, что два из четырех основных претендентов (М. Ле Пен и Ж-Л. Меланшон) и восемь из всех 11 кандидатов на пост президента, утвержденных Конституционным советом, обещали радикально изменить ее. Как известно, речь шла о пересмотре отношений Франции с ЕС и НАТО либо даже о выходе из этих структур, а также о проведении более самостоятельного курса по отношению к США и налаживании более тесных отношений с Россией.

По сути, на этих президентских выборах столкнулись две принципиально разные внешнеполитические концепции: евроатлантическая и общеевропейская, основывающаяся на идее Большой Европы от Лиссабона до Владивостока. Автор уже имел возможность предложить анализ этих концепций в другой своей статье [1, с. 45–46]. В настоящей работе целесообразно ограничиться указанием на то, что в рамках первой из этих концепций – евроатлантической – успешная Франция видится главным образом активной участницей глобалистского неолиберального проекта, прежде всего его наиболее продвинутой части, ЕС. Полноформатное членство в НАТО рассматривается как необходимый элемент этого подхода. Объективно это предполагает согласие со все большим ограничением ее суверенитета в пользу этих наднациональных структур, а в более широком плане – коллективного Запада, ведомого Соединенными Штатами.

Вторая концепция, уходящая своими корнями в деголлевскую внешнеполитическую доктрину и практику, исходит из того, что Франция может решить отмеченные выше внутренние проблемы лишь при условии сохране-

ния, как минимум, существенной степени независимости при принятии важнейших решений, затрагивающих ее экономическое и социальное развитие, безопасность, внешние национальные интересы. Эту концепцию можно назвать также «державно-суверенистской», поскольку она основывается на идее, что Франция является и должна оставаться великой державой, призванной вести мировую политику. В пользу этого подхода выдвигаются такие аргументы, как: наличие у нее ядерного арсенала, постоянное членство в Совете Безопасности ООН, сеть зарубежных военных баз, расположенных в стратегически важных точках (к примеру, в Джибути или ОАЭ), заморские территории, сохраняющееся влияние в ряде бывших колоний, в частности в Африке. Данный подход допускает членство в ЕС и НАТО, но исключает «растворение» страны в «евроинтеграционном» объединении и слишком большую ее зависимость от натовских структур, особенно военных, и США.

Важным элементом этой концепции является поддержание партнерства и сотрудничества с Россией, рассматриваемой прежде всего как противовес влиянию в Европе США, а в последнее время – и Германии, которая после Брекзита все больше претендует на роль гегемона в ЕС.

Ш. де Голль, считая Францию «естественным» союзником США, не побоялся ради ее самостоятельности пойти в 1966 г. на фронтальную конфронтацию с Америкой: как известно, он закрыл все 18 американских военных баз на территории Франции, вывел ее из объединенного военного командования НАТО и выдворил за пределы страны натовскую штаб-квартиру. Однако после ухода де Голля в 1969 г. от власти его преемники постепенно отходили от этой линии в пользу евроатлантического курса и, соответственно, большего равнения на США. Этот процесс не был линейным, ему были свойственны зигзаги и противоречия, поскольку одновременно Франция продолжала считать себя великой державой и время от времени вела себя в качестве таковой. Достаточно вспомнить противодействие президента Ж. Ширака американскому вторжению в Ирак в 2003 г. и сложившийся на этой почве фактический альянс Франции, Германии и России. Однако вектор движения был все-таки в сторону евроатлантизма. Знаковыми событиями в этом плане можно считать возвращение Франции при президенте Н. Саркози в 2009 г. в объединенное командование НАТО и ратификацию Францией при президенте Ф. Олланде в 2016 г. документов, вновь предоставивших натовскому персоналу официальный статус на территории Франции.

Вместе с тем французские президенты считали необходимым сбалансировать этот курс поддержанием диалога и сотрудничества с Россией. Заключение при том же Н. Саркози в 2011 г. сделки о поставке российским ВМС кораблей «Мистраль» яркий тому пример. Однако, как известно, его преемник Ф. Олланд отменил поставку уже практически готовых кораблей в связи с неприятием российской позиции по Украине, а затем по Сирии, что стало

лишь одним из проявлений продолжавшегося крена в сторону евроатлантизма. По сути, Ф. Олланд присоединился к тем западным деятелям, особенно в США, которые создавали единый фронт против России под предлогом «угрозы» с ее стороны всему коллективному Западу. Сам Ф. Олланд, как он признал в одной из бесед с французскими журналистами, на деле в эту «угрозу» не верил: «Россия в определенном смысле, – заявил он, – не является агрессивной державой. Это – страна, которая выступает за статус-кво, она поддерживает диктаторские режимы, когда считает их полезными для сохранения стабильности, но сама при этом угрозой не является» [3, p. 131]. К счастью, росийско-французское сотрудничество по ряду направлений продолжалось, но данное решение, наряду с некоторыми другими шагами и недружественными заявлениями в адрес России, все же нанесло ему урон.

В этом охлаждении отношений сыграла свою роль жесткая риторика неолиберальных элит и контролируемых ими «мейнстримовские» СМИ в адрес России: они одобряли, в частности, воинственную позицию по Сирии Ф. Олланда. Олланд, как известно, призывал к вооруженному вмешательству Запада с целью свержения Б. Асада. Помимо прочего, элиты и СМИ вдохновлял пример «успешной» интервенции Франции и Великобритании при помощи США в Ливии. Мнение большинства французских специалистов-арабоведов, считавших, что, во-первых, в Сирии иная ситуация и быстрой победы не получится, а во-вторых, крушение режима Б. Асада скорее всего обернется захватом власти в этой стране исламистами, попросту игнорировалось. Один из этих специалистов, Ф. Пишон, посвятил целый раздел в своей работе по сирийскому кризису тому, как упомянутые СМИ манипулировали французским общественным мнением. По его словам, сложная и драматическая ситуация в Сирии, где, по определению, не могло быть «белых и пушистых» участников конфликта и где демократия западного типа практически не имела шансов на успех, была сведена ими к удобному штампу: «Кровавый тиран истребляет собственный народ, борющийся за свободу» [9, p. 51–60].

Лишь осторожность президента Б. Обамы и негативное отношение Великобритании к военному свержению Асада удержали Францию от этой авантюры. Последующие же события в Сирии показали, что в результате данной ошибочной линии Франция оказалась «выключенной из игры» в стране, которой она управляла де-юре и де-факто с 1920 по 1946 г. (сначала по мандату в рамках Севрского договора 1920 г. а затем – по мандату Лиги Наций).

В целом, по сравнению с предшественниками, отход Ф. Олланда от деголлевской внешнеполитической доктрины был наиболее очевидным. В самом широком плане это объяснялось все большей вовлеченностью Франции в упоминавшийся выше глобальный неолиберальный проект. Конечно, в связи с этим нужно отметить в первую очередь ее углубляющуюся интеграцию в ЕС. Вместе с тем следует указать, что французский транснациональ-

ный капитал давно включился в строительство мирового неолиберального порядка во главе с США, а ряд видных представителей французских экономических и политических элит вошли в мировую транснациональную элиту [11, p. 70–72].

«Зацикленность» большей части французского элитного слоя на «либеральных ценностях» и, соответственно, идеологизация внешней политики уже долгое время являются реалиями этой страны. Президент Н. Саркози, будучи лидером достаточно прагматичного правоцентристского лагеря, назначил на пост министра иностранных дел Франции социалиста Б. Кушнера – одного из основателей известной организации «Врачи без границ». Как свидетельствуют французские эксперты, он оставил глубокий «идеологический след» в кадровом составе МИДа страны. Специалисты по странам и проблемам, в частности арабоведы, при нем вытеснялись «идеологизированными либеральными универсалами». Неформальным и весьма влиятельным советником министра стал «гуру» в области прав человека Б-А. Леви, ратовавший за «право гуманитарного вмешательства» в дела других стран и в 1999 г. поддержавший натовские бомбардировки Югославии. В 2008 г. он вместе с другим известным правозащитником А. Глюксманом (ныне покойным) требовал принять Грузию и Украину в НАТО. Конечно, он был в первых рядах сторонников западной интервенции в Ливии в 2011 г. [3, p. 125].

Представлявший социалистическую партию Ф. Олланд, став президентом, продолжил эту линию и с помощью министра иностранных дел Л. Фабиюса поднял идеологизацию дипломатов и внешнеполитического курса на базе «либеральных ценностей» на еще более высокий уровень. Б-А. Леви продолжал пользоваться влиянием в Елисейском дворце и в МИД Франции. Именно он в марте 2014 г., т.е. за несколько месяцев до президентских и парламентских выборов на Украине, представил Ф. Олланду тогда еще практически неизвестных во Франции П. Порошенко и В. Кличко.

Проблема для Франции заключалась в том, что при всех названных выше атрибутах величия, в рамках строительства неолиберального мирового порядка, она не могла претендовать на роль ведущей державы и была вынуждена следовать в кильватере США – подлинного лидера неолиберальной глобализации. Это относилось и к ее участию в НАТО, поскольку, как показала интервенция в Ливии, а затем история с несостоявшимся вооруженным вмешательством в Сирии, без военной поддержки Альянса, на практике – Соединенных Штатов, Париж осуществлять подобные операции не мог. В ЕС Франция чем дальше, чем больше оказывалась в тени Германии, которой она все существенней уступала в экономической мощи. Париж пытался смягчить эту проблему, маневрируя между Берлином и Лондоном, но это еще больше усиливало влияние на Францию американского «большого брата», поскольку,

как в свое время предсказывал Ш. де Голль, Великобритания играла в ЕС роль «троянского коня» США.

Закономерно, что приход к власти в США Д. Трампа, считающего необходимым сосредоточиться прежде всего на внутренних проблемах своей страны («America first»), вызвал шок у французских неолиберальных элит и, напротив, придал импульс тем политикам и экспертам, которые давно указывали на опасность слишком большой зависимости от США. Вкупе с Брекзитом, вызвавшим вопросы о позициях Франции в ЕС в результате утраты британского противовеса перед лицом усиливающейся Германии, и очевидным кризисом самого ЕС, перемены в Америке серьезно повлияли и на французское общественное мнение. Как показано выше, эти перемены отразились во внешнеполитических подходах большинства кандидатов в президенты, выступавших за усиление независимости Франции и в качестве необходимого условия призывавших налаживать сотрудничество с «поднимающейся» Россией.

Обсуждение темы «независимости» и адаптации внешней политики Франции к новым международным реалиям продолжилось и после президентской избирательной кампании – прежде всего на экспертном уровне, но также в рамках различных формальных и неформальных общественных объединений и организаций. «Российский фактор» занял в нем очень большое место. Достаточно указать, что журнал «Национальная оборона» посвятил России большую часть своих номеров за май и июль-август 2017 г., а журнал «Дипломатия» – весь номер за август-сентябрь 2017 г. В соответствующих материалах была сделана попытка проанализировать различные аспекты «российского феномена» – от внутриполитической ситуации, экономики, социальной и социально-демографической сферы до внешней политики, военной доктрины, вооруженных сил и спецслужб.

Общий вывод данных публикаций можно выразить словами О. Бисмарка: «Россия никогда не так сильна и не так слаба, как кажется». Главное, однако, что хотя у части авторов просматривался идеологизированный подход и они видели в России некую опасность для западной демократии, ЕС и НАТО (особенно для их польско-балтийских сегментов), большинство придерживались более умеренной точки зрения. *Превалировала точка зрения, согласно которой Россия стремится проводить прагматичную внешнюю политику, нацеленную на защиту национальных интересов, как их понимают сегодня в Кремле. Россия отнюдь не стремится воссоздать советскую империю, не говоря уже о том, что у нее нет необходимых для этого ресурсов. Нет у нее и побудительных мотивов нападать на Польшу и прибалтийские государства [6, p. 10–11]. С ней, соответственно, нужно вести диалог, хотя и с «позиций твердости».*

В статьях, затрагивающих вопрос отношения к России ЕС, отмечалось что имеющееся в нем «русофобское» меньшинство (Польша, Швеция и прибалтийские государства, заинтересованные в продолжении конфронтации с ней) находит все меньше понимания в остальных государствах-членах. Данное меньшинство поддерживается США, для которых сближение России и ЕС является «стратегическим кошмаром». Однако Брекзит существенно ослабил позицию этих стран и, соответственно, создал шанс для «стратегического разворота» в отношениях с Россией [10, p. 58–59]. Стоит добавить, что такой разворот пока сдерживается выжидательной позицией Германии, которой после Брекзита Б. Обама по сути предлагал стать стержневым элементом евроатлантической оси на континенте. Кроме того, у Германии всегда были «исторические интересы» на Украине. Однако приход к власти в США Д. Трампа породил внутри германских элит колебания, которые продолжаются до сих пор.

Непредсказуемость политики США при Д. Трампе и необходимость отхода от чрезмерного равнения на Вашингтон, проведения курса на сближение с Россией подчеркивается в ряде монографий, вышедших во Франции в 2017 г. В качестве примера можно назвать работы специалиста по геополитике А. Дезюэна «Атлантистская Франция или крушение дипломатии» [3] и журналиста Р. Жирара «Какая дипломатия для Франции? Воспринимать реалии такими как они есть» [5]. Названия этих работ, получивших определенный резонанс во французских СМИ, говорят сами за себя. В них критикуется не только откровенно проамериканский и пронатовский курс Франции в последнее десятилетие, но и идеологизированное видение международных реалий. Оба автора призывают признать, что у России есть законные интересы и опасения перед лицом расширения НАТО и ЕС и предлагают западным лидерам взять юридические обязательства о непринятии в них Грузии и Украины.

Анализируя украинский кризис, А. Дезюэн и Р. Жирар указывают, что Запад несет большую долю ответственности за его возникновение, поскольку не снимал с повестки дня перевод Украины в свою сферу влияния. Р. Жирар в целях урегулирования данного кризиса даже выдвигает идею «размена»: возврата Украине контроля над ее границами в пределах ДНР и ЛНР на признание Крыма российской территорией. В более широком плане он видит задачу для французской дипломатии: с одной стороны, способствовать возвращению России – «культурно и исторически европейской и западной страны» – в «европейскую семью», с другой – прилагать усилия для того, чтобы Франция играла роль «конструктивного посредника» между Москвой и Вашингтоном. Р. Жирар также усматривает угрозу для европейских интересов во все более очевидной, по его мнению, перспективе «вассализации» России Китаем,

альтернативой которой может быть только строительство Большой Европы [5, p. 96–99].

Следует признать, что предложение Р. Жирара по Крыму в нынешнем французском контексте является скорее исключением из правила. Стоит, однако, подчеркнуть, что еще год назад оно вызвало бы волну возмущения в «мейнстримовских» СМИ и среди неолиберальных политиков. В сегодняшней ситуации такой волны не случилось, работа Р. Жирара (как и работа А. Дезюэна) была представлена на телевидении и стала поводом для серьезных дебатов о внешней политике Франции.

Насколько отмеченные подходы кандидатов на президентских выборах, которые были поддержаны примерно половиной избирателей, продолжающиеся обсуждения и приведенные мнения экспертов могут повлиять на внешнеполитический курс Франции, в частности по отношению к России? С учетом того, что Франция является в полном смысле президентской республикой (французские государствоведы и журналисты часто называют ее «республиканской монархией») и что внешняя политика, дипломатия и оборона являются в этой стране «зарезервированными областями» главы государства, очень многое здесь будет зависеть от президента Э. Макрона. Как известно, его личный опыт в области международной политики и дипломатии до избрания был весьма ограниченным. Можно упомянуть в этой связи полугодовую стажировку в посольстве Франции в Нигерии в 2002–2003 гг., когда он учился в Национальной школе администрации (ЭНА) – главном «инкубаторе» французских элит. Позже – работу в 2012–2014 гг. в администрации президента Ф. Олланда, где он занимался проблемами «зоны евро», наконец, деятельность на посту министра экономики, промышленности и цифровых технологий в 2014–2016 гг., когда ему приходилось заниматься двусторонними и многосторонними внешнеполитическими связями Франции, в частности в рамках ЕС, Группы семи и «двадцатки».

Большинство французских и российских экспертов справедливо отмечают, что взгляды Э. Макрона по многим вопросам, в том числе внешнеполитическим, отличаются определенной двойственностью и даже противоречивостью. В какой-то мере он сам подтверждает это, когда в своей книге «Революция», говоря о необходимости проведения Францией более реалистической и прагматической политики, в качестве исторического примера ссылается одновременно на Ш. де Голля и его политического противника, центристского деятеля П. Мендес-Франса [7, p. 37]. Ш. де Голль был привержен идее «величия» Франции и видел в тогдашнем ЕЭС лишь союз суверенных государств («Европа наций»), П. Мендес-Франс был убежденным сторонником европейской интеграции, хотя ему и приписывают высказывание: «Созидать Европу, не разрушая Францию».

В начале своей карьеры Э. Макрон работал с видным экономистом Ж. Аттали, который был специальным советником Ф. Миттерана в 1981–1991 гг., а в 1991–1993 гг. возглавлял Европейский банк реконструкции и развития. Ж. Аттали был одним из идеологов неолиберальной глобализации «без границ» и, соответственно, противником «суверенизма». Это не мешало ему проявлять определенный реализм в ряде внешнеполитических вопросов. В 1999 г., после начала натовских бомбардировок Югославии, он опубликовал, например, в газете «Монд» серию статей под общим названием «Об опасности унижения России», в которой предсказал нынешнюю конфронтацию между нашей страной и Западом [2, p. 6].

Позже Э. Макрон посещал кружок, сложившийся вокруг Ж.-П. Шевенмана, начинавшего политическую деятельность в качестве левого голлиста, а затем занимавшего министерские посты, в том числе обороны и внутренних дел, в социалистических правительствах при Ф. Миттеране. Он был убежденным «суверенистом», выступал против «федерализации» ЕС и занимал жесткую позицию по вопросам миграции. Голлистское начало у Ж.-П. Шевенмана проявлялось также в его отношении к России, которую он всегда считал неотъемлемым элементом «европейского равновесия».

Конечно, тягу Э. Макрона к этим столь непохожим деятелям можно считать проявлением любопытства молодости. Однако продемонстрированное им впоследствии стремление «синтезировать» противоречащие друг другу установки, которое, кстати, помогло ему победить на президентских выборах, говорит, скорее, о черте характера. При всем этом у него есть «твердое ядро» убеждений, которое он афишировал в упомянутой выше книге «Революция» и в своих выступлениях – в том числе после своего избрания. Он – безусловный сторонник участия Франции в процессе неолиберальной глобализации, который, по его убеждению, носит объективный характер и будет продолжаться, несмотря на нынешний кризис. Франция не может себе позволить быть вне его, замкнувшись в суверенных границах, поскольку это неизбежно приведет к отрыву от господствующих в мире тенденций, от прогресса, особенно в контексте начавшейся технологической цифровой революции.

Одновременно Э. Макрон говорил о необходимости укреплять независимость Франции перед лицом Китая, России, а также США, вступивших в «период неопределенности». При этом он подчеркивает, что ввиду недостаточности ее ресурсов Франция может это сделать только в рамках ЕС. С его точки зрения, чем крепче и сплоченнее будет ЕС, тем более значительными возможностями Франция будет располагать в Европе и мире. Ее эффективное участие в «цифровой революции» также невозможно без ЕС. Отсюда установка на углубление европейской интеграции, предложения создать общий бюджет стран «еврозоны», а также назначить для нее министра финансов. Многие политики и эксперты расценили это как прообраз «экономического

правительства» данной зоны. В основном на уровне ЕС нужно решать и проблемы миграции, которые, по Э. Макрону, являются «естественной частью» глобализации. Преодоление нынешнего кризиса ЕС, с его точки зрения, возможно при условии усиления франко-германской оси, несмотря на то что Н. Саркози и Ф. Олланд добиться этого усиления не смогли.

Эти установки Э. Макрон развил в своем выступлении 26 сентября 2017 г. в Сорбоннском университете, в котором он представил обширную и амбициозную программу преобразований в ЕС, по сути открывающих перспективу трансформации его в «асимметричное» федеральное государство. Основной акцент в ней сделан на формировании в рамках зоны евро «ядра» ускоренной интеграции, которое должно вести за собой остальные государства – члены ЕС. Речь идет, таким образом, об идее «разноскоростной Европы», с которой выступили в марте 2016 г. на встрече в Версале руководители Франции (тогда это был Ф. Олланд), Германии, Италии и Испании. Но Э. Макрон конкретизировал ее далеко идущими предложениями, затрагивающими широкий круг областей – от экономики, финансов, налогообложения, социальной политики до безопасности и обороны (в последнем случае имеется в виду создание так называемой «европейской обороны»). Стоит особо отметить его предложения по реорганизации на транснациональной основе состава Еврокомиссии (пока фактически евро-комиссары назначаются по одному от каждого государства-члена), а также по выборам на такой же основе в 2024 г. половины депутатов Европарламента [8].

В целях укрепления франко-германской «оси» и придания ей «второго дыхания» в качестве «мотора» евроинтеграции Э. Макрон выдвинул инициативу заключения 22 января 2018 г. «нового Елисейского договора» о «новом партнерстве». Как известно, ныне действующий договор был подписан 22 января 1963 г. Ш. де Голлем и К. Аденауэром. Он символизировал франко-германское примирение 18 лет спустя после окончания Второй мировой войны. В нем, помимо прочего, предусматривались консультации и определенная координация по вопросам тогдашних Европейских сообществ, но не более того. Э. Макрон же стремится к максимальному сближению двух стран, вплоть до образования к 2024 г. единого рынка с одинаковыми законами и правилами, регламентирующими деятельность предприятий [там же].

Что касается России, то Э. Макрон в книге «Революция» называл ее европейской страной, внесшей огромный вклад в общую европейскую культуру. Там же он писал о необходимости отойти, в целях поддержания безопасности на европейском континенте, от нынешней конфронтации, найти точки соприкосновения по Украине, а в сирийском вопросе двигаться к отмене взаимных санкций, «в рамках диалога с позиций твердости» [7, p. 208–209]. Встреча с В. Путиным в Версале 29 мая 2017 г., состоявшаяся по инициативе Э. Макрона, должна была продемонстрировать этот подход.

Анализ выступлений и первых реальных шагов Э. Макрона, касающихся внешней политики после избрания на пост президента, позволяет сделать вывод: на самом деле он стремится несколько обновить курс своего предшественника на основе большего реализма и гибкости *и одновременно придать ему бóльшую «державность»*. Назначение министром иностранных дел Ж.-И. Ле Дрияна, имеющего репутацию прагматичного и взвешенного политика, отвечало этой задаче. *Упомянутая встреча Э. Макрона с В.В. Путиным, которую он затем «уравновесил» беседами с Д. Трампом и заявлениями о том, что США остаются союзником Франции, инициативы по продвижению «европейской обороны», визиты в ноябре 2017 г. в ОАЭ и Саудовскую Аравию с намерением сыграть роль посредника между саудитами и Ираном, а заодно обеспечить заказы для французских предприятий (как это было при Н. Саркози и Ф. Олланде) являются тому подтверждением*.

Одновременно Э. Макрон пытается демонстрировать более «твердый и решительный» личный стиль, чем у Олланда. Однако поскольку при этом он не просто сохранил евроинтеграционный курс последнего, но, как показано выше, пошел по этому пути значительно дальше, ему во многих случаях приходится высказывать противоречащие друг другу установки. Примером тому служит его другое выступление – перед французскими послами 29 августа 2017 г. В нем Э. Макрон, как и следовало ожидать, с одной стороны, подчеркнул приоритетность все большей интеграции Франции в ЕС, объективно требующей ограничения ее суверенитета. С другой стороны, он посвятил значительную часть выступления «глобальной миссии» Франции в многополярном мире и вытекающей отсюда необходимости проводить политику великой державы, в том числе в рамках многосторонних институтов от ООН до ОБСЕ. Президент также несколько раз подчеркнул необходимость строительства партнерских отношений с Китаем и Индией и усиления партнерства с Японией. Как сочетать эти две расходящиеся линии на практике, особенно в перспективе, он не объяснил.

Э. Макрон говорил также о важности строительства в рамках ЕС «европейской обороны», необходимость которой он обосновывал, помимо прочего, «самоустранением» США из сферы совместной безопасности. Он указал, что в июле 2017 г. Еврокомиссия поддержала инициативу Франции и Германии по созданию нацеленного на это специального фонда. Вместе с тем, по мнению Э. Макрона, НАТО «не теряет свой полезности», а саммит Альянса в 2018 г. предоставит возможность придать ему «новое дыхание». В связи с этим стоит напомнить, что в случае с «европейской обороной» речь идет об очень старой идее, которая была похоронена еще в 1954 г. как раз Францией; причиной этого была неактуальность этой концепции ввиду существования НАТО. По этой же причине в 2011 г. был ликвидирован Западноевропейский

союз – своего рода «эмбрион» «европейской обороны». В любом случае «новое дыхание» НАТО будет определять Вашингтон.

Еще более противоречива позиция Э. Макрона по урегулированию конфликта в Сирии. В этой стране, как он подчеркнул, безусловным приоритетом для Франции должна быть борьба с запрещенной в России ИГИЛ (в то время как Ф. Олланд в конечном счете эволюционировал к позиции: «ни ИГИЛ, ни Б. Асад») и достижение политической стабильности. Для решения последней задачи Э. Макрон намерен продвигать создание специальной контактной группы в дополнение к уже имеющимся форматам. Вместе с тем он заявил, что «затем» нужно будет судить «руководителей сирийского режима» за совершенные преступления [4]. Очевидно, однако, что перспектива «суда» исключает участие этих руководителей в достижении стабильности на французских условиях.

О России в выступлении перед послами президент упомянул лишь как об участнице диалога по Украине и Сирии, а в речи в Сорбоннском университете – в связи поддерживаемым им расширением ЕС на Балканах, которое должно устранить там российское (и турецкое) влияние [8]. Вместе с тем в выступлении в Европейском суде по правам человека 31 октября 2017 г. он, в связи с решением России сократить свой взнос в Совет Европы, чтобы не финансировать деятельность ПАСЕ, призвал ее оставаться «в нашем общем доме». Более того, президент подчеркнул, что хотя «мы обязаны говорить о демократии и правах человека», нужно «избегать поучений» [12].

Можно предположить, что причиной тому является еще одно противоречие: прагматизм подталкивает его как минимум к исправлению ошибок Ф. Олланда, а как максимум – к определенному сближению с Россией, но евроатлантические установки ограничивают движение в этом направлении. В дальнейшем многое здесь будет зависеть от того, сможет ли Э. Макрон добиться равноправного сотрудничества в рамках франко-германской оси (многие французские эксперты сомневаются в этом), получится ли преодолеть нынешний кризис и раскол ЕС на основе его изложенной выше программы и появится ли бóльшая ясность в отношениях с США. Неуспех евроатлантической политики неизбежно вызовет мобилизацию ее многочисленных противников, которые, как показано выше, после президентских выборов никуда не исчезли, со всеми вытекающими последствиями для личных позиций Э. Макрона в собственной стране. Пока же, скорее всего, курс Франции в отношении России будет *колебаться* в рамках данного противоречия.

Библиография

1. Чернега В.Н. Геополитический выбор Франции // Международная жизнь. 2017. Май. С. 44–66.

2. Attali J. Du danger d'humilier la Russie // Le Monde 1999. 8 avril. P. 6.

3. Desuin H. La France atlantiste ou le naufrage de la diplomatie. Paris: Les Editions du CERF, 2017. 192 p.

4. Discours du Président de la République à l'ouverture de la conférence des Ambassadeurs. 30.08.2017 // URL: http/www/elysee.fr/declarations/articles-du-president–de-la-republique (Дата обращения: 02.09.2017.)

5. Girard R. Quelle diplomatie pour la France? Prendre les réalités telles qu'elles sont. Paris: Les Editions du CERF, 2017. 145 p.

6. Gautier L. L'enjeu stratégique russe // Revue défense nationale. 2017. Mai. P. 7–12.

7. Macron E. Révolution. Paris: XO Editions, 2016. 268 p.

8. Initiative pour l'Europe: Discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie, démocratique. 27.09.2017 // URL: httpp/www.elysee.fr/declarations/articles-du-président–de-la-république (Дата обращения: 02.10.2017.)

9. Pichon F. Syrie. Pourquoi l'Occident s'est trompé. Paris: Editions du Rocher, 2015. 148 p.

10. Raviot J-R. La Russie: Une menace ou un partenaire pour l'Europe? // Diplomatie. 2017. Août-septembre. P. 55–61.

11. Rothkopf D. La caste. Les nouvelles élites et le monde qu'elles nous préparent. Paris: Editions Laffont, 2009. 330 p.

12. Transcription du discours du Président de la République à la Cour européen des Droits de l'Homme. 05.11.2017 // URL: http/www.elysee.fr/declarations/articles-du-president–de-la-republique (Дата обращения: 09.11.2017.)

References

Attali J. Du danger d'humilier la Russie // Le Monde 1999. 8 avril. P. 6.

Chernega V.N. Geopoliticheskij vybor Francii // Mezhdunarodnaja zhizn. 2017. May. S. 44–66.

Desuin H. La France atlantiste ou le naufrage de la diplomatie. Paris: Les Editions du CERF, 2017. 192 p.

Discours du Président de la République à l'ouverture de la conférence des Ambassadeurs. 30.08.2017 // URL: http/www/elysee.fr/declarations/articles-du-president–de-la-republique (Data obrashhenija: 02.09.2017.)

Gautier L. L'enjeu stratégique russe // Revue défense nationale. 2017. Mai. P. 7–12.

Girard R. Quelle diplomatie pour la France? Prendre les réalités telles qu'elles sont. Paris: Les Editions du CERF, 2017. 145 p.

Initiative pour l'Europe: Discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie, démocratique. 27.09.2017 // URL: httpp/www.elysee.fr/declarations/articles-du-président–de-la-république (Data obrashhenija: 02.10.2017.)

Macron E. Révolution. Paris: XO Editions, 2016. 268 p.

Pichon F. Syrie. Pourquoi l'Occident s'est trompé. Paris: Editions du Rocher, 2015. 148 p.

Raviot J-R. La Russie: Une menace ou un partenaire pour l'Europe? // Diplomatie. 2017. Août-septembre. P. 55–61.

Rothkopf D. La caste. Les nouvelles élites et le monde qu'elles nous préparent. Paris: Editions Laffont, 2009. 330 p.

Transcription du discours du Président de la République à la Cour européen des Droits de l'Homme. 05.11.2017 // URL: http/www.elysee.fr/declarations/articles-du-president–de-la republique (Data obrashhenija: 09.11.2017.)

Н.А. Коновалова

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В РАМКАХ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *В обзоре рассматриваются основные подходы, преобладающие в научном и официальном дискурсе в США и России, к определению современного миропорядка и места России в нем. Констатируются сдвиги во внешней политике Кремля как на уровне тактики, так и при ранжировании национальных приоритетов. На основе сравнения имеющихся у России ресурсов и возникающих перед ней препятствий оценивается вероятность того, что в соответствии с российскими интересами сложится устойчивый «концерт держав», утвердится принцип равной и неделимой безопасности, а Россия превратится в связующее транспортно-логистическое звено между Китаем и ЕС.*

Ключевые слова: *полицентричность, «концерт держав», центры силы, ревизионистские державы, национальные интересы, безопасность, Большая Евразия, поворот на Восток.*

Коновалова Наталья Александровна – преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая Школа Экономики», редактор рубрики «Европа» сетевого издания «Politica Externa», г. Москва.
E-mail: nakonovalova_3@edu.hse.ru

N.A. Konovalova. Foreign Policy of Russia in the Contemporary International System

Abstract. *The article focuses on principal definitions of a contemporary world order and the place of Russia in it, which dominated in the U.S. and Russian academic and official discourses. The author describes shifts in the Russian foreign policy both in terms of tactics and the national priorities setting. Comparing resources of Russia and the existing obstacles, the author tries to forecast whether a long-lasting «concert of nations» and equal and inseparable security are likely to appear in accordance with the Kremlin's aspirations, Russia will become a connecting transport and logistics link between China and the EU. The author emphasizes the eventual opportunities for Russia to get various benefits, including the U.S. global presence downgrading and the growing worldwide demand for various goods provided by Russia.*

Keywords: *multipolarity, «concert of nations», centers of power, revisionist powers, national interests, security, Greater Eurasia, pivot to Asia.*

Konovalova Natal'ja Aleksandrovna – the teacher of the National Research University «Higher School of Economics», editor of the European section, online magazine «Politica Externa», Moscow. E-mail: nakonovalova_3@edu.hse.ru

В настоящее время в мире ведутся оживленные дискуссии по поводу особенностей современного миропорядка, определяющего окно возможностей для проведения государствами, в том числе и Россией, своей внешней политики. Общим знаменателем в подобных обсуждениях является тот факт, что мировой порядок переживает трансформацию, а в международных отношениях нарастает неопределенность. Однако при описании протекающей эволюции мирового порядка нет единства мнений относительно ее конечной точки. В связи с этим представляется уместным рассмотреть несколько подходов к определению современного миропорядка в научном и официальном дискурсе в США и России.

Так, американский дипломат Р. Хаас полагает, что происходит переход от постбиполярного состояния, когда гегемония США опиралась на их реальный потенциал и благосклонно воспринималась «ведомыми» сторонами, к беспорядочному взаимодействию в условиях, когда уважение к американской политической и экономической модели снизилось, а возрастающее число игроков стали стремиться к большей автономии [11]. Иными словами, та организация международной системы, которая имела место после окончания холодной войны, отмирает, а на смену ей при отсутствии нового гегемона приходит не структурированный миропорядок, а, скорее, хаос.

В свою очередь теоретик международных отношений Дж. Айкенберри считает, что в ходе холодной войны и особенно после ее окончания стал складываться либеральный порядок, во главе которого находился единственный гегемон, хотя его доминирование и базировалось на многосторонних институтах [12, p. 450]. По мнению Дж. Айкенберри, на данный момент наблюдается не кризис принципов либерального порядка, а скорее в рамках либерального порядка обостряется конкуренция между государствами за место в глобальной иерархии, так что международная система превращается в «постгегемонистскую» [12, p. 451–452]. Очевидно, что в соответствии с представленным подходом капитальные сдвиги имеют место в большей степени на статусно-ролевом, чем на институциональном уровне.

Что касается взглядов политолога Дж. Ная-мл., его идеи во многом созвучны с позициями его американских коллег. Во-первых, как он утверждает, даже Китай, усиление которого многими специалистами воспринимается

в качестве главной угрозы либеральному порядку, «пытается не свергнуть нынешний порядок, а наращивать свое влияние в нем» [9]. Во-вторых, как и Р. Хаас, Дж. Най-мл. констатирует всё более выраженную автономизацию отдельных игроков и перераспределение влияния за счет правительств в пользу негосударственных акторов, так что сетевая организация негосударственных акторов постепенно вытесняет иерархическую, в которой существуют государства [там же]. Таким образом, обозначены сразу две тенденции эволюции мирового порядка: подъем Китая в рамках существующего миропорядка и дополнение иерархических связей сетевыми при усилении влияния негосударственных акторов на мировые политические процессы.

В основополагающем российском внешнеполитическом документе – Концепции внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. (далее Концепция) – также отмечаются эти и другие тенденции. В частности, в Концепции указывается, что в результате усложнения структуры международных отношений формируется полицентричная международная система; одновременно возникают новые центры влияния, а силовой потенциал смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион [6]. Согласно Концепции, при подобной конфигурации международной системы необходимо «коллективное лидерство ведущих государств», чтобы обеспечить управляемость и устойчивость мирового развития [там же]. По-видимому, речь идет о своеобразном «концерте держав», формирующих ядро глобального управления и опирающихся в своих действиях на нормы международного права.

Несколько иначе расставил акценты министр иностранных дел РФ С.В. Лавров в своей речи на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2017 г. Министр указал, что мир постепенно вступает в «постзападную эру» многополярности, в которой все страны разделяют ответственность за поддержание мира и безопасности, а НАТО оказывается пережитком холодной войны [13]. При этом С.В. Лавров подчеркнул, что не появление новых центров силы влечет за собой упадок либерального порядка; напротив, его упадок был предопределен, поскольку он служил целям доминирования Запада, так что в настоящее время требуется более справедливая модель мира [7]. Таким образом, был обозначен как неизбежный разрыв с прежним миропорядком, так и контуры нового.

Российский политолог И.А. Истомин подробнее раскрывает свойства полицентричного мироустройства, тенденция к формированию которого сформулирована в Концепции, но в то же время констатирует, что это не свершившийся факт, а лишь желаемая модель. И.А. Истомин ставит знак равенства между концептами «полицентричность» и «концерт», из чего следует, что для полицентричной системы международных отношений характерна не только повышенная кооперативность, но и турбулентность [4, с. 22–23]. И.А. Истомин показывает, что в восприятии российского руководства поли-

центричный мировой порядок считается более справедливым и способным сдерживать гегемонистские притязания отдельных стран, чем все альтернативные модели мироустройства, хотя и признается, что он обладает дестабилизационным потенциалом [4, с. 23–24]. Итак, в процессе становления нового полицентричного миропорядка может нарастать и непредсказуемость в международных отношениях.

Ведущий отечественный специалист по Китаю А.В. Лукин также обнаруживает в постбиполярном мироустройстве предпосылки формирования «концерта держав». Во-первых, А.В. Лукин указывает, что и привлекательность, и объективные возможности западных стран снизились на фоне экономического и политического подъема незападных центров силы [14, p. 94]. Во-вторых, он обращает внимание на реакцию КНР, последовавшую после предложения З. Бжезинского в 2009 г. создать «большую двойку» в составе США и Китая: Пекин деликатно отклонил подобный проект, выдвинув взамен инициативу по построению «нового типа отношений между ведущими державами» [14, p. 102]. Получается, Китай не заинтересован ни в установлении гегемонии, ни в формировании биполярной структуры международных отношений, а считает более жизнеспособным «концерт держав» в том или ином виде, что повышает вероятность возникновения такой модели миропорядка.

При множестве трактовок эволюции мирового порядка, которые были приведены выше, сложно однозначно определить место России в мировой системе. Тем не менее наиболее взвешенным представляется подход коллектива ИМЭМО, который подразделяет центры силы на четыре уровня: во главе мировой иерархии расположились США, далее следуют экономически сопоставимые с ними Китай и Европейский союз, а третий и четвертый уровни занимают соответственно региональные лидеры и страны с более ограниченным влиянием на мировые процессы [цит. по: 4, с. 27]. Составители данной классификации поместили Россию между вторым и третьим уровнями, что отражает реальную дихотомию между возможностями РФ и ее позиционированием на международной арене: по своему экономическому и технологическому потенциалу Россия скорее относится к категории региональных государств, но ее ядерный статус, место постоянного члена в Совете Безопасности ООН и стремление участвовать в решении глобальных проблем позволяют причислить ее к ведущим мировым державам. Не случайно, рассуждая об эволюции внешней политики России, С.В. Лавров приводит высказывание философа И. Ильина о том, что статус великой державы зависит не столько от величины территории и количества населения, сколько от способности решать задачи международного масштаба [8].

Многими экспертами отмечается, что, несмотря на более скромные позиции России по сравнению, например, с США и Китаем, она остается важней-

шим игроком в международных отношениях. Как следует из аргументов академика РАН В.Г. Барановского, в условиях, когда ключевой осью мирового порядка оказываются взаимоотношения между Китаем и США, Россия может решающим образом влиять как на баланс между ними, так и на модальность их взаимодействия, которая будет варьироваться по линии соперничество-сотрудничество [1, с. 11]. Эта же мысль находит отражение и в Концепции, в которой постулируется роль РФ как «уравновешивающего фактора в международных делах» [6]. Таким образом, взгляд российского руководства и интеллектуальной элиты на место РФ в мире представляется целостным и взаимодополняющим: и теми, и другими развиваются идеи баланса сил между ведущими державами.

Подобная симфония мнений государственных лиц и отдельных аналитиков наблюдается и по поводу потенциального вклада России в мировое развитие. В своей программной статье С.В. Лавров намечает стратегическую цель РФ утвердиться в качестве «одного из ведущих центров силы», а также «поставщика ценностей развития, безопасности и стабильности» [8]. Министру вторит и бывший разведчик А.О. Безруков: с его точки зрения, Россия обладает уникальной способностью «создать безопасное пространство в полном опасностей мире» и предоставлять «суверенитетообразующие» услуги и технологии, в том числе в сфере логистики, защиты информационных и финансовых систем [3]. Следовательно, благодаря тому, что Россия традиционно отдавала приоритет вопросам безопасности и суверенитета в самом широком смысле, она может стать поставщиком этих крайне востребованных благ и для своих иностранных партнеров.

Однако существуют и пессимистичные оценки роли России в мире. Так, авторитетный политолог С.А. Караганов предостерегает, что в отсутствие внутренних трансформаций Россия может потерять свои позиции, как он оценивает, «третьей мировой державы» и остаться на периферии мировой политики даже несмотря на впечатляющие успехи российской дипломатии [5]. Еще более категоричен Р. Хаас: хотя он не исключает реваншистских шагов со стороны России, он считает российскую военную силу и «мягкую мощь» слишком ограниченными, чтобы на их основе Россия могла предложить миру такой продукт или идею, которые заинтересовали бы не только этнических русских [11]. Итак, при неблагоприятной внутренней ситуации и сокращении доступных ресурсов имеется вероятность скатывания России на периферийные роли в международной системе, так что страна не сможет оказывать желаемого влияния на глобальные процессы.

Стоит отметить, что попытки воздействия на глобальную расстановку сил посредством уже упоминавшейся реваншистской политики – одна из стратегий, которые нередко приписывают России. Более того, Р. Хаас на основе определения, данного теоретиком международных отношений Х. Буллом,

считает Россию «силой беспорядка», поскольку страна якобы отказалась интегрироваться в нынешний мировой и европейский порядок и в ходе украинского кризиса отвергла ряд международных правил и договоренностей [11]. Схожим образом и американский исследователь У. Мид относит Россию (наряду с Китаем и Ираном) к числу ревизионистских держав, способных подорвать влияние Запада и инициировать пересмотр статус-кво как в мировом масштабе, так и в регионах, где они выступают в качестве ведущих или по крайней мере значимых игроков [16]. Иначе говоря, многие зарубежные специалисты полагают, что Россия может играть на мировой арене дестабилизирующую роль и параллельно с некоторыми другими восходящими центрами силы противостоять коллективному Западу, который рассматривается скорее как сторонник существующего порядка.

Тем не менее Россия выбивается из общего ряда условных ревизионистов. Хотя в соответствии с характеристикой, выработанной С. Макфарлейн для восходящих держав, она и доминирует экономически и политически в своем регионе, стремится к глобальной роли и отчасти бросает вызов гегемонии США, Россия претендует на высокий статус не вследствие своего динамичного развития, как все прочие новые центры силы, а лишь пытается вернуть утраченные некогда позиции [15, p. 48]. Парадокс в российской внешней политике видит и В.Г. Барановский, выявивший, что Россия может выступать и в качестве нарушителя статус-кво, что особенно четко проявилось в присоединении Крыма, и в качестве блюстителя традиционных норм, что выражается в осуждении несанкционированных иностранных интервенций, и в качестве сторонника возрождения политических практик прошлых столетий, вроде раздела мира на сферы влияния [1, с. 14]. Итак, внешняя политика РФ лишь в некоторых эпизодах была направлена на изменение статус-кво; при этом Россия, обладая внешнеполитической гибкостью, нередко проявляет себя и как охранительно-консервативная держава.

Представляется, что Россия следует подобной тактике, исходя из оценки пределов и возможностей своей внешней политики. Так, в условиях антироссийских санкций эта дилемма, как ее обозначил Р. Хаас, состоит из ограничений, проистекающих из экономической и политической взаимозависимости, и ресурсов, которые доступны России благодаря ее относительной самодостаточности [11]. По его мнению, самообеспеченность России зиждется, прежде всего, на энергетическом секторе, тогда как благодаря более скромным объемам внешней торговли и инвестиций (например, по сравнению с Китаем) взаимозависимость хоть и сдерживает Россию, но в меньшей степени, что позволяет стране проводить более решительный, если не реваншистский, внешнеполитический курс [там же]. Итак, обилие внутренних ресурсов и меньшая глобализированность российской экономики стали неким проти-

вовесом при возникновении такого сдерживающего фактора, как антироссийские санкции.

Тем не менее в условиях экономической и политической конфронтации с Западом снижение доступных ресурсов, помноженное на относительную неблагоприятность международной среды, постепенно привело к переоценке внешнеполитических приоритетов. В.Г. Барановский отмечает, что Россия всё больше руководствуется национальными интересами, в то время как проблемные аспекты любого другого уровня отходят на второй план [1, с. 6]. В связи с этим борьбу России с глобальными проблемами вроде терроризма и ведение боевых действий в Сирии (т.е. за пределами своего региона, под которым традиционно понимается постсоветское пространство) следует трактовать именно как необходимые меры для обеспечения жизненно важных интересов России, как то: безопасность в виде предотвращения экспорта исламизма в свой регион и разрастания зон нестабильности в сопредельных регионах. Таким образом, при сократившихся материальных и нематериальных возможностях в российской внешней политике сложилась определенная иерархия приоритетов, в которой первостепенное значение имеют национальные интересы; однако это не означает, что в процессе достижения ключевых целей Россия не может выходить за пределы своего традиционного регионального ареала.

Целесообразно подробнее остановиться на нематериальных факторах, которые могут создавать затруднения при проведении Россией внешней политики. В первую очередь выделяется формирование негативного образа страны и ее руководства в результате присоединения Крыма и продолжающегося конфликта на юго-востоке Украины. В ряде стран западного мира тиражируется образ России как агрессора, способного применить военную силу для отторжения части территории суверенного государства; как безответственного игрока международных отношений, срывающего мирный процесс и ведущего «гибридную войну»; как беспринципного манипулятора общественным мнением посредством информационной войны. Хотя многие обвинения являются не более, чем инсинуациями, приходится констатировать вслед за В.Г. Барановским, что Россия больше не располагает доверием большинства западных стран [1, с. 9]. Отныне ее действия ассоциируются с подрывом норм международного права и применением «двойных стандартов», против которых она рьяно выступала в прошлом.

Помимо фактора ресурсов и фактора имиджа, необходимо упомянуть и о тех ограничениях, которые диктуются России геополитикой. Так, А.О. Безруков выводит процветание России из безопасности и стабильности на евразийском континенте: стране, «зажатой центрами силы с запада и востока», требуется выход на рынок Большой Евразии, что достижимо лишь при наличии колоссальных инфраструктурных связей и бесперебойного развития всего

пространства [3]. Аналитик отводит России роль гаранта безопасности трансконтинентальных транспортных маршрутов, что, по его мнению, реализуемо с опорой на внушительный опыт страны в проведении миротворческих и спасательных операций, в институциональном строительстве в развивающихся странах, а также в координации действий игроков в рамках ШОС [там же]. Однако превращение России в «евразийского полицейского» маловероятно в обозримой перспективе, поскольку с возрастанием мощи ряда евразийских держав динамика в регионе может становиться всё более конкурентной, а менее влиятельные страны будут всё в возрастающей степени опасаться нарушений своего суверенитета. Иными словами, проведение российской внешней политики, нацеленной на поддержание стабильности и содействие развитию на евразийском пространстве, может осложняться возникновением целого ряда неблагоприятных тенденций.

Несмотря на возможные осложнения при реализации такого мегапроекта в Большой Евразии, регулирование кризисов за пределами своей территории и поставка технологий развития странам, которые в них нуждаются, несомненно, являются теми нишами, которые могла бы занять Россия в нынешних международных условиях. Помимо евразийского пространства, речь идет о странах, которые еще не «аффилированы» с теми или иными влиятельными центрами силы и которые настроены по отношению к России благожелательно или нейтрально. В связи с этим перспективными партнерами считаются государства в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, задел для плодотворного сотрудничества с которыми уже имеется, но его потенциал реализован не полностью.

Для России также открываются новые возможности в связи с избранием Д. Трампа на пост президента США и наметившейся коррекцией в стратегии американского глобального присутствия. Как полагает журналист А.Г. Баунов, постепенно в мире будет образовываться больше «пустот», где США перестанут быть доминирующим игроком [2]. Косвенным подтверждением подобной тенденции может считаться стремление дистанцироваться от Вашингтона, демонстрируемое Р. Дутерте, президентом Филиппин, являвшихся частью американской системы военных альянсов в Азии. Кроме того, всё большую самостоятельность проявляет Япония, что повышает шансы нормализации российско-японских отношений вплоть до заключения мирного договора. Важно понимать, что налаживание политического диалога сопровождается обсуждением совместных экономических проектов на островах Курильской гряды, интенсификации сотрудничества в энергетической сфере, а также в области сельского хозяйства, логистики, медицины, что представляется немаловажным в свете задач по развитию российского Дальнего Востока. Обнаруженные сдвиги подразумевают, что возможен прогресс в двусторонних отношениях России с рядом зарубежных партнеров в Азии,

которого не удавалось добиться при безапелляционном доминировании США на мировой арене.

Назревающие перемены в расстановке сил в Азии создают дополнительные возможности в ходе российского «поворота на Восток». Благодаря диверсификации связей с азиатскими партнерами удастся избежать асимметричной зависимости от растущего Китая, а подобные опасения регулярно высказываются в российском экспертном сообществе, и сделать выбор в пользу такой стратегии развития российского Дальнего Востока, которая окажется самой выгодной из числа доступных альтернатив. Более выигрышная позиция России при подобном «пристегивании» к Азиатско-Тихоокеанскому региону увеличит пространство для российского маневра и при воплощении в жизнь совместных с Китаем проектов на евразийском континенте. В перспективе может появиться возможность участвовать не только в продвигаемых КНР инициативах по сооружению транспортной инфраструктуры по линии «Восток–Запад» с ориентацией на европейский рынок, но привлекать его и к прокладке меридианальных транспортных артерий «Север–Юг» для подключения удаленных российских регионов к основным евразийским зонам роста.

Однако на данном этапе закономерно провести разграничительную линию между реальным и желаемым. Разумеется, план-максимум для России стать не только транспортным «мостом» между Европой и Азией, но и, по выражению А.О. Безрукова, «севером Большой Евразии» [3]. Однако продвижение в первом направлении наталкивается на ряд вызовов, а именно: опасения, что китайский мегапроект Экономического пояса Шёлкового пути, сопряжение которого с ЕАЭС было согласовано российским и китайским руководством, из геоэкономического превратится в геополитический; бесперспективность создания в нынешних политических условиях даже зоны свободной торговли между ЕС и ЕАЭС, без чего сложно ожидать скачка торговли в Евразии; скромная экономическая база самого ЕАЭС по сравнению с ЕС и Китаем и незаинтересованность ряда стран объединения в продвижении к более глубокой интеграции. Что касается второго направления, чтобы стать «севером Большой Евразии» России требуется ускоренными темпами развивать сибирские и дальневосточные территории и сооружать меридианальные магистрали, что маловероятно в ближайшее десятилетие притом, что собственные ресурсы ограничены, а средства потенциальных партнеров направлены на реализацию более актуальных для них проектов.

Если даже в региональном масштабе экономическая неравнозначность ЕС и Китая, с одной стороны, и РФ – с другой, не позволяет рассчитывать на скорое формирование единого евразийского пространства при ключевой роли последней, то перспектива становления устойчивого «концерта держав» с непременным участием России тем более относится к разряду скорее желаемого, нежели реального. Но, с точки зрения В.Г. Барановского, когда

у России есть рычаги воздействия в определенной ситуации и когда, по расчетам зарубежных стран, она не может воспользоваться ими для значимого повышения своего влияния, партнеры готовы локально подключать ее к «концерту» [1, с. 8]. Прецедентом такого принятия решений по принципу «концерта», в котором участвовала и Россия, можно назвать переговоры по ядерной проблеме Ирана в формате «Группы 5+1». В то же время действия держав по Сирии остаются разрозненными, что, по всей вероятности, связано с нежеланием Запада позволить России повысить свой статус и улучшить свой имидж за счет международно признанного позитивного вклада в урегулирование данного кризиса. Таким образом, Россия пока не стала участником стабильного «концерта держав», хотя есть прецедент ее привлечения к подобному формату.

Желаемое формирование «концерта», при котором ни одна влиятельная держава не исключена из процесса принятия ключевых с точки зрения международной безопасности решений, концептуально тесно связано с понятием равной и неделимой безопасности, которое красной нитью проходит через основополагающие внешнеполитические документы РФ. Однако реальному возникновению такой безопасности препятствуют как произвольные действия некоторых стран и объединений (вроде расширения НАТО, создающего разделительные линии в Европе), так и объективно зарождающийся мировой тренд на обособление региональных блоков. По прогнозу влиятельнейшего эксперта по международным отношениям Г. Киссинджера, в XXI в. в рамках международной системы будут сосуществовать несколько региональных порядков со своими нормами и движущими силами [цит. по: 10, с. 9]. В условиях когда универсальный консенсус недостижим, воплощение в жизнь концепта равной и неделимой безопасности представляется нереалистичным, тогда как основная задача игроков сведется к предотвращению масштабной войны и фрагментации ткани международных отношений до степени хаотизации.

Итак, современный миропорядок, по всей видимости, характеризуется относительным ослаблением США и перемещением «центра тяжести» в Азиатско-Тихоокеанский регион. При этом при отсутствии нового гегемона и при подъеме незападных центров силы прослеживается тенденция к формированию полицентричности. В этих условиях Россия позиционирует себя в качестве «балансира» и «поставщика безопасности», что ставит ее в один ряд с ведущими мировыми державами, однако ее неустойчивое экономическое положение становится основанием, чтобы причислить ее лишь к числу только региональных держав. Подобная раздвоенность в международном статусе России позволила некоторым западным исследователям отнести ее к ревизионистским державам, хотя уместнее констатировать вариантность внешней политики страны.

Россия вынуждена проявлять подобную гибкость, чтобы реализовывать свои национальные интересы и пользоваться открывшимися возможностями несмотря на возникающие препятствия. Среди подобных осложнений выделяются материальные и имиджевые потери на фоне украинского кризиса и введения антироссийских санкций, зависимость развития страны от конъюнктуры на пространстве Большой Евразии и ограниченная готовность зарубежных партнеров участвовать в актуальных для страны проектах. Одновременно на другой чаше весов представлены такие преимущества, как относительная экономическая самодостаточность России, эффективность при реализации жизненно важных интересов, способность содействовать зарубежным партнерам в урегулировании кризисов и поставлять им технологии для нужд развития, сбалансированная стратегия по проведению «поворота на Восток». Однако на данный момент скорее нереалистичными представляются некоторые амбициозные цели России, вроде превращения в связующее транспортное звено в Евразии, закрепления в устойчивом «концерте держав», укоренения и универсализации концепта неделимой безопасности.

Библиография

1. Барановский В.Г. Новая внешняя политика России: Влияние на международную систему // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 7. С. 5–15.

2. Баунов А.Г. За пределом возможного // Россия в глобальной политике. 2017. № 2. URL: www.globalaffairs.ru/number/Za-predelom-vozmozhnogo-18647 (Дата обращения: 10.08.17.)

3. Безруков А.О. Спасти и сохранить // Россия в глобальной политике. 2017. № 1. URL: www.globalaffairs.ru/number/Spasti-i-sokhranit-18557 (Дата обращения: 10.08.17.)

4. Истомин И.А. Рефлексия международной системы в официальном дискурсе и научном осмыслении // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 5 (50). С. 20–33.

5. Караганов С.А. Переломный год: Предварительные итоги // Россия в глобальной политике. 2014. № 6. URL: www.globalaffairs.ru/number/perelomnyi-god-predvaritelnye-itogi-17193 (Дата обращения: 10.08.17.)

6. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2016. URL: www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (Дата обращения: 10.08.17.)

7. Лавров выступил за установление «постзападного» порядка // Международное французское радио RFI. Париж, 2017. Эфир от 18 февр. URL: ru.rfi.fr/rossiya/20170218-lavrov-vystupil-za-ustanovlenie-postzapadnogo-mirovogo-poryadka (Дата обращения: 11.05.17.)

8. Лавров С.В. Историческая перспектива внешней политики России // Россия в глобальной политике. 2016. № 2. URL: www.globalaffairs.ru/number/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18019 (Дата обращения: 10.08.17.)

9. Най Дж. Уцелеет ли либеральный миропорядок? // Россия в глобальной политике. 2017. № 2. URL: www.globalaffairs.ru/number/Utceleet-li-liberalnyi-miroporyadok-18651 (Дата обращения: 10.08.17.)

10. Суслов Д.В. Мировое устройство: quo vadis? В поисках глобального Вестфаля // Валдайские записки. Специальный выпуск. 2016. 16 с.

11. Хаас Р. Разваливающийся миропорядок // Россия в глобальной политике. 2014. № 6. URL: www.globalaffairs.ru/number/razvalivayuschiisya-miroporyadok-17194 (Дата обращения: 10.08.17.)

12. Ikenberry J.G. The Future of Liberal World Order // Japanese Journal of Political Science. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2015. Vol. 16. N 3. P. 450–455.

13. Lavrov: «World is Clearly Entering the Post-Western Era» // Sputnik International. Moscow, 2017.09.03. URL: sptnkne.ws/dKeG (Дата обращения: 10.08.17.)

14. Lukin A. Russia in a Post-Bipolar World // Survival. L.: International Institute for Strategic Studies, 2016. Vol. 58. N 1. P. 91–112.

15. MacFarlane S.N. The «R» in BRICS: Is Russia an Emerging Power? // International Affairs. L.: Chatham House, the Royal Institute of International Affairs, 2006. Vol. 82. N 1. P. 41–57.

16. Mead W.R. The Return of Geopolitics. The Revenge of the Revisionist Powers // Foreign Affairs. N.Y.: Council on Foreign Relations, 2014. Vol. 93. N 3. P. 68–79.

References

Baranovskij V.G. Novaja vneshnjaja politika Rossii: Vlijanie na mezhdunarodnuju sistemu // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija. 2016. Vol. 60. N 7. P. 5–15.

Baunov A.G. Za predelom vozmozhnogo // Rossija v global'noj politike. 2017. N 2. URL: www.globalaffairs.ru/number/Za-predelom-vozmozhnogo-18647 (Data obrashhenija: 10.08.17.)

Bezrukov A.O. Spasti i sohranit' // Rossija v global'noj politike. 2017. N 1. URL: www.globalaffairs.ru/number/Spasti-i-sokhranit-18557 (Data obrashhenija: 10.08.17.)

Haas R. Razvalivajushhijsja miroporjadok // Rossija v global'noj politike. 2014. N 6. URL: www.globalaffairs.ru/number/razvalivayuschiisya-miroporyadok-17194 (Data obrashhenija: 10.08.17.)

Ikenberry J.G. The Future of Liberal World Order // Japanese Journal of Political Science. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2015. Vol. 16. N 3. P. 450–455.

Istomin I.A. Refleksija mezhdunarodnoj sistemy v oficial'nom diskurse i nauchnom osmyslenii // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2016. N 5 (50). P. 20–33.

Karaganov S.A. Perelomnyj god: predvaritel'nye itogi // Rossija v global'noj politike. 2014. N 6. URL: www.globalaffairs.ru/number/perelomnyi-god-predvaritelnye-itogi-17193 (Data obrashhenija: 10.08.17.)

Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii (utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putinym 30 Nov. 2016 g.) // Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii. 2016. URL: www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (Data obrashhenija: 10.08.17.)

Lavrov S.V. Istoricheskaja perspektiva vneshnej politiki Rossii // Rossija v global'noj politike. 2016. N 2. URL: www.globalaffairs.ru/number/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18019 (Data obrashhenija: 10.08.17.)

Lavrov vystupil za ustanovlenie «postzapadnogo» porjadka // Mezhdunarodnoe francuzskoe radio RFI. Parizh, 2017. Efir ot 18 Feb. URL: ru.rfi.fr/rossiya/20170218-lavrov-vystupil-za-ustanovlenie-postzapadnogo-mirovogo-poryadka (Data obrashhenija: 11.05.17.)

Lavrov: «World is Clearly Entering the Post-Western Era» // Sputnik International. Moscow, 2017.09.03. URL: sptnkne.ws/dKeG (Data obrashhenija: 10.08.17.)

Lukin A. Russia in a Post-Bipolar World // Survival. L.: International Institute for Strategic Studies, 2016. Vol. 58. N 1. P. 91–112.

MacFarlane S.N. The «R» in BRICS: Is Russia an Emerging Power? // International Affairs. London: Chatham House, the Royal Institute of International Affairs, 2006. Vol. 82. N 1. P. 41–57.

Mead W.R. The Return of Geopolitics. The Revenge of the Revisionist Powers // Foreign Affairs. N.Y.: Council on Foreign Relations, 2014. Vol. 93. N 3. P. 68–79.

Naj Dzh. Uceleet li liberal'nyj miroporjadok? // Rossija v global'noj politike. 2017. N 2. URL: www.globalaffairs.ru/number/Utceleet-li-liberalnyi-miroporyadok-18651 (Data obrashhenija: 10.08.17.)

Suslov D.V. Mirovoe ustrojstvo: quo vadis? V poiskah global'nogo Vestfalja // Valdajskie zapiski. Special'nyj vypusk. 2016. 16 p.

Ю.А. Гринева

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ИТАЛИИ В ПЕРВОМ ДЕСЯТИЛЕТИИ XXI в.: ОПЫТ ДЛЯ РОССИИ

Аннотация. *Статья посвящена законодательству Италии в области миграции, принятому в первое десятилетие XXI в. Автор анализирует так называемый «Закон Босси–Фини», поправки в Уголовный кодекс Италии и другие законодательные акты. Делается вывод о том, что в Италии в этот период была реализована именно модель интеграции, а не модель мультикультурализма, характерная, например, для Великобритании.*

Ключевые слова: *миграционные потоки, мигранты, Франция, Италия, «Закон Босси–Фини», ЕС.*

Гринева Юлия Александровна – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: grineva-yulia@mail.ru

Yu.A. Grineva. Italian Migration Policy in the First Decade of the XXI Century: Experience for Russia

Abstract. *The article is devoted to the Italian legislation on migration, adopted in the first decade of the XXI century. The author analyzes the «Bossi–Fini Law», amendments to the Italian Penal Code and other legislative acts. The conclusion is that in Italy during this period the integration model was realized, and not the model of multiculturalism, which characterize, for example, the Great Britain.*

Keywords: *migration flows, migrants, France, Italy, Bossi–Fini law, EU.*

Grineva Yuliya Aleksandrovna – postgraduate student of the Faculty of Global Studies of Lomonosov Moscow State University. E-mail: grineva-yulia@mail.ru

В современном активно глобализирующемся мире одной из ключевых проблем для Российской Федерации является проблема миграционная. В связи с этим изучение опыта Италии, страны, пережившей в новом столетии

несколько миграционных цунами, представляется актуальным и научно обоснованным. На рубеже веков на Италию обрушился один из таких потоков, а приход к власти в 2001 г. правоцентристской коалиции «Дом свобод» под руководством С. Берлускони [8, p. 240–248] положил начало ключевым изменениям в миграционном законодательстве. И.Г. Животовская подчеркивает: «Необычна скорость, с которой Италия превращается в страну массовой иммиграции. Если в 1991 г. здесь официально насчитывалось 652 тыс., а в 2001 г. – 1,3 млн иммигрантов, то на 31 декабря 2010 г. их было зарегистрировано уже 4,57 млн (7,5% общей численности населения). Это один из самых высоких показателей среди стран – членов ЕС. С учетом нелегальных мигрантов, численность которых, по разным оценкам, колеблется от 500 до 800 тыс. человек, общее число иностранных граждан, живущих и работающих в Италии, приблизилось к 5,3 млн…» [3].

Принимая во внимание эти изменения, правительство С. Берлускони разработало и провело через парламент в 2002 г. закон № 189/02 («Закон Босси–Фини», названный так по фамилиям министра реформ и деволюции – У. Босси и заместителя председателя правительства – Дж. Фини), который ужесточил положения предыдущего иммиграционного закона от 1998 г. [12]. Этот документ, в частности, ввел такие рестриктивные меры, как усложнение процедуры воссоединения семей мигрантов и сокращение круга беженцев, имеющих право на убежище [там же].

«Закон Босси–Фини» обусловил присутствие мигранта на итальянской территории трудовым контрактом. Кроме того, прежде чем въехать в Италию, иммигрант должен заключить с работодателем другой документ – контракт на пребывание, согласно которому работодатель обеспечивает работнику место проживания и оплату обратной дороги на родину. Если же итальянский работодатель трудоустраивает иммигрантов, не имеющих визы, то он платит взнос государству от 330 до 800 евро, а трудоустройство нелегального мигранта карается штрафом в 5 тыс. евро и даже тюремным сроком от трех месяцев до одного года [там же]. Таким образом, работодатель несет большие финансовые расходы и социальную ответственность за иммигранта, что ставит дополнительный заградительный барьер на пути миграции, а также сужает возможности найти заработок для нелегальных мигрантов.

Кроме того, именно контракт на пребывание является, согласно «Закону Босси–Фини», единственным основанием для получения вида на жительство в Италии, а иммигранты, которые не имеют виз, направляются в течение 60 дней в специальные центры для установления личности. Если выяснится, что они прибыли в Италию незаконно, их высылают из страны с лишением на десять лет права на въезд [там же].

Однако и в этом законе были противоречия: работодатель имел возможность трудоустраивать иммигрантов без визы, т.е. нелегалов, если они рабо-

тают домашней прислугой или ухаживают за престарелыми и больными. Компромиссный характер «Закона Босси–Фини» обусловливался межпартийным компромиссом: лидеры двух правых партий правительственного большинства, разработавшие текст документа, – «Лиги Севера» (У. Босси) и «Национальный альянс» (Дж. Фини) – вынуждены были считаться с правоцентристскими партиями коалиции С. Берлускони [2, с. 215–216]. В пользу внутрикоалиционной борьбы, как причины смягчения положений документа, говорит и то, что его принятие сопровождалось пятой, самой крупной амнистией, в результате которой удалось легализоваться более чем 640 тыс. нелегальных мигрантов, причем 59% из них приходилось на нелегалов из государств Центральной и Восточной Европы: граждан Румынии (20,4%), Украины (15,2), Албании (7,7), Польши (4,9) и Молдавии (4,4%) [1].

После победы на выборах в 2006 г. левоцентристская коалиция включилась в борьбу за пересмотр закона № 189/02 в сторону смягчения его положений, но потерпела неудачу: на фоне увеличения иммиграционных потоков большинство итальянского общества не приветствовало либерализацию миграционной политики. Согласно опросу, проведенному Институтом общественного мнения в 2007 г., 40% итальянцев воспринимали иммигрантов как угрозу, а 28% полагали, что они отнимают у жителей Италии рабочие места [2, с. 215–216].

В конце первого десятилетия XXI в. в Италии не было принято законов, которые, как «Закон Босси–Фини», регулировали бы значительную часть вопросов, связанных с иммиграционными процессами. Однако в годы правления четвертого правительства С. Берлускони (май 2008 – ноябрь 2011 г.), правоцентристского по своему составу, было принято несколько важных законодательных актов, посвященных отдельным аспектам иммиграции. В частности, принятый в 2008 г. закон № 125 внес изменения в Уголовный кодекс Италии. Согласно этим изменениям, нелегальное пребывание на территории страны является отягчающим обстоятельством для любого преступления [11]. Кроме того, закон № 125 ужесточал наказание за предоставление мигрантам убежища в частных домах и квартирах и за устройство на работу тех из них, кто не имеет вида на жительство. Ристриктивный характер этого документа подчеркивает и изменение названий Центров временного пребывания на Центры идентификации и выдворения [там же].

Закон № 125 ужесточал наказание за подделку удостоверения личности или предоставление ложных данных о себе [там же]. Необходимо отметить, что предотвращение въезда на территорию ЕС по поддельным документам – одно из ключевых направлений деятельности соответствующих организаций ЕС. Италия поддержала Европейский Пакт об иммиграции и предоставлении убежища, предложенный Францией, на тот момент страной – председателем ЕС [там же]. Этот документ был призван содействовать интеграции мигрантов

в европейское общество и углублению сотрудничества с государствами, из которых в ЕС чаще всего приезжают мигранты [11].

Италия и сама давно сотрудничает с такими государствами. Пример тому – ее опыт взаимодействия с Албанией в 90-е годы XX в. В 1998 г. с Тунисом был заключен так называемый «Договор о реадмиссии», согласно которому Италия финансово и технически помогала Тунису бороться с нелегальной миграцией и охранять собственные границы. В 2003 г. этот договор был дополнен соглашениями об ускорении процесса репатриации с итальянской территории и о помощи Италии в подготовке пограничников Туниса. В 2005 г. Италия и Египет заключили соглашение о регулировании трудовой миграции, а спустя два года – о реадмиссии [7, с. 45–46].

Наиболее известным из соглашений такого рода, заключенных республикой в первое десятилетие нового столетия, стал «Договор о дружбе, партнерстве и сотрудничестве», подписанный С. Берлускони с лидером Ливии М. Каддафи в ходе его первого за много лет и уже только потому исторического турне в Италию и Францию в 2008 г. [5]. Указанное соглашение, являясь всеобъемлющим по своему характеру, также устанавливало правила контроля морского побережья Ливии с целью предотвращения актов нелегальной миграции. Для реализации этой цели Италия предоставила Ливийской Джамахирии быстроходные пограничные суда [4]. В соответствии с рассматриваемым документом, Италия брала на себя обязательство выплатить Ливии 5 млрд долл. в течение 20 лет (начиная с февраля 2009 г., даты ратификации договора), а Ливия – проводить весь комплекс мероприятий по предотвращению нелегальной миграции и, в частности, проводить совместно с Италией морские патрульные операции.

Продолжая линию, закрепленную «Законом Босси–Фини», законодательный декрет № 159 ограничил число въезжающих членов семьи мигранта и ужесточил условия, при которых воссоединение семьи возможно [9]. Этот документ придавал большое значение доказательству родственных связей с помощью ДНК-теста. В области политики воссоединения семей мигрантов Италия двигалась в одном направлении с Францией: французский закон об управлении процессом иммиграции, интеграции и предоставления убежища от 2007 г. тоже допускал – для установления родства – проведение тестов на ДНК.

Если сравнить принятый итальянским парламентом закон № 94 от 15 июля 2009 г. (вступил в силу с 8 августа) [10] с соответствующими французскими законодательными актами первого десятилетия XXI в., можно прийти к выводу о том, что обе страны избрали путь ужесточения своей миграционной политики. Увеличивались штрафы за нелегальную иммиграцию, усложнялась процедура продления вида на жительство, который стал обязательным условием для получения всех государственных услуг, кроме

медицинских и образовательных. Чтобы получить долгосрочный вид на жительство, мигрант был отныне обязан сдать тест на знание итальянского языка [10].

Согласно закону № 94, нелегальные въезд и пребывание на территории Италии приравнивались к преступлению, совершив которое, нелегал должен был выплатить штраф от 5 тыс. до 9 тыс. евро без возможности его сокращения. Депортация с итальянской территории могла осуществляться теперь до завершения уголовного дела, заведенного на мигранта, и не требовала одобрения судебных властей. Более того, рассматриваемый закон обязывал государственных должностных лиц, работодателей и владельцев жилья сообщать в соответствующие органы о преступнике-нелегале, иначе они сами могли быть подвергнуты уголовному преследованию [10]. Один из спорных вопросов при обсуждении проекта закона № 94 состоял в том, следовало ли накладывать подобные обязательства на врачей, но в итоге под давлением общественности от этого положения законодатели отказались [2, с. 215–216].

Закон № 94 увеличивал возможный срок содержания в Центрах идентификации и выдворения с 60 до 180 дней. Однако после 60 дней пребывания в Центре необходимо стало вновь получать разрешение остаться в нем. Тем мигрантам, которые проживают на территории Италии, закон вменяет в обязанность предъявлять разрешение на пребывание для доступа к государственным услугам, для регистрации рождения ребенка или официального брака. При этом для получения гражданства супругом итальянского гражданина должно, согласно статьям рассматриваемого документа, пройти не менее двух лет (вместо шести месяцев, как это было установлено ранее) с даты записи в реестре резидентов Италии, или три года в том случае, если брак был заключен за пределами страны. За любой запрос, связанный с гражданством, установлен сбор не менее 200 евро, а за выдачу или продление вида на жительство – от 80 до 200 евро [10].

Статьи рассматриваемого договора обязали иммигранта, получающего вид на жительство, подписывать так называемое «Соглашение об интеграции», в соответствии с которым он должен достигнуть интегрированности в итальянское общество, нигде точно не объясненной. Интегрированность выражается в баллах, начисляемых за знание языка (тест на знание которого стал обязательным, но правила его проведения не установлены), обычаев, законов, истории Италии и снимаемых за правонарушения. Потеря всех баллов означает аннулирование вида на жительство и депортацию из страны. Три группы лиц, однако, избавлены от «Соглашения об интеграции» и набора баллов: получившие политическое убежище в Италии, имеющие разрешение на длительное пребывание в этой стране и члены семей граждан Европейского союза [там же].

Очевидно, что целый ряд важных критериев и условий в этом законе не был прописан, и его статьи нуждались если не в доработке, то, по крайней мере, в уточнении. Эти критерии и условия касались, прежде всего, процесса интеграции мигранта в итальянское общество. Введение «Соглашение об интеграции» наглядно продемонстрировало, что в отношении мигрантов Италия, так же как и Франция, реализовывала именно модель интеграции, а не модель мультикультурализма, характерную для Великобритании [6, с. 75–78]. И это произошло еще до событий 2011–2015 гг., изменивших геополитическую ситуацию в Северной Африке и на Ближнем Востоке и активизировавших миграционные потоки в Европу.

Библиография

1. Бонифаци К., Строцца С. Опыт легализации нелегальных мигрантов в Италии // Отечественные записки. 2004. № 4 (19). URL: http://www.strana-oz.ru/2004/4/opyt-legalizacii-nelegalnyh-migrantov-v-italii (Дата обращения: 15.09.2017.)

2. Животовская И.Г. Иммиграционный вопрос в общественной и политической жизни Италии (1980–2012) // Актуальные проблемы Европы. 2012. № 4. С. 201–240.

3. Животовская И.Г. Италия: Опыт борьбы с нелегальной иммиграцией // Перспективы. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. 2012. 13 янв. URL: http://www.perspektivy.info/book/italija_opyt_borby_s_nelegalnoj_immigracijej_2012-01-13.htm (Дата обращения: 11.09.2017.)

4. Игнатченко И. Берлускони, Саркози и другие европейские друзья Каддафи // Независимое военное обозрение. 2011. 30 сент. URL: http://nvo.ng.ru/wars/2011-09-30/1_kaddafi.html (Дата обращения: 18.09.2017.)

5. Каддафи впервые разбил свой знаменитый шатер в Италии, чьей колонией была когда-то Ливия // Newsru.com. 2009. 10 июня. URL: http://www.newsru.com/world/10jun2009/qaddafiinrome.html (Дата обращения: 18.09.2017.)

6. Кондратьева Т.С. Великобритания: Провал политики мультикультурализма // Актуальные проблемы Европы. 2011. № 4. С. 35–78.

7. Примакова Н.С. Европейские противоречия в области миграционной политики на фоне событий «арабской весны» // Актуальные проблемы Европы. 2012. № 4. С. 14–59.

8. Colarizi S. Storia politica della Repubblica. Partiti, movimente e istituzioni, 1943–2006. Roma; Bari: Laterza, 2007. 314 p.

9. Decreto legislative 3 ottobre 2008, N 159 // Gazzetta Ufficiale. 2008. 21 Ottobre. URL: http://gazzette.comune.jesi.an.it/2008/247/1.htm (Дата обращения: 16.09.2017.)

10. Legge 15 luglio 2009, N 94 // Gazzetta Ufficiale. 2009. 24 luglio. URL: http://www.gazzettaufficiale.it/gunewsletter/dettaglio.jsp?service=1&datagu=2009-07-24&task=dettaglio&numgu=170&redaz=009G0096&tmstp=1248853260030 (Дата обращения: 26.09.2017.)

11. Legge 24 luglio 2008, N 125 // Gazzetta Ufficiale. 2008. 25 luglio. URL: http://www.camera.it/parlam/leggi/08125l.htm (Дата обращения: 18.09.2017.)

12. Legge 30 luglio 2002, N 189 // Gazzetta Ufficiale. 2002. 30 luglio. URL: http://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2002-07-30;189!vig (Дата обращения: 21.09.2017.)

13. Silveri U.G. Contro scettici e disfattisti. Gli anni di Ciampi, 1992–2006. Roma; Bari: Laterza, 2013. 264 p.

References

Bonifaci K., Strocca S. Opyt legalizacii nelegal'nyh migrantov v Italii // Otechestvennye zapiski. 2004. N 4 (19). URL: http://www.strana-oz.ru/2004/4/opyt-legalizacii-nelegalnyh-migrantov-v-italii (Data obrashhenija: 15.09.2017.)

Colarizi S. Storia politica della Repubblica. Partiti, movimente e istituzioni, 1943–2006. Roma; Bari: Laterza, 2007. 314 p.

Decreto legislative 3 ottobre 2008, N 159 // Gazzetta Ufficiale. 2008. 21 Ottobre. URL: http://gazzette.comune.jesi.an.it/2008/247/1.htm (Data obrashhenija: 16.09.2017.)

Ignatchenko I. Berluskoni, Sarkozi i drugie evropejskie druz'ja Kaddafi // Nezavisimoe voennoe obozrenie. 2011. 30 Sep. URL: http://nvo.ng.ru/wars/2011-09-30/1_kaddafi.html (Data obrashhenija: 18.09.2017.)

Kaddafi vpervye razbil svoj znamenityj shater v Italii, ch'ej koloniej byla kogda-to Livija // Newsru.com. 2009. 10 Jun. URL: http://www.newsru.com/world/10jun2009/qaddafiinrome.html (Data obrashhenija: 18.09.2017.)

Kondrat'eva T.S. Velikobritanija: Proval politiki mul'tikul'turalizma // Aktual'nye problemy Evropy. 2011. N 4. P. 35–78.

Legge 15 luglio 2009, N 94 // Gazzetta Ufficiale. 2009. 24 luglio. URL: http://www.gazzettaufficiale.it/gunewsletter/dettaglio.jsp?service=1&datagu=2009-07-24&task=dettaglio&numgu=170&redaz=009G0096&tmstp=1248853260030 (Data obrashhenija: 26.09.2017.)

Legge 24 luglio 2008, N 125 // Gazzetta Ufficiale. 2008. 25 luglio. URL: http://www.camera.it/parlam/leggi/08125l.htm (Data obrashhenija: 18.09.2017.)

Legge 30 luglio 2002, N 189 // Gazzetta Ufficiale. 2002. 30 luglio. URL: http://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2002-07-30;189!vig (Data obrashhenija: 21.09.2017.)

Primakova N.S. Evropejskie protivorechija v oblasti migracionnoj politiki na fone sobytij «arabskoj vesny» // Aktual'nye problemy Evropy. 2012. N 4. P. 14–59.

Silveri U.G. Contro scettici e disfattisti. Gli anni di Ciampi, 1992–2006. Roma; Bari: Laterza, 2013. 264 p.

Zhivotovskaja I.G. Immigracionnyj vopros v obshhestvennoj i politicheskoj zhizni Italii (1980–2012) // Aktual'nye problemy Evropy. 2012. N 4. P. 201–240.

Zhivotovskaja I.G. Italija: Opyt bor'by s nelegal'noj immigraciej // Perspektivy. Setevoe izdanie Centra issledovanij i analitiki Fonda istoricheskoj perspektivy. 2012. 13 Jan. URL: http://www.perspektivy.info/book/italija_opyt_borby_s_nelegalnoj_immigracijej_2012-01-13.htm (Data obrashhenija: 11.09.2017.)

А.В. Малов

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА

Аннотация. *В статье речь идет об основных положениях концепции продовольственного суверенитета. Анализируется разница между этой концепцией и концепцией продовольственной безопасности. Делается вывод о большом экономическом и политическом потенциале концепции продовольственного суверенитета, о желательности ее внедрения в мировую – и в том числе российскую – экономику.*

Ключевые слова: *продовольственный суверенитет, продовольственная безопасность, голод, продовольственная угроза, Россия, продуктовая самообеспеченность, глобализация.*

Малов Александр Вадимович – аспирант
факультета политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: malov.pvo@gmail.com

A.V. Malov. Food Sovereignty as a Factor of the Contemporary World Order

Abstract. *The article deals with the main principles of the Food Sovereignty concept. The author analyses the difference between this concept and the concept of Food Security and indicates the great economic and political potential of the concept of Food Sovereignty and its possible implementation both in the world and Russian economy.*

Keywords: *Food sovereignty, food security, hunger, food threat, Russia, food self-sufficiency, globalization.*

Malov Alexander Vadimovich – postgraduate student,
Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.
E-mail: malov.pvo@gmail.com

Во всем мире отмечается рост населения, страдающего от недостатка продуктов питания. По последним экспертным оценкам, в мире голодают 925 млн человек. Около 1 млрд мужчин и женщин страдают от «скрытого

голода», при котором в рационе отсутствуют важные питательные элементы [10, p. 9]. Количество недоедающих возросло с 1990 г. на 9%, несмотря на «12%-ное» увеличение производства продуктов питания на душу населения [14, p. 122]. При этом 1 млрд человек чрезмерно переедают, создавая новую общественную эпидемию, включающую такие хронические состояния, как диабет второго типа и сердечно-сосудистые заболевания [10, p. 9].

Эта статистика свидетельствует, что функционирование глобального продовольственного механизма недостаточно эффективно более чем для 1/3 жителей земного шара. В процессе поиска новых путей преодоления трудностей в продовольственной сфере сформулирована концепция «продовольственного суверенитета» («Food sovereignty»). Впервые этот термин был сформулирован на Всемирной продовольственной конференции (World Food Summit) в ноябре 1996 г. В преамбуле декларации, излагающей идеи негосударственных организаций, подчеркивается, что ни продовольствие, ни голод не могут использоваться в качестве национального или международного политического оружия.

Документ требует предоставить государству-нации право на самоопределение в области собственной продовольственной системы, расширить права производителей продуктов питания, которые в силу своего общественного значения и культурной специфики не должны рассматриваться в качестве рыночного товара [21]. Таким образом, начала формироваться главная идея продовольственного суверенитета, которая заключается в пересмотре оснований торгово-производственных отношений.

По мнению профессора Э. Траугер, современные представления о правах собственности и глобальных капиталистических рынках являются источником проблем в продовольственной системе, устранить которые можно, установив контроль над производством и распределением продуктов питания. Это – ключ к обеспечению продовольственной безопасности [23, p. 2].

Важную роль в утверждении концепции продовольственного суверенитета играет международное фермерское движение «La Via Campesina» («Сельский путь»). Оно настаивает на том, чтобы отдавать предпочтение местному изготовлению и потреблению продуктов питания, защищать локальных производителей от дешевых импортных товаров, передать права на пользование биоресурсами, включая пашни, водные ресурсы и семена, в руки производителей питания и т.п. Подлинная аграрная реформа – один из приоритетов этого движения.

Оно объединяет миллионы крестьян, мелких фермеров, представителей коренных этносов, мигрантов и сельскохозяйственных рабочих во всем мире; включает более 160 организаций из 73 стран Африки, Азии, Европы и Америки, охватывая около 200 млн земледельцев [27]. Защищая аграрное производство как способ утверждения общественной справедливости, «La Via

Campesina», по мнению исследовательницы П. Клэйс, успешно мобилизует общественное мнение, выступающее против капитализма и неолиберализма [6, p. 29].

Важную роль в развитии рассматриваемой концепции сыграл проведенный в феврале 2007 г. в деревне Нилини (Мали) форум по продовольственному суверенитету. Принятая на нем «Декларация» определяет продовольственный суверенитет как «право народов на здоровую и свойственную их культурным особенностям пищу, произведенную экологически безвредными и устойчивыми методами, а также право выбирать собственные продовольственные и сельскохозяйственные системы» [20, p. 9].

Продовольственный суверенитет, таким образом, предполагает для каждой страны опору на местное производство и учет культурных традиций. Взаимосвязь географических условий с различными типами питания нашла отражение в трудах Г. Кэриела. Он составил продовольственную карту мира и дифференцировал продовольственные типы. Основные из них: пшеничный (характерный для Европы, Северной Америки, части Южной Америки, Австралии и Океании), кукурузный (Центральная Америка, Восточная Африка), рисовый (часть Южной Америки, Восточная Азия), просо-сорговый (Центральная Африка, Южная Азия) и монгольско-тибетский (Центральная Азия) [14, p. 75].

Помимо геоэкономических оснований, концепция продовольственного суверенитета опирается на идеи мультикультурализма, гендерного равенства и гуманитарной справедливости. По мнению Ф. Мак Майкла, продовольственный суверенитет – это цивилизационное движение, сочетающее критику неолиберального понятия «продовольственная безопасность» с давними принципами самоопределения, пересмотренными как демократические права для граждан [17, p. 8].

* * *

Термин «продовольственная безопасность» («Food security») существует в научной литературе наравне с термином «продовольственный суверенитет». В 1992 г. С. Максвэл и Т. Франкенбергер – в работе под названием «Household Food Security: Concepts, Indicators and Measurements: A Technical Review» – сопоставили 194 определения продовольственной безопасности. Исследователи утверждают, что содержание этой концепции меняется в зависимости от опасений за национальные запасы продовольствия в 1970-х и заботы о частных льготах и правах в 1980-х. Единого определения продовольственной безопасности, считают они, не существует; это понятие формируется в соответствии с потребностями и приоритетами отдельных субъектов [17, p. 140].

Наиболее распространенная дефиниция «продовольственной безопасности» сформулирована в 1996 г. в «Римской Декларации по мировой продовольственной безопасности». Продовольственная безопасность – это «положение, при котором все люди и в любое время имеют физический и экономический доступ к достаточной, безвредной и питательной пище, способной удовлетворять их рацион и гастрономические предпочтения, для ведения активной и здоровой жизни» [21].

В этом определении продовольственная безопасность выступает как цель, достижение которой осуществляется через доступ к продуктам питания. В самом понятии, однако, ничего не говорится о том, откуда это продовольствие происходит или как оно было произведено [18, p. 69]. По мнению М. Виндфура и Дж. Джонсен, термин «продовольственная безопасность» является лишь ориентиром развития человечества, однако не описывает программу достижения этого ориентира [26, p. 23].

Здесь проявляется различие в содержании обоих понятий. Понятие «продовольственная безопасность» оставляет лицам, принимающим решения, пространство для маневра, тогда как концепция продовольственного суверенитета предполагает стратегию достижения цели, пользуясь при этом определенным набором методов. В дискуссиях вокруг продовольственной безопасности нет ясно сформулированных задач по преодолению продовольственного кризиса [11, p. 55].

Успех концепции «продовольственная безопасность» достигается различными средствами. К примеру, правительственный департамент Великобритании в докладе «The Strategy for Sustainable Farming and Food» заявляет следующее: «В рамках Европейского союза правительство Великобритании продолжит отстаивать точку зрения, что наилучшей гарантией продовольственной безопасности является совершенствование торговых отношений, а не стремление к самообеспеченности» [22, p. 10. Ср.: 10, p. 97].

Власти Боливии для достижения продовольственной безопасности пользуются иными методами. В конституции этой страны соединяются обе концепции, при этом делается акцент именно на стратегию продовольственного суверенитета. Так, в ст. 309 говорится, что все экономические субъекты страны должны содействовать общеэкономической демократии и достигнуть народного продовольственного суверенитета. Целью политики государства по развитию сельского хозяйства, согласно ст. 407, является обеспечение продовольственной безопасности и продовольственного суверенитета за счет производства и потребления сельскохозяйственных продуктов, произведенных на своей территории [5].

Таким образом, продовольственная безопасность в Боливии обеспечивается посредством продовольственного суверенитета. Приоритет в ее достижении отдается не глобальным рынкам, функционирующим по правилам

свободной торговли, а основывается на самодостаточном производстве продуктов питания.

Попытки обеспечить продовольственную самодостаточность обнаруживаются уже в древности. Эта идея культивировалась первыми могущественными фараонами из египетского города Мемфиса за 3 тыс. лет до Рождества Христова [1, с. 129]. Сегодня, как замечает А. Хиггинс, продовольственный суверенитет в большей степени характерен для «Глобального Юга» [11, p. 55].

Стратегия продовольственного суверенитета была инкорпорирована в национальную политику стран Южной Азии, Западной Африки и Южной Америки и уже используется правительствами таких государств, как Мали, Сенегал, Венесуэла, Боливия, Непал, Никарагуа и Эквадор.

Боливия, как упомянуто, включила концепцию продовольственного суверенитета в новейшую Конституцию 2009 г. Руководитель партии «Движение к социализму», действующий глава государства Эво Моралес пришел к власти на волне антилиберальных и антиколониальных настроений. Президентские планы сократить зависимость от иностранного влияния подразумевали использование стратегии продовольственного суверенитета как во внутренней, так и во внешней политике. Согласно ст. 255 Конституции Боливии, межнациональные отношения должны руководствоваться принципами продовольственной безопасности и суверенитета для всех боливийцев, а также протекционистской политике по отношению к местным производителям [5].

Боливия, использовав концепцию продовольственного суверенитета в своей новой конституции, последовала примеру Эквадора. Конституционный подход к продовольственному суверенитету Эквадора начал формироваться в 2006 г., когда президентом был избран Рафаэль Корреа, относящийся к лагерю «социалистов XXI века». Вступив в должность, Корреа созвал Учредительное собрание для создания новой конституции. Именно в этот период в Эквадоре разрабатывалась новая сельскохозяйственная политика. Основные крестьянские движения страны сформировали коалицию под названием «La Mesa Agraria» и работали над включением принципа продовольственного суверенитета в конституцию страны [5, p. 3].

Новая Конституция Эквадора была одобрена избирателями в 2008 г. и включала в себя несколько разделов, посвященных продовольственному суверенитету. Так, согласно ст. 13, государство Эквадора должно поддерживать продовольственный суверенитет, а его граждане и общественные группы – иметь право на безопасный и постоянный доступ к здоровому, количественно достаточному и питательному продовольствию, предпочтительно произведенному на местном уровне, с учетом их культурных традиций [8].

Более подробно об ответственности и правах государства говорится в отдельной (третьей) главе Конституции Эквадора, посвященной продовольст-

венному суверенитету. Так, ст. 281 определяет продовольственный суверенитет как стратегическую цель; государство обязано на постоянной основе гарантировать людям, общинам, народам и нациям достижение самодостаточности в отношении здоровой и культурно приемлемой пищи. Для этого оно берет на себя обязательство поддерживать малых и средних производителей, проводить налоговую политику, предотвращающую зависимость от импорта, и т.п. [8]. Аналогичным образом в ст. 36 Конституции перечисляются гражданские привилегии, в числе которых присутствуют право на питание, право быть защищенным от голода и право на продовольственный суверенитет [19].

Должностные функции правительства регламентированы ст. 51, которая зиждется на увеличении инвестиций в сельскохозяйственный сектор и создании необходимых условий для устойчивой производительности, снабжения, хранения и безопасности продуктов питания в полном соответствии с нормами продовольственного суверенитета [там же].

Наравне со странами Латинской Америки стратегия продовольственного суверенитета применяется в ряде стран Южной Азии. Так, правительство Непала включило программу продовольственного суверенитета в Конституцию 2015 г.

Концепция продовольственного суверенитета находит – хотя и в несравненно меньших масштабах – применение и в экономически развитых странах «Глобального Севера».

Субъектом, принявшим стратегию продовольственного суверенитета, является город Блю Хилл (Blue Hill) с населением около 2700 человек, расположенный в штате Мэн на северо-востоке США. В апреле 2011 г. городскими властями принято постановление под названием «Local Food and Community Self-Governance Ordinance». Преамбула гласит, что горожане имеют право производить, обрабатывать, продавать, покупать и потреблять местные продукты питания, способствуя этим самообеспечению и сохранению семейных ферм и местных продовольственных традиций [15]. Ссылаясь на Декларацию о независимости США и Конституцию штата Мэн, постановление провозглашает беспрепятственный доступ граждан к местным продуктам питания, усиление региональной экономики посредством содействия производству и закупке сельскохозяйственного продовольствия у коренного населения, защиту доступа к фермерским рынкам, прямым продажам из сельской местности и т.п. [там же].

Этот случай – не единственный в США. Девять других городов того же штата Мэн, а также многие территориальные единицы по всей стране приняли постановления о продовольственном суверенитете [5, p. 3]. Блю Хилл – один из первых городов, официально закрепивших приоритеты собственной продовольственной системы.

Политика продовольственного суверенитета поддерживается и общественными союзами в США. Один из них – Содружество в защиту продовольственного суверенитета, «The US Food Sovereignty Alliance» (USFSA). Своими целями оно провозглашает: положить конец бедности, восстановить местную экономику и утвердить демократический контроль над продовольственной системой. Для этого содружество стремится интегрировать местные объединения в качестве контрагентов глобального движения за продовольственный суверенитет, выстраивать партнерские отношения с международными и местными союзниками, проводить широкую образовательную программу в США по модели продовольственного суверенитета, создавать механизмы взаимной продовольственной поддержки общин по всему миру [12].

USFSA рассматривает право на пищу и воду в качестве неотчуждаемого права каждого человека, приветствует биоразнообразие и экологически устойчивые методы ведения сельского хозяйства. При этом организация сопротивляется корпоративному контролю за продуктовыми системами и активно борется с обесцениванием экономического престижа фермерского труда.

На мой взгляд, самообеспеченность необходимо развивать и Российской Федерации. Речь не идет об автаркии (тотальной замкнутости национальной экономики). Продовольственная самообеспеченность для России подразумевает способность самостоятельного производства продуктов питания, включенных в потребительскую корзину основных групп населения.

Юридическим основанием, регулирующим самообеспеченность продуктовой номенклатуры в России, является Указ Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». В разделе II в качестве критерия оценки продовольственной безопасности выбран удельный вес отечественных продуктов питания в общем объеме продовольственных товаров на внутреннем рынке [2].

Из этого документа следует, что для России самодостаточность не является юридически регламентированным нормативом. Диапазон достигнутой безопасности по семи стратегически важным категориям продуктов питания (сахар, молоко, мясо, растительное масло, зерно, пищевая соль, картофель, рыбная продукция) варьируется от 80 до 95%, не доходя до логического результата в 100%. Закрепление неполноценного норматива провоцирует соответствующую бюрократическую реакцию: российские чиновники пытаются втиснуться в пороговые показатели продовольственной доктрины и рапортовать об «административной успеваемости». Представляется, что такое положение категорически противопоказано государству, всесторонне укрепляющему свои позиции на международной и внутриполитической арене. Необходим контроль действующей в России доктрины продовольственной безопасности на основе концепции продовольственного суверенитета.

Огромное количество голодающих в современном мире – свидетельство ненадлежащей работы современных институтов, принимающих решения по улучшению «продовольственного климата».

Доктрина продовольственного суверенитета может предотвратить гуманитарную катастрофу, сократить дистанцию между потребителем продуктов питания и их производителем. Входя в конфликт с корпоративным капитализмом, эта доктрина защищает региональное производство и местную торговлю. Она руководствуется принципом подлинно демократического участия производителей и потребителей производственных товаров в процессе строительства собственной продовольственной системы.

Библиография

1. Малов А.В. Политика продовольственной безопасности в Античную эпоху: Историко-философский аспект // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2017. № 4 (58). Ч. 2. С. 129–133.

2. Указ Президента РФ от 30.01.2010 г. № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Консультант Плюс [Справочная правовая система]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96953/ (Дата обращения: 20.06.2017.)

3. Andersen P.P., Rajul P.L. Food Security and Sustainable Use of Natural Resources: A 2020 Vision // Ecological Economics. Oxford: Elsevier, 1998. Vol. 26. P. 1–10.

4. Bellinger N., Fakhri M. The intersection between food sovereignty and law // Natural Resources and Environment. American Bar Association. Chicago: 2013. Vol. 28. N 2. P. 1–4.

5. Bolivia (Plurinational State of)'s Constitution of 2009 // Comparative Constitution Project. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Bolivia_2009?lang=en (Дата обращения: 10.06.2017.)

6. Claeys P. Vía Campesina's Struggle for the Right to Food Sovereignty: From Above or from Below? // Rethinking food systems: Structural challenges, new strategies and the law. San Francisco: Springer Verlag, 2014. P. 29–38.

7. Cockburn J. Bolivia's Food Sovereignty and Agro biodiversity: Undermining the Local to Strengthen the State? // The Journal of Peasant Studies. Yale, 2013. Vol. 59. Food Sovereignty: A Critical Dialogue International Conference September 14–15. 20 p.

8. Ecuador's Constitution of 2008 with Amendments through 2015 // Comparative Constitution Project. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Ecuador_2015?lang=en (Дата обращения: 12.06.2017.)

9. FAO, IFAD and WFP. The State of Food Insecurity in the World 2015. Meeting the 2015 international hunger targets: Taking stock of uneven progress. Rome: FAO, 2015. 56 p.

10. Foresight. The Future of Food and Far ming: Challenges and choices for global sustainability. Final Project Report // The Government Office for Science. London: L. GOS, 2011. 208 p.

11. Higgins A. Food sovereignty in the global North. The application of a social justice framework for a common language and approach // Food sovereignty in international context: Discourse, politics and practice of place. N.Y.: Routledge, 2015. P. 54–69.

12. Information about the USFSA // The US Food Sovereignty Alliance (USFSA). Online website. URL: http://usfoodsovereigntyalliance.org/about/ (Дата обращения: 18.06.2017.)

13. Kannan A. Food Sovereignty in the Era of Land Grabbing: An African Perspective // Journal of Sustainable Development. Toronto: Canadian Center of Science and Education, 2014. Vol. 7. N 2. P. 121–132.

14. Kariel H.G. A Proposed Classification of Diet // Annals of the Association of American Geographers. London: Taylor and Francis, Ltd., 1966. Vol. 56. N 1. P. 68–79.

15. Local Food and Community Self-Governance Ordinance of 2011. An ordinance to Protect the health and Integrity of the Local Food System in the Town of Blue Hill, Hancock County, Maine // The Farm-to-Consumer Legal Defense Fund. URL: http://farmtoconsumer.org/news_wp/wp-content/uploads/2013/05/BlueHill_LocalFoodOrd_2011.pdf (Дата обращения: 10.06.2017.)

16. Maxwell S., Frankenberger T. Household Food Security: Concepts, Indicators and Measurements. A Technical Review. N.Y.: UNICEF, 1992. 274 p.

17. McMichael P. Historicizing Food Sovereignty: A Food Regime Perspective // The Journal of Peasant Studies. Yale, 2013. Vol. 13: Food Sovereignty: A Critical Dialogue. International conference September 14–15. 30 p.

18. Morris C., Seymour S., Spencer A. Framing food provisioning research in the UK. Whither food sovereignty? // Food sovereignty in international context: Discourse, politics and practice of place. N.Y.: Routledge, 2015. P. 69–84.

19. Nepal's Constitution of 2015 // Comparative Constitution Project. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Nepal_2015?lang=en (Дата обращения: 18.06.2017.)

20. Nyéléni // Proceedings of the Forum for Food Sovereignty held in Selengue. Mali, 2007. 73 p. URL: http://nyeleni.org/DOWNLOADS/Nyelni_EN.pdf (Дата обращения: 8.06.2017.)

21. Report of the World Food Summit // Food and agriculture organization of the United Nations. Rome, 1996. URL: http://www.fao.org/wfs/index_en.htm (Дата обращения: 12.06.2017.)

22. The Strategy for Sustainable Farming and Food. Facing the Future. London: Department for Environment, Food and Rural Affairs (DEFRA), 2002. 52 p.

23. Trauger A. Putting food sovereignty in place // Food sovereignty in international context: Discourse, politics and practice of place. N.Y.: Routledge, 2015. P. 2–12.

24. Upreti BR, Sharma SR, Paudel SB. Food Security in Post Conflict Nepal: Challenges and Opportunities. Kathmandu: Department of Development Studies, School of Arts, Kathmandu University and Nepal Centre for Contemporary Research (NCCR); Heidel Press Pvt. Ltd. Dillibazar, 2014. 158 p.

25. What is La Via Campesina? // La Via Campesina. International Peasant's Movement: Online website. URL: https://viacampesina.org/en/index.php/organisation-mainmenu-44/what-is-la-via-campesina-mainmenu-45 (Дата обращения: 8.06.2017.)

26. Windfuhr M., Jonsén J. Food Sovereignty: Towards democracy in localized food systems. Bourton-on-Dunsmore: Intermediate Technology Development Group, FIAN-International, 2005. 57 p. URL: http://www.ukabc.org/foodsovereignty_itdg_fian_print.pdf (Дата обращения: 15.06.2017.)

References

Malov A.V. Politika prodovol'stvennoj bezopasnosti v antichnuju jepohu: Istoriko-filosofskij aspekt // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. Ekaterinburg, 2017. N 4 (58). Ch. 2. P. 129–133.

Andersen P.P., Rajul P.L. Food Security and Sustainable Use of Natural Resources: A 2020 Vision // Ecological Economics. Oxford: Elsevier, 1998. Vol. 26. P. 1–10.

Bellinger N., Fakhri M. The intersection between food sovereignty and law // Natural Resources and Environment. American Bar Association. Chicago: 2013. Vol. 28. N 2. P. 1–4.

Bolivia (Plurinational State of)'s Constitution of 2009 // Comparative Constitution Project. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Bolivia_2009?lang=en (Data obrashhenija: 10.06.2017.)

Claeys P. Vía Campesina's Struggle for the Right to Food Sovereignty: From Above or from Below? // Rethinking food systems: Structural challenges, new strategies and the law. San Francisco: Springer Verlag, 2014. P. 29–38.

Cockburn J. Bolivia's Food Sovereignty and Agro biodiversity: Undermining the Local to Strengthen the State? // The Journal of Peasant Studies. Yale, 2013. Vol. 59. Food Sovereignty: A Critical Dialogue International Conference September 14–15. 20 p.

Ecuador's Constitution of 2008 with Amendments through 2015 // Comparative Constitution Project. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Ecuador_2015?lang=en (Data obrashhenija: 12.06.2017.)

FAO, IFAD and WFP. The State of Food Insecurity in the World 2015. Meeting the 2015 international hunger targets: Taking stock of uneven progress. Rome: FAO, 2015. 56 p.

Foresight. The Future of Food and Far ming: Challenges and choices for global sustainability. Final Project Report // The Government Office for Science. London: L. GOS, 2011. 208 p.

Higgins A. Food sovereignty in the global North. The application of a social justice framework for a common language and approach // Food sovereignty in international context: Discourse, politics and practice of place. N.Y.: Routledge, 2015. P. 54–69.

Information about the USFSA // The US Food Sovereignty Alliance (USFSA). Online website. URL: http://usfoodsovereigntyalliance.org/about/ (Data obrashhenija: 18.06.2017.)

Kannan A. Food Sovereignty in the Era of Land Grabbing: An African Perspective // Journal of Sustainable Development. Toronto: Canadian Center of Science and Education, 2014. Vol. 7. N 2. P. 121–132.

Kariel H.G. A Proposed Classification of Diet // Annals of the Association of American Geographers. London: Taylor and Francis, Ltd., 1966. Vol. 56. N 1. P. 68–79.

Local Food and Community Self-Governance Ordinance of 2011. An ordinance to Protect the health and Integrity of the Local Food System in the Town of Blue Hill, Hancock County, Maine // The Farm-to-Consumer Legal Defense Fund. URL: http://farmtoconsumer.org/news_wp/wp-content/uploads/2013/05/BlueHill_LocalFoodOrd_2011.pdf (Data obrashhenija: 10.06.2017.)

Maxwell S., Frankenberger T. Household Food Security: Concepts, Indicators and Measurements. A Technical Review. N.Y.: UNICEF, 1992. 274 p.

McMichael P. Historicizing Food Sovereignty: A Food Regime Perspective // The Journal of Peasant Studies. Yale, 2013. Vol. 13: Food Sovereignty: A Critical Dialogue. International conference September 14–15. 30 p.

Morris C., Seymour S., Spencer A. Framing food provisioning research in the UK. Whither food sovereignty? // Food sovereignty in international context: Discourse, politics and practice of place. N.Y.: Routledge, 2015. P. 69–84.

Nepal's Constitution of 2015 // Comparative Constitution Project. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Nepal_2015?lang=en (Data obrashhenija: 18.06.2017.)

Nyéléni // Proceedings of the Forum for Food Sovereignty held in Selengue. Mali, 2007. 73 p. URL: http://nyeleni.org/DOWNLOADS/Nyelni_EN.pdf. (Data obrashhenija: 8.06.2017.)

Report of the World Food Summit // Food and agriculture organization of the United Nations. Rome, 1996. URL: http://www.fao.org/wfs/index_en.htm (Data obrashhenija: 12.06.2017.)

The Strategy for Sustainable Farming and Food. Facing the Future. London: Department for Environment, Food and Rural Affairs (DEFRA), 2002. 52 p.

Trauger A. Putting food sovereignty in place // Food sovereignty in international context: Discourse, politics and practice of place. N.Y.: Routledge, 2015. P. 2–12.

Upreti BR, Sharma SR, Paudel SB. Food Security in Post Conflict Nepal: Challenges and Opportunities. Kathmandu: Department of Development Studies, School of Arts, Kathmandu University and Nepal Centre for Contemporary Research (NCCR); Heidel Press Pvt. Ltd. Dillibazar, 2014. 158 p.

What is La Via Campesina? // La Via Campesina. International Peasant's Movement: Online website. URL: https://viacampesina.org/en/index.php/organisation-mainmenu-44/what-is-la-via-campesina-mainmenu-45 (Data obrashhenija: 8.06.2017.)

Windfuhr M., Jonsén J. Food Sovereignty: Towards democracy in localized food systems. Bourton-on-Dunsmore: Intermediate Technology Development Group, FIAN-International, 2005. 57 p. URL: http://www.ukabc.org/foodsovereignty_itdg_fian_print.pdf (Data obrashhenija: 15.06.2017.)

Ukaz Prezidenta RF ot 30.01.2010 g. N 120 «Ob utverzhdenii Doktriny prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // Konsul'tant Pljus [Spravochnaja pravovaja sistema]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96953/ (Data obrashhenija: 20.06.2017.)

Е.В. Пинюгина

РОССИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРАЗИЙСКИХ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ТРАНСПОРТНЫХ ПРОЕКТОВ*

Аннотация. *В статье рассматриваются политические причины формирования проектов межгосударственных транспортных коридоров азиатскими государствами. Анализируется влияние международной обстановки на альянсы в транспортной сфере между странами, риски и возможности участия в них для России.*

Ключевые слова: *транспортные коридоры, транспортные проекты, Индия, Китай, геополитическая конкуренция, арктический транспортный коридор.*

Пинюгина Елена Викторовна – кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва. E-mail: pinjugina@mail.ru

E.V. Piniugina. Russia's Role in the Formation of the Eurasian Interstate Transport Projects

Abstract. *The article studies political reasons of the international transport corridors projects' formation by Asian states. The author analyzes the influence of international factors on transport alliances, possible risks and opportunities for Russia's participation in it as well as tendencies of Russia's development in inner and international transport communications in Arctic.*

Keywords: *transport corridors, transport projects, India, China, the geopolitical competition in the Arctic transport corridor.*

** Статья подготовлена в рамках гранта № 16-27-21001 РГНФ «Формирование общего экономического пространства в Евразии: Исследование вопросов сопряжения строительства Экономического пояса Шёлкового пути и Евразийского экономического союза» (Международный конкурс РГНФ – Китайская академия общественных наук (КАОН) 2016 г.)*

**Piniugina Elena Viktorovna – candidate of Political sciences,
Researcher of the Department of political science,
the Institute of Scientific Information on Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow.
E-mail: pinjugina@mail.ru**

В результате наращивания азиатскими странами своих индустриальных мощностей и усиления их человеческого потенциала азиатская часть евразийского континента превратилась в одну из несущих конструкций мировой экономики. Возвышение азиатских государств заставляет их переосмысливать те аспекты экономического развития и международных отношений, где пересекаются национальные интересы и геополитические амбиции. Такой областью пересечения стала сфера международных транспортных коммуникаций.

Особенно это касается двух гигантов Евразии – Китая и Индии, конкурирующих за доминирование в Юго-Восточной Азии, наращивающих активность в Африке, осваивающих рынки постсоветских среднеазиатских стран и новые способы транзита своих экспортных товаров в Европу. Столкновение интересов и амбиций находит выражение в стратегиях развития межгосударственных транспортных коридоров. Более того, транспортные геополитические стратегии способствуют формированию новых межгосударственных альянсов, укреплению связей или углублению имеющихся расхождений. Перед Россией этот «век Азии», особенно учитывая ухудшение отношений с Западом, напоминающий период холодной войны, возможно, открывает определенные перспективы. России поступили предложения от КНР участвовать в инициативе «Один пояс, один путь», также известной как «Новый шёлковый путь» (НШП), от Индии – в международном транспортном коридоре «Север–Юг» (МТКСЮ).

Эти два самых масштабных транспортных проекта XXI в., в которых решила участвовать Россия, охватывают Евразийский континент соответственно расположению стран-инициаторов: Индия лоббирует МТКСЮ, а китайский Новый шёлковый путь (официальное название «Один пояс, один путь», далее ОПОП) преимущественно сконцентрирован на маршрутах, соединяющих Восток и Запад. Обе страны имеют не только сопоставимый экономический потенциал (несмотря на существенное пока превосходство Китая) и статус ядерных держав, но и сравнимые растущие потребности в источниках энергии, а также в рынках сбыта своего экспорта. Помимо естественного соперничества отношения этих стран осложняет ряд «замороженных» территориальных споров (Транс-Каракорумское шоссе, район Аксайчин, штат Аруначал – Прадеш), а также давнее и тесное партнерство КНР с Пакистаном, суверенитет которого над частью Кашмира Индия так и не признала. Существуют и другие экономические и политические разногласия.

Обе страны с начала XXI в. стремятся к достижению паритета возможностей в сфере международных транспортных коммуникаций, подобно тому, как в XX в. страны-соперники стремились к паритету в стратегических вооружениях или в освоении космоса. Индия задолго до появления китайского НШП лоббировала проект МТКСЮ протяженностью более 5000 км, который свяжет Южную и Центральную Азию, Кавказ, Россию и Европу, сократив путь из Азии в Европу в 2 раза по сравнению с традиционной морской транспортировкой через Суэцкий канал. Тремя странами – учредителями проекта в 2000 г. – стали Индия, Россия и Иран, подписавшие трехстороннее соглашение. Ожидалось, что сухопутный транзит по территории России и Ирана составит большую часть комбинированного (включающего морской, железнодорожный и автодорожный компоненты) маршрута, в результате чего на 40% сократится время доставки грузов из Индии в Европу и на 30% – стоимость. Проект забуксовал и перешел в «замороженное» состояние из-за наложенных на Иран санкций. Он вновь стал востребованным на фоне «разворота» России на Восток, снятия с Ирана санкций и обострения конкуренции Индии и Китая в связи с активизаций КНР в Центральной (ЦА) и Юго-Восточной (ЮВА) Азии.

Спустя 15 лет три страны-учредителя согласовали обновленный маршрут МТКСЮ: от индийского порта Мумбай через Аравийское море в иранский порт Бандар-Аббас в Персидском заливе, оттуда железной дорогой в каспийские порты на севере Ирана – Ноушехр или Энзели. С иранского побережья Каспийского моря транспортировку можно осуществлять как морем (до российских портов Оля, Махачкала или Астрахань), так и по суше, вдоль побережья Каспийского моря в Астрахань, а от нее железной дорогой до порта Санкт-Петербург, с выходом на Северную Европу. При этом, как и у китайского Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП), возможны вариации маршрута – с Запада и с Востока от Каспийского моря: либо через Кавказ, где транзитной страной становится Азербайджан, либо через центральноазиатские страны – Туркменистан и Казахстан. Западный маршрут удобнее для торговли с Поволжьем и южными регионами РФ, а восточный маршрут – для грузополучателей и отправителей Урала и Сибири. Однако для успешного развития коридора необходима не только заинтересованность в транзите на противоположных концах Евразии, но и интенсификация торговли стран по ходу маршрута между собой, иначе невозможно обеспечить загрузку судов, грузовых поездов и фур, чтобы удешевить оплату доставки, а без этого коридор не станет привлекательнее традиционного маршрута через Суэцкий канал. Товарооборот России с Ираном и Индией недостаточно разнообразен, но есть перспективы оживления торговли за счет экспорта российских автомобилей, полудрагоценных камней и зерна, импорта иранских специй, овощей и фруктов, индийского текстиля и т.п.

Используя проект МТКСЮ, Индия выбрала схожую с китайской стратегию. Если КНР под эгидой «Пояса и пути» объявила приоритетным Китайско-Пакистанский экономический коридор (КПЭК), то Индия разработала дополнительный коридор «Юг – Запад» (КЮЗ). КЮЗ связывает индийские порты с иранским портом Чабахар в Ормузском проливе, далее маршрут следует по территории Ирана и Афганистана. Афганистан имеет выход на туркменскую железнодорожную сеть и может быть как конечным пунктом для экспорта из Индии и стран Персидского залива, так и транзитным для проникновения Индии на рынки постсоветских стран ЦА. В основе проекта – трехстороннее соглашение Индии, Ирана и Афганистана, но расходы на себя берет Индия. Инвестором порта становится индийская государственная компания, на которой целиком лежит ответственность за доведение грузооборота порта до расчетных 12 млн т в год; индийский госбанк открыл кредитную линию в 500 млн долл. для строительства железнодорожной ветки от порта Чабахар до Захедана на ирано-афганской границе. Близость порта Чабахар, на который Индия тратит столько ресурсов, к пакистанскому порту Гвадар, отданному в управление китайской компании, заставляет усомниться не только в экономической целесообразности проекта развития Чабахар, но и в его экономической окупаемости. Скорее, для Индии расширение возможностей для маневра в этих водах и усиление ее влияния в ЦА, которая считалась зоной конкуренции России, КНР и США, становится вопросом стратегического паритета и престижа.

Чтобы оценить экономическую и политическую составляющую в индийском проекте «Юг – Запад», можно сравнить рост экспорта КНР и Индии в страны ЦА за первые 15 лет нашего столетия. В 2001 г. КНР экспортировала в ЦА товары на сумму около 0,5 млрд долл., а в 2015 г. – на 18 млрд долл., тогда как соответствующие показатели Индии – 100 млн долл. в 2001 г. и 950 млн долл. в 2015 г.: экспорт КНР вырос в 36 раз, а Индии – в 9,5, хотя расстояние от Алматы до Дели в 2,5 раза меньше, чем до ближайших к ЦА западных промышленных провинций КНР. За эти 15 лет сопоставимыми с китайскими темпами рос только экспорт Индии в Афганистан (в 25 раз) [6].

Вероятно, полагая афганское направление в любом случае экономически выгодным, Индия уже построила автомобильную 200-километровую дорогу, ответвление от основной трассы Кандагар – Герат. В мае 2017 г. по коридору «Юг – Запад» запущен пробный груз, а для привлечения клиентов индийской управляющей компанией в порту практически введено субсидирование тарифов на хранение (75%-ные скидки для иностранных и 85%-ные – для иранских грузоотправителей). В ближайшее время завершатся работы по углублению порта Чабахар, которые позволят принимать океанские суда водоизмещением 100 тыс. т. Пропускная способность порта должна соста-

вить до 8,5 млн, если, конечно, не принимать в расчет конкуренцию «индийского» Чабахара с «китайским» портом Гвадар.

Риски, на которые пошла Индия, ввязываясь в реализацию проекта «Юг – Запад», подтверждает тот факт, что в период строительства автотрассы по территории Афганистана были убиты более 100 индийских рабочих. Уязвима и строящаяся железная дорога от Чабахара до Деларама, перевалочной станции на территории Афганистана, так как на афганском отрезке она пройдет в зоне, контролируемой скорее Талибаном, чем правительством; сохранность и доставка грузов (а значит, и репутация коридора) в этой связи ненадежна. Принимать во внимание Индии придется и политические риски: Иран установил неофициальные связи с движением Талибан, а из-за финансовой поддержки им нескольких группировок осложняются его отношения с официальным Кабулом (там создан комитет по расследованию связей Ирана и Талибана). Это создает для США возможность обвинить Иран в поддержке террористов и снова наложить санкции на проекты с участием Ирана.

Нельзя сказать, что, в отличие от Индии, Китай не рискует. Проводя к Гвадару автомобильные пути через неспокойные провинции Пакистана, строители подвергаются угрозам и нападениям представителей разных племен, работа проходит под охраной китайских военных или наемников из частных военных компаний, а местные националисты вообще против модернизации порта: доходы от него получит не местная власть, а федеральное правительство Пакистана. Но экономические риски Китая оправданы стремлением создать независимый от контроля американцев и их союзников альтернативный Малаккскому проливу коридор для снабжения страны энергоресурсами и диверсифицировать каналы вывоза китайского экспорта. Индия же и без Чабахара может для развития МТКСЮ пользоваться иранским портом Бендер-Аббас, который связан железной дорогой с Туркменией, а через нее – с Казахстаном и Россией. Таким образом, вкладываясь в афганский транзит дополнительно к МТКСЮ, Индия доказывает приверженность идеологии, выраженной в принятой в 2012 г. ее внешнеполитической доктрине «Связать Центральную Азию» («Connect Central Asia»). Индию в ее намерении развивать порт Чабахар поддерживает Япония, заинтересованная в сдерживании Китая и готовая софинансировать индийский проект модернизации иранского порта. При этом, играя с Китаем на его поле, Индия получает неоднозначные сигналы от Вашингтона: то о желательности создания для Афганистана с помощью коридора «Юг – Запад» выхода к морю не через Пакистан (следовательно, задействуя Иран), то о недопустимости тесного сближения с Ираном.

Обращает на себя внимание то, что Иран играет ключевую роль как в экономически привлекательном для России и Индии проекте МТКСЮ, так и в стратегически важном для Индии проекте «Юг – Запад». Можно сопоставить значение Ирана в планах Индии с ролью Казахстана в трансъевра-

зийских коридорах Китая в рамках НШП (несколько комбинаций маршрутов из КНР в Европу проходят большую часть пути по казахской территории[1]). Конкурентное преимущество МТКСЮ для Индии и России заключается в том, что запуск проекта не связан с огромными вложениями в инфраструктуру – за исключением нескольких участков она уже построена и функционирует, оставшиеся участки будут достроены в ближайшее время. Тогда как именно от Ирана требуется большее участие.

Иран, чье геополитическое значение в контексте проектов ЭПШП и МТКСЮ возросло, особенно с учетом снятия с него западных санкций, не имеет столь масштабных амбиций, как Индия и Китай, но готов конкурировать с ними, с Россией и Турцией за влияние в ЦА и на Ближнем Востоке. Заявленные проекты с участием Ирана могут видоизменяться в процессе международных консультаций и обсуждения отдельных аспектов их реализации. Соответственно, России необходимо следить за переговорами Ирана с его региональными партнерами без ее участия относительно возможных модификаций МТКСЮ, которые могут негативно повлиять на загруженность российских портов, железных дорог и всего российского транзита.

Свою вариацию маршрутов в рамках ЭПШП и МТКСЮ продвигает Азербайджан. По его территории в 2017 г. запустят новую, построенную за десять лет железнодорожную ветку Баку – Тбилиси – Карс, связывающую Азербайджан через Грузию с Турцией наиболее коротким маршрутом по суше (из Турции поезда через тоннель Мармарай под Босфором доставят грузы в Европу). Кавказско-турецкая ветка избавляет от необходимости перевалывать грузы, следующие из Азии, через два моря: Каспийское и Черное; морским участком останется только Каспийская переправа. Но и этот «неудобный» этап транспортировки Азербайджан планирует превратить в комфортную интегральную часть любых коридоров, следующих через Евразию. Государство инвестирует в новый каспийский хаб – свободный порт Алят (в 20 км от Баку), проект которого разработан по образцу портов Роттердама и Гамбурга. Подписано соглашение с Казахстаном о создании совместного предприятия для развития грузовых и пассажирских перевозок между портами Курык (Актау) и Алят (Баку). Такой транскаспийский срез для транзита, идущего по МТКСЮ и по маршрутам НШП, означает как минимум сокращение пути, а как максимум – возможность обойтись без России. Для трех государств бывшего СССР – Казахстана, Азербайджана и Грузии – это успешная реализация подписанного в 2016 г. соглашения о создании Ассоциации «Транскаспийского международного транспортного маршрута» (ТМТМ). Для России такое усиление азербайджанского логистического потенциала несет

1. Подробнее см. об этом: [3].

риск потенциального снижения загрузки Транссиба в рамках НШП и упущенной выгоды для российских портов Астрахань, Оля, Махачкала в рамках МТКСЮ.

Дальнейшее развитие такой комбинации маршрутов китайского ЭПШП и индийского МТКСЮ через ЦА и Кавказ может негативно сказаться на отношениях РФ с партнерами по ЕАЭС и СНГ. Вовлеченность Казахстана в коридор в обход России снизит его заинтересованность в России, обеспеченную в том числе и совместной работой в рамках ЕАЭС и Таможенного союза по интеграции китайско-казахско-российского маршрута, завязанного на Транссиб. Азербайджан, вступивший на кавказском участке коридоров в тандем с Грузией, тем самым снижает конкурентоспособность западного маршрута МТКСЮ, несмотря на подтвержденную заинтересованность участия в нем и подписание с Россией в начале 2017 г. соответствующих договоренностей: Азербайджан, Иран и Россия решили снизить тарифы за грузоперевозки до 50%, чтобы Индия и другие страны Южной Азии и Персидского Залива начали активнее использовать МТКСЮ. Такие же льготы были согласованы и для северных поставщиков, которые должны обеспечить обратную загрузку коридора, а значит, его рентабельность.

Одновременно с инициативами Азербайджана партнер России по ЕАЭС Армения лоббирует включение своей территории в западную ветку МТКСЮ, но это очень дорогостоящий и трудоемкий проект как для маленького государства, так и для потенциальных инвесторов ввиду необходимости пробить множество горных тоннелей. Вложить средства в армянский отрезок пути ориентировочной стоимостью 3,2 млрд долл. Иран и Россия пока не готовы, а у Армении до сих пор не появилось заинтересованных крупных инвесторов, кроме Китая, банки которого предположительно готовы кредитовать до 60% расходов по строительству этого железнодорожного коридора. В 2016 г. появилась информация, что вместо Китая новым интересантом включения Армении в западный коридор «Север – Юг» становится Индия, а в обновленный маршрут входит и часть территории Грузии. Такой вариант, как и маршрут Баку – Тбилиси – Карс и морские перевозки Актау – Баку снижает заинтересованность азиатских участников МТКСЮ в российском транзите. Снятие международных санкций с Ирана позволяет ему сделать ставку на европейское направление, а усиление санкционных ограничений в отношении России осложняет реализацию проектов с ее участием. Поэтому Иран теоретически благодаря армяно-грузинской ветке может переориентировать свой грузопоток с России на Кавказ и Европу.

Россия не менее активно, чем Иран, использует возможности, открывшиеся благодаря геополитическим устремлениям азиатских стран выстроить под себя евразийские транспортные коммуникации, и не только в транспортной сфере.

Российская «Роснефть» стала владельцем 49% индийской крупнейшей нефтяной корпорации Essar Oil Limited (EOL), приобретя тем самым долю в инфраструктуре индийского транспортного и топливно-энергетического комплекса, включая морской порт, один из крупнейших в мире нефтеперерабатывающих заводов Вадинар, электростанцию и несколько тысяч АЗС. Следующим этапом стало подписание на МЭФ в Санкт-Петербурге в июне 2017 г. соглашений о участии России в строительстве двух реакторов для АЭС в штате Кашим – Напур. Вероятно, такие вложения в индийский ТЭК могут, при достаточных дипломатических усилиях России, послужить аргументом для интенсификации грузопотока именно по МТКСЮ через территорию России, а не через возможные ответвления.

Россия не ограничивается пассивной ролью наблюдателя за формированием нового облика «Большой Евразии» [2]. Как и другие страны, оказавшиеся «на пути» масштабной инициативы КНР, Россия выстраивает совместную работу с Китаем, исходя из своих приоритетов. В первую очередь это социально-экономическое развитие своих территорий, северных и дальневосточных регионов, и улучшение коммуникаций как между российскими регионами, так и между промышленными районами и инфраструктурными узлами. Для достижения поставленных целей Россия планирует комплексное использование уникального сочетания преимуществ российской Арктики: арктические воды являются естественным морским МТК из Азии в Европу; арктический шельф и северные территории страны содержат разведанные и доказанные запасы углеводородов. Это вызывает интерес инвесторов к транспортной сфере Севера Евразии; оставшееся от Советского Союза инфраструктурное наследие может быть дополнено при участии иностранных инвестиций. Вторым приоритетом российского подхода в контексте восхождения Азии является сопряжение российского и китайского геополитических проектов – ЕАЭС и ЭПШП, чтобы в выигрыше остались все участники.

Арктическая политика России базируется на необходимости больших инвестиций в безопасность. Действия России в последние годы направлены на поддержание своего статуса доминирующей в Арктике военной державы, защиту крупных объемов природных ресурсов российского шельфа арктического бассейна и коммерциализацию Северного морского пути (СМП). Военные расходы в арктической части России приравниваются к инвестициям в безопасность, а военные объекты становятся частью инфраструктуры северных морских и сухопутных коммуникаций, проходящих по пустынным землям и водам. Для потенциальных инвесторов это повышает привлекательность их присутствия в Арктике. Как и Китай, который главной задачей ОПОП считает развитие удаленных территорий, Россия планирует стимулировать экономический рост ее северных территорий за счет международного

интереса к транспортным и энергетическим аспектам своей арктической программы.

Китай представляется наиболее подходящим партнером, так как он не является арктическим государством, оспаривающим российский суверенитет или размещающим у себя американские вооружения. Китай заинтересован и в углеводородах, и в транспортировке Северным морским путем грузов, чтобы перенаправить с южного маршрута часть своего трафика Шанхай – Гамбург. Конкурентные преимущества СМП для КНР – сокращение на десять суток времени доставки по сравнению с привычным маршрутом через Суэцкий канал, экономия топлива и, главное, снижение зависимости страны от морских транспортных коммуникаций юга Евразии. Последние уязвимы, находясь под контролем глобального гегемона – США, что усиливается желанием единственного соперника КНР в Азии (и американского союзника) – Индии – отстоять право считать Индийский океан «своими территориальными водами». Инструментами для отстаивания Индией своей позиции являются ее военно-морские базы на Андаманских и Никобарских островах. Угрозу стабильности перевозок дополняют регулярные совместные учения военно-морских сил стран АТР, которые организуются США для устрашения Китая. Такие учения в составе флотов США, Индии, Японии, Австралии происходили и в 2017 г. на фоне обострения индийско-китайского противостояния на плато Доклам. Существенные риски для китайских перевозок по южным морям создают и морские пираты, тогда как СМП лишен этих недостатков и угроз.

Экономически, по состоянию на сегодняшний день, Севморпуть оправдывает расходы, очень востребован российскими компаниями [4] и доказывает своим траффиком удобство и безопасность грузоперевозок: 12 млн т в год, показатель, вдвое превышающий уровень наивысшей загрузки этого коридора периода СССР (1987) [5]. Помимо России и Китая, СМП может быть выгоден и Японии: северный маршрут Иокагама – Гамбург короче и дешевле южного.

Партнерство с КНР по арктической программе уже началось и в топливно-энергетической, и в транспортной сферах: в условиях закрытия западных кредитов и довольно высокой стоимости кредитов российских банков [1] кредитование Экспортно-импортным банком Китая и Банком развития Китая на сумму более 10 млрд долл. позволило российской компании «Новатэк» на лучших для себя условиях реализовывать проект строительства на Ямале завода по сжижению природного газа («Ямал СПГ»), 20% которого принадлежит китайской компании CNPC, а еще 9,9% – фонду Шёлкового пути (Silk Road Fund). Воротами на Ямал и одновременно гаванью по маршруту Севморпути стал арктический российский хаб Сабетта, построенный на северо-восточном побережье Ямала с нуля и заработавший в 2017 г.

Заинтересованность клиентов в использовании СМП позитивно сказывается на отечественной судостроительной промышленности: на Балтийском заводе разворачивается строительство крупных атомных ледоколов, необходимых для проводки к порту Сабетта танкеров-гигантов. Для других нужд Севморпути российским судостроителям заказаны дизель-электрические ледоколы средних размеров. Непосредственно для транспортировки по Севморпути с Ямала российского СПГ создан новый класс судов – арктических газовых танкеров, первый из которых уже совершил весной 2017 г. рейс в порт Сабетта, однако заказы на арктические газовозы получает и Южная Корея. Сабетта – первый, но не единственный новый арктический порт. В рамках федеральной целевой программы «Развитие транспортной системы РФ до 2020 года» запланировано строительство еще нескольких новых портов в ЯНАО, помимо Сабетты, а также модернизация северных портов Чукотки, Якутии и Красноярского края, что в совокупности с военными расходами обеспечит геополитическое доминирование России в арктических коммуникациях.

Вкладывая средства в прибрежную портовую инфраструктуру, Россия рассчитывает на превращение Арктики в логистически привлекательный регион, планируя дополнить Севморпуть строительством двух сухопутных коридоров: Северного широтного хода (СШХ) и «Белкомура».

СШХ свяжет порт Сабетта с железнодорожной сетью, по которой в него пойдут грузы с Урала и Сибири, для этих грузов именно СМП станет оптимальным способом достичь рынков Дальнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона в целом. По прогнозам Минтранса, с учетом потенциала СШХ через Сабетту будет проходить 70 млн т грузов в год, что сопоставимо с грузооборотом порта Санкт-Петербург. СШХ позволит не только открыть новые ворота на Восток, но и ускорить транспортировку грузов с Урала и доставку сырья с месторождений Западной Сибири в порты Северо-Запада России и далее – в Европу. За период 2012–2017 гг. в рамках развития СШХ уже возводится инфраструктура – автодорога Надым – Салехард, мост через реку Надым. Железнодорожное сообщение запустят по маршруту Обская – Салехард – Надым – Пангоды – Новый Уренгой – Коротчаево. В 2017 г. ПАО «Газпром» и ОАО «РЖД» подписали соглашение о совместной реализации СШХ и вводе в эксплуатацию 707 км новых путей до 2022 г. Государство выступит концедентом инвестиционного проекта, а дочерние структуры двух монополий – концессионерами. Часть маршрута от Надыма до Пангоды профинансирует и введет в эксплуатацию «Газпром», заинтересованный в начале освоения разведанных запасов газоконденсата в центральных районах ЯНАО, а также на полуострове Гыдан. Дочернее общество ОАО «РЖД» профинансирует и построит часть маршрута Обская – Салехард – Надым, включая железнодорожные части мостов через реки Обь и Надым, а также выполнит

реконструкцию тех частей Северной и Свердловской железной дороги, которые интегрируются в проект СШХ.

Белкомур (сокращение от «Белое море – Коми – Урал») – это еще один арктический транспортный проект (и одновременно одноименное акционерное общество, учредителями которого являются Архангельская область, Республика Коми и Пермский край). Белкомур свяжет сетью железных дорог промышленно развитые регионы Сибири и Урала с портами Севера и Северо-Запада (Сабетта, Архангельск, Мурманск, Беломорск), что позволит перевозить по сети до 35 млн т грузов в год и сократить путь к российским портам на 800 км. Общая протяженность Белкомура составит 1155 км, а собственно нового строительства – 715 км. Российские крупные предприятия-поставщики, такие как «Еврохим» и «Уралкалий», существенно сэкономят на транспортировке: до 100 млн долл. в год, часть этих средств может быть инвестирована в новые технологии добычи и модернизацию производств. Среди интересантов Белкомура не только предприятия Пермского края, Кузбасса, Поволжья. Китай, основной импортер калийных удобрений, поставляемых из Березниковско-Соликамского промышленного узла, наравне с поставщиками заинтересован в сокращении сроков и снижении тарифов за счет скорейшего развития «Белкомура». В 2017 г. проект Белкомур получил полную поддержку Министерства коммерции и Министерства транспорта КНР, а китайский Эксимбанк выразил готовность открыть под него кредитную линию. Китайская компания *Poly Group* в рамках проекта Белкомур выступает инвестором строительства глубоководного порта в Архангельске и рассматривает другие объекты для финансового участия. На федеральном уровне полагают, что помимо трех ключевых, давших название проекту, регионов, от него выиграют еще несколько сопредельных. Инфраструктурные дивиденды рассчитывает получить и ОАО «РЖД», планируя с помощью частных инвесторов проекта осуществить так называемую «расшивку» некоторых железнодорожных узлов (Кировского и Соликамско-Березниковского) и модернизацию старых путей.

Второе «окно возможностей» для России, связанное с восхождением Азии, открылось после решения глав КНР и РФ в 2015 г. о сопряжении ЕАЭС и Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП), сухопутной составляющей проекта ОПОП. Сопряжение происходит в двух измерениях: настоящего и будущего. В настоящем оно выражается в росте грузоперевозок из Китая в Европу по Транссибу, несмотря на объективные недостатки российского таможенно-логистического сервиса и инфраструктуры. В период 2013–2017 гг. из Китая в Европу отправлено более 4 тыс. контейнерных составов, включая восемь маршрутов, регулярно следующих через российский Забайкальск и далее по Транссибу. В совокупности маршруты из 28 городов Китая через Россию отправляются в 29 городов 11 стран Европы. Почти каждая китайская

провинция планирует запускать в течение года от одного до семи новых маршрутов поездов в Европу, поскольку власти провинций полностью компенсируют экспортерам расходы на транспортировку.

Используя эту благоприятную конъюнктуру, Россия с партнерами по Евразийскому союзу работает над усилением транзитных преимуществ: унификацией тарифов и таможенных правил стран-участниц. Китай взвешивает свой инвестиционный потенциал относительно масштабных инфраструктурных объектов в условиях ограниченного доступа российской стороны к западным кредитам. Приоритеты сторон уточняются, выявляются наиболее реалистичные и приоритетные проекты. Для России важнейший вопрос – развитие Дальнего Востока и интеграция территорий Дальнего Востока, Урала и Сибири в торгово-хозяйственные связи с европейской частью России. Китаю важно обеспечить выход к морю и к рынкам ЦА материковых провинций страны. Прогрессу в решении приоритетных для двух стран задач способствуют развитие инфраструктуры транспортного сообщения и содействие бизнесу в оптимизации грузоперевозок. Логистические схемы оптимизируются, упрощается регулирование.

Так, с декабря 2016 г. в рамках так называемого Северного коридора ЭПШП (КНР – Монголия – РФ) логистические компании трех стран сформировали и запустили маршрут Mongolian Schuttle, стартующий в г. Тянцзинь (КНР), и транзитом через монгольскую территорию прибывающий через 14 суток в Москву. На основе договоренностей РЖД и китайских партнеров от 2015 г. отработана новая схема взаимодействия портов и железных дорог, сократившая время доставки из Шанхая в Москву с 29 до 20 дней. Из Шанхая грузы морем доставляются в порт Инкоу провинции Ляонин, далее поездом до российской пограничной станции Забайкальск, оттуда за шесть дней – вместо прежних 14 – в Москву. Преимущества использования новой схемы управления коридором «порт – железная дорога» позволили российским компаниям запустить с августа 2017 г. внутрироссийский регулярный грузовой поезд порт Владивосток – Екатеринбург, отрабатываются и маршруты Владивосток – Новосибирск и Владивосток – Ульяновск. Обратный грузопоток задействует не только порт Владивосток, но и российский порт Восточный.

Есть примеры и точечных инфраструктурных проектов, введение которых в эксплуатацию позволит получить общую выгоду. В июле 2017 г. президенты Путин и Си Цзиньпин подписали договоренности о развитии двух маршрутов – Приморье-1 и Приморье-2, связывающих материковые северо-западные провинции Китая с российскими дальневосточными тихоокеанскими портами. Инвестиции в эти проекты в совокупности составят 5 млрд долл., но начнут экономить китайским экспортерам по 700 млн долл.

ежегодно с учетом сокращения пути транспортировки. Совокупный трафик по этим коридорам может достичь 45 млн т в год.

Вопросами сопряжения ЭПШП и ЕАЭС занимается Евразийская экономическая комиссия, взвешенно представляющая интересы стран ЕАЭС в области оптимизации транспортного взаимодействия с КНР. Основным требованием к выдвинутым Евразийской комиссией для обсуждения в 2017 г. с китайскими партнерами проектам стала заинтересованность как минимум двух государств ЕАЭС в реализации любого из них. Обсуждались по 12 проектов от России и Кыргызстана, десять – от Казахстана, три – от Белоруссии и два – от Армении. Половина проектов, согласованных транспортными министерствами стран ЕАЭС, предполагают развитие железнодорожного транспорта. Россия рассчитывает на повышение китайских инвестиций в строительство высокоскоростной магистрали (ВСМ) Москва – Казань, проектирование которой велось с участием китайских компаний. Потенциально эта ВСМ может быть продлена до Берлина на Западе и Пекина на Востоке, а также использована для скоростных грузоперевозок, поскольку Россия и Китай намерены создать совместное производство скоростных грузовых поездов. Рассчитывает Россия и на участие Китая в модернизации БАМа и Транссиба. Армения выдвинула проект железнодорожной ветки Армения – Иран, Кыргызстан – железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан.

Проблемная для России тема – автодорожное сообщение – тоже предложена Евразийской комиссией китайским партнерам в контексте ЭПШП: в планах госкорпорации «Росавтодор» создание сети скоростных федеральных автотрасс и содействие строительству новых автодорог МТК Западная Европа – Западный Китай. Учтены и потребности стран ЕАЭС в создании логистической инфраструктуры нового уровня: несколько проектов относятся к созданию логистических центров и хабов вдоль коридоров ЭПШП, проходящих по территории стран ЕАЭС, а также вдоль российского Севморпути.

Подводя итоги, следует отметить, что Китай, Индия и другие азиатские страны нуждаются в транспортных коридорах через Евразию, чтобы осваивать платежеспособный европейский рынок. Россия, сама являющаяся «природным коридором», представляется естественным монополистом благодаря наличию надежной и развитой железнодорожной инфраструктуры. Но естественные преимущества в условиях всеобщей геополитической и экономической конкуренции перестают быть незыблемыми. Новая конфигурация международных отношений и совокупность экономических и политических факторов (падение цены на нефть, решение США переориентировать долю газового рынка ЕС на себя, изменение правил игры на энергетическом рынке ЕС и т.п.) ведут к тому, что реальная эффективность упрощенных подходов (например, оперативно протянуть трубопроводы из России в Азию и получать гарантированные сверхдоходы) близка к нулю.

Сфера международных транспортных коммуникаций – вторая после рынка энергоносителей область, где поспешность в оценках и медлительность в выполнении намеченных задач могут лишить Россию дивидендов от естественных преимуществ и ввергнуть в убытки. Мониторинг действий и приоритетов стран – инициаторов создания международных транспортных коридоров (МТК) неэффективен без понимания их мотивации. Испытывающей санкционное давление России нецелесообразно поддерживать сразу все инициативы стран-партнеров, порой меняющих «территориальные компоненты» проектов без учета интересов России или в прямом противоречии с ними. Перспективнее формулировать свои, российские, предложения под эгидой масштабных проектов. К экономическим обоснованиям, сформулированным представителями стран – лоббистов транспортных проектов, в России порой относятся некритически, не всегда понимая, что выдвигаемые «аргументы» не только зависят от региональной и глобальной геополитической конъюнктуры, но и порой опираются на внешнеполитические доктрины, где идеологический компонент преобладает над экономическим.

Все это обязывают Россию к разумному балансу в отношениях с Индией и Китаем, возможно принятию на себя роли страны – интегратора важных для Евразии проектов. России уместно играть роль посредника в отношениях своих набирающих геополитическую мощь партнеров. Другой должна быть стратегия России в отношении стран со схожим потенциалом выгодоприобретателей от евразийского транзита: Ираном, Турцией, Азербайджаном. Стремление России – из геополитических соображений – держать под контролем всю активность этих государств в транспортной сфере может негативно сказаться на развитии ее инфраструктурного и логистического потенциала. Он должен быть независимым от международной конъюнктуры и служить основой геополитической и экономической состоятельности России в макрорегионе Большой Евразии.

Библиография

1. Дзядко Т. «Ямал СПГ» привлек €10,6 млрд у китайских банков // РБК. 2016. 24 апреля. URL: http://www.rbc.ru/business/29/04/2016/57232d639a7947987f649167 (Дата обращения: 15.06.2017.)

2. Ефременко Д.В. Рождение Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 2016. № 6. URL: http://globalaffairs.ru/number/Rozhdenie-Bolshoi-Evrazii-18478 (Дата обращения: 10.09.2017.)

3. Пинюгина Е.В. КНР, Россия, Германия, Казахстан: Тенденции развития партнерства // Россия и современный мир. 2016. № 4 (93). С. 131–144.

4. Чеснаков Э. Союзное государство снижает логистическую зависимость от третьих стран. Интервью Сергея Сигачева // Сонар – 2050. 2017. 23 августа. URL: https://www.sonar2050.org/publications/soyuznoe-gosudarstvo-snijaet-logisticheskuyu-zavisimost-ot-tretih-stran/ (Дата обращения: 10.09.2017.)

5. Эксперт: Перевозки углеводородов в Арктике к 2025 году достигнут 65 млн тонн // PRO-Arctic [Электронный ресурс]. URL: http://pro-arctic.ru/06/09/2017/news/27947#read (Дата обращения: 02.10.2017.)

6. United Nations Conference on Trade and Development Statistical Database // URL: http://unctadstat.unctad.org (Дата обращения: 01.09.2017.)

References

Chesnakov Je. Sojuznoe gosudarstvo snizhaet logisticheskuju zavisimost' ot tret'ih stran. Interv'ju Sergeja Sigacheva // Sonar – 2050. 2017. 23 Aug. URL: https://www.sonar2050.org/publications/soyuznoe-gosudarstvo-snijaet-logisticheskuyu-zavisimost-ot-tretih-stran/ (Data obrashhenija: 10.09.2017.)

Dzjadko T. «Jamal SPG» privlek €10,6 mlrd u kitajskih bankov // RBK. 2016. 24 Apr. URL: http://www.rbc.ru/business/29/04/2016/57232d639a7947987f649167 (Data obrashhenija: 15.06.2017.)

Efremenko D.V. Rozhdenie Bol'shoj Evrazii // Rossija v global'noj politike. 2016. N 6. URL: http://globalaffairs.ru/number/Rozhdenie-Bolshoi-Evrazii-18478 (Data obrashhenija: 10.09.2017.)

Jekspert: Perevozki uglevodorodov v Arktike k 2025 godu dostignut 65 mln tonn // PRO-Arctic [Jelektronnyj resurs]. URL: http://pro-arctic.ru/06/09/2017/news/27947#read (Data obrashhenija: 02.10.2017.)

Pinjugina E.V. KNR, Rossija, Germanija, Kazahstan: Tendencii razvitija partnerstva // Rossija i sovremennyj mir. 2016. N 4 (93). P. 131–144.

United Nations Conference on Trade and Development Statistical Database // URL: http://unctadstat.unctad.org (Data obrashhenija: 01.09.2017.)

Т.Б. Уварова

НОВОЕ РОССИЙСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: ПОСТСОВЕТСКАЯ БЕЛАРУСЬ В СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ РАКУРСЕ*

Аннотация. *В статье анализируются постсоветская политика по формированию исторической памяти Республики Беларусь и ее восприятие населением в соответствии с системой жизненных ценностей. Статья написана на основе полевых наблюдений и глубинных интервью, полученных автором в г. Гродно и Гродненской области Республики Беларусь в 2015 и 2016 гг.*

Ключевые слова: *социальная антропология, Россия, Республика Беларусь, славянское пограничье, социальное конструирование, историческая память, идентичность, система жизненных ценностей.*

Уварова Татьяна Борисовна – доктор исторических наук, заведующий сектором Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), профессор Центра социальной антропологии РГГУ, Москва.
E-mail: ethn.uvarova.tb@inbox.ru

T.B. Uvarova. The New Russian Borderland: The post-Soviet Belarus in Socio-Anthropological Perspective

Abstract. *The article analyses the post-Soviet policy of historical memory in Belarus Republic and its perception by the population in accordance with the system of life values. The analysis is based on statistic data and day-to-day narratives of people together with the researchers' observations as a background. The field work is a part of the research project devoted to the construction of the historical memory and identity conducted by the Presidium of the Russian Academy of Sciences (2015–2017).*

** Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований РАН «Историческая память и российская идентичность» (Проект «Политика идентичности: стратегии, инструменты, акторы: 2015–2017 гг.).*

Keywords: *social anthropology, Russia, the Republic of Belarus, social constructing, historical memory, identity, the system of life values.*

Uvarova Tatyana Borisovna – Doctor of History,
Head of the Sector of the Department of history,
the Institute of Scientific Information on Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Professor,
Russian State University for the Humanities (RGGU), Moscow.
E-mail: ethn.uvarova.tb@inbox.ru

Уже четверть века бывшие республики СССР существуют как самостоятельные независимые государства, хотя понятие «постсоветское пространство» все еще широко используется в научной литературе, публицистике, современных СМИ. Присутствует оно и в сознании людей, особенно старшего возраста, в жизни которых распад Советского Союза стал важным рубежом – для кого радостным, для кого трагическим. Помимо глобальных геополитических реалий, которые определили особенности современного развития славянского пограничья, многие экономические, социальные и даже бытовые особенности восходят не только к историко-культурному наследию советского периода, но и к наследию более ранней имперской эпохи российской истории.

Восточнославянское население дореволюционной России, включая великорусов, население Малороссии и Белоруссии (согласно Первой всероссийской переписи населения 1897 г.), составляло не просто большинство жителей страны, длительное время проживавшее в непосредственном соседстве на обширных территориях. Оно обладало общими культурными характеристиками: от языка и конфессии до хозяйственного уклада и материальной культуры. Казалось, что народы «трех братских советских республик» и в новом формате независимых государств будут развивать взаимовыгодные экономические, политические и культурные связи, сложившиеся в процессе вековых взаимодействий.

Однако постсоветская действительность оказалась во многом непредсказуемой. Во всяком случае, в отношениях восточнославянских народов проявились диаметральные векторы – глубокий пересмотр исторического наследия, доходящий до готовности к военному противостоянию – со стороны Украины, и, на первый взгляд, устойчивое сохранение общих традиций, включая и советские, – в Республике Беларусь.

Некоторые новые характеристики, в частности политические институциональные, очевидны: Российская Федерация и Республика Беларусь входят в состав Союзного государства с общим Парламентским собранием (1999). Вместе с тем это обстоятельство не является препятствием для обеих стран осуществлять собственный выбор в политике, экономике, культуре и проводить самостоятельный внешнеполитический курс. Так, введение в 2017 г.

правительством Белоруссии безвизового режима (на пять дней) для 80 государств с целью активизации туристических потоков вызвало усиление пограничного режима со стороны России. Тем не менее именно Минск уже несколько лет служит площадкой по урегулированию украинской проблемы, в разрешении которой заинтересованы и Запад, и Россия.

Важной особенностью национальной политики в Республике Беларусь стало наделение русского языка статусом второго государственного (с 1995 г. в соответствии с результатами национального референдума), что является уникальным явлением по сравнению с жесткой «запретительной» политикой ряда стран на постсоветском пространстве.

Исследование процессов формирования «нового пограничья» продолжается в современных фундаментальных исследованиях российских и белорусских ученых, выполненных уже в постсоветский период как в традиционной этнологическо-антропологической парадигме [2; 4], так и в парадигме социологической и междисциплинарной [5; 11]. Однако традиционные подходы зачастую не раскрывают, в чем заключается качественная новизна взаимодействия России и Белоруссии по сравнению с советским периодом и как ее выявить.

Важно подчеркнуть, что за прошедшие 25 лет изменился и исследовательский инструментарий в социальных и гуманитарных науках: в контексте «антропологического поворота» выявляются новые аспекты развития «славянского пограничья». Под влиянием социальной антропологии в социальных и гуманитарных науках гораздо более широкое распространение в изучении модерных обществ получил один из основных, если не главный, метод социально-антропологического исследования – включенное наблюдение. Появившийся и заявивший о себе как дисциплинарный бренд при изучении незападных традиционных обществ около столетия назад, в начале XX в., метод вполне продуктивен и сегодня. Он применим в процессе непосредственного «соприкосновения» с населением региона: в поездках по городам и небольшим селам, в общении с попутчиками в поезде или автобусе, в обсуждении концерта или выставки, прочитанной книги или статьи, кинофильма или телепередачи, интернет-материалов и последних новостей.

Полевые материалы были получены и в рамках исследования «Конструирование смысла жизни: реальность и ее восприятие в современной России и сопредельных странах (опыт социоантропологического исследования)», которое проводилось при участии студентов – бакалавров и магистров УНЦСА РГГУ[1].

1. Собранные данные частично использованы в магистерской диссертации одной из участниц исследования – Д.В. Петрухиной «Формирование идентичности в условиях межславянского взаимодействия (Белоруссия и Черногория)», защищенной в 2017 г. в РГГУ.

Выявляемая в процессе общения исследователя с респондентами устная личная (семейная) и локальная история служит одним из основных источников для реконструкции исторической памяти, которая скрыто присутствует в повседневной жизни самых разных людей и извлекается из их воспоминаний и рассказов о своих семьях и друзьях, из оценок прошлого и сегодняшних поступков. Сохранению исторической памяти угрожает не только возрастная забывчивость пожилых из-за давности событий, но и возрастные особенности молодых, не желающих удерживать что-либо в памяти, когда рядом всегда есть подсказка Интернета.

И в России, и в Беларуси сегмент мировой сети Интернета существует с середины 1990-х, т.е. его ровесникам уже больше 20. Это наиболее активный контингент населения, который в неотдаленном будущем станет и наиболее влиятельным в принятии важнейших государственных решений. Последнее обстоятельство становится всё более значимым, учитывая, что возможность «переформатировать историю», в первую очередь для молодых, уже применяется, и применяется с большим успехом, в том числе и на славянских пограничьях, драматическую историю которых пытаются так или иначе пересматривать самые разные акторы.

Так, вместо общих предков летописных славян появляются не основанные на каких-либо достоверных данных рассуждения о, например, «древних украх», участниках Троянской войны, наследниках «благородных» скифов, в отличие от «отсталых» угро-финских предков современных русских и «балтских» предков современных белорусов т.п. Для российского читателя, по оценке исследователей, «важно избавиться от иллюзии легкости отождествления культурной и исторической близости народов с общностью политической культуры или исторической памяти» [10, с. 6].

Для анализа новой ситуации важен исследовательский потенциал целого кластера новых субдисциплин социальной антропологии. Особый интерес для нового взгляда на «новое пограничье» представляют «антропология туризма»: от оценок государственной политики в этой сфере до выявления стереотипов взаимного восприятия друг другом местного и приезжего населения; «антропология образования»: от анализа учебных проектов и программ разного уровня до продвижения научной, популярной и даже художественной литературы; наконец, «антропология СМИ», включающая всесторонний мониторинг материалов прессы, телевидения, интернет-ресурсов или СМК – средств массовой коммуникации.

Для исследования Республики Беларусь по-прежнему большой интерес представляет и более традиционное направление – «антропология религии», учитывающая поликонфессиональность жителей страны. В частности, в Гродненской области, где проживает большая часть польского населения

Беларуси, составляя до 25% горожан в г. Гродно, более широко распространен католицизм.

Материалы полевой работы были получены как в процессе непосредственного включенного наблюдения в современную полиэтническую и поликонфессиональную среду, так и проведения выборочных опросов по общему сценарию «истории жизни» (life story). В целом массив интерактивных данных составил около 50 интервью, кратких ситуативных и глубинных биографических, которые удалось получить за время пребывания в Республике Беларусь в августе 2015 г. (Минская область), ноябре 2015 г. и в августе 2016 г. в г. Гродно. В Гродно внимание было уделено и абитуриентской аудитории, планам молодежи на получение образования и последующее трудоустройство с оценкой возможного выбора страны проживания – Белоруссии, России, Польши, других стран.

Совокупность данных по выделенным направлениям позволяет более полно и комплексно выявить новый характер межславянских взаимодействий с особым вниманием к процессам сохранения или, напротив, попыткам пересмотра и целенаправленных изменений исторической памяти в Республике Беларусь.

Важно подчеркнуть, что социально-антропологическое исследование, в отличие от политологического или социологического, исследует не программы государственной политики или макросоциальные показатели, а ценности и смыслы, значимые на индивидуальном и семейном уровнях. Эти ценности и смысл исследование соотносит как с объективными этническими процессами, начиная с этнодемографического, так и с этнополитическими и этнокультурными; при этом выявляются стратегии и инструменты различного рода социальных акторов.

* * *

Из данных, приводимых Белстатом, следует, что стабильный миграционный прирост в Республике Беларусь наблюдается с 2000 г. В последние 15 лет он играет роль своеобразного «тормоза» убыли населения страны, поддерживая общую численность на уровне около 10 млн человек [2].

Наиболее активные миграционные потоки связывают республику с другими странами СНГ (в 2015 г. сальдо миграций составило +15,8 тыс. человек), при этом с 2007 г. количество иммигрантов из Содружества и других стран выросло почти вдвое. Наибольшее количество приезжих составляют выходцы из России, Украины, Армении и Азербайджана. Эмиграция в страны СНГ осталась примерно на том же уровне (6–7 тыс. человек ежегодно), тогда как в дальнее зарубежье она стабильно ежегодно увеличивается в сред-

нем на 500 человек последние четыре года. Основными направлениями эмиграции граждан Белоруссии стали США, Польша и другие страны ЕС, Россия.

По данным последней переписи населения 2009 г., титульная нация – белорусы – составляет свыше 83,7% населения. Из традиционно проживающих в Республике Беларусь народов русские составляют 8,3%, поляки – 3,1%, украинцы – 1,7%. Татары, евреи, литовцы, цыгане и др. – 3,2% [12, с. 31].

Связанная с кратковременными миграциями или так называемым санаторным туризмом сфера услуг, рассчитанным в значительной степени на российского потребителя, приобретает в экономике Республики Беларусь всё большее значение. Закрытие ставших для россиян в последние десятилетия традиционными недорогих зарубежных морских курортов и подорожание черноморских курортов сделало отдых в Белоруссии особо востребованным в силу целого ряда причин. Из основных – это доступные цены (учитывая и транспортные расходы), качественное медицинское обслуживание, достойный уровень гостиничного сервиса, включая услуги санаторного да и городского общепита с его привычной для многих славянской кухней и натуральными местными продуктами.

Немаловажно отсутствие языкового барьера – русский язык в Республике Беларусь не просто имеет статус второго государственного, но и широко распространен среди самих жителей Беларуси. По данным последней переписи, белорусский назвали родным языком 60,8% белорусов, 58,1% поляков, 7,6% украинцев и 2,7% русских. При этом 1,7% белорусов считают родными два языка, что значительно больше числа аналогично ответивших среди других народов. Русский назвали родным 96% русских, 61,4% украинцев, 37% белорусов, 33,7% поляков [13].

Для приезжих из России это существенно облегчает получение самого широкого спектра туристических услуг. На русском языке проводятся экскурсии в городских музеях и в поездках по многочисленным восстановленным историческим памятникам – замкам и поместьям эпохи Великого Княжества Литовского. На русском языке доступна местная пресса, вещают многие региональные теле- и радиоканалы. На русском языке можно увидеть спектакли в гродненском Театре лялек – невероятно популярном Городском кукольном театре, где билеты на детские и взрослые спектакли распроданы на месяцы вперед. На русском языке в Республике Беларусь издается научная, учебная и популярная литература по истории славян, включая ее ранние этапы.

В собственно санаторной среде речь о языковом барьере просто не идет: в санаториях, особенно на пике сезона, очень много россиян. Судя по номерам машин на стоянках санаториев, много приезжих из Москвы и Петербурга, хотя есть и другие регионы. Многие семьи с детьми, а некоторые – и с внуками, приезжают в один и тот же санаторий на протяжении несколь-

ких лет, и многим гостям кажется, что «мы тут как дома», хотя, судя по разговорам и оценкам, местное население начинает всё более четко различать, «как в России» и «как в Беларуси».

Многие белорусы, отдыхая в так называемых социальных санаториях по профсоюзным путевкам, получают доплату от предприятий от 10 до 30% их стоимости. Скромные по нынешним меркам на фоне соседних коммерческих санаториев с апартаментами-коттеджами, они не менее привлекательны своим расположением в живописных местах, где природный ландшафт и историческая городская среда гармонично сосуществуют, качественным медицинским обслуживаем.

Но и на отдыхе люди в значительной степени сосредоточены на проблемах повседневного быта, и в любом разговоре «о жизни» возникают темы невысоких доходов: маленьких зарплат, пенсий, детских пособий и высоких цен на продукты, вещи и квартиры. Многие жалуются на высокие квартплаты и коммунальные платежи, на сокращение российской помощи – кредитов, на рост цены на газ. Как правило, люди хорошо знают российские социальные реалии, уверенно сравнивая «как у вас» и «как у нас», считая, что уровень благосостояния работающего населения в России выше. Вместе с тем многие женщины помнят, что поездки в Москву за продуктами в «советское время» были обычными, теперь чаще гости из России везут домой белорусские гостинцы и товары [7; 8].

Зарплаты и пенсии в Республике Беларусь в среднем ниже российских. Возраст выхода на пенсию с 2016 г. уже повышен по европейскому стандарту и для мужчин, и для женщин – до 63 и 58 лет соответственно. Детские пособия – выше, государство старается стимулировать повышение рождаемости в молодых семьях, увеличивая выплаты на второго и последующих детей до 18 лет. С точки зрения получателей пособий, они все еще недостаточны (в месяц около 110 долл. по современному курсу). В России они зависят от зарплаты матери и выплачиваются во время декретного отпуска, т.е. до двух лет. В России по достижении вторым и последующими детьми трех лет единовременно выплачивается особый вид пособия – «материнский капитал», около 450 тыс. руб.

Современный «бюджетник» Беларуси, как правило, хорошо знает свое место в контексте государственной «социалки», причем во всех возрастных группах и во всех социальных ролях: молодая мать, получающая детские пособия, государственный служащий, работник бюджетной сферы, наемный работник, пенсионер. В целом оценки государственной социальной политики довольно сдержанные, хотя и без резкой критики в адрес властей. Но среди сотрудников сферы обслуживания, судя по материалам наших интервью, есть и такие, кто считает затраты в социальной сфере чрезмерными, видит в них

одну из причин низкой заработной платы в стране и отсутствия значимой помощи со стороны государства мелкому и среднему бизнесу [9].

Впрочем, и широкой приватизации предприятий тоже побаиваются: «У нас сразу все разворуют, если будет негосударственное. Это у вас в России всего много, а у нас сразу все пропадет», – высказывал свои опасения таксист-частник [9]. Пока, по данным опроса 2014 г., проведенного Институтом социологии НАН, в Беларуси хотели бы заняться предпринимательской деятельностью 14,3% респондентов. Однако практическую реализацию эта установка получает не столь явно: только 2,5% опрошенных уже занимаются бизнесом, из них 0,3% фермерством и столько же агротуризмом [10, с. 82]. Этот вид отдыха в сельской местности в мировом туристическом бизнесе уже вышел на второе место по численности участников после пляжного туризма.

Агротуризм поддерживается в Беларуси на государственном уровне. Так, президент А.Г. Лукашенко во время широко освещавшихся в СМИ поездок по всем областям страны накануне парламентских выборов (сентябрь 2016 г.), рекомендовал областным руководителям выделять в длительную аренду подходящие для этих целей участки площадью от 1 до 5 га вблизи водоемов и в лесных угодьях. Кроме того, глава государства в своих выступлениях особое внимание уделял вопросам демографической политики. Эта тема постоянно присутствовала и в телевыступлениях президента, транслировавшихся на всех государственных каналах накануне выборов.

* * *

Анализируя ситуацию в Республике Беларусь, необходимо учитывать специфику ее областей, которая отчасти определяется этническим составом их населения. Одним из наиболее ярких примеров может служить Гродненская область, где по-прежнему сосредоточена большая часть польского населения страны: поляков насчитывают около 25% от 350 тыс. жителей Гродно при 3% в общей численности населения страны. Это обстоятельство и определило выбор региона в качестве объекта для case study – социально-антропологического исследования конкретной локальной ситуации.

Гродно – центр одной из западных областей Республики Беларусь, расположенный в 12 км от польской и 30 км от литовской границ, что во многом определяет региональную специфику. Точнее, специфику региона определяет не расстояния до современных границ, а многочисленные переносы самих границ, которые на протяжении столетий были гораздо более подвижными, чем местное население или «тутэйшие», как называли себя здешние люди. Они, не покидая своих домов, только в XX в. после завершения Первой мировой войны становились жителями Польши, с началом Второй мировой войны – воссоединенных с Белоруссией западно-белорусских

земель, затем оккупированных Германией территорий, наконец, гражданами советской Белоруссии, а с 1991 г. – независимой Республики Беларусь.

«Трансграничность» региона нашла отражение в исторической архитектуре Гродно. Его исторический центр служит своего рода визитной карточкой города как одного из «королевских» городов Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой. Старый замок на высоком берегу Немана начинал строить великий князь Витовт в конце XIV в., его достройку во второй половине XVI в. связывают с выборным королем Стефаном Баторием, уроженцем Венгрии. Новый замок возводился Августом II, королем польским и курфюрстом саксонским, союзником российского императора Петра I в Северной войне со Швецией. Конец своего царствования, да и конец самой Речи Посполитой встретил здесь в 1795 г. последний из выборных королей Станислав Понятовский.

Во время экскурсий можно было заметить, что у многих туристов из России, привычно считающих Белоруссию аграрно-провинциальным продолжением собственной страны, исторический урбанизм Гродно вызывает удивление, заставляет по-новому оценить «западный стиль» давнего и, как казалось, хорошо знакомого соседа.

В одном из окраинных районов Гродно, застроенном по преимуществу небольшими домами на садовых участках, сохранился жилой массив начала прошлого века, который в городе называют «польским». На улицах здесь можно увидеть католические распятия, одно из них установлено на улице, которая носит название «17 сентября». Этот день отмечается в Республике Беларусь как памятная дата воссоединения западно-белорусских земель с Белорусской ССР в 1939 г., причем едва ли дата воспринимается как праздничная той частью населения, которая до сих пор называет себя и своих старших родственников «белополяками» [9].

Это название сохранили потомки тех, в чьих семьях помнят и одобряют попытки сопротивления установлению советской власти. В польских селах, расположенных вблизи от города почти на границе с Польшей и существующих, по рассказам жителей, более 500 лет, до сих пор сохраняется память о борьбе с большевикам в начале XX в. [там же]. В одной из действующих сельских церквей создан своего рода мемориальный музей, посвященный уроженцам этих мест, боровшимся против присоединения к советской Белоруссии и после революции 1917 г., и накануне Великой Отечественной войны.

Исторически присущее городу конфессиональное разнообразие, как правило, тесно связанное с этническим, выразительно отражено в религиозных памятниках. На центральной площади в непосредственной близости от здания ратуши расположен крупнейший в Восточной Европе католический костел, построенный в начале XVIII в. иезуитами, неподалеку – немецкая кирха этого же периода, православный собор конца XIX в. Недалеко расположено

и историческое здание синагоги, хотя сегодня еврейская община в городе насчитывает лишь около 500 человек. Накануне Второй мировой войны из 150 тыс. жителей Гродно более 80% составляло еврейское население, почти полностью уничтоженное в городском гетто. Деятельность мечети осуществляется в бывшем жилом здании, приспособленном для отправления культа. Стоит отметить, что в Минске 11 ноября 2016 г. состоялось торжественное открытие Соборной мечети при участии Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко и Президента Турции Р. Эрдогана, транслировавшееся всеми телеканалами.

Даже старейший каменный храм Гродно домонгольской эпохи – действующая православная церковь Бориса и Глеба (Коложская церковь) на берегу Немана – со своим особым византийским обликом выглядит как своего рода исторический экспонат главного музея города, Музея истории религии. Экспонаты этого музея отражают длительную и сложную историю противостояния и взаимодействия конфессий в регионе. При этом наиболее распространенный язык общения паствы в храмах (за исключением костела, где преобладает польский) – русский.

Сегодня каждый из религиозных центров служит и культурно-просветительским центром, использующим свой духовный авторитет не только в религиозных, но и в светских целях. Непосредственное включенное наблюдение и материалы неформальных интервью дополняют статистические данные об этническом составе жителей Гродно свидетельствами о множественной самоидентификации населения этого региона, обычно с корреляцией этнической и конфессиональной.

Самоидентификация, особенно связанная с наличием польского этнического компонента, выступает не только наследием исторической памяти, но и вполне современным «инструментом» для социализации молодого поколения. Детей не только из польских, но и смешанных польско-белорусских семей стараются устроить в польскую школу, которая имеет в городе репутацию если не лучшей, то наиболее перспективной. После окончания школы и оформления так называемой «карты поляка» появляется возможность продолжить обучение в Польше – от колледжа до университета – с предоставлением стипендии и общежития. Чаще в Польшу едут для получения среднего специального образования, например менеджера по туризму, или высшего гуманитарного образования, что считается «женскими специальностями».

Техническое образование чаще получают в Беларуси, желательно в Минске, или же в российских университетах. Таким образом, с Польшей или Россией молодежь связывает планы на продолжение образования и, по возможности, дальнейшее трудоустройство по специальности [9]. Этот выбор обычно поддерживают и родители. По словам жительницы г. Гродно, оба ее сына после окончания Минского университета и попыток устроиться рабо-

тать по специальности в родном городе или открыть здесь свое предприятие, занимаются частным бизнесом в Москве. «Здесь труднее, рынок сбыта слишком маленький. И мы рады, что сыновья не уехали за границу, а остались дома. До Москвы ведь всего день ехать, что поездом, что машиной» [8].

Для поиска временной работы жители Беларуси также отправляются в Польшу или в Россию, чаще всего в Москву и Петербург, но последний выбор в большей степени характерен для восточных областей. В западных областях до недавнего времени «экономическое сотрудничество» с Польшей развивалось и в виде индивидуальной приграничной торговли: товары, закупленные и привезенные из Польши, – одежда, кондитерские изделия из Германии – неплохо продавались на гродненском рынке не только местным жителям, но и приезжим из России. Обратный поток товаров из Белоруссии в Польшу был представлен в первую очередь «мелкой контрабандой» – сигаретами и крепким алкоголем, которые в Польше значительно дороже. На сомнения в значительности такого рода заработков неоднократно звучали уверения: «Люди на эти доходы не только машины, но и дома покупали» [8; 9]. Многие с сожалением говорили, что с установлением более жесткого таможенного контроля в последние годы этот канал денежных поступлений также практически перекрыт.

Экономическая активность населения, в первую очередь молодого и трудоспособного, связанная с поисками заработка за рубежом, а также развитие международного туризма в Республике Беларусь позволяет все большему числу граждан страны сравнивать себя с соседями, подмечая свои и их особенности. При всей доброжелательности и гостеприимстве местного населения в адрес русских можно услышать обвинения в чрезмерном потреблении спиртного, неоправданной расточительности, причем не только личной, но и на государственном уровне. Впрочем, то же говорят и о западных соседях: «Поляки как русские, только без денег» [8].

Из достоинств белорусов, перерастающих в их недостатки, не только внешние наблюдатели, но зачастую и они сами отмечают уравновешенность, исполнительность, порой перерастающие в нежелание осваивать новое, принимать нестандартные решения. По результатам масштабного социологического исследования «Социокультурные факторы и механизмы консолидации белорусского общества», проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2016 г. (1502 респондента), «белорусское общество в значительной степени является традиционным, лидирующие позиции в последние годы стабильно занимают такие ценности, как “здоровье, семья, дети”» [1а, с. 130].

Выявленных характеристик такого рода – даже при наличии уже четверть века собственной государственности со всеми присущими ей атрибутами в виде границы, государственной символики, национальной политики – явно не хватает, чтобы понять: «Кто мы?» «Куда мы идем?».

* * *

Ответы на эти вопросы, как в любой стране, особенно на переломном этапе ее истории, граждане Беларуси пытаются найти в своем прошлом. В учебниках по истории, от школьных до университетских, все большее внимание уделяется древним этапам, попыткам выявить истоки, к которым может быть возведена собственная национальная государственность и идентичность. Востребованным историческим брендом стало Великое Княжество Литовское, Жемойтское и Русское.

Эта тематика привлекла и зарубежных исследователей. Так, профессор Гарвардского университета С. Плохий, занимающийся Новейшей историей Центрально-Европейского региона, считает, что попытки найти истоки этнического и гражданского самосознания населения постсоветских России, Украины и Беларуси – сложная научная и общественно-значимая проблема. Соответственно, и исследования современных восточнославянских идентичностей в контексте взаимоотношений с соседними государствами ученый относит к числу актуальных и остро дискуссионных.

Именно в силу актуальности этой проблемы, как пишет исследователь в обращенном к белорусскому читателю предисловии к своей работе «Русский Вавилон: Домодерные идентичности в России, Украине и Беларуси», он принял предложение о переводе своей книги, написанной на английском языке и опубликованной в США еще в 2006 г. [14], на белорусский язык. Первоначально авторизированный перевод был издан в Польше и Литве при участии Литовского института белорусистики, а второе его издание – в России [6; 7].

Истоки современной белорусской нации историки Беларуси пытаются возводить к истории кривичей и Полоцкого княжества, подобно тому, как украинские историки ищут истоки национальной государственности в конгломерате Киевской Руси. Однако, по мнению автора книги «Русский Вавилон», предполагать наличие «общебелорусской идентичности» в тот период оснований нет, как нет их и в историях Русских земель, располагавшихся вокруг Киева, Чернигова и Переяслава или Суздальского княжества.

Предки современных белорусов не подверглись прямому монгольскому нашествию, их историческая судьба определилась выбором между слабеющими Рюриковичами Галицко-Волынского княжества и усиливавшимися князьями Великого Княжества Литовского. Фактически, по мнению С. Плохия, это была смена более ранней региональной элиты скандинавского происхождения на литовскую.

Белорусский национальный проект основывался на русской идентичности, присущей населению восточной части территории Великого Княжества Литовского. Эта территория не получила государственного статуса из-за

отсутствия здесь в раннее Новое время «протобелорусской державы», сопоставимой, например, с Гетманщиной на территории, именовавшейся позднее левобережной Украиной. Русская идентичность позднее в разных формах сохранялась и в Польско-Литовском государстве или Речи Посполитой.

В шляхетских генеалогиях на литовских территориях присутствовала формула «Gente Ruthenus, Natione Polonus» – «русского происхождения, польской нации», которую приписывают известному автору светских и религиозных трактатов XVI в. Станиславу Ожаховскому, обосновывавшему политическую, а не этническую природу Речи Посполитой. Возможно, он подчеркивал лишь факт своей личной биографии, но формула оказалась востребованной региональной шляхтой, привилегированным сословием «рыцарских людей».

Еще одной признанной категорией населения страны был «русский народ греческой веры», что, по мнению С. Плохия, могло служить показателем конфессиональных разграничений между католиками-поляками и литвинами, с одной стороны, и элит на белорусских и украинских землях, получивших православие из Киевской Руси, – с другой. Неясно, как соотносятся католики с элитами по признаку веры. Необходимо пояснить: С. Плохий особо подчеркивает, что русская идентичность на восточноевропейской арене появляется в тот момент, когда Московская Русь уже владела мощной и самобытной русской государственной идентичностью, «перекрывавшей» внутренние культурные различия и фиксировавшей внешнюю политическую границу [7, с. 166]. Идентичность же Польско-Литовской Руси оформляла не только восточную государственную границу Речи Посполитой, но и внутренние различия населения по языковым, культурным и религиозным характеристикам. Как подчеркивает исследователь, ядром идентичности Московской Руси выступала идея личной преданности государю и династии. В Польско-Литовском государстве идентичность шляхты, включая и русскую, основывалась на особых правах институтов власти, сословий и народа.

Исследования реальных процессов формирования различий между современными белорусами, украинцами и русскими начались только в последние десятилетия и были практически невозможны в рамках советской историографии, заключает С. Плохий.

В современной белорусской исторической научной, учебной и популярной литературе Великое Княжество Литовское, Жемойтское и Русское рассматривается зачастую как основа собственной демократической государственности, развитие которой было прервано захватнической политикой деспотичной Московии. Образование становится одним из основных остро конкурентных каналов формирования исторической памяти народа, ее главных вех и образов. Новые сюжеты и их трактовки, по-видимому, выступают

частью целенаправленной политики по формированию новой исторической памяти и новой идентичности в Беларуси.

Сегодня наряду с исследовательской, учебной, популярной литературой все чаще появляются откровенно пропагандистские работы, в которых главное – не исследование реальных исторических процессов, а создание нового образа врага в лице России как, например, в книгах А. Тараса. Такой подход получает развитие в зачастую анонимном пространстве Интернета, судя по публикациям новостного сайта «Белорусские новости» [1].

Созданный в нем виртуальный образ Республики Беларусь разительно отличается от того, который складывается при знакомстве с повседневной жизнью страны, с материалами официальной белорусской прессы и центральных каналов белорусского телевидения. Всесторонний анализ этого источника, а также СМК – средства массовой коммуникации, анализ которых, как и СМИ, важен для понимания процессов динамики общественного мнения, нуждается в специальном исследовании.

Социально-антропологические источники и методы позволяют выявлять не только целенаправленные усилия политического и идеологического характера, оформленные в форме государственных программ и деклараций, но и учитывать характер их восприятия и оценок в пространстве частной жизни представителей различных слоев общества: возрастных, гендерных, конфессиональных, этнических. Опыт современной Республики Беларусь свидетельствует о существенных расхождениях двух уровней – официального государственного и общественного (группового оппозиционного и приватного отдельных людей) в процессах формирования коллективной исторической памяти. Ее приоритеты служат основой выбора новых «постсоветских» ориентаций – на Россию или Европу. Для Гродненской области, в частности, речь чаще идет о конкретной стране – Польше, в состав которой область входила до 1939 г. При этом прослеживаются очевидные корреляции этнического и конфессионального состава населения, лингвистические предпочтения и, соответственно, выбор стратегии в сфере образования и последующего трудоустройства у различных возрастных групп.

Очевидно, что наличие такого рода материалов требует активизации информационного мониторинга и квалифицированной аналитики, особенно с учетом стратегического провала с оценкой развития событий на постсоветской Украине.

Библиография

1. «Белорусское настроение: пить, не рожать, валить из страны». Портал EADaily [Электронный ресурс] // URL: http://eadaily.com/ru/news/2016/05/07/belorusskoe-nastroenie-pit-ne-rozhat-valit-iz-strany (Дата обращения: 7.09.2016.)

1а. Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: Социологическое измерение. Минск: Беларуская навука, 2017. 392 с.

2. Белорусско-русское пограничье: Этнологическое исследование. М.: Изд-во РУДН, 2005. 390 с.

3. Белстат (Национальный статистический комитет Республики Беларусь) [Электронный ресурс] // URL: http://census.belstat.gov.by/ (Дата обращения: 25.02.2017.)

4. Границы, культуры, идентичности. Этнология восточнославянского пограничья. М.: ИЭА РАН, 2012. 440 с.

5. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х годов). М.: Наука, 2016. 468 с.

6. Плахий С. Рускі Вавілон: Дамадэрныя ідентичнасці у` Расіі, Украіне і Беларусі. Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства; Вильня: Інстытут беларусістыкі, 2012. 300 с.

7. Плахий С. Рускі Вавілон: Дамадэрныя ідентичнасці у` Расіі, Украіне і Беларусі. 2-е выд., папрауленае. Смаленск: Інбелкульт, 2014 г. 300 с.

8. Полевые материалы Т.Б. Уваровой (Гродно, 2015) // Архив УНЦСА РГГУ.

9. Полевые материалы Т.Б. Уваровой и группы магистров Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ (В. Ибрагимова, Д.В. Петрухина, О.В. Семенова) (Гродно, 2016) // Архив УНЦСА РГГУ.

10. Портнов А.В. Упражнения с историей по-украински. М.: ОГИ; Полит.ру; Мемориал, 2010. 224 с.

11. Судьба белорусской провинции: Социологический анализ. Минск: Беларуская навука, 2015. 435 с.

12. Шаншиева Л.Н. Многонациональная Беларусь: Особенности и тенденции развития // Восточная Европа: Межгосударственные и этносоциальные отношения в XXI в. М.: ИНИОН, 20016. С. 49–64.

13. Шахотько Л.П., Куделка Д.Н. Этноязыковый состав населения Белоруссии. Портал Демоскоп Weekly [Электронный ресурс] // URL: http://demoscope.ru/weekly/2003/097/analit01.php (Дата обращения: 23.01.2017.)

14. Plokhy S. The origin of the Slavic natiojns: Premorden identities in Russia, Ukraine and Belarus. Cambridge: Cambridge University press, 2006. 379 p.

References

«Belorusskoe nastroenie: pit', ne rozhat', valit' iz strany». Portal EADaily [Jelektronnyj resurs] // URL: http://eadaily.com/ru/news/2016/05/07/belorusskoe-nastroenie-pit-ne-rozhat-valit-iz-strany (Data obrashhenija: 7.09.2016).

Belorusskoe obshhestvo v kontekste civilizacionno-kul'turnogo koda: Sociologicheskoe izmerenie. Minsk: Belaruskaja navuka, 2017. 392 p.

Belorussko-russkoe pogranich'e: Jetnologicheskoe issledovanie. Moscow: Izd-vo RUDN, 2005. 390 p.

Belstat (Nacional'nyj statisticheskij komitet Respubliki Belarus') [Jelektronnyj resurs] // URL: http://census.belstat.gov.by/ (Data obrashhenija: 25.02.2017).

Granicy, kul'tury, identichnosti. Jetnologija vostochnoslavjanskogo pogranich'ja. Moscow: IJeA RAN, 2012. 440 p.

Plahij S. Ruski Vavilon: Damadjernyja identichnasci u` Rasii, Ukraine i Belarusi. Belastok: Belaruskae gistarıchnae tavarystva; Vil"nja: Instytut belarusistyki, 2012. 300 p.

Plahij S. Ruski Vavilon: Damadjernyja identichnasci u` Rasii, Ukraine i Belarusi. 2-e vyd., papraulenae. Smalensk: Inbelkul"t, 2014 g. 300 p.

Plokhy S. The origin of the Slavic natiojns: Premorden identities in Russia, Ukraine and Belarus. Cambridge: Cambridge University press, 2006. 379 p.

Portnov A.V. Uprazhnenija s istoriej po-ukrainski. M.: OGI; Polit.ru; Memorial, 2010. 224 p.

Shahot'ko L.P., Kudelka D.N. Jetnojazykovyj sostav naselenija Belorussii. Portal Demoskop Weekly [Jelektronnyj resurs] // URL: http://demoscope.ru/weekly/2003/097/analit01.php (Data obrashhenija: 23.01.2017).

Shanshieva L.N. Mnogonacional'naja Belarus': Osobennosti i tendencii razvitija // Vostochnaja Evropa: Mezhgosudarstvennye i jetnosocial'nye otnoshenija v XXI v. M.: INION, 20016. P. 49–64.

Sud'ba belorusskoj provincii: Sociologicheskij analiz. Minsk: Belaruskaja navuka, 2015. 435 p.

Zhiznennyj mir rossijan: 25 let spustja (konec 1980-h – seredina 2010-h gg.). Moscow: Nauka, 2016. 468 p.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

И.Ю. Жилина

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА

Аннотация. *Рассматриваются внешние и внутренние причины терроризма, характеристики террористического поведения, источники финансирования терроризма, его экономические последствия, критерии эффективности борьбы с терроризмом.*

Ключевые слова: *терроризм, внешние и внутренние причины, террористическое поведение, финансирование, экономические последствия.*

Жилина Ирина Юрьевна – кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник ИНИОН РАН, Москва.
E-mail: irina_zhilina47@mail.ru

I.Ju. Zhilina. Economic Aspects of Contemporary Terrorism

Abstract. *The article deals with external and internal causes of terrorism, characteristics of terrorist behavior, sources of financing of terrorism and the economic consequences of terrorist acts.*

Keywords: *terrorism, external and internal causes, terrorist behavior, financing economic consequences.*

Zhilina Irina Jur'evna – Candidate of History,
Senior Researcher, Institute of Scientific Information
on Social Sciences (INION), Moscow.
E-mail: irina_zhilina47@mail.ru

Современный международный терроризм в документах международных организаций, в национальных законодательствах большинства стран характеризуется, как правило, следующими особенностями: геополитическими масштабами; интернационализацией состава участников террористических организаций; устойчивыми связями с транснациональной организованной преступностью; нацеленностью на овладение территориями с богатыми природными ресурсами; способностью оказывать существенное влияние на

межгосударственные отношения, т.е. обретением свойства негосударственных субъектов мировой политики; попытками овладеть оружием массового уничтожения; ростом технической оснащенности террористических группировок; появлением новых видов терроризма, в частности информационного и электронного [16, с. 123], рассматривается как одна из основных угроз безопасности как отдельным государствам, так и всему мировому сообществу. Объектом атак современных террористов являются не конкретные лица, а мирное население, главная цель – создание в обществе ощущения страха и уязвимости, позволяющее манипулировать людьми. Некоторые специалисты подчеркивают, что психологическое воздействие терроризма обратно пропорционально используемым террористами физическим средствам [15, с. 104; 31, p. 37].

Некоторые количественные характеристики современного терроризма

С 2000 г. в мире было осуществлено более 72 тыс. терактов, унесших жизни почти 170 тыс. человек. По данным Института экономики и мира (Institute for Economics and Peace, IEP, Австралия), за последние 16 лет рекордным по количеству жертв (32 765 человек) был 2014-й год. В 2015 г. впервые с 2010 г. количество жертв терактов сократилось по сравнению с предыдущим годом на 10% (погибли 29 376 человек). Аналитики объясняют спад терроризма началом военных операций против запрещенных в России «Исламского государства» (ИГИЛ) и Боко Харам (Нигерия) и прогнозируют стабилизацию этого показателя [27, p. 2, 15].

В то же время в 2015 г. усилилась активность террористов в странах ОЭСР: в 21 из 34 стран-участниц был совершен хотя бы один теракт, а количество жертв терактов по сравнению с 2014 г. возросло на 650% (с 77 до 577 человек) [27, p. 3]. Теракты в европейских странах в 2016 – начале 2017 г. свидетельствуют о сохранении этой тенденции.

В 2015 г. пять первых мест в рейтинге стран по уровню терроризма занимали Ирак, Афганистан, Нигерия, Пакистан и Сирия. На их территориях происходят полномасштабные вооруженные конфликты с участием третьих стран в рамках борьбы с международным терроризмом, которые, как и политическое насилие со стороны государства, являются, по мнению аналитиков IEP, движущей силой роста террористической активности. В последние 25 лет первый фактор послужил причиной 88% терактов, второй – 92%. В то же время на страны, не затронутые конфликтами или политическим террором, приходится менее 0,6% терактов [28, p. 3].

В России количество терактов сократилось с 33 в 2014 г. до восьми в 2015 г. [4]. В результате в 2015 г. в рейтинге IEP Россия переместилась

с 9-го на 30-е место [27, p. 10]; по данным Национального антитеррористического комитета (НАК), в 2016 г. предотвращено 42 теракта на стадии подготовки [10], что свидетельствует о повышении эффективности правоохранительных органов в борьбе с терроризмом.

В ***экономическом анализе*** причин терроризма выделяются два основных подхода – геоэкономический и национально-ориентированный. Сторонники первого исходят из того, что развитие терроризма обусловлено экономическими противоречиями и социально-политической напряженностью, возникающими в результате деформации мирового хозяйства. Приверженцы второго полагают, что терроризм порождают социально-экономические особенности конкретных стран [9, с. 29].

Геоэкономический подход. Терроризм стал устойчивым социальным явлением в 1960–1970-е годы. В тот период основной его причиной считалось противоборство капиталистического и коммунистического лагерей в холодной войне. В последующие годы усилился разрыв в экономическом развитии между богатыми и бедными странами. Распределение ресурсов по принципу «богатые становятся богаче, бедные – беднее» привело к появлению новых форм конфликтов между западными и развивающимися странами, одной из форм которых стал терроризм, вписывающийся в логику глобализации и эволюции современного капитализма [3; 30].

Начало нового витка терроризма специалисты связывают с террористической атакой 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, ответственность за которую взяла на себя «Аль-Каида». Поскольку террористы не выдвигали никаких конкретных политических требований, новая фаза терроризма представляется своего рода местью развивающихся стран, прежде всего США, а в более широком плане западным странам за отсталость и бесправие.

Согласно геоэкономическому подходу, терроризм как одна из форм противоборства между «богатым Севером» и «бедным Югом» пришел на смену противостоянию «Восток – Запад» времен холодной войны [9, с. 30–31; 30]. Некоторые специалисты допускают, что современный терроризм является попыткой территориального передела мира и не исключают возможности его использования Соединенными Штатами как тайного оружия в борьбе против экономических конкурентов [1; 5; 7, с. 124; 9, с. 31].

Национально-ориентированный подход. Внутренние причины, влияющие на уровень терроризма в разных странах, многообразны и связаны с различными сферами жизни общества (экономической, социальной, политической, религиозной и др.).

Хотя социально-экономическими факторами, питающими терроризм, принято считать бедность, безработицу, социальное неравенство, низкий уровень образования, исследования показывают отсутствие прямой корреляции между бедностью и уровнем образования, с одной стороны, и терроризм-

мом – с другой. Напротив, богатые и образованные люди чаще становятся террористами, чем бедные и малограмотные [20, с. 68; 22; 35]. В то же время многие специалисты не отрицают влияние высокого уровня безработицы, особенно среди молодежи с достаточно высоким уровнем образования, на развитие терроризма как в развитых, так и в развивающихся странах. В развивающихся странах на его рост оказывают влияние также коррупция и неразвитая бизнес-среда [27, p. 70].

Бюрократизацией экономики[1] и несовершенством законов о собственности объясняют влияние национальных факторов на развитие терроризма в отдельных странах сторонники неоинституциональной теории, в частности перуанский экономист Э. де Сото. Административные барьеры, отсекающие небогатых граждан от предпринимательства, вынуждают одних уходить в неформальный сектор экономики, других – в политический террор, тогда как предоставление небогатым гражданам возможности легально заниматься мелким бизнесом уничтожает предпосылки для терроризма [9, с. 33].

Наиболее благоприятными для активизации террористической деятельности являются переходные этапы развития общества: призывы к акциям протеста гораздо легче воспринимаются в атмосфере неуверенности и озлобленности. Подобная ситуация сложилась в РФ в 1990-е годы. Произошедшее в результате реформ резкое снижение реального уровня жизни населения в сочетании с усилением социальной дифференциации в обществе, слабостью системы социальной поддержки привели к повышению активности террористических группировок в ряде регионов, в первую очередь в Северокавказском, который и в настоящее время остается основной зоной базирования и действий террористических группировок. Таким образом, с точки зрения сторонников национально-ориентированного подхода, основную роль в возникновении терроризма играют социальные противоречия, не получившие своевременного разрешения и достигшие конфликтной формы [3].

Опыт Испании в 1980-е годы показывает, что при переходе от авторитарного режима к демократии рост террористической активности снижается. По мнению Ю.В. Латова, это служит доказательством преобладания международно-политических детерминант терроризма над национально-экономическими. Высокий уровень демократии уменьшает склонность граждан к насильственным мерам политической борьбы, хотя, конечно, на степень развития терроризма в конкретной стране влияют и особенности национальных экономических моделей. Наиболее активно терроризм развивается

1. На официальную регистрацию, например в Перу, магазина одежды с одним работником уходило в среднем 289 дней плюс лицензия ценой 1230 долл.; на получение разрешения на строительство на государственной земле и утверждение всех документов – почти семь лет; на легализацию частного извоза – 26 месяцев [18].

в «провалившихся» государствах, правительства которых не смогли обеспечить основной массе населения базовые общественные блага [9, с. 32, 33].

Экономический анализ террористического поведения

Принципы экономического анализа преступных видов деятельности, в том числе терроризма, на основе неоклассической методологии экономико-математического моделирования заложил американский экономист Г. Беккер. По Беккеру, выбор индивидом преступной деятельности является обычным инвестиционным решением в условиях риска и неопределенности. Ключевые факторы, влияющие на поведение преступника, – ожидаемая выгода от преступления, осознание тяжести наказания и его вероятности, склонность индивида к риску.

Определенный вклад в экономический анализ терроризма внесла теория игр. Введение в модель нового игрока – правительства – раскрывает стратегическое взаимодействие сторон при принятии экономических решений: террористы при планировании своих действий оценивают затраты и выгоды различных способов атак, а правительства – ресурсы и их распределение для борьбы с терроризмом. Следовательно, террористы навязывают правительству определенные затраты, а правительство, в свою очередь, может попытаться их не допустить или хотя бы минимизировать. Таким образом, теория игр рассматривает терроризм как игру двух взаимодействующих экономических агентов. Эта теория, кстати, позволяет объяснить возникновение ситуаций, когда государство, имеющее возможность воспользоваться защитой других государств, вкладывающих средства в борьбу с терроризмом, может отказаться от борьбы с ним [24, p. 4; 31, p. 63–64].

Хотя экономический подход к анализу терроризма кажется весьма упрощенным и подвергается обоснованной критике (главный аргумент его противников – игнорирование такой фундаментальной характеристики терроризма как создание атмосферы страха и угрозы для населения), практика показывает, что террористические группы действуют отнюдь не под влиянием иррациональных побуждений, а руководствуются стратегическим подходом, схожим со стратегическим планированием западных корпораций [25, p. 299]. Документы «Аль-Каиды», провозглашавшей своей целью разрушение экономики США и других западных стран, подтверждают, что для ее достижения руководители организации планировали вынудить США тратить огромные средства на защиту своих экономических и государственных структур. Эти планы вызывают ассоциации с навязанной Советскому Союзу западными странами гонкой вооружений, которая в конечном счете послужила одной из причин распада СССР. При этом «Аль-Каида», создавшая специальную

финансовую службу, пользовалась современными методами финансового управления источниками доходов и расходами [13, с. 18], что лишний раз подтверждает способность террористических организаций рационально планировать свою деятельность.

Безусловной заслугой сторонников экономического подхода является акцент на рациональность действий террористических организаций, что позволяет с бóльшей вероятностью определить потенциально уязвимые объекты как террористических атак, так и способов их совершения. Пассивный ответ государства на террористическую активность подразумевает использование различных технологических барьеров, усиление защиты вероятных целей террористических атак, ужесточение антитеррористических законов и наказания за террористические действия, увеличение расходов на антитеррористическую борьбу и использование международных соглашений. К активным мерам относятся различные методы оперативно-разыскной деятельности, специальные операции и т.д. [31, p. 53–54].

Последние десятилетия доказали, что какими бы аргументами террористы ни оправдывали свои действия, террористические группы руководствуются не идеологическими или религиозными соображениями: они действуют как рациональные экономические агенты, целью которых является завладение социальным и экономическим капиталом [34, p. 1, 3].

Финансирование терроризма

Террористические, как и любые другие организации для осуществления своей деятельности нуждаются не только в человеческих, но и в финансовых ресурсах. Денежные средства необходимы им для подготовки и проведения терактов, пропаганды и вербовки, обучения и подготовки боевиков, выплат денежного содержания руководству и членам организации, а также компенсаций семьям арестованных или погибших членов [12, с. 53]. Бóльшая часть средств расходуется на обеспечение текущей деятельности террористической организации, тогда как расходы на осуществление собственно терактов относительно невелики. Так, на проведение терактов в Лондоне в июле 2005 г. было затрачено 8 тыс. ф. ст.; на взрывы бомб в Мадриде в марте 2004 г. – 10 тыс. долл. [19].

Классификации источников финансирования терроризма. Одни специалисты разделяют источники финансирования на внешние (помощь иностранных государств и спецслужб, пожертвования частных лиц и различных организаций) и внутренние (самоснабжение за счет легальных и нелегальных источников) [12, с. 53–54]. Другие соотносят источники доходов с видами деятельности террористической организации, выделяя три ее основные категории: законная деятельность (которая сама по себе не является нелегальной);

нелегальная деятельность, доходы от которой получены в нарушение или в обход закона; преступная деятельность [11, с. 34].

Законная деятельность включает в себя, во-первых, получение прибыли от компаний, контролируемых террористическими группами. Например, «Аль-Каида» инвестировала средства в создание сельскохозяйственных предприятий в Кении, в развитие лесного хозяйства в Турции для последующей вырубки и продажи древесины, в строительные предприятия. Испанская ЭТА создала целую сеть компаний в различных секторах экономики (полиграфическое производство, оптовая продажа продуктов широкого потребления, консультирование и управление и т.д.). В большинстве случаев легальные предприятия служат террористическим организациям для маскировки источников происхождения средств, поступающих либо от самих террористов, либо из какого-либо нелегального источника [32].

Вторым легальным источником получения средств являются *пожертвования частных лиц*, в том числе самих террористов и сочувствующих им[2], *благотворительных* (в частности, мусульманских сообществ гуманитарной направленности из различных стран) и *иных организаций*.

Учитывая доступность и анонимность Интернета и быстрое распространение социальных сетей, террористические группировки все шире используют их для сбора денежных средств. Так, ИРА поддерживает страницу в Интернете, на которой посетители могут делать взносы с кредитных карт; чеченские террористы распространяли через Интернет номера банковских счетов, на которые сочувствующие могли перечислить деньги. По данным НАК, в августе 2016 г. на территории России были ликвидированы ячейки международного интернет-сообщества, объединявшего более 100 тыс. человек по всему миру, осуществлявшего, в частности, сбор средств для финансирования ИГИЛ [10].

Нелегальная деятельность. Одним из наиболее распространенных способов нелегального получения средств от международных организаций и правительств является перевод активов, т.е. перераспределение внешней помощи или существующих активов в пользу вооруженных групп. Оно может осуществляться в различных формах, в частности в виде «таможенной пошлины», т.е. введения дорожного налога на контролируемых террористическими группами территориях. Так, во время войны в Боснии боснийские хорваты взимали налог в 27% с международной помощи, проходившей через их территорию в центральную Боснию [11, с. 36].

2. Анализ уголовных дел и судебных процессов, связанных с финансированием терроризма, проходивших в США с 2001 г., показывает, что примерно в 33% случаев имела место прямая финансовая поддержка террористических сетей частными лицами [13, с. 21].

Однако самым крупным источником доходов террористических организаций были и остаются преступные виды деятельности. Показательны в этом плане источники доходов ИГИЛ, в основе финансовой стратегии которых лежит контроль над территорией, обеспечивающий самофинансирование организации и диверсификацию ресурсов. В 2014 г. общие доходы ИГИЛ составляли 2,9 млрд долл., в 2015 г. они сократились до 2,4 млрд долл. из-за существенного снижения нефтяных доходов в результате воздушных ударов России и возглавляемой США коалиции, которые привели к дезорганизации продажи и перевозки нефти.

В 2014 г. основным источником средств являлась эксплуатация природных и экономических ресурсов захваченных территорий, в том числе нефтяных месторождений, нефтеперерабатывающих заводов, сельскохозяйственных земель. Нефтяные доходы ИГИЛ в 2014 г. составили около 1 млрд долл., сократившись по указанным выше причинам до 400–500 млн долл. в 2015 г. Их доля в общих доходах организации составляла, соответственно, 38 и 25% [36, p. 6; 27; 26, p. 10].

В 2015 г. на первое место среди источников доходов ИГИЛ вышло вымогательство. С учетом различных налогов («таможенной пошлины» с грузовиков, въезжающих на подконтрольную территорию; сельскохозяйственного налога; налога на экономическую деятельность и доходы и др.), периодических платежей (за воду, электроэнергию, телефон и др.), штрафов за любое нарушение законов шариата, средств, полученных от продажи конфискованных домов, в 2015 г. вымогательство принесло ИГИЛ 800 млн долл. (33% общих доходов организации) против 360 млн долл. в 2014 г. (12% доходов) [26, p. 15]. При этом ИГИЛ стремится легализовать эту систему, представляя эти поборы как закят[3] [36, p. 6; 27].

Определенный доход ИГИЛ приносит выкуп за похищенных людей, торговля женщинами и детьми (в 2014 г. 220 млн долл.), а также незаконная торговля антиквариатом (в 2015 г. около 30 млн долл., т.е. 1% общих доходов) [26, p. 19, 20]. Следует отметить, что завладение внутренними активами в форме разбоя, вымогательства и грабежа наносит серьезный вред традиционной экономике, паразитируя на ее ресурсах.

Международные террористические организации, стремясь перейти на самоснабжение, активно включаются в транснациональную преступную деятельность (наркотрафик и другие виды контрабанды, нелегальный перевод денег). Так, Революционные вооруженные силы Колумбии (РВСК) получают около 300 млн долл. в год от продажи кокаина [32]; из общих доходов «Тали-

3. Закят – регулярные пожертвования верующих на благотворительные нужды, обязательные для всех правоверных мусульман. – Прим. авт.

бана» за 2011–2012 гг. (400 млн долл.) треть поступила от торговли опиатами [13, с. 25].

Помимо «традиционных» преступных видов деятельности террористы все чаще прибегают к хищениям персональных данных для получения денег путем мошеннического использования кредитных карт, а также страховому (инсценировки дорожно-транспортных происшествий) и кредитному мошенничеству [13, с. 24, 26].

Некоторые специалисты рассматривают терроризм как особый вид прибыльного бизнеса. Имея точную информацию о месте и времени проведения крупного теракта, террористические организации могут получить значительную прибыль. По некоторым данным, партнеры Бен Ладена использовали информацию о готовящемся 11 сентября 2001 г. теракте для спекуляций на фондовом рынке. Этот факт частично подтвердила Международная организация комиссий по ценным бумагам (Organisation Internationale de Commissions de Valeurs, IOSCO). Она пришла к выводу о том, что некоторые биржевые игроки, получившие значительную прибыль за несколько дней до теракта, обладали инсайдерской информацией [32].

Другое прибыльное для террористических организаций направление – заказные проекты крупных международных корпораций, заинтересованных в устранении конкурентов или изменении бизнес-климата в конкретных регионах. Подобный случай был выявлен в Колумбии. В ходе расследования связей высокопоставленных сотрудников итальянско-аргентинской нефтяной компании SICIM с РВСК и Армией национального освобождения (АНО) были найдены косвенные свидетельства привлечения АНО к устранению из региона конкурентов SICIM с помощью вымогательства и порчи оборудования [13, с. 65–66].

Способы перевода денежных средств. Для перевода денежных средств террористические организации используют банковскую систему, позволяющую «смешивать» переводы террористов и лиц, финансирующих терроризм, с нормальной финансовой деятельностью, не привлекая к ним внимания, используются платежные системы, обеспечивающие высокую степень конфиденциальности и возможность удаленного управления счетами. Хотя часть поступающих в эти системы средств, в частности пожертвования, изначально являются вполне легальными, на определенных этапах, особенно при использовании системы «хавала́»[4] и исламских банков, происходит их делегализа-

4. Хавала́ – неформальная финансово-расчетная система, используемая преимущественно на Востоке, в Африке и Азии. Система основана на переводе денежных средств путем однократных уведомлений и подтверждений по электронной почте, факсу, телефону. В последнее время также широко используется Skype-связь как наиболее конфиденциальный способ связи. Материальные ценности в виде денег,

ция, т.е. превращение «чистых» денег в «грязные». По некоторым оценкам, за 1990-е годы общий объем средств, собранных в виде закята и переправленных «Аль-Каиде», эквивалентен 300–500 млн долл. [17].

Иногда перемещение денег осуществляется в несколько этапов: собранные средства пересылаются через серию электронных переводов, затем обналичиваются и перевозятся курьерами. Часто деньги направляются через несколько юрисдикций или посылаются через транзитные соседние страны.

Террористические организации также активно используют новые платежные продукты и услуги, в частности криптовалюты. Эта технология позволяет осуществлять анонимные переводы денежных средств в международном масштабе. Хотя факт исходного приобретения валюты может быть установлен, выявление всех ее последующих переводов практически исключено [13, с. 57], что в конечном итоге может сделать экономику терроризма независимой от легальных экономических структур.

Экономические последствия терроризма

За последние 15 лет рекордный ущерб[5] в размере 105,6 млрд долл. терроризм нанес мировой экономике в 2014. В 2015 г. ущерб сократился до 89,6 млрд долл. С 2000 г. потери мировой экономики от терроризма в целом выросли примерно в 11 раз. В первую пятерку стран, наиболее серьезно пострадавших от терроризма в 2015 г., входят Ирак (17% ВВП), Афганистан (16,8), Сирия (8,3), Йемен (7,3) и Ливия (5,7% ВВП) [27, p. 63].

В 2015 г. ущерб от терроризма распределяется следующим образом: на смертельные случаи приходится 74% общего ущерба (65,7 млрд долл.), на потери ВВП – 23 (20,9 млрд долл.), на уничтожение имущества и травмы – 3% [27, p. 64]. Однако некоторые специалисты призывают относиться к этим данным с осторожностью, в частности из-за некоторых недостатков методики расчета стоимости жизни жертвы теракта, в частности соотнесения общих издержек (потеря доходов, расходы на медицинское обслуживание, компен-

золота и драгоценных камней перемещаются из страны в страну без сопроводительных финансовых документов. Поскольку все финансовые транзакции осуществляются методом взаимозачета или при личных встречах, государственные контрольные органы не в состоянии отследить эти потоки. – Прим. авт.

5. Экономический ущерб от терроризма делится на прямой и косвенный. Прямой ущерб, относительно легко поддающийся оценке, включает стоимость разрушенных или поврежденных объектов, затраты на их восстановление, эвакуацию людей и оборудования, компенсации членам семей погибших и т.д. Косвенный ущерб (падение деловой активности в некоторых секторах, замедление экономического роста, сокращение инвестиций, увеличение расходов на обеспечение безопасности и т.д.) отложен во времени, поэтому долгосрочные экономические потери могут намного превышать прямые. – Прим. авт.

сации семьям жертв и т.д.) с ВВП на душу населения в стране проживания жертвы (стоимость жизни граждан западных стран значительно превышает стоимость жизни населения развивающихся экономик). Кроме того, при расчете ущерба не принимаются во внимание дополнительные расходы на увеличение числа охранников, усиление мер безопасности, повышение страховых взносов [37, p. 54].

Последствия терроризма для развитых и развивающихся стран. Принято считать, что теракты оказывают умеренное влияние на экономику (анализ ущерба от террористических атак в 177 странах в 1968–2000 гг. показал, что в среднем снижение прироста ВВП на душу населения в годовом исчислении составляет 0,048%) [2, с. 2; 6]. Однако этот показатель вызывает определенные сомнения, поскольку с начала XXI в. масштабы и интенсивность терроризма значительно возросли, а следовательно, увеличились и экономические потери от терактов.

Богатые страны гораздо легче, чем бедные, справляются с экономическими последствиями терроризма. Анализ его воздействия на экономический рост в 42 странах Азии (семь стран с развитой и 35 – с развивающейся экономикой) показал, что терроризм не оказывал существенного влияния на экономический рост в развитых странах, тогда как в развивающихся странах каждый транснациональный террористический акт (из расчета на 1 млн жителей) приводил к снижению темпов экономического роста примерно на 1,4% [2, с. 27]. Устойчивость развитых стран к терроризму объясняется тем, что диверсифицированная экономика предоставляет больше возможностей для перевода ресурсов из пострадавшего в непострадавший сектор экономики без чрезмерных потерь. Так, ущерб от террористической атаки на США 11 сентября 2001 г. оценивается в 60–109 млрд долл., т.е. менее 1% ВВП страны [37, p. 53], т.е. даже самая крупная в последние десятилетия террористическая акция не нанесла экономике США существенного вреда. В целом влияние даже масштабных, но единичных терактов на экономику пострадавшей страны носит кратковременный характер.

Значительно сильнее страдают от терактов развитые страны, в которых в течение многих лет действуют террористические группировки. Если теракты в Мадриде в 2004 г. не оказали влияния на испанскую экономику (в 2004 г. она выросла на 2,6%, а в 2005 г. – на 3,5%), то множество терактов в 1970–1990-х годах в Стране Басков стоили Испании не менее 10% ВВП. Взрывы в Лондоне в 2005 г. также не нанесли серьезного вреда экономике Великобритании (рост составил 1,9% в 2005 г. и 2,8% в 2006 г.), но многолетний террор в Северной Ирландии превратил эту территорию в самый бедный регион страны [6], восстановление которого началось только в середине 1990-х годов после снижения террористической активности ИРА.

Узкоспециализированные экономики развивающихся стран менее устойчивы к проявлениям терроризма. Такие ресурсы, как рабочая сила или капитал, могут либо переключиться с пострадавшей отрасли на менее производительные виды деятельности внутри страны, либо уйти в другую страну [2, с. 26–27; 6; 8, с. 16]. Именно последнее происходит в Сирии. Так, 26% компаний, зарегистрированных в 2015 г. в Турции, принадлежат бежавшим из страны сирийским бизнесменам [14].

Терроризм, особенно в сочетании с военными конфликтами и гражданскими войнами, оказывает крайне отрицательно воздействие на экономики развивающихся стран. По оценкам экспертов, состояние сирийской экономики сегодня хуже, чем экономики Германии и Японии после окончания Второй мировой войны. ВВП страны сократился с порядка 60 млрд долл. в 2010 г. до 14 млрд долл. в 2015 г., т.е. более чем на 75%, тогда как в конце боевых действий в 1945 г. ВВП Германии снизился на 66%, а Японии – на 52%. По предварительным оценкам, даже если восстановление Сирии начнется в 2018 г. и рост экономики будет удерживаться на уровне 4,5% в год, страна достигнет предвоенного (2010) уровня ВВП не раньше, чем через 20 лет [там же].

Терроризм и иностранные инвестиции. Обычно повышение террористической активности в конкретном регионе снижает ожидания относительно доходности инвестиций, поэтому инвесторы уходят в «безопасные» регионы. Даже относительно небольшое повышение риска терроризма может привести к непропорционально большому сокращению прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в страну и нанести существенный ущерб ее экономике, выражающейся, в частности, в сокращении объема производительного капитала. Например, ПИИ в Испанию с середины 1970-х по 1991 г. сократились вследствие терактов на 13,5% [2, с. 27].

Терроризм и международная торговля. В научном сообществе существуют разные точки зрения на влияние терроризма на международную торговлю. Широко распространено мнение о повышении рисков в торговле со странами, подвергающимися атакам террористов. Так, анализ выборки из 200 стран за 1960–1993 гг. показал, что при удвоении в течение года числа терактов в паре стран-партнеров торговля между ними за тот же период падает почти на 4%; при проведении хотя бы одного теракта на территории одного из двух государств-партнеров торговля между ними сокращается до 91% от уровня, каким он мог бы быть при отсутствии терроризма. По другим оценкам, терроризм оказывает на торговлю небольшое или даже нулевое влияние в краткосрочном периоде, хотя в среднесрочной перспективе (более полутора лет после теракта) воздействие значительно.

Более полно оценить влияние терроризма на торговлю в конкретной стране позволяет учет возможности перераспределения ресурсов из одних

секторов в другие. Если от терроризма чрезмерно пострадал один производственный ресурс (например, земля) по сравнению с другим (например, рабочей силой), ресурсы перенаправляются в трудоемкие отрасли. В результате, несмотря на сокращение торговли какой-либо конкретной продукции, в целом может произойти как рост, так и падение торговли [2, с. 28].

Влияние терроризма на отдельные отрасли экономики. Наиболее уязвимыми к терроризму являются туризм и связанные с ним сектора. После 11 сентября 2001 г. сокращение числа иностранных туристов в США на 13% по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года привело к снижению доходов авиаперевозчиков и авиастроителей. Многие крупнейшие авиафирмы США («American Airlines», «United Airlines») и Европы («British Airways», «Lufthansa», «Alitalia») оказались на грани краха [8, с. 19].

Аналогичные тенденции прослеживаются в европейских странах после недавних терактов. По оценкам, под воздействием терактов в Париже 13 ноября 2015 г. за год количество туристов в Париже и Иль-де-Франс снизилось на 2 млн человек, в 2016 г. оборот компании «Air France» мог сократиться на 120 млн евро, темпы экономического роста снизились на 0,1 п.п. ВВП [23]. Экономические потери от терактов в Брюсселе 22 марта 2016 г., по разным оценкам, составляют от 800 млн до 2,5 млрд евро (0,2–0,6% ВВП). Наибольший ущерб из-за сокращения притока туристов несут сектор ресторанно-гостиничных услуг, розничная торговля и транспорт [21].

Последствия терроризма для экономики, конечно, не ограничиваются только этими секторами. Через межотраслевые связи они распространяются на другие отрасли экономики. В течение месяца после терактов 11 сентября 2001 г. портфель заказов промышленных предприятий США сократился на 6,8%, объемы промышленного производства – на 1% [8, с. 20]. Страховой сектор США (включая перестрахование) потерял, по оценкам, 30–58 млрд долл. Одним из последствий теракта, затронувшим многие отрасли (авиастроение, транспорт, строительство, производство энергии), явилось увеличение американскими страховщиками страховых премий в среднем на 30% [37, p. 56, 57].

В то же время высокую сопротивляемость терактам демонстрирует биржевой сектор. Биржевые индексы не просто быстро (через два-три месяца после терактов) восстанавливаются, а растут. При открытии американских бирж 17 сентября 2001 г. индекс Dow Jones упал на 7,1%, S&P 500 потерял 5%, опустившись в конечном итоге на 13,5%. Но уже в конце года S&P 500 не просто «отыграл» падение, но и вырос на 5,1% по сравнению с показателем при закрытии биржи 10 сентября 2001 г. Подобная картина наблюдалась после терактов в Мадриде, Лондоне и Мумбаи [33].

Более того, теракты стимулируют развитие некоторых секторов экономики. Из-за высокой угрозы терроризма Израиль одним из первых в мире

освоил производство систем безопасности и в настоящее время активно их экспортирует. Быстро развиваются и сопутствующие отрасли (создание программного обеспечения, систем хранения информации, распознавания образов и речи и т.д.). Кроме того, в структурах, занимающихся безопасностью, создаются новые рабочие места. В ближайшие пять лет численность персонала частных охранных предприятий во Франции в целом может достичь 250 тыс. человек, превысив количество полицейских и жандармов в стране [30]. Привлечение к масштабным антитеррористическим операциям армии стимулирует структуры ВПК к разработке новых, в частности бесконтактных, видов вооружений. Но расходы на обеспечение безопасности по своей сути непроизводительны. Их увеличение с 1,2 до 1,8 млрд евро в год после теракта во Франции в январе 2015 г. при параллельном росте расходов на оборону на 3,8 млрд евро в 2015–2019 гг. в условиях дефицита бюджета неизбежно приведет к сокращению производительных расходов [29, p. 9].

Критерии эффективности борьбы с терроризмом. Традиционно эффективность антитеррористической деятельности оценивается числом убитых или арестованных террористов. Именно этот показатель используют правоохранительные органы России в отчетах об антитеррористической деятельности. Однако при активной поддержке со стороны местного населения (как, например, в Палестине) уничтожение одних террористов лишь освобождает «рабочее место» для новых «борцов», а общая численность террористов не меняется и даже растет (героизация погибших усиливает приток новых «кадров») [7, с. 125].

В то же время, с позиций экономической теории преступности, основным критерием эффективности правоохранительной деятельности является совокупная величина затрат, которые ложатся на общество, включающих и потери общества от совершенных терактов, и его расходы на антитеррористическую борьбу. Поэтому необходимо определить, что несет обществу бóльшие потери – терроризм или борьба с ним в любой форме [8, с. 21]. Так, цена военных операций США в Афганистане и Ираке с 2003 по 2014 г. с учетом всех людских и материальных потерь в 20–50 раз превышает реальный экономический ущерб (100 млрд долл.), нанесенный США террористами [6].

С одной стороны, теоретически все террористы могут быть изобличены и наказаны, если все ресурсы общества будут брошены исключительно на антитеррористическую деятельность. С другой стороны, общество может вообще отказаться от расходов на борьбу с терроризмом, что приведет к росту экономических потерь от терактов. Оптимальным вариантом является минимизация совокупных издержек терроризма. Но в этом случае общество должно принять некоторый (ненулевой) уровень терроризма, отклонения от которого в любую сторону нежелательны. При таком подходе целью антитеррористической деятельности является не «искоренение» терроризма,

а сдерживание его на оптимальном, с точки зрения общества, уровне [8, с. 22].

Однако российское и, скорее всего, любое другое общество в обозримом будущем едва ли согласится принять психологически сложное решение «оптимизировать» терроризм. Практическое применение этой модели потребовало бы не только больших усилий для разработки системы оценок потерь от терроризма и расходов на борьбу с ним и постоянного мониторинга этих показателей, что в любом случае было бы полезно и необходимо, но и перелома в общественном сознании.

Библиография

1. Алиев И.М. Проблема терроризма в социально-политических процессах: Политологический анализ // Проблемы современной экономики (электронная версия). 2009. № 7. URL: https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4003&Itemid=662 (Дата обращения: 21.01.2017.)

2. Бандиопадхия С., Сандлер Т., Юнас Дж. Ущерб от терроризма // Финансы и развитие. Вашингтон: МВФ, 2015. Июнь. С. 26–28. URL: https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2015/06/pdf/bandyopa.pdf (Дата обращения: 13.02.2017.)

3. Воронович В. Основные причины, предпосылки и факторы распространения терроризма в XXI в. // Журнал международного права и международных отношений. Минск, 2005. № 4. URL: http://evolutio.info/content/view/798/113/ (Дата обращения: 03.02.2017.)

4. Генпрокурор РФ заявил о сокращении терактов в России на 76% // Российская газета. 2016.08.06. URL: https://rg.ru/2016/06/08/genprokuror-rf-zaiavil-o-sovrashchenii-teraktov-v-rossii-na-76.html (Дата обращения: 08.04.2017.)

5. Грачев С.И., Колобов О.А. Наиболее устойчивые детерминанты современного терроризма // Вестник Академии военных наук. М., 2009. № 2. URL: http://militaryarticle.ru/voenno-promishlennii-kurer/2009-vpk/10901-naibolee-ustojchivye-determinanty-sovremennogo (Дата обращения: 10.02.2017.)

6. Иноземцев В. Болезнь бедных: Как терроризм влияет на экономику // РБК: Мнения. 2016.30.03. – URL: http://www.rbc.ru/ opinions/society/30/03/2016/56fb68fd9a7947f07c04e6b7 (Дата обращения: 24.02.2017.)

7. Крылов А.А., Латов Ю.В. Экономические аспекты антитеррористической защищенности: XX Международная научная конференция 24–25 мая 2011 г.: Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. М.: Академия управления МВД России, 2011. С. 123–127. URL: http://zhenilo.narod.ru/ main/ips/2011_safety_and_terrorism_counteraction.pdf (Дата обращения: 04.01.2017.)

8. Латов Ю.В. Экономические потери от актов терроризма // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. М., 2012. № 2. С. 15–25. URL: http://sartraccc.ru/press/special/contr_terror_1_12.pdf (Дата обращения: 25.01.2017.)

9. Латов Ю.В. Экономический анализ терроризма // Общественные науки и современность. М., 2007. № 5. С. 28–45.

10. НАК сообщил о предотвращении 42 терактов в России в 2016 году. URL: http://tass.ru/proisshestviya/3866840 (Дата обращения: 08.04.2017.)

11. Наполеони Л. Новая экономика террора: Как финансируется терроризм / Форум по проблемам преступности и общества. Под ред. Шмидта А.П. Нью-Йорк: ООН, 2006. С. 31–49.

URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Forum/forum4_crime_society_Russian.pdf (Дата обращения: 21.12.2016.)

12. Наумов Ю.Г., Латов Ю.В. Роль организованной преступности в финансировании терроризма и экстремизма. Вестник РАЕН. М., 2016. № 4. С. 53–57. URL: http://www.raen.info/files//53-57.pdf (Дата обращения: 21.01.2017.)

13. Новые риски финансирования терроризма: Отчет ФАТФ. Париж: ФАТФ / ОЭСР, 2015. 77 с. URL: http://www.eurasiangroup.org/ files/FATF_docs/IGIL.pdf (Дата обращения: 29.01.2017.)

14. Панкратенко И.Н. Сирия сегодня: Текущее состояние, оценки и перспективы. URL: http://msk.kprf.ru/2017/01/15/21573/ (Дата обращения: 15.02.2017.)

15. Политико-экономические аспекты борьбы с терроризмом. М.: ИЭПП, 2005. 116 с. URL: http://www.iep.ru/files/RePEc/ gai/rpaper/117Yanovskiy.pdf (Дата обращения: 29.12.2016.)

16. Сирота Н.М., Мохоров Г.А. Субъекты политики: Учебное пособие. СПб.: ИВЭСЭП, 2011. 145 с.

17. Степанова Е. Противодействие финансированию терроризма // Международные процессы. М., 2005. № 2. С. 66–73. URL: http://www.intertrends.ru/seven/006.htm (Дата обращения: 16.02.2017.)

18. Трудолюбов М. Дон Кихот из Перу // Ведомости. М., 2001. 24 июля. № 453. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2001/07/24/don-kihot-iz-peru (Дата обращения: 29.01.2017.)

19. Финансирование терроризма. Париж: ФАТФ / ОЭСР, 2008. URL: http://eurasiangroup.org/ru/news/typ_14.pdf (Дата обращения: 05.02.2017.)

20. Шмид А. Статистика терроризма: Задача определения тенденций в глобальном терроризме / Форум по проблемам преступности и общества / Под ред. Шмидта А.П. Нью-Йорк: ООН, 2006. С. 51–71. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Forum/forum4_crime_society_Russian.pdf (Дата обращения: 21.12.2016.)

21. Экономический ущерб от терактов в Брюсселе составил 2,5 млрд евро. URL: https://ria.ru/world/20170323/1490650435.html (Дата обращения: 19.04.2017.)

22. Anota M. Y a-t-il un lien causal entre éducation, pauvreté et terrorisme? URL: http://annotations.blog.free.fr/index.php?post/2015/11/19/Y-a-t-il-un-lien-causal-entre-%C3%A9ducation%2C-pauvret%C3%A9-et-terrorisme (Дата обращения: 23.04.2017.)

23. Berenger M.-C. Un an après les attentats de Paris: Une onde de choc pour le tourisme, un frein pour l'économie // La Provence. Marseille, 2016. 13 novembre. URL: http://www.laprovence.com/article/societe/4199176/un-an-apres-les-attentats-de-paris-une-onde-de-choc-pour-le-tourisme-un-frein-pour-leconomie.html (Дата обращения: 09.04.2017.)

24. Dépigny M. De l'usage de la théorie économique pour modéliser les comportements terroristes. Lion, 2009. 7 p. URL: http://www.congresafsp2009.fr/sectionsthematiques/st31/st31depigny.pdf (Дата обращения: 02.01.2017.)

25. Durmarque D., Rappin B. Le terrorisme comme organisation rationnelle // Rev. Internationale de Psychosociologie et de gestion des comportements organisationnels. Paris, 2016. N 54. P. 297–301. URL: https://www.cairn.info/resume.php?ID_ARTICLE=RIPS1_054_0295 (Дата обращения: 30.12.2016.)

26. Le financement de l'Etat islamique: Année 2015. Paris: CAT, 2016. 33 p. URL: https://f.hypotheses.org/wp-content/ blogs.dir/2725/files/2016/04/ Financement-EI-2015-Rapport.pdf (Дата обращения: 19.02.2017.)

27. Global terrorism index 2016. Sydney: IEP, 2016. 108 p. URL: http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2016/11/Global-Terrorism-Index-2016.2.pdf (Дата обращения: 21.12.2016.)

28. Global terrorism index 2015. Sydney: IEP, 2015. 111 p. URL: https://www.bportugal.pt/sites/default/files/anexos/2015_global_terrorism_index_report_0.pdf (Дата обращения: 21.12.2016.)

29. Grimault V. Quels sont les impacts des attentats sur l'économie? // Alternatives économiques. P., 2016. N 360. P. 9.

30. Labévière R. Terrorisme et mondialisation: crise ou normalité? Paris: Comité Valmi. 2016. 9 mai. URL: http://www.comite-valmy.org/spip.php?article7137 (Дата обращения: 10.02.2017.)

31. Lericolais M. Terrorisme international et mesures de sùreté: Analyse économique du comportement du voyageur sur le réseau de transport aérien mondial. Lyon II, Université Lumière, 2011. 401 p. URL: https://tel.archives-ouvertes.fr/tel-00816114/document (Дата обращения: 02.01.2017.)

32. Medero G.S. Les sources de financement légal et illégal des groupes terroristes d´aujourd´hui // Revista de Paz y Conflictos. Granada, 2011. N 4. URL: http://www.ugr.es/~revpaz/articulos/Les_sources_de_financement_terroristes.html (Дата обращения: 10.02.2017.)

33. Normand F. Le terrorisme est-il une menace pour les investisseurs? // Les affaires. Monréal, 2016.10.09. URL: http://www.lesaffaires.com/blogues/francois-normand/le-terrorisme-est-il-une-menace-pour-les-investisseurs/589800 (Дата обращения: 23.04.2017.)

34. Pongo M.K., Landry T. Terrorisme international et marchés de violence. Québec: Les Presses de l'Université Laval, 2005. 144 p.

35. Raflik-Grenouilleau J. Pour une approche historique du terrorisme. 2017. URL: http://cache.media.education.gouv.fr/file/Colloque_2017/17/8/Pour_une_approche_historique_du_terrorisme_[Jenny_Raflik-Grenouilleau]_726178.pdf (Дата обращения: 23.04.2017.)

36. Rapport du Secrétaire général sur la menace que représente l'État islamique d'Iraq et du Levant (Daech) pour la paix et la sécurité internationales et sur l'action menée par l'Organisation des Nations Unies pour aider les États Membres à contrer cette menace / Nations Unies, Conseil de sécurité. New-York, 2016. 27 p. URL: http://www.un.org/en/sc/ctc/docs/2016/N1602354_FR.pdf (Дата обращения: 19.02.2017.)

37. Rigoulet-Roze D. Le coût économique du terrorisme: L'équation impossible? // Problèmes économiques. Paris, 2016. N 3138. P. 52–58.

References

Aliev I.M. Problema terrorizma v social'no-politicheskih processah: Politologicheskij analiz // Problemy sovremennoj ehkonomiki (elektronnaya versiya). 2009. N 7. URL: https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4003&Itemid=662 (Data obrashcheniya: 21.01.2017.)

Bandiopadhiya S., Sandler T., YUnas Dzh. Ushcherb ot terrorizma // Finansy i razvitie. Vashington: MVF, 2015. Iyun'. P. 26–28. URL: https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2015/06/pdf/bandyopa.pdf (Data obrashcheniya: 13.02.2017.)

Voronovich V. Osnovnye prichiny, predposylki i faktory rasprostraneniya terrorizma v XXI v. // Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij. Minsk, 2005. N 4. URL: http:// evolutio.info/content/view/798/113/ (Data obrashcheniya: 03.02.2017.)

Genprokuror RF zayavil o sokrashchenii teraktov v Rossii na 76% // Rossijskaya gazeta. 2016. 08 iyunya. URL: https://rg.ru/2016/06/08/genprokuror-rf-zaiavil-o-sovrashchenii-teraktov-v-rossii-na-76.html (Data obrashcheniya: 08.04.2017.)

Grachev S.I., Kolobov O.A. Naibolee ustojchivye determinanty sovremennogo terrorizma // Vestnik Akademii voennyh nauk. M., 2009. N 2. URL: http://militaryarticle.ru/voenno-promishlennii-kurer/2009-vpk/10901-naibolee-ustojchivye-determinanty-sovremennogo (Data obrashcheniya: 10.02.2017.)

Inozemcev V. Bolezn' bednyh: Kak terrorizm vliyaet na ehkonomiku // RBK: Mneniya. 2016.30.03. URL: http://www.rbc.ru/opinions/society/30/03/2016/56fb68fd9a7947f07c04e6b7 (Data obrashcheniya: 24.02.2017.).

Krylov A.A., Latov Yu.V. Ekonomicheskie aspekty antiterroristicheskoj zashchishchennosti: XX Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya 24–25 maya 2011 g.: Informatizaciya i informacionnaya bezopasnost' pravoohranitel'nyh organov. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2011. P. 123–127. URL: http://zhenilo.narod.ru/main/ips/2011_safety_and_terrorism_counteraction. pdf (Data obrashcheniya: 04.01.2017.)

Latov Yu.V. Ekonomicheskie poteri ot aktov terrorizma // Protivodejstvie terrorizmu. Problemy XXI veka. Moscow, 2012. N 2. P. 15–25. URL: http://sartraccc.ru/press/special/contr_terror_1_12. pdf (Data obrashcheniya: 25.01.2017.)

Latov Yu.V. Ekonomicheskij analiz terrorizma // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. Moscow, 2007. N 5. P. 28–45.

NAK soobshchil o predotvrashchenii 42 teraktov v Rossii v 2016 godu. URL: http:// tass.ru/proisshestviya/3866840 (Data obrashcheniya: 08.04.2017.)

Napoleoni L. Novaya ekonomika terrora: Kak finansiruetsya terrorizm / Forum po problemam prestupnosti i obshchestva. Pod red. Shmidta A.P. N'yu-Jork: OON, 2006. P. 31–49. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Forum/forum4_crime_society_Russian.pdf (Data obrashcheniya: 21.12.2016.)

Naumov Yu.G., Latov Yu.V. Rol' organizovannoj prestupnosti v finansirovanii terrorizma i ehkstremizma. Vestnik RAEN. M., 2016. N 4. P. 53–57. URL: http://www.raen.info/files//53-57.pdf (Data obrashcheniya: 21.01.2017.)

Novye riski finansirovaniya terrorizma: Otchet FATF. Paris: FATF / OEHSR, 2015. 77 p. URL: http://www.eurasiangroup.org/files/FATF_docs/IGIL.pdf (Data obrashcheniya: 29.01.2017.)

Pankratenko I.N. Siriya segodnya: Tekushchee sostoyanie, ocenki i perspektivy. URL: http:// msk.kprf.ru/2017/01/15/21573/ (Data obrashcheniya: 15.02.2017.)

Politiko-ekonomicheskie aspekty bor'by s terrorizmom. Moscow: IEPP, 2005. 116 p. URL: http://www.iep.ru/files/RePEc/gai/rpaper/117Yanovskiy.pdf (Data obrashcheniya: 29.12.2016.)

Sirota N.M., Mohorov G.A. Sub'ekty politiki: Uchebnoe posobie. St. Petersburg: IVESEP, 2011. 145 p.

Stepanova E. Protivodejstvie finansirovaniyu terrorizma // Mezhdunarodnye processy. Moscow, 2005. N 2. P. 66–73. URL: http://www.intertrends.ru/seven/006.htm (Data obrashcheniya: 16.02.2017.)

Trudolyubov M. Don Kihot iz Peru // Vedomosti. Moscow, 2001. 24 iyulya. N 453. URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2001/07/24/don-kihot-iz-peru (Data obrashcheniya: 29.01.2017.)

Finansirovanie terrorizma. Paris: FATF / OEHSR, 2008. URL: http://eurasiangroup.org/ru/ news/typ_14.pdf (Data obrashcheniya: 05.02.2017.)

Shmid A. Statistika terrorizma: Zadacha opredeleniya tendencij v global'nom terrorizme / Forum po problemam prestupnosti i obshchestva / Pod red. Shmidta A.P. N'yu-Jork: OON, 2006. P. 51–71. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Forum/forum4_crime_society_ Russian.pdf (Data obrashcheniya: 21.12.2016.)

Ekonomicheskij ushcherb ot teraktov v Bryussele sostavil 2,5 miliarda evro. URL: https:// ria.ru/world/20170323/1490650435.html (Data obrashcheniya: 19.04.2017.)

О.Ю. Адамс

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КНР В 1995–2015 гг.

Аннотация. *Статья обобщает опыт законодательного строительства в области борьбы с коррупцией в КНР. Дается краткая характеристика главы «Коррупция и взяточничество» УК КНР с учетом различных поправок, а также важнейшие сопутствующие документы. На примерах анализируются тенденции антикоррупционной работы в Китае в разные периоды. Анализируется новая антикоррупционная стратегия, принятая в 2013 г., делается вывод о том, что в Китае в последние десятилетия ведется большая работа по созданию общественного климата, нетерпимого к коррупции.*

Ключевые слова: *Китай, коррупция, антикоррупционная стратегия, Уголовный кодекс, поправки.*

Адамс Ольга Юрьевна – кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии Востока Института стран Азии
и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.
E-mail: oyadams_98@yahoo.com

O.Yu. Adams. Anti-Corruption Legislation of the PRC in 1995–2015

Abstract. *The article summarizes the experience of establishing the anti-corruption legislation in China in 1995–2015. The author provides a brief overview of the «Corruption and bribery» chapter of the PRC Criminal Code of 1997, analyses in detail the Criminal Code amendments of 1999, as well as the most important related documents and illustrates trends in anti-corruption work in China in different periods. The most important results are: the formation of a dedicated CCDI department aimed at repatriation of «fugitives from justice» guilty of corruption to China; the new anti-corruption strategy adopted in 2013, which helps the China society to become an equal partner in such complex and complicated process and the creation of public moral environment intolerable of corruption.*

Keywords: *China, corruption, anti-corruption strategy, Criminal Code, amendments.*

**Adams Olga Jur'evna – Candidate of Political Science,
Associate Professor at the Department of Political Science
of East; Institute of Asian and African Studies,
Moscow State University. E-mail: oyadams_98@yahoo.com**

Во впервые опубликованном в 1995 г., ныне широко известном, Индексе восприятия коррупции «Трансперенси интернешнл» Китай занял 40-е – предпоследнее! – место среди 41 страны [3]. В 2005 г. КНР была уже на 78-м месте среди 159 стран, в 2014 – на 100-м среди 174 стран [4]. В Индексе 2015 г. Китай поднялся на 83-е место среди 167 стран [5].

Тогда же, в 1995 г., термин «коррупция» впервые прозвучал в политическом лексиконе КНР. Генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь заявил, что «коррупция – вопрос жизни и смерти для партии... Мы решительно не позволим партии стать убежищем коррумпированных элементов» [7, с. 19]. Выступление стало поворотным моментом. Во-первых, был обозначен переход от «борьбы с экономическими преступлениями» начального этапа реформ к «борьбе с коррупцией» – значительно более сложной задаче; во-вторых, первым лицом партии и государства было во всеуслышание заявлено, что Коммунистическая партия Китая – руководящий и направляющий авангард китайского общества – также подвержена этому злу и намерена с ним бороться. Неоднозначные методы и жесткий идеологический контроль указывали на политическую волю, нацеленную на поиск эффективных мер ограничения коррупции.

Первые результаты не заставили себя ждать. В 1997 г. прогремело дело мэра Пекина Чэнь Ситуна – первого высокопоставленного члена КПК, получившего уголовное наказание за коррупцию. «Дело Юаньхуа» (1999) в южной провинции Фуцзянь принесло руководству страны неприятное открытие: в «оазисе капитализма» государственные чиновники не просто участвовали в коррупционных действиях (взяточничество, хищения и т.д.), но являлись неотъемлемой частью преступной цепи – для контрабандного ввоза товаров в данном случае – обеспечив ее многолетнее бесперебойное функционирование и нанеся государству ущерб в размере 4 млрд долл. Метафора о «вопросе жизни и смерти» не была преувеличением. Окончательно обозначилась необходимость не только реактивных действий, но и выработки комплексной антикоррупционной стратегии. В 1997 г. были приняты первые поправки к Уголовному кодексу КНР, в которых составам и наказанию коррупционных преступлений уделялось самое пристальное внимание.

27 октября 2005 г. на 10-й сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 18-го созыва КНР ратифицировала «Конвенцию ООН против коррупции» от 31 октября 2003 г.; спустя два месяца она вступила в силу в Китае. Антикоррупционная работа выходила на новый уровень, признавалась необходимость международного сотрудничества для пресече-

ния бегства подозреваемых и членов их семей за пределы Китая, вывода туда незаконно нажитого капитала и инвестирования в зарубежную недвижимость (часто с приобретением второго гражданства) и т.д.

Середина 2000-х годов была богата событиями. Очередной сенсацией стало дело мэра Шанхая и секретаря городской парторганизации, члена Политбюро ЦК КПК Чэнь Лянъюя, приговоренного в 2008 г. к 18 годам лишения свободы за взяточничество и «злоупотребление властью»[1] [20]. Несмотря на распространенное среди широкой публики мнение, что громкое расследование и приговор – результат закулисной борьбы в высшем руководстве, была взята новая высота в борьбе с коррупцией.

Землетрясение в Сычуани, произошедшее в том же году и повлекшее за собою тысячи жертв, количество которых многократно возросло из-за некачественного строительства, как никогда ранее обострило вопрос о последствиях «местной», локальной коррупции. Несмотря на жесткий контроль информации о ходе расследования, компенсациях семьям жертв, наказания виновных и т.д., трагедия наглядно продемонстрировала, насколько серьезную угрозу для рядовых граждан представляет коррупция низового уровня. Таким образом, «мухи» (мелкие коррупционеры, как их называют в китайской прессе) и «тигры» (высокопоставленные чиновники) – по-прежнему оставались главными целями антикоррупционной работы.

Поправки к Уголовному кодексу 1997 г.

К началу реформ в 1978 г. страна подошла всего с двумя статьями Уголовного кодекса о коррупции: ст. 185 определяла наказание за собственно «коррупцию», ст. 155 – за взяточничество. Это, учитывая тогдашнюю ситуацию, вполне объяснимо: экономические преступления если и случались, преследовали своей целью главным образом перераспределение ресурсов и сглаживание логистических недостатков плановой экономики. Случаи личного обогащения не носили характера эпидемии. Коррупция, точнее, ее результаты, в КНР 1980-х – середины 1990-х годов еще не стала товаром или «осязаемой выгодой», которые можно было, например, передать по наследству (в виде возможностей, недоступных рядовым гражданам) или вывезти за пределы страны (в виде капитала, позволявшего вести комфортную жизнь в других условиях).

1. Чэнь обвинялся в незаконной растрате средств городского пенсионного фонда, злоупотреблениях при выборе подрядчиков для строительных и прочих работ в Шанхае, а также получении взяток на сумму 340 тыс. долл. Упоминалось, что преступная деятельность мэра тянулась с 1988 г.

На фоне системных преобразований этот период оказался недолгим. К 1997 г., году первых поправок к Уголовному кодексу реформенного периода, КНР подошла с целым букетом коррупционных злоупотреблений, которые цвели пышным цветом по всей стране: от «оазисов капитализма» на юге, до «ржавого пояса» с трудом функционирующих предприятий тяжелого машиностроения и добывающей промышленности на Северо-Востоке Китая. Расследование в отношении упомянутого выше Чэнь Ситуна выявило, что бывший мэр Пекина на протяжении 1991–1995 гг. самовольно потратил около 35 млн юаней на строительство роскошных вилл для отдыха высокопоставленных партийных функционеров в окрестностях столицы. В 1995 г. он был отстранен от должности за «серьезные нарушения партийной дисциплины»[2], исключен из партии за «присвоение ценностей, коррупцию и моральное разложение, погоню за незаконной выгодой и грубое пренебрежение служебными обязанностями». В 1998 г. он был приговорен к 16 годам лишения свободы [16]. Как показало расследование в отношении Бо Силая, в бытность мэром Даляня (и позже губернатором провинции Ляонин) в 1990-х – начале 2000-х годов, он и его супруга – адвокат Гу Кайлай, «годами пренебрегали законом, злоупотребляли властью, были подвержены коррупции и взяточничеству» [17]. В Даляне были основаны несколько крупных бизнес-конгломератов, например «Ваньда» и «Далянь Шидэ», отношения которых с мэром Бо и узким кругом его приближенных вызвали многочисленные вопросы у следователей. Глава первого, Ван Цзяньлинь, публично отверг предположения о его «близкой ассоциации» с опальным чиновником; при этом в своих интервью он повторяет, что «предпочитает быть близким к правительству, но не вмешиваться в политику». Основатель «Далянь Шидэ» Сюй Мин выступил свидетелем на процессе Бо Силая, подтвердив многочисленные факты коррупции «даляньского периода», в которых он сам принимал непосредственное участие[3].

Глава 8 УК КНР «Коррупция и взяточничество» в редакции 1997 г. объединила 15 статей (382–396). Статья 382 дает определение коррупции: «Присвоение, кража, получение обманным путем или незаконное овладение другими методами общественными ценностями государственными работниками с использованием служебного положения» [1, с. 388]. В немного непривычной для нас формулировке «коррупция на сумму 100 тыс. юаней и более (чуть больше 12 тыс. долл. США по курсу 1997 г.), совершенная отдельным лицом», она наказывалась лишением свободы на срок десять и более лет либо

2. Эта формулировка применяется в китайских СМИ до сих пор и считается сигналом о начале расследования предполагаемой коррупции. Почти всегда следующим шагом становится исключение подозреваемого из рядов КПК.

3. Сюй Мин умер в заключении в конце 2015 г.

пожизненным лишением свободы. При «особо отягчающих обстоятельствах» назначалась смертная казнь (ч. 1 ст. 383, ст. 386 и 387). Статья 384 предусматривала наказание за «незаконную деятельность, связанную с использованием не по назначению общественных средств в личных интересах». При этом более строго наказывалось хищение средств из целевых фондов, предназначавшихся для оказания помощи населению при стихийных бедствиях, поддержки малоимущих и т.п.

В статье 385 определялось также «получение взятки», включая действия, которые позже назовут «корпоративной коррупцией». Статья 392, «дача взятки», предусматривала также и ответственность за посредничество при взяточничестве. Непосредственное отношение к проблеме коррупции также имеет глава 9 «Преступления против интересов государственной службы».

В целом Кодекс заложил вполне функциональную основу уголовного наказания коррупции; «антикоррупционные» статьи с тех пор своевременно обновляются с учетом наработанного опыта в разных отраслях и в различных регионах страны.

2007–2009-е годы: Внимание на «коррумпирующую» сторону

Указанный период выделяется большим числом коррупционных скандалов, в которых все более отчетливо вырисовывается роль коррумпирующих акторов – крупных компаний, идущих на подкуп государственных работников в целях получения незаконного преимущества для своей продукции. Кроме того, к коррупции приводит нарушение технологического цикла в производственном процессе: так, детское питание производства компании «Саньлу», куда был преступным образом добавлен меламин – компонент для производства пластика, стало причиной гибели шести детей и тяжелые заболевания 300 тыс. Национальная трагедия – землетрясение в провинции Сычуань, разрушившее 14 тыс. школ, – выявила, что здания в этой провинции были построены с несоблюдением требований сейсмобезопасности, из-за чего под их развалинами, только по официальным данным, погибли 5335 детей (из 90 тыс. жертв). Ужесточение ответственности индивидуальных и корпоративных участников коррупционных обменов – главная цель поправок к УК КНР, принятых на седьмом заседании Постоянного Комитета (ПК) ВСНП 11-го созыва 28 февраля 2009 г.

Статья 388 главы «Коррупция и взяточничество» была дополнена следующим положением: «Требование или получение ценностей от лиц для извлечения ими неправомерной выгоды, близкими родственниками государственных работников или лицами, состоящими с ними в близких отношениях; посредством действий государственных работников, связанных с их служеб-

ным положением или их служебными полномочиями [властью], или вследствие благоприятных условий, имеющихся в силу служебного положения этих государственных работников, или других действий, если стоимость ценностей сравнительно велика или имеют место другие отягчающие обстоятельства, наказывается лишением свободы сроком до 3 лет или арестом, в качестве дополнительного наказания применяется штраф. Если стоимость ценностей значительна или имеются более серьезные отягчающие обстоятельства, наказание составляет от 3 до 7 лет лишения свободы, в качестве дополнительного наказания применяется штраф. В случае, если стоимость ценностей особенно велика или имеются особо отягчающие обстоятельства, назначается лишение свободы на срок от 7 лет, в качестве дополнительного наказания применяется штраф или конфискация имущества» [12][4]. Карается также совершение такого рода действий с использованием прежнего служебного положения уже вышедшего в отставку лица и / или его родственников.

Параграф 1 ст. 395 дополнен следующим положением: «Если собственность или расходы государственных работников очевидно превышают их законный доход и эта разница значительна, от них потребуется объяснить их происхождение. В случае, если убедительного объяснения не последует, превышающий законный доход будет считаться незаконным и наказываться лишением свободы на срок до 5 лет или арестом. Если разница [между законным и необъясненным] доходом особенно велика, назначается наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет. Незаконно полученный доход конфискуется».

Здесь же отметим изменения в ст. 109[5], имеющие непосредственное отношение к борьбе с коррупцией. В Китае, как и во многих других странах, она перешагивает границы: «Самовольное оставление рабочего места в ходе выполнения своих служебных обязанностей государственными работниками и бегство за границу… наказывается лишением свободы на срок до 5 лет, арестом, надзором либо лишением политических прав; при отягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок от 5 до 10 лет.

Преступление, предусмотренное частью первой, совершенное государственными работниками, владеющими государственной тайной, наказывается в соответствии с положениями части первой более строго» [13].

Удаление из части первой положения «в ущерб государственной безопасности Китайской Народной Республики» значительно расширяет круг преступников, подпадающих под действие ст. 109. Сегодня из Китая бегут главным образом подозреваемые в коррупции: в последние годы проблема

4. В настоящее время это ст. 388 1-й части УК.

5. Приняты на 19-м пленарном заседании ПК ВСНП 11-го созыва 25 февраля 2011 г.; вступили в силу 1 мая 2011 г.

репатриации беглых коррупционеров приобрела особую остроту. Лай Чансинь – обвиняемый по ранее упоминавшемуся громкому делу «Юаньхуа» (провинция Фуцзянь) – стал первым беглецом от правосудия, тайно выехав в Канаду в 1999 г. Властям КНР потребовалось 12 лет для того, чтобы добиться его репатриации (сегодня он отбывает пожизненный срок).

Проводимая с апреля 2015 г. операция «Небесная сеть» (*Тяньван*) ставит целью не только возвращение преступников, но и «блокирование финансовых потоков, позволяющих им незаконно находиться на территории других государств». Операцией этой руководит новая структура – Канцелярия по розыску и возвращению скрывающихся от правосудия при Координационной группе по борьбе с коррупцией. При этом Координационная группа тесно взаимодействует с Интерполом и просит государства – члены организации оказывать ей всяческое содействие. На сайте Центральной комиссии по проверке дисциплины размещен список «100 укрывающихся за границей». Это «государственные работники, в отношении которых возбуждены дела о коррупции», все они «подозреваются в совершении преступлений и / или разыскиваются в качестве свидетелей» [9]. К концу первого года работы «Небесная сеть» добилась впечатляющих результатов: 1023 гражданина Китая, скрывающиеся от правосудия, экстрадированы в КНР, возвращены 3 млрд юаней (около 461,5 млн долл.) незаконно полученных средств [18].

2013–2017 гг.: «Плотно сплетенная сеть»

В 2013 г. была выдвинута новая концепция борьбы с коррупцией на период до 2017 г. Впервые обществу отведена роль равноправного партнера: первостепенное значение придается повышению гражданской сознательности и нетерпимости к коррупции и разложению. Согласно концепции, потенциальные коррупционеры и коррупциогенные сферы деятельности должны быть «окружены со всех сторон законодательными актами, требованиями рабочей этики и культурой гражданского общества, нетерпимой к коррупции и предъявляющей высокие требования к каждому гражданину». «Достижение этих целей требует внимания, надзора и участия со стороны каждого. Правительство и граждане должны объединить усилия», – писала газета «Жэньминь жибао» в 2013 г. [2]. В 2015 г. Генеральный секретарь Си Цзиньпин впервые пообещал гражданам, что они «почувствуют результаты» борьбы с коррупцией. Можно предположить, что в число этих результатов войдет увеличение количества уголовных дел в отношении обвиняемых в коррупции, взяточничестве и других видах преступлений, так или иначе с ними связанных.

В отчетном докладе 3-му пленарному заседанию ВСНП 12-го созыва 12 марта 2015 г. Председатель Верховного Народного суда КНР Чжоу Цян подчеркнул, что в отношении наказания «коррупции и экономических преступлений» необходимо «сохранить подход твердой руки». В 2014 г. судами всех уровней было рассмотрено 31 тыс. дел о коррупции и взяточничестве, наказания вынесены 44 тыс. человек (рост по сравнению с 2013 г. 6,7 и 5,2% соответственно) [11]. Увеличилось количество дел о взяточничестве: в 2014 г. осуждены 2394 человека (прирост 12,1%).

Значительные усилия и ресурсы в КНР направляются на исследовательскую антикоррупционную работу, в частности на соответствующий мониторинг ситуации в регионах и отраслях экономики. Выводы оперативно транслируются в практические шаги: поддерживается устоявшаяся традиция публикации компактных справочных изданий для государственных работников, особенно низового и среднего уровня, в которых в доступной форме разъясняются тенденции в области борьбы с коррупцией, включая законодательные нововведения. В 2014 г. был основан первый в стране Центр по изучению уголовного законодательства в борьбе с коррупцией. Планируется, что новая организация, где по совместительству будут работать около 50 опытных юристов-практиков и ученых, станет консультировать государственные структуры по различным вопросам борьбы с коррупцией. Базироваться новый центр будет в Университете Сянтань в провинции Хунань. Заместитель руководителя Центра, известный юрист Чжан Чжихуэй, выступая на форуме, посвященном институциональным инновациям и роли законодательства в борьбе с коррупцией, подчеркнул, что борьба с коррупцией «должна подчиняться закону, а не людям» [10]. Существенные изменения и дополнения, внесенные в 2015 г. в главу «Коррупция и взяточничество» УК КНР, закладывают основу для движения в этом направлении.

Так, часть 1 ст. 383 гласит: «Коррупция, совершенная на сравнительно большую сумму, или при наличии других отягчающих обстоятельств наказывается лишением свободы на срок до 3 лет или арестом, в качестве дополнительного наказания применяется штраф. Если действия не подпадают под состав преступления, может быть назначено административное наказание внутри производственной единицы (*даньвэй*) или вышестоящими компетентными лицами». Согласно части 2, «коррупция на значительную сумму или при наличии отягчающих обстоятельств наказывается лишением свободы на срок от 3 до 10 лет». А часть 3 подразумевает, что «коррупция на особенно крупную сумму или при наличии особо отягчающих обстоятельств наказывается лишением свободы на срок от 10 лет или бессрочным лишением свободы». При этом если коррупция затрагивает интересы государства «назначается наказание в виде пожизненного лишения свободы либо смертной казни» с конфискацией имущества.

В статьи УК внесен и целый ряд других изменений, усиливающих наказание за коррупцию. При этом «дача взятки в целях получения неправомерной выгоды близким родственникам государственных работников или лицам, состоящим с ними в близких отношениях, а также близким родственникам или лицам, состоящим в близких отношениях с государственными работниками, оставившими службу» «наказывается лишением свободы сроком до 3 лет либо арестом. В качестве дополнительного наказания может применяться штраф». При наличии отягчающих обстоятельств – «лишением свободы на срок от 3 до 7 лет», а в случае особо крупного ущерба – от 7 до 10 лет. При этом, согласно УК, лишение свободы должно сопровождаться штрафом.

Кроме того, ответственности подлежат организации, оказавшиеся – вольно или невольно – замешанными в коррупции и взяточничестве. Им также начисляются крупные штрафы, а руководителям таких организаций грозит арест.

Поправки к статьям главы «Коррупция и взяточничество» Уголовного кодекса КНР демонстрируют несколько разнонаправленных тенденций. Прежде всего, налицо значительное расширение круга потенциально подпадающих «под статьи» участников коррупционных обменов. Учитывая важность, которая придается в Китае поддержанию семейных отношений, включение родственников и «близких людей» в сферу действия антикоррупционных статей УК – шаг в нужном направлении. При этом несколько расплывчатые формулировки – например, «лица, состоящие в близких отношениях» с государственными работниками, могут интерпретироваться неоднозначно. Это, в свою очередь, создает дополнительные трудности при расследовании дел.

Еще одно новшество – устранение финансовых ориентиров при определении наказания при одновременном назначении штрафа практически во всех статьях, определяющих наказание за коррупцию. Зарубежные исследователи полагают, что этот шаг позволит строже наказывать так называемую корпоративную коррупцию, которая представляет собой серьезную проблему в последние несколько лет.

Например, «Глаксо Смит Кляйн», британский фармацевтический гигант, в 2014 г. был оштрафован в Китае на 491,5 млн долл., пятеро сотрудников, включая главу китайского представительства, получили отсроченные приговоры за коррупцию. Агентство «Синьхуа» назвало судебное решение «важнейшим в борьбе с корпоративной коррупцией» и стоящим на страже интересов граждан Китая. Зарубежные СМИ отметили «уязвимость иностранных компаний от переменчивых настроений и целей антикоррупционных кампаний», а также от непрозрачности судебного процесса. Китайские же юристы посчитали отсроченные приговоры слишком мягкими, не ставшими сигналом

о серьезности намерений государства и не создавшими «необходимый прецедент для дальнейших расследований» [21].

Заключение

За 30 лет в КНР накоплен обширный опыт борьбы с коррупцией. Процесс не всегда шел последовательно, роль законодательства долгое время была второстепенной, по важности уступающей партийным установлениям. Тем не менее глава Уголовного кодекса КНР «Коррупция и взяточничество» регулярно дополнялась и обновлялась в соответствии с меняющимися условиями и характером злоупотреблений. Сегодня большое внимание уделяется также «смежным» составам преступлений: против интересов государственной службы, правосудия, против охраны окружающей среды и природных ресурсов; изготовлению и сбыту поддельных и некачественных товаров (особенно продуктов питания и лекарственных средств). Так, например, по данным Верховного Народного суда, с января 2014 по июнь 2015 г. контролирующими органами было возбуждено и расследовано 429 дела о «должностных преступлениях в сфере безопасности продуктов питания». Это – новое определение состава преступления [14].

Выступая на 6-м пленарном заседании Центральной Комиссии по проверке дисциплины 18-го созыва, прошедшем 12–16 января 2016 г., Си Цзиньпин в очередной раз призвал неукоснительно соблюдать партийную дисциплину, которая должна быть «даже более строгой, чем законы». Он выразил уверенность в эффективности проводимой работы и сообщил, что в этом году она «сосредоточится на низовом уровне после целого ряда расследований в отношении чиновников высокого ранга» [19]. Выступление Генерального секретаря примечательно тем, что привычно повторив провозглашенный на XVIII съезде «поворот к правлению закона», он отметил, что «Центральная Комиссия по проверке дисциплины ни в коем случае не должна быть партийным правоохранительным органом», а «дисциплинарный контроль не может заменять судебное разбирательство» [15]. Целью нынешнего этапа антикоррупционной работы заявлено создание прочной институциональной основы для наказания и предотвращения коррупции: государственные работники должны «не осмеливаться» даже «думать» об участии в коррупционной деятельности». Цель масштабна и амбициозна, борьба с коррупцией в Китае остается в центре научных и бытовых споров. И вряд ли эта тема в обозримом будущем может быть исчерпана.

Библиография

1. Ахметшин Х.М., Ахметшин Н.Х., Петухов А.А. «Современное уголовное законодательство КНР». М.: Муравей, 2000. 431 с.

2. Жэньминь жибао. 2013. 28 марта. URL: http://www.ntccdj.gov.cn/ (Дата обращения: 05.01.2016.)

3. Индекс восприятия коррупции в 1995 г. // Трансперенси Интернешнл: Официальный сайт. URL: http://www.transparency.org/files/content/tool/1995_CPI_EN.pdf (Дата обращения: 10.01.2016.)

4. Индекс восприятия коррупции в 2014 г. // Трансперенси Интернешнл: Официальный сайт. URL: http://www.transparency.org/cpi2014/results (Дата обращения: 10.01.2016.)

5. Индекс восприятия коррупции в 2015 г. // Трансперенси Интернешнл: Официальный сайт. URL: https://www.transparency.org/cpi2015/ (Дата обращения: 20.02.2017.)

6. Лиюн инсянли шоухуэй цзуй ды динсин фэньси (Качественный анализ преступлений взяточничества с целью корыстного использования влияния) // Сайт Пекинской городской прокуратуры. URL: http://www.bjjc.gov.cn/bjoweb/minfo/view.jsp?DMKID=217&ZLMBH=0&XXBH=43080 (Дата обращения: 10.12.2015.)

7. Синь Чжунго фань фубай: да ши цзияо (Новый Китай противостоит коррупции: летопись важных дел). Тяньцзинь: Изд-во Нанькайского университета, 1999. 397 с.

8. Синфа сючжэнь ань (цзю) – цаоань эрцы шэньи гао тяовэнь (Девятые поправки к Уголовному кодексу КНР: второй вариант, представленный на обсуждение) // Сайт Всекитайского собрания народных представителей. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/lfzt/rlys/2015-07/07/content_1941163.htm (Дата обращения: 11.01.2016.)

9. «Тяньван» синдун чун цюань чуцзи цюаньцю тунцзи баймин вайтао жэньюань («Небесная сеть» наносит серьезный удар: всемирный поиск 100 беглецов от правосудия) // Сайт Центральной Комиссии по проверке дисциплины. URL: http://www.ccdi.gov.cn/xwtt/201504/t20150422_55183.html (Дата обращения: 16.01.2016.)

10. Фань фубай бисю као фачжи (Борьба с коррупцией должна опираться на закон) // Сайт Народного политического консультативного совета КНР. URL: http://cppcc.people.com.cn/n/2014/1125/c34948-26085380.html (Дата обращения: 20.01.2016.)

11. Чжоу Цян цзо цзуй гао жэньминь фаюань гунцзо баогао (цюань вэнь) (Полный текст рабочего доклада Председателя Верховного Народного суда КНР Чжоу Цяна). Цайсинь. 12 марта 2015 г. // URL: http://topics.caixin.com/2015-03-12/100790537.html (Дата обращения: 07.01.2016.)

12. Чжунхуа гунхэго синфа сючжэн ань (ци) (Седьмые поправки к Уголовному кодексу КНР) // URL: http://www.gov.cn/flfg/2009-02/28/content_1246438.htm (Дата обращения: 11.01.2016.)

13. Чжунхуа гунхэго синфа сючжэн ань (ба) (Восьмые поправки к Уголовному кодексу КНР) // URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2011-02/25/content_1625679.htm (Дата обращения: 11.01.2016.)

14. Шипин аньцюань линъюй дучжи фаньцзуй синши яньцзюнь: 600 жэнь бэй цзинча цзигуань чабань (Ситуация с должностными преступлениями в сфере безопасности продуктов питания очень серьезна: органы прокуратуры проводят расследование в отношении 600 человек) // Агентство «Синьхуа». 2015. 06 августа. URL: http://news.xinhuanet.com/food/2015-08/06/c_128097642.htm (Дата обращения: 12.01.2016.)

15. Чжунго гунчаньдан ды шиба цзе чжунъян цзилю цзяньча вэйюаньхуэй ди лю цы цюаньти хуэйи гунбао (Извещение о 6-м пленарном заседании Центральной Комиссии по проверке дисциплины 18-го созыва) // Известия Коммунистической партии Китая. 2016. 14 января.

URL: http://fanfu.people.com.cn/n1/2016/0114/c64371-28054405.html (Дата обращения: 22.01.2016.)

16. Чэнь Ситун Ван Баосэнь и ань (Дело Чэнь Ситуна и Ван Баосэня) // Жэньминь жибао. URL: http://www.people.com.cn/item/20years/newfiles/a1400.html (Дата обращения: 11.01.2016.)

17. Bo Xilai's Japanese History. Economist. 2013. 15 августа // URL: http://www.economist.com/blogs/analects/2013/08/fallen-leaders-legacy-dalian (Дата обращения: 12.12.2016.)

18. «Chinese Prosecutors Probe 54 000 Officials for Graft, Negligence in 2015» // China Daily. 2016. 25 янв. URL: http://africa.chinadaily.com.cn/china/2016-01/25/content_23260542.htm (Дата обращения: 27.01.2016.)

19. Fight Against Corruption Will Reach Grassroots Level in 2016, Says Xi' // China Daily. 2016. 13 янв. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2016-01/13/content_23057964.htm (Дата обращения: 09.01.2016.)

20. «Former Party Boss Gets Eighteen Years» // New York Times. 2008. 12 апреля. URL: http://www.nytimes.com/2008/04/12/world/asia/12shanghai.html?mcubz=3 (Дата обращения: 20.06.2017.)

21. GlaxoSmithKline Found Guilty of Bribery in China: UK Drug Maker Handed Largest Ever Corporate Fine in China' // Wall Street Journal. 2014. 19 сент. URL: http://www.wsj.com/articles/glaxosmithkline-found-guilty-of-bribery-in-china-1411114817 (Дата обращения: 23.01.2016.)

References

Akhmetshin H.M., Akhmetshin N.H., Petukhov A.A. «Sovremennoye Ugolovnoye Zakonodatel'stvo KNR». Moscow: «Muravei» Publishing House, 2000. 431 p.

Bo Xilai's Japanese History. Economist. 2013. 15 Aug. URL: http://www.economist.com/blogs/analects/2013/08/fallen-leaders-legacy-dalian (Data obrashhenija: 12.12.2015.)

Chen Xitong Wang Baosen Yi An (The Case of Chen Xitong and Wang Baosen) // Renmin Ribao. URL: http://www.people.com.cn/item/20years/newfiles/a1400.html (Data obrashhenija: 11.01.2016.)

Chinese Prosecutors Probe 54 000 Officials for Graft, Negligence in 2015. China Daily. 25.01.2016. URL: http://africa.chinadaily.com.cn/china/2016-01/25/content_23260542.htm (Data obrashhenija: 27.01.2016.)

2015 Transparency International Corruption Perception Index. URL: https://www.transparency.org/cpi2015/ (Data obrashhenija: 20.02.2017.)

2014 Transparency International Corruption Perception Index. URL: http://www.transparency.org/cpi2014/results (Data obrashhenija: 10.01.2016.)

Fan Fubai Bixiu Kao Fazhi (The Fight Against Corruption Must Be Based on Law) // The site of the National Committee of the Chinese People's Political Consultative Conference. URL: http://cppcc.people.com.cn/n/2014/1125/c34948-26085380.html (Data obrashhenija: 20.01.2016.)

Fight Against Corruption Will Reach Grassroots Level in 2016, Says Xi' // China Daily. 2016. 13 Jan. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2016-01/13/content_23057964.htm (Data obrashhenija: 09.01.2016.)

Former Party Boss Gets Eighteen Years // New York Times. 2008. 12 apr. URL: http://www.nytimes.com/2008/04/12/world/asia/12shanghai.html?mcubz=3 (Data obrashhenija: 20.06.2017.)

GlaxoSmithKline Found Guilty of Bribery in China: UK Drug Maker Handed Largest Ever Corporate Fine in China' // Wall Street Journal. 2014. 19 Sep. URL: http://www.wsj.com/articles/glaxosmithkline-found-guilty-of-bribery-in-china-1411114817 (Data obrashhenija: 23.01.2016.)

Liyong Yingxiangli Shouhui Zui De Dingxing Fenxi Лиюн инсянли шоухуэй цзуй ды динсин фэньси (Qualitative Analysis of Crimes of Accepting Bribes Using Influence for Self-Serving Pur-

poses) // Beijing People's Procuratorate's website. URL: http://www.bjjc.gov.cn/bjoweb/minfo/view.jsp?DMKID=217&ZLMBH=0&XXBH=43080 (Data obrashhenija: 10.12.2015.)

Renmin Ribao. 2013.28.03 // URL: http://www.ntccdj.gov.cn/ (Data obrashhenija: 05.01.2016.)

Shipin Anquan Lingyu Duzhi Fanzui Xingshi Yanjun: 600 Ren Bei Jingcha Jiguan Chaban (The Situation with Official Malfeasance in the Sphere of Food Safety Is Very Serious: Prosecutors Are Investigating 600 People) // Xinhua News Agency. 2015. 6 Aug. URL: http://news.xinhuanet.com/food/2015-08/06/c_128097642.htm (Data obrashhenija: 12.01.2016.)

Tianwang Xindong Chong Quan Chuji Quanqiu Tongji Baimin Waitao Renyuan «Тяньван» синдун чун цюань чуцзи цюаньцю тунцзи баймин вайтао жэньюань («Skynet» Strikes Hard: Wordwide Search for 100 Fugitives From Justice) // Central Discipline Inspection Commission website. URL: http://www.ccdi.gov.cn/xwtt/201504/t20150422_55183.html (Data obrashhenija: 16.01.2016.)

1995 Transparency International Corruption Perception Index // URL: http://www.transparency.org/files/content/tool/1995_CPI_EN.pdf (Data obrashhenija: 10.01.2016.)

Xingfa xuzhen an (jiu) – caoan erci shengyi gao tiaowen (The Ninth Amendments to the PRC Criminal Code: second reading presented for discussion). PRC National People's Congress' website. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/lfzt/rlys/2015-07/07/content_1941163.htm (Data obraschenija: 11.01.2016.)

Xin Zhongguo Fan Fubai: Da Shi Jiyao (New China Fights Corruption: Archive of Important Cases). Tianjing: Nankai University Publishing, 1999. 397 p.

Zhongguo Gongchandang Di Shiba Jie Zhongyang Jilǜ Jiancha Weiyuanhui Di Liu Ci Quanti Huiyi Gongbao (Announcement On the 6th Plenary Session of the 18th Central Commission for Discipline Inspection) // CPC News website. 2016. 14 Jan. URL: http://fanfu.people.com.cn/n1/2016/0114/c64371-28054405.html (Data obrashhenija: 22.01.2016.)

Zhonghua Gongheguo Xingfa Xiuzhen An (Ba) (8th Amendments to the PRC Criminal Code) // People's Government of China website. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/xinwen/2011-02/25/content_1625679.htm (Data obrashhenija: 11.01.2016.)

Zhonghua Gongheguo Xingfa Xiuzhen An (Qi) (7th Amendments to the PRC Criminal Code) // People's Government of China website. URL: http://www.gov.cn/flfg/2009-02/28/content_1246438.htm (Data obrashhenija: 11.01.2016.)

Zhou Qiang Zuo Zui Gao Renmin Fayuan Gongzuo Baogao (Quan Wen). (Full Text of the Working Report of the Head of the Higher People's Court Zhou Qiang) // Caixin. 2015. 12 Mar. URL: http://topics.caixin.com/2015-03-12/100790537.html (Data obrashhenija: 07.01.2016.)

Л.В. Скворцов

ПОНЯТИЕ ГЕТЕРОТОПИИ И СОВРЕМЕННЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

Аннотация. *Дается оценка разработанной М. Фуко концепции гетеротопии. Автор считает, что Фуко понимал гетеротопию не только как материализованное по отношению к месту «нормальной» жизни иное место (тюрьма, психиатрическая клиника, библиотека, кладбище, территория колоний, корабль и т.д.), но и как иное место нахождения истины социальной жизни. Доказывается, что концепция М. Фуко стала предвосхищением механизмов управления массовым сознанием в глобальной политике XXI в.*

Ключевые слова: *Мишель Фуко, гетеротопия, мировая история, политическая гегемония, археология знания.*

Скворцов Лев Владимирович – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра гуманитарных научно-информационных исследований ИНИОН РАН, Москва. E-mail: retradazia@gmail.com

L.V. Skvortsov. The Concept of Heterotopia and the Contemporary World Order: The Problem Statement

Abstract. *The article is devoted to Michel Foucault's understanding of heterotopia. He states that heterotopia is not only the reality of «other place» (prison, psychiatric clinic, library, cemetery, colony, ship, etc.), but also the other place of the social life truth. M. Foucault's conception is the premonition of forms and methods of discourse objectivity as the ruling force of mass conscience in global politics of the 21st century.*

Keywords: *Michel Foucault, heterotopia, the world history, political hegemony, archaeology of knowledge.*

* *Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект № 17 33 000 25.*

Skvortsov Lev Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center of humanitarian research information studies of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: retradazia@gmail.com

С «легкого пера» Мишеля Фуко в оборот гуманитарного знания все шире входит термин «гетеротопия», т.е. «иное место».

Закономерно возникает вопрос: чем объясняется широкое применение этого термина в среде специалистов в области гуманитарного знания? С точки зрения реалий эмпирического бытия «иное место» – это некая тривиальность пространства и времени. На самом деле любая точка окружающего пространства имеет свое рядом лежащее «иное место». Стало быть, пространство можно представить как бесконечность «иных мест», расположенных вокруг той точки, в которой находится наблюдающий окружающую реальность субъект.

Это рассуждение можно отнести и к феномену времени. На самом деле, в отношении момента настоящего времени любой момент прошлого или будущего превращается в «иное место».

Таким образом, концептуальное содержание гетеротопии оказывается *бессодержательным*, не имеющим конкретного смысла, если не считать смыслом абстракцию, т.е. пустоту некой универсалии места.

Ситуация с определением гетеротопии меняется кардинально, если то место, в отношении которого определяется гетеротопия, отождествляется с определенным содержанием *смысла бытия мыслящего субъекта*, находящегося в данной цивилизационной точке пространства и времени.

Мыслящий субъект – это не абстракция места, а несущая в себе *реальность поиска* адекватного своей сущности содержательного бытия, отвечающего требованиям позитивного, и в конечном счете *абсолютного смысла*. Эта реальность может быть представлена в качестве атрибута подлинности человека, отличающей его от иных живых существ, образующих биологическое пространство и время.

Существует точка зрения, что именно Мишель Фуко определил местоположение тех социальных смыслов, реальность которых оказывает влияние на общее упорядоченное поведение людей, отклонение от которого влечет за собой закономерное наказание [1, с. 121–122].

Оценивая глобальную ситуацию второй половины XX в., Фуко, естественно, не мог не видеть ее парадоксальности. Эмпирические описания, которым следует Фуко, стали тем основанием, на которых он и сформировал свою концепцию *гетеротопии*. Подготовленный весной 1967 г. в Тунисе текст он разрешит опубликовать только в 1984 г. Это объясняется теоретической неопределенностью текста.

Современную эпоху он характеризовал как эпоху Пространства, представляющую из себя сеть взаимодействующих точек, образующих скорее конфигурацию, нежели развитие во времени. Цивилизационные образования оказываются помещенными в различные места, куда их помещали силой, либо где они обрели естественное местоположение и покой. Это положение дел можно назвать «пространством локализации», которое распахнулось после построения Галилеем бесконечно открытого пространства.

Фуко утверждает, что наша жизнь руководствуется признанием пространственных оппозиций – между частным и публичным пространством, пространством семьи и социальным пространством, пространством досуга и пространством труда.

Мы живем не в пустом пространстве, а в пространстве, заряженном определенными качествами: *верха*, пространство вершин жизни, и пространство *низа*, как пространство грязи.

Если перенести это толкование заряженного пространства на современную глобальную ситуацию, то можно из определенного центра увидеть распространенную ненормальность жизни, которую и можно определить как пространство *«грязи»* (физическое и моральное).

Естественно, что грязь нужно вычищать любыми доступными средствами. Такова логика гетеротопии.

Возможно ли ненасильственное очищение от «грязи»?

Одним из ненасильственных средств преодоления низового пространства можно считать *утопию*. Фуко считает, что качественное деление пространства оказывается предпосылкой отталкивания от всякого места в нем, и рождения *утопии*, местоположения без реального места, выражающей усовершенствованное общество, либо изнанку общества.

Фуко считал, что в каждой культуре, в каждой цивилизации существуют места и институты, являющиеся *фактически реализованными утопиями*. Это места, которые являются абсолютно иными, нежели все места, которым они противостоят. В противоположность утопиям эти места Фуко называет *гетеротопиями*. Гетеротопия – это исключительное место по отношению к основным местам социума, воспринимаемым как *нормальная реальность жизни*. Между нормальной реальностью жизни и гетеротопиями Фуко помещает *Зеркало* как своего рода смешанный, срединный опыт. В этом срединном опыте я вижу себя там, где меня нет; зеркало – это утопия, моя собственная видимость, которая воздействует на занимаемое мной реальное место. Я начинаю смотреть на себя и восстанавливать себя там, где я реально нахожусь.

Фуко применяет *эмпирический подход* к рассмотрению форм и типов гетеротопий. При этом он, естественно, обнаруживает *разрывы* между гетеротопиями, разрывы скорее пространственные, нежели временные. Первостепенная задача, считает он, заключается в том, чтобы узнать, как одна

и та же модель может состояться в едином горизонте для разделенных во времени умов и народов.

Феномен гетеротопии, как его толкует Фуко, утверждается как явление, имеющее фундаментальное значение для легитимации принципиально нового методологического подхода к интерпретации исторического цивилизационного процесса.

Имплицитно исторический цивилизационный процесс воспринимается как общечеловеческое восхождение к универсалиям доблести, определенным философской мыслью, к мудрости, здравомыслию, мужеству, справедливости, благочестию.

Гетеротопия свидетельствует об отсутствии такого восхождения. Гетеротопия – это основа множественности страт, требующих для своего истолкования членения и хронологической спецификации. И таким образом вместо непрерывной единой работы разума возникают *краткие очередности, восстающие против единого закона*. Принятие этой методологии делает легитимным понятие *прерывности*, которое должно теперь занять важнейшее место в исторических и гуманитарных дисциплинах. Фуко считал, что прерывность должна из препятствия исследования превратиться в *практику* и восприниматься как *необходимый концепт*. Так должна родиться *тотальная история*, которая видит мир в *виде рассеяний*.

Гетеротопия размещает массу людей в фиксируемые формы *рассеяния* [1, с. 121–122]. При всех различиях, при всей исключительности индивидуальных форм цивилизационного поведения нельзя не видеть *повторяемости типов* этого поведения. И в этой повторяемости наблюдается влияние внутренней ценностной иерархии, определяющей мотивацию как индивидуальных, так и социальных форм человеческого поведения. Неспособность восприятия нравственных универсалий – это проявление неспособности восприятия универсалий человеческих реалий, реалий жизни и смерти. Иными словами, процесс повторяемости является процессом формирования человеческого объекта знания, который объединяет исторически возникающие различия феноменов жизни.

Если константность этих свойств не подлежит «разрыву», то она формирует и определяет мотивы и качества поведения человека. Человек мотивирует свое поведение самыми различными способами, чтобы создать ту сеть, на которой лично он сохраняет себя или возвышает свой статус. Объяснение его поведения требует обращения к знаниям лингвистики, этнологии, экономики, литературы и даже теории мифа.

Вместе с тем когда все человечество оказывается перед реальной угрозой *самодеструкции*, то массы людей независимо от их специфических особенностей, будут проявлять *идентичные тенденции поведения*. Это значит, что

существуют некие привилегированные типы исторической объективности, которые диктуют идентичные формы поведения людей.

Фуко, исходя из своей концепции рассеяния в качестве истины, формулирует противоположное заключение. Так, применительно к психиатрическому дискурсу XIX в. он делает вывод, что этот дискурс характеризуется не существованием какого-либо привилегированного объекта, а тем, как этот дискурс *формирует свои объекты*, которые при этом остаются рассеянными… Любой объект исследуемого дискурса обретает там свое место и законы своего появления [3, с. 44].

Такой подход открывает по сути дела неограниченные возможности для «перелицовки» истории и исторических фактов и для всей системы глобальной информационной войны. Так, например, если мыслительная рубрика будет ограничиваться победоносными действиями западных союзников в годы Второй мировой войны, то тогда форсирование Ла Манша и открытие второго фронта в 1944 г., в канун разгрома армий вермахта советскими Вооруженными силами, можно представить как то «решающее сражение», которое стало поворотным пунктом в разгроме германского нацизма.

Фуко считает, что необходимо заменить сокровенные сокровища вещей дискурсом, регулярной формацией объектов. Так создается современная история дискурсивных объектов, которые не погружаются в глубины общей первоначальной почвы, а приводят отдельные рассеянные регулярности в определенную связь, соответствующую не менее определенным интересам и целям.

Фуко считает, что установление такого рода объектов дискурса не требует исследования их смысла, поскольку сама эпоха характеризовала этот смысл как «тихое помешательство». Подобного рода анализ Фуко считал излишним. Дискурс – это тонкая контактирующая поверхность, сближающая язык и реальность, смешивающая лексику и опыт [3, с. 47–48].

Дискурс создает новую реальность, которая, при наличии общего согласия, может претендовать на статус признанной истины, в отношении которой истина, опирающаяся на реальность общей первоначальной почвы, может подвергаться скептическому отрицанию, как индивидуальная, а значит, субъективная точка зрения.

* * *

Рождение диктатуры коллективного мнения, подавляющего своим «авторитетом» объективную истину – явление, характерное для современной эпохи.

Содержание и утверждение конечных заключений этой практики определяется ответом на вопрос «кто говорит?». В зависимости от того, кто говорит, дискурс обретает *презумпцию истинности*. Статус индивидов, обретающих

право отдавать предпочтение именно данному дискурсу, также определяет институционализированную область, в которой на законном основании формируются специфические объекты и инструменты верификации, поле документации, совокупности отчетов и опубликованных результатов. Так, говорит Фуко, разжимаются жесткие сочленения слов и вещей и освобождаются совокупности правил, обусловливающих дискурсивную практику [3, с. 48].

Хотя Фуко формирует эти выводы на основе медицинской практики, очевидно, что они в современную эпоху обретают универсальный смысл воздействия на формирование в нужном направлении глобального общественного мнения.

Для получения необходимого результата не нужно следовать логике дедуктивных схем, т.е. логике последовательности рассуждения, а нужно правильно определять возможные распределения рядов высказываний, наглядных рассуждений, порядка описаний, способов перераспределения временны́х событий, определяющих взаимозависимость гипотезы и верификации.

Так формируется *«поле присутствия»*, то, что могло попасть в поле наблюдения и то, что тысячекратно передавалось из уст в уста, что можно определять как суждения по аналогии, как общие принципы и модели, как область памяти.

На этом основании определяются *возможности вторжения*, которые, не затрагивая истины, могли бы переводить количественные высказывания в качественные, т.е. определяющие формы иерархии и подчинения, способы высказываний и видов критики, комментирования и интерпретации различных высказываний и точек зрения.

Вместе с тем это позволяет установить, каким образом различные высказывания могут возникать и распадаться, заново собираться, расширяться или ограничиваться, приобретать новый смысл. Такой дискурс может существовать на *доконцептуальном уровне*, который Фуко связывает с действием *теоретических схем*, таких как атрибуции, артикуляции, обозначения и деривации.

Эти схемы позволяют определять свою область *правомерности*: в соответствии с *какими критериями*, требованиями формата мы можем диспутировать об истине или ложности, исключать некоторые высказывания как не свойственные данному дискурсу. Дискурсивный уровень выводов не отсылает ни к горизонту идеальной логики, ни к эмпирическому генезису абстракций. Дискурс здесь не является выражением внешнего, т.е. адекватным отображением реальности. *Он является местом рождения концептов*.

Поле дискурса позволяет выявиться возможности гетерогенной множественности концептов, что приводит к расширению тех тем, верований и репре-

зентаций, к которым мы сами добровольно обращаемся, когда формируем историю идей [3, с. 63].

Формирование концептов, не связанных с почвой исторической реальности, создает идеальное основание игнорирования традиционных формационных и экономико-технологических классификаций этапов исторического движения цивилизаций. Теории первобытнообщинного строя, феодального, капиталистического общества, как и аграрного, индустриального, постиндустриального, информационного общества, как представляется, страдают одним общим недостатком: они определяют конечную цель истории. Идею конечной цели несет в себе и неолиберальная доктрина, пытающаяся догматизировать идею рыночной экономики как конечной стадии истории.

Деструктивные конвульсии государств, в которых практически реализуются «конечные цели», расчищают ментальную почву для восприятия теоретических схем на доконцептуальном уровне, имеющих характер и свойства гетеротопий.

Отход от почвы можно успешно реализовать, если в теориях научных дисциплин, таких как лингвистика, экономика, психиатрия, естественная история обнаруживаются альтернативы, даже не принадлежащие одному временно́му отрезку, представляющие себя в формуле «либо… либо». Концептуальное рассеивание заставляет формировать дискурсивные подгруппы.

Применительно к истории научных дисциплин выявление взаимоисключающих концептуальных заключений вполне естественно, так как зрелые научные заключения будут соотноситься с выводами первоначальных этапов становления науки. Но если формула «или… или» полагается равноценной применительно к *любой* стадии развития науки, то тогда будет происходить легитимация донаучных фантазий.

И Фуко, конечно, ошибался, когда утверждал, что описанные таким образом стратегии не укореняются применительно к науке за пределами дискурса в глубине предпочтений и не являются ни выражениями мировоззрения, ни проявлениями лицемерного «интереса», скрывающегося под благообразным покровом теории.

Методология формирования дискурсивных объектов оказалась пригодной для создания системы глобального управления общественным мнением современного мира.

Глобальное управление общественным мнением приобрело приоритетный смысл, поскольку оформилась потребность направить процессы интернационализации цивилизационной жизни в узкое русло утверждения в мире цивилизационных *стандартов*, отвечающих интересам «исключительной» державы и многонациональных корпораций.

Утверждение этих стандартов требовало информационной дискредитации их возможных идейных противников и культивирования авторитета нужных дискурсивных объектов.

Это – форма информационной диктатуры, опирающейся на владение средствами информации, теоретические разработки и безусловный авторитет согласованной коллективной позиции.

Эти стратегии как раз и служили целям сокрытия лицемерного интереса путем профессионально разработанного механизма формирования нужных дискурсивных объектов. Нужные дискурсивные объекты становились основанием для различения «правильного» и «неправильного», независимых от сущности объективной истины.

Как показал исторический опыт, легализация принципа гетеротопии применительно к науке нежелательна, поскольку влечет за собой подрыв ее авторитета изнутри. Пророки «правильности» принесли миру вирус духовного заболевания, приведшего в XX в. к цивилизационной катастрофе.

Этот вирус, однако, не исчез. Он породил формирование новых дискурсивных объектов, сущность которых сводится к оправданию новых вариантов глобального гегемонизма [2, с. 364–372].

Как оказалось, задуманную глобальную геополитическую игру цивилизационный гегемон не может выиграть, не используя информационную методологию формирования нужных для реализации его планов дискурсивных объектов. Но он может ее и проиграть, если ему будет противопоставлена информационная контригра, основанная на *почве*, т.е. объективных фактах цивилизационной жизни и глобальной политики.

* * *

Выигрыш или проигрыш в современной глобальной информационной войне определяется реальным смыслом политики, нацеленной на формирование современного цивилизационного порядка. Народы современного мира объективно оказались перед *альтернативами политики*. Эти альтернативы возникают как реакция на политику глобального гегемонизма.

Глобальный гегемонизм – это осознанная необходимость, нацеленность на то, чтобы естественные процессы интернационализации современной цивилизационной жизни, в которой свободно участвуют все народы, направить в русло их подчинения так называемому «новому порядку». Глобальный субъект формирует мир дискурсивных объектов для утверждения собственного величия как истины власти, которая может быть и должна быть признана всеми.

Дискурсивные объекты – это новая «логика» и эмпирическое свидетельство этой «истины». Они представляют собой определенную реальность,

которая наличествует как знание, истинность которого утверждается коллективным мнением большинства. Если большинство громогласно утверждает, что король облачается в великолепные одежды, скроенные и сшитые по самой изысканной моде, то истину оказывается способен провозгласить вслух только мальчик, сказавший, что король, на самом деле, голый. Но кто поверит мальчику?

Концепция археологии знания – это идейная предпосылка теоретической легитимации *информационной* дискурсивной объективности как мира гетеротопии, иной действительности.

Было бы крайне легкомысленно упрощать эпистемологическое толкование феномена гетеротопии как фантомной реальности. Фуко решительно отличал гетеротопии от утопии. Утопические представления об *ином*, идеальном, райском, гармонично организованном социальном мире, воспринимались как мечтания, как запредельные цели, сверхъестественные миры, сновидения. Эти представления не претендовали на статус реального знания, имеющего отношение к научным представлениям.

Фуко анализировал историю представлений психиатрии, естественной истории, экономических учений: это была та эмпирическая почва, на которой формировалось учение об археологии знания. Дискурсивный объект представлялся как *действительная реальность* в самых различных, но не совсем обычных для нормальной жизни формах.

Сущность гетеротопии раскрывает дискурсивная объективность, коллективно признаваемая как действительность, воспринимаемая массовым сознанием и поведением в качестве истины. И как *таковая*, она становится очевидной реальностью именно в формах поведения, а значит, и в *определенных результатах, продуктах этого поведения*. А это значит, что дискурсивные объективности в своих идеальных формах начинают соответствовать создаваемой реальности жизни. Так раскрывается смысл гетеротопии, находящейся между первоначальным фантомом и последующей за ним реальностью.

Становится понятным, почему М. Фуко сближал свою концепцию археологии знания с историей идей и в то же время видел их принципиальные отличия. Он давал себе ответ на вопрос: как и почему дискурсивные объекты в конце концов оказываются тем же явлением, что и фигуры, определяемые психиатрией, политической экономией или естественной историей, из которых он эмпирически исходил.

Нужно было знать, работает ли это устройство и что именно оно способно производить. Это – история вечных сюжетов, которые образуют спонтанную стихийную философию для тех, кто никогда не философствует. Это скорее анализ точки зрения, нежели анализ собственно знания, менталитета. Она следует генезису, который дает рождение искусственным системам и произведениям и может продемонстрировать, как научное знание при этом рассеи-

вается, уступая место популярным концептам, устанавливая их отношения с обычаями и нормами социального поведения, потребностями и безмолвными практиками [3, с. 136].

Археология знания, как ее трактовал М. Фуко, стремится определить не мысли и образы, которые скрыты в дискурсах, но сами дискурсы в качестве практик, подчиняющихся определенным правилам. Она определяет типы и правила дискурсивных практик.

При этом археология пренебрегает темпоральными последовательностями: она исследует общие правила, одинаково верные и применимые во всех точках времени [3, с. 164].

Дискурс – это путь, ведущий от одного противоречия к другому. Он предназначен для описания различных пространств разногласия, бесконечной игры противоречий, достигающих кульминации в коренном конфликте.

Фуко находит эти черты дискурса в истории науки. Рассматривая конфликт между креационизмом и эволюционизмом в естественной истории XVIII в., между утверждением об органическом происхождении полезных ископаемых и представлением об их неорганической природе, Фуко выявляет исходные и финальные точки фундаментальных противоречий, которые составляют terminus a quo и terminus ad quem. В этом он видит характерные позиции субъектов с их концептами и выборами стратегий. Здесь существенны именно внутренне присущие оппозиции.

Концепты и стратегии рассматриваются в контексте «группового поля», т.е. событий, действий, политических решений, экономических процессов, демографических колебаний, социальных требований.

Горизонт археологии – это не сама по себе наука, а *скрещивание* так называемых «интерпозитивностей», установление археологических корреляций, выявление того, как дискурсивные формации связаны с *недискурсивными системами*. Так, например, причинный анализ в этом контексте заключается в том, чтобы выяснить, в какой степени политические изменения, экономические процессы могли определять сознание научных деятелей: их кругозор, направленность интересов, систему ценностей, взгляд на вещи. Совершенно справедливо, – говорит Фуко, – я никогда не представлял археологию ни как науку, ни как основание для науки будущего [3, с. 161, 201].

Связь формаций дискурса с недискурсивными системами открывает новые поля определения норм жизни в силу выхода на историческую арену огромных народных масс. В эпоху Французской революции и правления Наполеона это породило новые проблемы административного руководства.

Такие явления оказывают влияние на характер дискурса, который утрачивает свойство чистой абстракции. Так возникают определенные типы дискурсов, имеющих собственный характер историзма.

Можно определенно утверждать, что концепция археологии знания стала не только отражением своеобразия формирования массового сознания и управления его процессами в XX в., но и предвосхищала бездуховные формы глобального управления массовым сознанием в XXI в.

Она объективно стала своеобразным *замещением* религиозных и идеологических форм определения исходных принципов миропонимания, массового поведения и получения конечных результатов практики жизни. Если религиозное массовое сознание получило понимание истины пути от Бога, то идеологически ориентированное массовое сознание опиралось на знание конечных целей истории.

Археология знания формирует массовое сознание путем дискурсивного *построения* правильности сознания по определенным правилам и в соответствии с ситуацией.

Ситуационная истина строится по определенному формату; она санкционируется определенными авторитетными группами лиц, так что за каждым утверждением дискурсной истины стоит недискурсный авторитетный контроль, в руках которого сосредоточен основной массив средств информации. Это – механизм «мягкой власти», обладающий возможностями создания *видимости истины*, а значит, и формирования нужного общественного мнения.

Механизмы информационного формирования видимости истины дискурсивных объектов особенно наглядно проявились в ходе президентской кампании 2016 г. в США. В ходе этой кампании со всей очевидностью обнаружилась реальность присутствия универсального Логоса. Замыслы, темы, смыслы завоевания глобального величия оказались в своей реализации зависимы от достижения глобальной безопасности. Это открытие раскололо американских избирателей. Археология знания не имела реальных ответов на современные глобальные проблемы.

Отстраняясь от закона становления разума в историческом движении, отказываясь от линеарной модели и от модели потока сознания, археология знания предлагает иную модель историчности: это практика, обладающая собственными формами сцепления и последовательности смыслов. Она охотно говорит о разрывах и внезапных перераспределениях. И это можно понять, если действительная история – это лишь материал, который может использоваться и реконструироваться в связи с потребностями формирования дискурсивных объектов. Это объясняет и наличие разрывов и новых форм последовательностей во временно́м движении дискурсивных объектов и различных их трансформаций.

Так что такое дискурсивные формации, относятся ли они к сфере науки? Ответ на этот вопрос проясняется путем ссылки на клиническую медицину, которая не отвечает формальным требованиям науки, не достигает уровня строгости таких наук, как физика и химия, но не исключает некоторой научности.

Фуко считает, что совокупность элементов, сформированных дискурсивной практикой и необходимых для образования науки, хотя их предназначение и не сводится к ее созданию, можно назвать *знанием*.

Знание – это поле координации и субординации высказываний, это дискурсивная практика, которая формирует знание. Археология следует схеме: дискурсивная практика – знание – наука. Опыт формирования массового сознания на основе дискурсивной практики позволяет выявить эффективность тех или иных дискурсивных объектов, а это и есть то знание, которое может претендовать на специфическую научную достоверность. И здесь знание может проявлять себя не только в доказательствах, но и в институциональных распоряжениях, политических решениях [3, с. 181].

Иными словами, дискурсивная практика оправдывает себя в эффекте влияния на сознание и массовое поведение. Механизмы и правила, обеспечивающие постоянство успеха воздействия, можно считать содержащими элементы научного знания, хотя в целом дискурсная практика не совпадает с научным развитием. Наука находит свое место в дискурсивной закономерности; но от дискурсивной практики зависит ее роль и функционирование. Иными словами, объективность научного знания не может иметь приоритета в дискурсивной практике, создающей соответствующие ее фундаментальным целям дискурсивные объекты. В этой практике идеологические цели могут восприниматься как «научные» или как замещающие объективность научного знания. Тем самым дискурсивная конструкция обретает ореол научного знания, хотя таковым она не является. Вместе с тем идеологические цели сохраняют свой субъективный смысл, но, сливаясь с дискурсивными объектами, они воспринимаются как объективированная реальность, обретающая научную значимость.

Таким образом, наука как дискурсивная практика среди других практик утрачивает свой безусловный приоритет, а ее идеологическое функционирование отражает ее включенность в структуру социальных и государственных интересов.

Доктрины гетеротопии и археологии знания, обосновавшие необходимость признания реальности многообразия «других мест» и отказа от линеарной модели и модели потока сознания, «преодолевшие» общие законы цивилизационного развития и утвердившие «квазинаучность» дискурсивной объективности, в действительности оказались составной частью того идейного «взрывчатого вещества», которое вновь осуществило «разрушение разума».

Разрушение разума в XX в. было обусловлено разработкой и практической реализацией доктрины нацизма, которая была основана на толковании биологических особенностей этносов, выраженных в цвете кожи, характере волосяного покрова, в других физических особенностях, как свидетельства их различного местоположения в структуре расовой иерархии.

Так формировались якобы законные основания претензий «высшей» расы на господство в современном мире.

Эта концептуальная позиция игнорировала фундаментальную особенность сущности человеческих отношений, их коренное отличие от отношений между биологическими особями.

Истина человеческих отношений складывалась как интеллектуальное открытие, как идеальная сущность универсальной истины нравственной и правовой добродетели, фиксирующей тождество «Я» и «Другого», несмотря на все их эмпирические различия. Это – истина категорического императива, лежащая в основе нормального функционирования цивилизации. В конечном счете признание этой истины в качестве практического руководства на различных уровнях человеческой жизни становится условием самосохранения цивилизации. Отступление от этой истины всегда влекло за собой неразрешимые антагонизмы в жизни общества.

В современную эпоху, когда человек создал универсальное средство самодеструкции человечества, эта истина обнаруживает свой судьбоносный смысл.

Человечество реально оказалось перед *метафизической проблемой*, проблемой практической возможности осуществления философской трансформации, изменения своего местоположения как перехода из состояния *реального бытия* в «состояние» *ничто*.

Как выглядят политические страсти в борьбе за гегемонию перед реальностью этого перехода? Они выглядят как проявление убожества эгоцентрического цивилизационного мышления. Это – неспособность подняться до осмысления новых направлений трансформации традиционных форм политики. Это – глобальные решения, в которых определяется путь слияния конечного и бесконечного, единство реального и идеального. Это – время бытия как универсального местоположения человечества, реализуемого в глобальных формах практической деятельности.

Концепция Фуко, утверждая методологию *«рассеяния»*, исключает саму возможность универсального местоположения человечества, а значит и единства идеального в различных формах реальной жизни, создания предпосылок бесконечного сохранения жизни в конечных формах цивилизационной практики.

Эта концепция не знает универсальных форм практики и тем самым сохраняет концептуальную слепоту в отношении цивилизационного будущего человеческого рода. Она нацеливает на удовлетворение сиюминутным успехом здесь и сейчас с помощью дискурсивного объекта, оправдывающего любое нарушение объективной истины ради достижения успеха. Однако в итоге приходится мириться с подменой истины классической философии суррогатом философской мысли, которая, возрождая славословие видимости частного успеха в конечном счете приводит к трагедии тотального поражения.

Глобальная реальность, рожденная образами гетеротопии, возвращается к исключительному субъекту, проходя через «зеркало», через призму практических следствий формирования «нового порядка», т.е. через призму объективной истины, основанной на реалиях «почвы». Она возвращается в форме действительного знания к субъекту, раскрывая его истинную сущность, с которой он никогда и ни при каких обстоятельствах не может согласиться.

Конечно, было бы некорректным обвинять М. Фуко в возникновении катастрофических тенденций глобального развития в XXI в.

Он осуществил феноменальную по своим масштабам теоретическую работу. Его идеи достойны самого серьезного исследования. Но вместе с тем очевидно, что они дали толчок фундаментальным практическим разработкам по созданию глобальных механизмов формирования массового сознания, которое при своей практической реализации приближает современный мир к глобальной катастрофе. Политическая бомба, которую заложили гегемонистские силы под существующую цивилизационную систему, может «сработать» в том случае, если массы будут «ведомы» информационными разработками, которые заготовлены и готовятся за кулисами современной общественной жизни. Эти разработки не сработают, если гуманитарное знание раскроет их реальный смысл и те цели, которые являются продуктом безумных амбиций, влекущих цивилизацию в термоядерную пропасть.

Мишеля Фуко можно считать автором концепции идеологии нового типа. Анализируя слова и вещи, их взаимосвязь, создающую через посредство «всеобщей грамматики» словесный порядок, рождающий собственный объект, который является не мышлением, а дискурсией, понимаемой как последовательность словесных знаков, создающую иную объективность, воспринимаемую как овеществленная идеология.

Библиография

1. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 736 с.

2. Скворцов Л.В. Цивилизационные размышления. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 384 с.

3. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-центр, 1996. 208 с.

References

Avtonomova N.S. Poznanie i perevod. Opyty filosofii jazyka. Moscow; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2016. 736 p.

Skvorcov L.V. Civilizacionnye razmyshlenija. Moscow; Saint Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2016. 384 p.

Fuko M. Arheologija znanija. Kiev: Nika-centr, 1996. 208 p.

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

В.П. Любин

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ В ИТАЛИИ В XX в.: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена русской эмиграции в Италии в XX в. Характеризуются изданные в последние годы исследования российских и итальянских ученых, в которых проанализированы малоизученные вопросы. Отмечено, что в освещении этой темы остается немало белых пятен.*

Ключевые слова: *русская эмиграция, Италия, историография, новые исследования.*

Любин Валерий Петрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва.
E-mail: valerij.ljubin@gmail.com

V.P. Ljubin. Russian Emigrants in Italy in the 20th Century: The New Research Work

Abstract. *The article is devoted to the Russian emigration in Italy in the 20th century. The author studies the research works of Russian and Italian scientists published in recent years, which contain the analysis of insufficiently studied issues and finds a lot of white spots in this field.*

Keywords: *Russian emigration, Italy, historiography, the new research works.*

Ljubin Valerij Petrovich – Doctor of History, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow.
E-mail: valerij.ljubin@gmail.com

Тема русской эмиграции в Италии – одна из главных в проекте российско-итальянских научных конференций «Москва–Третий Рим», осуществляемых учеными из России и Италии. Действительно, она не раз становилась центральной на данных конференциях, проводившихся в Риме и Москве.

Проанализировать все массовые перемещения русских в XX в. в краткой статье вряд ли возможно. Первая волна такой русской эмиграции относится к началу XX в., причины отъезда были, в том числе, и политические. Вторая, наиболее плотная, это так называемая белоэмиграция, ее представители после поражения белых войск оказались во многих европейских странах, в их числе – хотя в сравнении с другими странами их было не так много – и в Италии. К концу XX в. относится третья волна русской эмиграции – на этот раз из брежневского СССР. Она продолжилась во время перестройки и достигла широкого размаха после распада Советского Союза (причем всех этих новоиспеченных эмигрантов в странах Запада, независимо от их национальной принадлежности, называют «русскими»). В среде третьей волны оказались и мои знакомые и коллеги по археологическим экспедициям, отнесенные к художникам-диссидентам или авангардистам. Они эмигрировали в 1970–1980-е годы из-за невозможности нормально работать у себя на Родине.

Остановлюсь здесь лишь на новых монографиях, сборниках и статьях. Критерием отбора послужили научная новизна авторских подходов, привлечение неизвестных ранее документов государственных и частных архивов, впервые напечатанных мемуаров, а также «свежесть» изданий – были отобраны работы, появившиеся в последние пять лет.

Мне бы хотелось далее кратко охарактеризовать такие издания, как фундаментальный труд русского историка М.Г. Талалая «Российский некрополь в Италии» [17], его же или с его соавторством изданные книги «Русский Дон Базилио: Судьба и наследие В.Н. Нечитайлова» [12], «Очарование красоты: Амальфи в русской культуре» [4], «Граф Дмитрий Адамович Олсуфьев. Вечный ковер жизни. Семейная хроника» [2]. Следует упомянуть сборник ИРИ РАН «“Друг – зеркало для друга…”: Российско-итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв.» с его несколькими статьями, так или иначе касающимися темы русской эмиграции в Италии XX в. [3]. А также сборник ИВИ РАН «Россия–Италия: Этико-культурные ценности в истории» со статьей Р. Де Лоренцо «Русские эмигранты в Италии в конце XIX – начале XX в.: Семейство Горчаковых-Солдатенковых в Сорренто» [5].

О деятельности представителей русской эмиграции в Италии упоминается также в некоторых статьях в подготовленном по моей инициативе к 150-летию объединения Италии апрельском номере журнала «Родина» за 2011 г. [16]. То же можно сказать и о подборке материалов, вошедших в сборник по материалам трех российско-итальянских конференций в МГУ в 2012–2013 гг. [15]. К сожалению, в связи с ограниченным объемом статьи мне придется лишь упомянуть этот журнал и сборник.

В хорошо фундированной статье итальянской исследовательницы А. Аккаттоли «Политика Италии по вопросу о русских беженцах в 1918–1924 гг.» [1] на основе материалов итальянских архивов ACS и ASMAE про-

анализировано, как в 1918–1924 гг. (т.е. до установления дипломатических отношений с СССР), Итальянское королевство принимало русских беженцев, вынужденных эмигрировать в конце 1910-х – начале 1920-х годов. Статья опубликована в представляющем результаты Международных семинаров исторических исследований «От Рима к Третьему Риму» за 2010–2015 гг. и изданном ИРИ РАН сборнике «Миграции. Формирование Российского государства».

Добавим к этому ряду недавно вышедшее интересное исследование каприйского священника Дона Винченцо Симеоли «Капри. Вилла "Палаццо а Маре". Остров на острове. История семьи Степановых» (2015) (моя рецензия совместно на эту книгу и труд М.Г. Талалая «Российский некрополь в Италии» опубликована в журнале «Российская история» в 2016 г.) [17, 8].

Названная статья Р. Де Лоренцо [5] посвящена судьбе жившей в Италии в Сорренто с четырехлетнего возраста Елены Васильевны Солдатенковой, единственной дочери княжны Елены Горчаковой и первого секретаря русского посольства в Риме в 1897–1900 гг. Василия Солдатенкова. Русская эмиграция в Италии, особенно в первые годы XX в., была довольно многочисленна и выделялась идеологическим, политическим и культурным уровнем своих представителей, замечает автор. Италия привлекала потому, что казалась свободной страной с огромными культурными и художественными ценностями. Несмотря на то что она была членом Тройственного союза, Италия проводила политику сближения с русско-французским альянсом, контакты между итальянским и русским дворами были довольно активными. По этим причинам немало русских эмигрантов разного происхождения выбирали Италию страной пребывания. В автобиографии Елены Солдатенковой, широко цитируемой в статье, отражены различные стороны жизни русской эмиграции в Италии XX в. В целом работа Р. Де Лоренцо написана живо, насыщена интересными фактами и вносит определенный вклад в изучение темы русской эмиграции. Жаль, что в статье встречаются досадные фактические ошибки: например, автор утверждает, что Италия вступила в Первую мировую войну 15 мая 1915 г., а на деле это произошло 23 мая того же года.

В изданный Институтом российской истории РАН в 2013 г. цитировавшийся сборник «"Друг – зеркало для друга…": Российско-итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв.» [3] вошли материалы российско-итальянской научной конференции, на которой были рассмотрены общественные и культурные связи двух стран на протяжении десяти столетий. Участниками сборника стали известные российские и итальянские историки, искусствоведы, культурологи, правоведы. Доклады итальянских авторов опубликованы на итальянском, одновременно дан перевод на русский язык.

«Установившийся со времен Московской Руси творческий диалог с Италией не прерывался никогда», – пишет одна из авторов сборника Т.А. Пархо-

менко [3, с. 177]. Она отмечает большую роль в изучении Италии экскурсионных поездок россиян, вошедших в практику рубежа XIX–XX вв. во многом благодаря профессору историку И.М. Гревсу, разработавшему ставший популярным у студентов экскурсионный метод изучения истории. Италия в начале XX столетия являлась привлекательной «ареной борьбы» для российских бунтарей всех мастей и оттенков. Одним из центров притяжения стал поселившийся в Италии М. Горький. Он жил на Капри в 1906–1913 гг., потом уехал в Россию, затем вернулся в 1924 г. в Италию и до 1932 г. жил в Сорренто. Особое внимание в статье Пархоменко уделено деятельности русской послереволюционной эмиграции в Италии, которая способствовала развитию культурных связей между двумя странами.

Другой автор сборника, С.А. Козлов, справедливо подчеркивает, что Италия прочно вошла в сознание русских людей, ее многоликие образы занимали достойное место в русской культуре. Это «уникальный исторический и социокультурный феномен, заслуживающий дальнейшего осмысления» [3, с. 267].

Рассматривая главные тенденции в разработке темы, остановимся, прежде всего, на беспрецедентном фундаментальном исследовании. Потребовавший от автора многих лет тщательной и выверенной работы, опубликованный в 2014 г. М.Г. Талалаем компендиум «Российский некрополь в Италии» [17] стал заметной вехой в деле изучения судеб русских эмигрантов в Италии. Сосредоточусь на том, что касается русской эмиграции начала XX в.

Тема стала разрабатываться в России в конце XX в., пишет Талалай. Обращаясь к истории русской эмиграции в Италии в XIX и XX вв., он подчеркивает, что по окончании Наполеоновских войн Италия увидела новый феномен – переезд на постоянное место жительства ряда русских семейств: графов Бутурлиных, богачей Демидовых, получивших титул князей Сан-Донато. С конца 1820-х годов во Флоренцию, а затем в Рим направился поток пансионеров Императорской академии художеств. Превосходные природные качества страны привели к появлению русских землячеств в Неаполе, Сан-Ремо, на курортах Южного Тироля. Россияне покупали в Италии дачи и особняки, совершались многие смешанные браки.

Когда на рубеже XIX–XX вв. началась политическая эмиграция, то, по словам М.А. Осоргина, «толерантная Италия гостеприимно принимала анархистов, социалистов, коммунистов и прочих участников антиправительственного движения, которое тогда называли “движением за освобождение России”» [13, с. 9]. Однако совсем немногие из уехавших из России после революционных потрясений 1917 г. и Гражданской войны одного или двух миллионов эмигрантов «первой волны» (о цифре историки до сих спорят) обосновались в этой стране. Это объяснимо: сама Италия переживала после Первой мировой войны серьезный экономический кризис. Найти работу

и средства для проживания русским было крайне трудно. Итальянское правительство еще и до установления фашистской диктатуры относилось к ним с подозрением. А во время режима Муссолини за ними велась слежка; полиция собирала информацию о беженцах и советских представителях в Италии.

И все же в Италии сложилась интересная русская жизнь, продолжает автор. В русской колонии первой половины XX в. были заметны представители аристократических фамилий, жившие в стране еще до революции: графы Олсуфьевы, Бутурлины и Бобринские, князья Волконские и т.д., семейства чиновников-пенсионеров и командированных еще Священным Синодом священников. То же относится и к левой интеллигенции, побывавшей в эмиграции сначала в качестве борцов с царским режимом, потом – борцов с большевизмом. Среди них – литераторы А.А. Амфитеатров, М.К. Первухин, М.Л. Слоним, деятельницы рабочего движения А.М. Кулишова и А.И. Балабанова. К числу «невозвращенцев» принадлежал старый дипкорпус, заметной была роль посла в Риме М.Н. Гирса. Но в 1924 г., после признания СССР Итальянским Королевством, роль старых дипломатов в жизни эмиграции существенно снизилась: собственность российского посольства отошла к СССР.

В 1921 г. был учрежден «Союз русских офицеров в Италии», единственная такого рода организация в стране. Однако из-за скромной экономической базы и отсутствия поддержки итальянских властей он практически бездействовал. Попытки эмиграции в Италии организоваться как-либо политически потерпели крах – и это отличает русских эмигрантов от эмигрантов из других европейских стран. К концу 1930-х годов организации русских эмигрантов в Италии вообще исчезли.

Однако в сфере культуры в этот период ощущалось серьезное русское присутствие. Это были представители театрального искусства, как, например, скончавшийся в Венеции С.П. Дягилев. Среди писателей выделялся В.И. Иванов, приехавший в Италию с советским паспортом, среди художников и скульпторов – П.П. Трубецкой, в исторической науке блистал Н.П. Оттокар. «Эти и другие личности внесли важный вклад в итальянскую культуру и историю XX века» [17, с. 12].

Книга Талалая снабжена фотографиями, сделанными в разные исторические эпохи. Они дают представление о кладбищах и памятниках захороненных на них выходцев из России. Описание кладбищ сопровождается историческими справками и замечаниями об их современном состоянии [17, с. 829–901].

Работа М.Г. Талалая уникальна. В ней показывается, что многие из русских, кто жил и похоронен в Италии, внесли важный вклад в итальянскую культуру и историю. Опираясь на данный труд, историкам русской эмигра-

ции будет легче продолжить тему применительно к другим странам, где эмигранты из России оставили заметный след.

В вышедшей в 2015 г. книге каприйского священника Дона Симеоли повествуется о русских эмигрантах на Капри, о перипетиях жизни семьи Степановых-Джованни, обосновавшихся на построенной ими вилле «Палаццо а Маре» [18]. Краткое представление к книге написано атташе по культуре Посольства Российской Федерации в Италии Н.С. Примаковой. Она подчеркивает, что Капри всегда привлекал большое число русских людей – писателей, художников, философов и политиков, «людей дела и людей мысли», как замечали итальянские газеты того времени [18, p. 5].

В первой главе, озаглавленной «Капри между мифом и историей, 1889–1962», Дон Симеоли дает панораму каприйской истории этого периода. С конца XIX в. Капри становился излюбленным местом отдыха европейской аристократии и разбогатевших буржуа. Среди них был немецкий оружейный магнат Фридрих Альфред Крупп. Автор напоминает и о долгом пребывании на Капри, начиная с ноября 1906 г., А.М. Горького, приехавшего вместе с супругой, актрисой М.Ф. Андреевой, и поселившегося в отеле «Квисисана». В 1909 г. Горький создал «Каприйскую школу» или же «Техническо-революционную школу для научной подготовки пропагандистов русского социализма» [18, p. 11].

В 1908 и 1910 гг. на Капри побывал В.И. Ленин. Бывали тут и другие деятели российской революции (А.А. Богданов, А.В. Луначарский, В.А. Базаров), и литераторы (И.А. Бунин, Л.Н. Андреев), артисты (Ф.И. Шаляпин) приезжали на Капри в качестве гостей супружеской пары Горький-Андреева. Горький дружил с представителями итальянской культуры и политики. В английских документах, на которых стоит гриф «Секретно», рассказывается о некоторых моментах пребывания Ленина на Капри. Британских агентов интересовали, прежде всего, отношения Ленина и русских революционеров с представителями прусской аристократии, посещавшими остров. После смерти в 1902 г. подолгу жившего на Капри политика и сталепромышленника Фридриха Альфреда Круппа на острове бывала его дочь Берта; во время круизов в Неаполитанском заливе частым гостем семьи Крупп был генерал П. фон Гинденбург, будущий президент Рейха, тогда видный деятель Генерального штаба. Англичане предполагали, что именно тогда начались тайные отношения большевиков с имперской Германией, которые побудили кайзера финансировать русскую революцию [там же].

В основе книги Дона Симеоли лежат, в частности, изданные в 1957 г. на немецком языке в Швейцарии мемуары хозяина виллы Джованни Степанова. О нем, к сожалению, почти ничего не знают в современной России. Вторая часть его мемуаров озаглавлена «Во власти красок и форм. Капри-Рим-

Греция. Воспоминания об искусстве, путешествиях и людях» [19]. Именно в ней повествуется о жизни на Капри.

Профессор Джованни (Иван Евгеньевич) Степанов был известным историком, археологом и искусствоведом. Его многочисленные труды (Дон Симеоли насчитывает 257 его публикаций) были опубликованы на пяти европейских языках (в приложении приводятся названия 12 главных трудов, в том числе «История России», изданная на итальянском языке в 1923 г., и две книги мемуаров, изданных на немецком в 1954 и 1957 гг.) [18, p. 62]. Степанов опубликовал также имевшие успех монографии по истории искусства, они посвящены творчеству Тициана, Рафаэля, Рубенса и др.

Джованни Степанов был интересной фигурой русской эмиграции. Он, в частности, стал советчиком и учителем в истории искусства находившейся в оппозиции фашизму принцессы Марии Жозе Савойской (Бельгийской).

Мария Жозе имела тесные контакты с такими оппозиционными фашистскому режиму представителями итальянской науки, культуры и политики, как Б. Кроче, У. Ла Мальфа, И. Бономи, Э. Витторини, А. Де Гаспери, монсиньор Монтини (будущий Папа Павел VI), Г. Чиано. Отношения Марии Жозе Савойской с супругами Степановыми укреплялись не только их совместной любовью к музыке и археологии, но и частыми встречами на Капри, который она нередко посещала вместе со своим супругом, принцем Умберто Савойским (1904–1983) [18, p. 39–42].

У Степанова с принцессой и ее окружением сложились уважительные, деловые отношения. Им посвящена целая глава мемуаров [19, S. 307–328].

Жена Джованни, Елена Ромбро (Брауде)-Степанова, хорошо известна в истории музыки: уже в четыре года она играла на фортепьяно, в десять лет написала оперу для детей, сочиняла песни и музыкальные пьесы. Училась в консерваториях Санкт-Петербурга, затем Берлина, Парижа и Вены, концертную деятельность начала в возрасте семи лет. Гастролировала в Германии, а затем и по всей Европе. Памятным стало ее выступление на вечере русской музыки в 1917 г. в Театро Аугустео в Риме; тогда оркестром дирижировал знаменитый Бернардино Молинари. С 1960 г. в Вене регулярно проходит конкурс музыкантов пианистов имени Елены Ромбро-Степановой [18, p. 58].

Супруги впервые прибыли на Капри в сентябре 1919 г. по приглашению своих родственников, известного историка и публициста С.П. Мельгунова, автора изданной в Германии в 1924 г. книги «Красный террор, 1918–1923», и его жены Наталии, которая была сестрой Джованни Степанова. Супруги просто влюбились в этот остров, впоследствии, в 1929 г., приобрели за 200 лир участок земли у моря, построив на нем замечательную виллу. Назвали ее «Палаццо у моря». Вилла стала центром притяжения для друзей: ученых, писателей, музыкантов, артистов, посещавших остров в 1930–1950-е годы.

В гостях у Степановых побывали многие знаменитости. Из музыкантов Дон Симеоли называет, например, дирижера Леонарда Бернстайна, пианиста Николая Орлова и др. [18, p. 53].

Именно «протекция сверху» и дружба с принцессой Савойской помогла супругам Степановым избежать преследований в годы фашистского режима – учитывая тот факт, что Елена была еврейкой, а ее муж русским. Это отмечает в послесловии к книге Миколь Феррара, директор Исторического архива Еврейской общины в Риме [18, p. 61].

Елена умерла в 1952 г.; ее муж пережил ее на восемь лет. Их общая могила находится на кладбище Акаттолико на Капри. На надгробном памятнике высечены ноты из Концерта До минор, KV 491 Моцарта и надпись на древнегреческом языке: «ΘΝΗΤΟΝ ΑΘΑΝΑΤΟΝ» («Смертные бессмертны») [18, p. 58–59].

Книга Дона Симеоли, несмотря на ее научно-популярный характер, наряду с трудом М.Г. Талалая и другими рассмотренными здесь недавними работами, вносит заметный вклад в изучение деятельности видных представителей русской эмиграции в Италии.

23 сентября 2016 г. в Центральном Доме литераторов в Москве состоялась презентация книги мемуаров графа Д.А. Олсуфьева. На презентации собрались ученые-исследователи, имеющие отношение к теме русской эмиграции в Италии и Франции, и многочисленные потомки Олсуфьевых, проживающие в Москве [2].

В воспоминаниях Дмитрия Адамовича Олсуфьева (1862–1937), масштабной, по мнению издателей, личности, достойного представителя этого старинного рода, представлена широкая панорама жизни России XIX–XX вв. Олсуфьев, как и многие, эмигрировал после революции 1917 г. Его жизнь в эмиграции была частично связана и с Италией, в которой одна из ветвей семейства Олсуфьевых жила с давних времен[1]. Олсуфьевы породнились с известным в Италии аристократическим семейством Боргезе. Годы эмиграции Д.А. Олсуфьев провел в основном в Ментоне и Ницце, которая до объединения страны была частью Италии. Хотя основная часть мемуарных заметок автора относится к XIX в., в них можно найти и краткие оценки событий первой половины XX в. Богаты на такие оценки и краткие воспоминания других представителей семейства Олсуфьевых, оказавшихся после 1917 г. за рубежом. Эти воспоминания помещены в приложении к книге [2, с. 362–416].

2 сентября 2016 г. в Москве, в Доме русского зарубежья им. А.И. Солженицына, состоялась еще одна презентация. На этот раз презентовали коллек-

1. Мне приходилось в 1980–1990-е годы встречаться и беседовать в Италии в Риме с одним из представителей семейства Олсуфьевых. К сожалению, он уже не говорил по-русски и предпочитал вести беседу на итальянском и французском языках.

тивную монографию «Очарование красоты: Амальфи в русской культуре»[2]. Книга посвящена истории одной из известных итальянских средневековых республик и русско-итальянским культурным связям. Авторами являются доктор филос. наук О.А. Жукова (Высшая школа экономики), доктор филос. наук А.А. Кара-Мурза (Институт философии РАН) и проживающий в Италии, уже названный здесь русский историк М.Г. Талалай. В книге рассматриваются исторические взаимосвязи Амальфи и России [4].

В истории русских путешествий в Италию Амальфитанское побережье занимает особое место. Об этом пишет в главе «Знаменитые русские путешественники в Амальфи» А.А. Кара-Мурза. Русские путешественники XIX–XX вв. удивлялись, как на таком маленьком кусочке даже не земли, а скалы, почти вертикально обрывающейся в море, могло некогда существовать сильное государство и проживать до 60 тыс. человек? Кара-Мурза ссылается на свои книги о знаменитых русских, оставивших след в Риме, Флоренции, Венеции, Неаполе, Амальфи, переведенные на итальянский язык.

В новой книге о «русских в Амальфи», отмечает Кара-Мурза, читатель найдет новые имена, о которых не шла речь в его собственных предыдущих работах. Это дипломат и военачальник Б.П. Шереметьев, литератор В.А. Жуковский, публицист И.С. Аксаков, философ и правовед Б.Н. Чичерин, православный историк А.Н. Муравьев, писатель В.Д. Набоков (он написал в Амальфи некоторые части романа «Ада») [4, с. 16].

В главе «Эстетическое открытие Амальфи: к истории и философии русского пейзажа» О.А. Жукова обобщает «результаты собственных изысканий в области философии русской культуры и искусства, связанные с изучением амальфитанского сюжета в творческих биографиях русских художников, с открытием образа Амальфи русскими пансионерами Императорской академии художеств» [4, с. 105]. Предметом ее исследования является творчество русских художников XIX в., создавших образ Амальфи в своих произведениях. Среди них – С.Ф. Щедрин, Н.Г. Чернецов, С.М. Воробьев, А.П. Боголюбов, Ф.А. Бронников, И.К. Айвазовский. В XX в. этот список дополнили художники К.А. Вещилов, К.И. Горбатов, Г.А. Лапшин.

В главе «Российские эмигранты на Амальфитанском побережье» М.Г. Талалай подчеркивает, что амальфитанский берег – один из самых красивых уголков Италии, да и всей Европы, признанный ЮНЕСКО как культурное достояние человечества. Постоянное русское присутствие в Амальфи началось еще до революции с эпопеи литератора М.С. Семёнова (1873–1952),

2. Мне также довелось присутствовать на презентации и сопровождать на следующий день в качестве переводчика в экскурсии по Москве делегацию из 20 человек из Амальфи. Многие члены делегации были известными учеными и представителями администрации города.

пишет автор. Его гостеприимная дача-«мельница» стала прибежищем для многих артистов-эмигрантов: С.П. Дягилева, В.Ф. Нижинского, И.Ф. Стравинского. Он принимал не только артистов, но и простых беженцев, содействуя их устройству на работу. Вторая мировая война нанесла сокрушительный удар по едва сформировавшейся русской колонии в Амальфи. Из представителей третьей волны русской эмиграции автор выделяет Р.Х. Нуреева и А.А. Тарковского, поживших некоторое время в Амальфи [4, с. 190–192]. Тарковский отказался снимать в Амальфи свой фильм «Ностальгия». «Слишком красиво», – так, по словам его друга сценариста Тонино Гуэрры, резюмировал он свой отказ[3].

Конкретный пример деятельности одного из русских эмигрантов в Амальфи, художника Василия Николаевича Нечитайлова (1886–1980), представлен в вышедшей в 2014 г. книге о нем «Русский Дон Базилио. Судьба и наследие В.Н. Нечитайлова» в серии «Русская Италия» [12]. Ее авторы – Ю.Н. Нечитайлов (внук брата героя книги) и М.Г. Талалай. Художник Василий Нечитайлов оставался долгие годы неизвестным на своей родине, и был почти неизвестен на родине второй – в Италии. Причиной забвения стала, прежде всего, его эмигрантская судьба. Сыграл свою роль и его затворнический образ жизни: художник отказывался участвовать в персональных и групповых выставках, т.е. именно в том, что делают художнику имя среди современников и потомков. Его последнее жилье, мастерская художника, не случайно было названо «Эрмитажем». С одной стороны, это было сделано в подражание петербургскому музею. С другой стороны, это слово в переводе означает «пустынь», «жилье отшельника» [12, с. 66].

Говоря о художественных достижениях и произведениях Нечитайлова, прославившегося в Италии и в том же Амальфи своими картинами на религиозные сюжеты, авторы книги отмечают, что он писал огромные полотна для Римско-католической церкви. При этом авторы не забывают напомнить об отношении итальянских властей к русским эмигрантам. Итальянское пра-

3. Тонино (Антонио) Гуэрра – недавно ушедший из жизни известный итальянский писатель и художник, сценарист фильмов Феллини, Антониони и других знаменитых итальянских кинорежиссеров, сыграл особую роль в укреплении культурных связей Италии и России в конце XX – начале XXI в. Его замечательные интервью неоднократно показывались по телеканалу «Культура», привлекая немалое число зрителей. Его творческое наследие только начинает исследоваться, и большую роль в ознакомлении с ним широкой публики в странах Европы играет его русская жена, теперь вдова, Лора Гуэрра. По ее просьбе мне довелось участвовать в создании документального фильма о жизни и деятельности Тонино, показанного в феврале 2016 г. на известном фестивале документального кино в Эссене, ФРГ, а также выступить в роли переводчика одной из первых книг о нем, изданной на немецком языке в Швейцарии еще в 1980-е годы.

вительство еще до прихода Муссолини к власти подозрительно относилось к русским беженцам, полагая, что они являются питательной средой для большевистской пропаганды и для шпионажа. При фашистском режиме эта подозрительность только усилилась. В полицейских управлениях (квестурах) разных итальянских городов отложились списки, составленные в 1920–1930 гг., где перечисленные именовались russi bianchi, белые русские, или apolidi, лица без гражданства, но иногда и sovietici, советские, включая сюда не только тех инженеров и торгпредов из СССР, кто приезжал в командировки, но и многих ярых «белоэмигрантов».

В соответствии с этой линией Министерство внутренних дел фашистской Италии выпустило в 1933 г. особый циркуляр, разосланный по квестурам, где предписывалось «наблюдение за советскими гражданами и подозрительными иностранцами». В циркуляре обращалось внимание на «особую опасность» русских, он обязывал осуществлять «строгий контроль над советскими, над аполидами и над так называемыми белыми русскими». Дирекции общественной безопасности (Direzione della Pubblica Sicurezza), осуществлявшей тайное наблюдение за иностранцами, и в частности за русскими, вменялось в обязанность проверять и идеологическую благонадежность беженцев-эмигрантов [12, с. 96–97].

Собственно той же теме, теме подозрительного отношения итальянских властей к русским эмигрантам, посвящена написанная на материале 1918–1924 гг. названная выше статья А. Аккаттоли. Резюмируя результаты своего исследования, она пишет, что в решении вопроса русской диаспоры итальянское правительство проявило недостаточную гуманитарную солидарность, не оправдав ожиданий беженцев. Итальянские власти систематически препятствовали въезду русских на территорию своей страны. Сознательный и упорный отказ в оказании помощи русским эмигрантам главным образом объяснялся глубоким экономическим кризисом, а также политической и социальной нестабильностью в Италии в течение первых послевоенных лет. Кроме того, причиной было общее недоверие к русским эмигрантам, считавшимся носителями «большевистской заразы» и, соответственно, являвшихся непредсказуемым фактором риска [1, с. 143].

Упомяну здесь и мои собственные работы о русских эмигрантах в Италии в начале XX в.[4] Мне удалось опубликовать в 2013–1014 гг. две статьи о творчестве, ставшего после революции 1905–1907 гг. на долгие годы эмигрантом в Италии, писателя М.А. Осоргина [6; 10].

4. Одна из них – о деятельности русской эмигрантки в Италии, видной деятельницы международного социалистического движения Анжелики Балабановой была недавно опубликована в журнале «Россия и современный мир» [7].

К сожалению, мне неизвестны труды исследователей об эмигрантском периоде жизни в Италии М.А. Осоргина. Во всяком случае, когда я в 2013 г. публиковал статью, посвященную 100-летию с момента выхода его замечательной книги «Очерки современной Италии» [13] в единственном оставшемся в Эстонии в г. Таллине русскоязычном журнале «Вышгород» [10], то при ее подготовке такие работы не удалось найти.

Между тем фигура М.А. Осоргина действительно стоит особняком в ряду русских эмигрантов-интеллектуалов в Италии. Он вполне воспринял итальянский образ жизни, глубоко понимал процессы, происходящие в отметившей в 1911 г. 50-летие своего существования стране. Эти его ощущения отразились в написанной для русского читателя книге об Италии начала XX в. Когда же в конце Первой мировой войны Осоргин вернулся в Россию, то, по наблюдению К.Г. Паустовского, так и не смог оторваться от итальянской и вписаться в русскую действительность[5].

Мне довелось также принять участие в подготовке сборника документов «Диалог культур: Страницы истории итало-русских связей первой трети XX века (1905–1914). Горький на Капри. Статьи, письма, воспоминания (по материалам архива А.М. Горького)»; к сборнику мною написано предисловие [9]. Этот сборник посвящен итальянским страницам творчества Горького, восприятию личности и творчества русского писателя в Италии. Документы, опубликованные в сборнике, извлечены из собрания итальянского русиста Пьетро Цветеремича, известного в качестве переводчика романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго».

Раньше и в Италии, и в России исследователи много занимались творчеством Горького, значительная часть жизни которого оказалась связанной с Италией. Он, можно сказать, тоже своего рода эмигрант, хотя и не белоэмигрант, как большинство русских, попавших в Италию в начале XX в. Сейчас таких работ выходит гораздо меньше. И тем ценнее подготовленный в Институте мировой литературы РАН вышеназванный сборник документов.

Можно было бы продолжить список новых работ о русских эмигрантах в Италии в XX в. Вышедшие в свет в последние пять лет исследования проливают свет на многие малоизученные вопросы русской эмиграции. И все же

5. «Он (Осоргин. – В. Л.) вернулся из эмиграции, был растерян и с трудом разбирался в событиях <…> Он тосковал по Италии, где провел много лет. В России он жил как бы спросонок <…> Мы иногда уговаривали его возвратиться в Италию, говорили, что ему нечего здесь делать, что там он, по крайней мере, будет писать свои бесхитростные рассказы. Осоргин виновато отвечал: – Поймите же, что я русский и до спазма в сердце люблю Россию. Но я ее сейчас не узнаю. Иногда я думаю, – да полно, Россия ли это? Изменилась даже самая тональность русской речи. Сейчас я рвусь в Италию, но там я буду страшно тосковать по России. Очевидно, я человек конченый» [14, с. 539].

в освещении этой темы остается еще немало белых пятен. Исследования продолжаются.

Библиография

1. Аккаттоли А. Политика Италии по вопросу о русских беженцах в 1918–1924 гг. // От Рима к Третьему Риму. Миграции. Формирование Российского государства. М.: ИРИ РАН, 2015. С. 134–143.

2. Граф Дмитрий Адамович Олсуфьев. Вечный ковер жизни. Семейная хроника. М.: Индрик, 2016. 447 с.

3. «Друг – зеркало для друга…»: Российско-итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв.: сб. статей. М.: ИРИ РАН, 2013. 351 с.

4. Жукова О.А., Кара-Мурза А.А., Талалай М.Г. Очарование красоты: Амальфи в русской культуре. М.: Старая Басманная, 2016. 228 с.

5. Лоренцо, Де Р. Русские эмигранты в Италии в конце XIX – начале XX в.: Семейство Горчаковых-Солдатенковых в Сорренто // Россия–Италия: Этико-культурные ценности в истории: сб. ст. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 254–268.

6. Любин В.П. «Италию мало видеть, ее нужно знать»: М.А. Осоргин и его «Очерки» загостившегося поклонника // Путешествие в Италию – Путешествие в Россию. Сб. статей по материалам итало-российских исторических конференций, состоявшихся на факультете журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (20 ноября 2012, 27–28 марта 2013 и 26–27 сентября 2013 гг.). М.: Типография ВП-Принт, 2014. С. 63–82.

7. Любин В.П. Анжелика Балабанова и итальянские социалисты // Россия и современный мир. 2016. № 4 (93). С. 201–207.

8. Любин В.П. Выходцы из Российской империи и СССР в Италии // Российская история. 2016. № 5. С. 223–227.

9. Любин В.П. Италия в начале XX века: «Эра Джолитти». Предисловие // Диалог культур: Страницы истории итало-русских связей первой трети XX века (1905–1914). Горький на Капри. Статьи, письма, воспоминания (по материалам архива А.М. Горького). М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 5–29.

10. Любин В.П. Очерки «загостившегося поклонника» // Вышгород. Таллин, 2013. № 4–5. С. 180–198.

11. Любин В.П. Рец. на: «Друг – зеркало для друга…»: Российско-итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв.: сб. статей (М.: ИРИ РАН, 2013) // Российская история. 2015. № 2. С. 184–187.

12. Нечитайлов Ю.Н., Талалай М.Г. Русский Дон Базилио: Судьба и наследие В.Н. Нечитайлова. М.: Старая Басманная, 2014. 195 с.

13. Осоргин М.А. Очерки современной Италии. М.: [типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко], 1913. 260 с.

14. Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худ. лит., 1982. Т. 4: Далекие годы. Беспокойная юность. Начало неведомого века. 741 с.

15. Путешествие в Италию – Путешествие в Россию: Сб. статей по материалам итало-российских исторических конференций, состоявшихся на факультете журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (20 ноября 2012, 27–28 марта 2013 и 26–27 сентября 2013 гг.). М., 2014. 272 с.

16. Россия и Италия // Родина. 2011. № 4. С. 1–2, 109–161.

17. Талалай М.Г. Российский некрополь в Италии. М.: Старая Басманная, 2014. 906 с.

18. Simeoli V., don. Capri. Villa di Palazzo a Mare, un'isola nell"isola. Roma, 2015. 63 p.

19. Stepanow, G. Im Bann der Farben und Formen. Capri-Rom-Griechenland. Erinnerungen an Kunst, Reisen und Menschen. Frauenfeld, 1957. 399 S.

References

Akkattoli A. Politika Italii po voprosu o russkih bezhencah v 1918–1924 gg. // Ot Rima k Tret'emu Rimu. Migracii. Formirovanie Rossijskogo gosudarstva. Moscow: IRI RAN, 2015. P. 134–143.

Graf Dmitrij Adamovich Olsuf'ev. Vechnyj kovjor zhizni. Semejnaja hronika. Moscow: Indrik, 2016. 447 p.

«Drug – zerkalo dlja druga…»: Rossijsko-ital'janskie obshhestvennye i kul'turnye svjazi, X–XX vv.: sb. statej. Moscow: IRI RAN, 2013. 351 p.

Ljubin V.P. «Italiju malo videt', ee nuzhno znat'»: M.A. Osorgin i ego «Ocherki» zagostivshegosja poklonnika // Puteshestvie v Italiju – Puteshestvie v Rossiju. Sb. statej po materialam italo-rossijskih istoricheskih konferencij, sostojavshihsja na fakul'tete zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova (20 nojabrja 2012, 27–28 marta 2013 i 26–27 sentjabrja 2013 gg.). Moscow: Tipografija VP-Print, 2014. P. 63–82.

Ljubin V.P. Anzhelika Balabanova i ital'janskie socialisty // Rossija i sovremennyj mir. 2016. N 4 (93). P. 201–207.

Ljubin V.P. Italija v nachale HH veka: «Jera Dzholitti». Predislovie // Dialog kul'tur: Stranicy istorii italo-russkih svjazej pervoj treti HH veka (1905–1914). Gor'kij na Kapri. Stat'i, pis'ma, vospominanija (po materialam arhiva A.M. Gor'kogo). Moscow: IMLI RAN, 2016. P. 5–29.

Ljubin V.P. Ocherki «zagostivshegosja poklonnika» // Vyshgorod. Tallin, 2013. № 4–5. P. 180–198.

Ljubin V.P. Rec. na: «Drug – zerkalo dlja druga…»: Rossijsko-ital'janskie obshhestvennye i kul'turnye svjazi, X–XX vv.: sb. statej (Moscow: IRI RAN, 2013) // Rossijskaja istorija. 2015. N 2. P. 184–187.

Ljubin V.P. Vyhodcy iz Rossijskoj imperii i SSSR v Italii // Rossijskaja istorija. 2016. N 5. P. 223–227.

Lorenco, De R. Russkie jemigranty v Italii v konce XIX – nachale XX v. semejstvo Gorchakovyh-Soldatenkovyh v Sorrento // Rossija–Italija: Jetiko-kul'turnye cennosti v istorii: sb. st. Moscow: IVI RAN, 2013. P. 254–268.

Nechitajlov Ju.N., Talalaj M.G. Russkij Don Bazilio: Sud'ba i nasledie V.N. Nechitajlova. Moscow: Staraja Basmannaja, 2014. 195 p.

Osorgin M.A. Ocherki sovremennoj Italii. Moscow: [tipo-litografija T-va I.N. Kushnerev i Ko], 1913. 260 p.

Paustovskij K.G. Sobr. soch.: v 9 t. Moscow: Hud. lit., 1982. Vol. 4: Dalekie gody. Bespokojnaja junost'. Nachalo nevedomogo veka. 741 p.

Puteshestvie v Italiju – Puteshestvie v Rossiju: Sb. statej po materialam italo-rossijskih istoricheskih konferencij, sostojavshihsja na fakul'tete zhurnalistiki MGU im. M.V. Lomonosova (20 nojabrja 2012, 27–28 marta 2013 i 26–27 sentjabrja 2013 gg.). Moscow, 2014. 272 p.

Rossija i Italija // Rodina. 2011. N 4. P. 1–2, 109–161.

Simeoli V., don. Capri. Villa di Palazzo a Mare, un'isola nell"isola. Roma, 2015. 63 p.

Stepanow, G. Im Bann der Farben und Formen. Capri-Rom-Griechenland. Erinnerungen an Kunst, Reisen und Menschen. Frauenfeld, 1957. 399 S.

Talalaj M.G. Rossijskij nekropol' v Italii. Moscow: Staraja Basmannaja, 2014. 906 p.

Zhukova O.A., Kara-Murza A.A., Talalaj M.G. Ocharovanie krasoty: Amal'fi v russkoj kul'ture. Moscow: Staraja Basmannaja, 2016. 228 p.

А.В. Белинский

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: ПРАВО, ПРАВДА, ОБЩЕЕ БЛАГО И НАСИЛИЕ (Реферат)

Stewart S. Grundeinstellungen der russischen politischen Elite. Recht, Wahrheit, Gemeinwohl und Gewalt // SWP-Studien 2017/S 05, Berlin, März 2017 URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/studien/2017S05_stw.pdf

Аннотация. *Данная работа представляет собой реферат статьи С. Стюарт, посвященной ценностям российской политической элиты. В реферируемом тексте рассматривается отношение элиты к таким понятиям, как право, правда, общее благо и насилие.*

Ключевые слова: *российская политическая элита, политическая культура, конфронтация, право, правда, насилие, общее благо.*

Белинский Андрей Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела европейской безопасности Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН). E-mail: belinskii_andrei@mail.ru

A.V. Belinskii. Fundamental Principles of the Russian Political Elite: Law, Truth, Public Welfare and Violence. (Summary)

Abstract. *This work is an abstract of S. Stewart's article describing the values of the Russian political elite. The article studies the attitude of the elite to such concepts as law, truth, public welfare and violence.*

Keywords: *the Russian political elite, political culture, confrontation, law, truth, violence, public welfare.*

Belinskii Andrei Viktorovich – Candidate of Political Sciences, Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow. E-mail: belinskii_andrei@mail.ru

Действия России в Украине и в Сирии, отмечает автор статьи Сюзанн Стюарт (Фонд «Наука и политика», Берлин), показали, что в основе российской внешней и внутренней политики лежат определенные установки, которые являются выражением специфической политической культуры российской элиты. В этой связи крайне актуальным становится изучение основных принципов, которыми она руководствуется. Методологическую основу исследования составил анализ ценностей и норм политической элиты современной России в четырех сферах: ценность права и закона, обращение с правдой и историей, понимание национальных интересов и общего блага, отношение к физическому насилию.

Касаясь отношения российской политической элиты к праву и закону, С. Стюарт выделяет три аспекта проблемы: договоры в сфере вооружений и энергетики, отношения с республиками бывшего СССР и, собственно, отношение к правовым нормам РФ. Что касается первого аспекта (соглашения в области вооружений и энергетики), то автор признает, что в целом Россия соблюдает взятые ею обязательства. Примерно таким же образом обстоит дело и с соглашениями в области энергетики. Если в отношении западных компаний и стран российское руководство придерживается буквы закона, то подобного нельзя сказать, когда речь идет о постсоветском пространстве. Это касается не только присоединения Крыма, которое, по мнению автора доклада, произошло с нарушением норм международного права (Хельсинкские соглашения 1975, Будапештский меморандум 1994 г.), но и об экономических отношениях России с другими постсоветскими странами. «Непрозрачность этих договоров выражена еще сильнее, а неформальные договоренности играют еще большую роль. Кроме того, Москва использует прежде всего цену на газ для того, чтобы вознаградить или наказать постсоветские страны за их политическое поведение» [1, с. 12]. При этом, отмечает С. Стюарт, проблемы с выполнением обязательств наблюдаются и в том случае, если речь идет о соглашениях между РФ и Западом касательно постсоветского пространства, как это имело место в ходе урегулирования российско-грузинского конфликта 2008 г.

При исследовании отношения российской правящей элиты к нормам права автор предлагает провести разграничительную линию между президентством Д. Медведева (2008–2012) и третьим сроком В. Путина (2012–2018), поскольку в этом вопросе президенты придерживались разных подходов. Вскоре после своего избрания на пост президента Д. Медведев в интервью «Financial Times» указал на значимость Конституции, необходимость разделения властей и независимости судов. Однако, как отмечает С. Стюарт, риторика главы государства существенно расходилась с действиями властей. Тем не менее президентство Д. Медведева было отмечено некоторой «либерализацией» в законодательной сфере (возвращение губернаторских выборов

и т.д.). С началом третьего президентского срока В. Путина в 2012 г. ситуация стала кардинально меняться в худшую сторону. По мнению С. Стюарт, наиболее показателен в этом отношении так называемый «закон Яровой», предоставивший спецслужбам широкие возможности для слежки за гражданами. Изменения коснулись и самой судебной системы. Так, в 2014 г. Верховный арбитражный суд, известный своей независимостью, был объединен с Верховным судом и превратился в экономическую коллегию.

На основании этих данных С. Стюарт приходит к выводу, что в области национального права у российской политической элиты нет единой точки зрения. Если Медведев и небольшая группа юристов из его окружения выступает за уважение к нормам права, то Путин и другие представители элиты (например, большинство депутатов Думы или Федерального собрания) рассматривают законы и суды как средство контроля населения или определенных групп внутри него [1, с. 17]. Что касается международного права, то в российской элите царит консенсус относительно того, что правовые обязательства и договоры являются преимуществом для России, поскольку делают действия других стран более предсказуемыми. «Конечно, Россия оставляет для себя возможность быть непредсказуемой, т.е. не соблюдать нормы международного права, если другие соображения покажутся важнее» [там же], – отмечает автор.

Большое внимание в статье уделено вопросу восприятии российской элитой таких понятий, как «правда» и «история». Выбор в качестве объекта исследования политики официальных российских властей по отношению к Великой Отечественной войне объясняется огромным политическим значением этого события для российской элиты, которая рассматривает его как средство легитимации и укрепления режима.

Именно обеспокоенность тем, что «…другие интерпретации Второй мировой, в первую очередь из остальных постсоветских стран, могли бы поставить под вопрос официальную российскую версию» [1, с. 19] привела к созданию в 2009 г. «Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Еще более выражена эта тенденция в законе 2014 г., предусматривавшем уголовное наказание за распространение ложных сведений о деятельности Советского Союза во время Второй мировой войны, а также в изменении отношения к фигуре И. Сталина. Если раньше он представлялся неоднозначной исторической фигурой, то в последнее время он все чаще удостаивается положительных оценок при одновременном замалчивании темных сторон правления.

Склонность российской элиты к искажению фактов и навязыванию своей картины мира, если это необходимо, прослеживается и в действиях российских СМИ, в частности телеканала Russia Today. Если и до 2014 г., говорится в докладе, RT неоднократно уличался во лжи, то после аннексии Крыма

и начала войны на Юго-Востоке Украины эта тенденция стала наиболее отчетлива. Параллельно с этим Кремль проводит политику, направленную на ограничение независимых СМИ и установление контроля над социальными сетями. Например, либеральный телеканал «Дождь» постоянно испытывает проблемы с властями, а основатель популярной социальной сети «ВКонтакте» П. Дуров вынужден был продать предприятие и покинуть Россию.

Также в статье рассматривается вопрос о том, как российская элита понимает национальные интересы и общественное благо. При этом Стюарт указывает, что ни официальные заявления, ни стратегия национальной безопасности не отражают реальную ситуацию. Гораздо более показательны в этом отношении конкретные действия властей в сфере образования и здравоохранения.

Политика коммерциализации системы образования привела к закрытию школ, сокращению бюджетных мест, увеличению расходов родителей на репетиторов. Кроме того, в последнее время государство пытается унифицировать учебники по истории, которые должны соответствовать проводимой режимом политике. Схожие тенденции наблюдаются и в сфере здравоохранения, что в свою очередь привело к ухудшению состояния здоровья населения в провинции. Все это, по мнению С. Стюарт, отчетливо указывает на то, что «…принимающие решения считают потребности и тяготы населения второстепенными, или третьестепенными, или совсем несущественными» [1, с. 28].

В последнем разделе статьи поднимается вопрос о том, «…какое значение имеет военный компонент в инструментарии российской внешней политики и что в принципе российская элита думает о насилии как о средстве реализации политических интересов». Как и в предыдущих случаях, Стюарт разграничивает внешнюю и внутреннюю политику, тем самым выделяя их в отдельные блоки.

Анализируя действия России во время присоединения Крыма в 2014 г., она отмечает активное использование российским руководством Вооруженных сил: «Поначалу этот факт отрицался и затушевывался, однако позднее Путин открыто признал его» [1, с. 29]. Готовность российской элиты использовать военную силу стала еще более очевидной с началом боевых действий в Донбассе. В ходе гражданской войны в Сирии Россия также продемонстрировала готовность применять военную силу для достижения своих собственных целей. Как отмечает С. Стюарт, для российской элиты в первую очередь речь шла не о прекращении войны или о борьбе с ИГИЛ, а о выходе из международной изоляции и сохранении Б. Асада у власти любой ценой. Эти факты вместе с российско-грузинской войной и усилением военного присутствия РФ на постсоветском пространстве (Армения, Абхазия, Таджикистан) свиде-

тельствуют, по мнению автора, о том, что руководство страны рассматривает военную силу как значимый инструмент своей политики.

Хотя правоохранительные органы РФ, говорится в статье, не применяют массовое насилие в отношении населения, это не означает, что в стране нет политических репрессий (оппозиционеры, журналисты). Вместе с тем насилие может исходить не только от органов государственной власти, но и от организованной преступности, которая тесно с ними связана, пишет С. Стюарт со ссылкой на Марию Снеговую (Колумбийский университет) и Карен Давиш (Университет Майами) [1, с. 32]. Другим примером того, что насилие играет существенную роль внутри страны, является милитаризация общества (создание ДОСААФ, Юнармии и т.д.). Таким образом, заключает автор, во внешней политике угрозы и применение силы является одним из главных инструментов, к которому прибегает политическая элита страны. Внутри страны физическое насилие хотя и применяется значительно реже, чем другие виды государственных репрессий, однако руководство страны видит в нем подходящий инструмент для контроля и мобилизации населения.

На основании анализа политики российской элиты С. Стюарт приходит к выводу, что последняя «…готова нарушать международное право, применять военную силу для достижения различных целей, не считаясь с потерями среди гражданского населения, возводить горы лжи и упорно держаться за нее, даже если обман уже раскрыт» [1, с. 35]. Однако, несмотря на такие выводы, автор полагает, что двусторонние или многосторонние соглашения с Россией совсем не исключены. Вместе с тем она указывает на то, что, во-первых, нужно приготовиться к тому, что переговорный процесс будет длиться достаточно долго. Во-вторых, переговоры, касающиеся постсоветского пространства или внутреннего развития России, имеют мало шансов на успех, как это было, например, с Минскими соглашениями. В-третьих, нужно быть готовым к тому, что на поздней стадии Россия нарушит соглашение [1, с. 36].

Библиография

1. Stewart S. Grundeinstellungen der russischen politischen Elite. Recht, Wahrheit, Gemeinwohl und Gewalt // SWP-Studien 2017/S 05, Berlin, März 2017 URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/studien/2017S05_stw.pdf (Дата обращения: 10.10.2017.)

References

Stewart S. Grundeinstellungen der russischen politischen Elite. Recht, Wahrheit, Gemeinwohl und Gewalt // SWP-Studien 2017/S 05, Berlin, März 2017 URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/studien/2017S05_stw.pdf (Data obrashhenija: 10.10.2017.)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПОСТУПАЮЩИМ В ЖУРНАЛ «РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»

I

Ежеквартальный мультидисциплинарный научный журнал «Россия и современный мир» публикует статьи по социально-экономическим, историко-культурным и политическим проблемам России, а также статьи, анализирующие роль и место России в современной системе международных отношений.

Журнал не перепечатывает материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях или в сети Интернет. Все права на материалы, опубликованные в журнале, принадлежат редакции и авторам. Перепечатка публикаций журнала в других изданиях возможна лишь с указанием автора, названия журнала, номера и года публикации.

При публикации материала редакция заключает с автором лицензионный договор, согласно которому автор предоставляет редакции неисключительные права на свою статью; это означает, что редакция получает право распространять печатные экземпляры журнала с этой статьей вплоть до полной реализации, размещать на ресурсах журнала в сети Интернет. Автор также имеет право републиковать текст в другом печатном или сетевом издании, включить в книгу, выложить в сети Интернет.

Плата за публикацию не взимается. Гонорары не выплачиваются.

II

Объем присылаемых рукописей не должен превышать 1 п.л.

В имени файла необходимо указать фамилию и инициалы автора статьи на русском языке, например Иванов П.С. Рукописи принимаются по электронной почте на официальный адрес редакции: rossovmir@gmail.com.

Редакция организует экспертизу материалов. Если статья требует доработки, автору посылается письмо с соответствующими рекомендациями по доработке текста на основании рецензии. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ с использованием материалов рецензии.

Главные требования к публикациям: наличие научной проблематики, соответствующей профилю журнала, новизна, хороший литературный язык. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать материалы рукописи, не меняя смысла представленной информации. Автор несет ответственность за содержание своей работы, за точность цитат, за корректность цитирования и отсутствие в тексте плагиата. Мнение автора может не совпадать с позицией редакции и членов редколлегии.

III

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. После этого приводится краткая аннотация и ключевые слова, употребляемые в тексте. Далее указываются фамилия, имя и отчество автора полностью, ученая степень, ученое звание, место работы и должность, город, e-mail.

Далее инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова (не более 10) и сведения об авторе (авторах) даются в переводе на английский язык.

Цитируемые источники и литература оформляются однотипно. Список цитированных источников и литературы располагается после текста статьи, предваряется словом «Библиография» и располагается в алфавитном порядке под номерами. Сначала указываются русскоязычные издания, а затем иноязычные; нумерация сплошная. Для источников и литературы из электронных изданий указывается URL и дата обращения.

Список источников и литературы должен быть транслитерирован латинскими буквами; на английский язык переводятся только названия городов в библиографическом описании и буква р. – обозначение страницы. Транслитерированной список помещается в списке под названием «References». Этот список также располагается по алфавиту, но без нумерации. Для транслитерации допускается использование специализированных сайтов в сети Интернет, например: http://translit.net/.

Опубликованные источники и литература описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место публикации, издательство (для изданий книжного типа), год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. М.: Наука, 2010. 250 с.; 2) Петров П.П. К вопросу о… // Россия и современный мир. М., 2011. № 4. С. 5–25.

В транслитерированном виде описание выглядит так: 1) Ivanov I.I. Problemy nauki. Moscow: Nauka, 2010. 250 p.; 2) Petrov P.P. K voprosu o… // Rossiya i sovremenny mir. Moscow, 2011. N 4. P. 5–25.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Архивные источники описываются так: фамилия автора, инициалы, название рукописи, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле (или те страницы, на которых помещен цитируемый документ). Или: название дела, название архива, в котором хранится рукопись, указание на опись (если есть), номер дела и общее количество страниц в деле. Например: 1) Багрицкая Л.Г. Письмо В.П. Катаеву от 7.10.1947 г. // РГАЛИ. Ф. 1399. Оп. 2. Д. 81. Л. 1–4 об.; 2) Жаворонков Б.И. Слово о Московском государственном историко-архивном институте // ГАРФ. Ф. Р8370. Оп 2. Д. 3. 3 л.; 3) Следственное дело А.Н. Гарри, 1930 г. // ЦА ФСБ. Д. Р-3346. 119 л.

В транслитерированном виде это описание будет выглядеть следующим образом: 1) Bagritskaya L.G. Pismo V.P. Kataevy, 7.10.1947 г. // RGALI. F. 1399. Op. 2. D. 81. P. 1–4 ob.; 2) Javoronkov B.I. Slovo o Moscovskom Gosudarstvennom istorico-arhivnom institute // GARF. F. R8370. Op. 2. D. 3. 3 p.; 3) Ugolovnoe delo A.N. Harry // CA FSB. D. P-3346. 119 p.

Источники и литература в электронном виде описываются по следующему образцу: 1) Всеобщая декларация прав человека. 1948. 10 декабря. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Дата обращения: 25.12.2015.); 2) Vseobshhaya deklaratsiya prav cheloveka. 1948. URL: http://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights/index.html (Data obrasheniya: 25.12.2015.)

Фамилии зарубежных авторов даются в оригинальном написании.

В тексте статьи ссылки на каждую позицию списка приводятся в скобках, где указывается номер ссылки и через запятую те страницы, к которым отсылается читатель. Например [5, с. 38]. Отсылки к нескольким позициям приводятся в одних скобках через точку с запятой. Примеры: [1, с. 23–33; 2, с. 15]. Ссылки на тексты, размещенные в сети Интернет, даются без указания страниц. Например: [8].

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны только в тексте статьи.

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 1 – 2018 (98)

Дата регистрации 23.06.2009

Номер регистрационного свидетельства ПИ № ФС 77-36650

Верстка Н.М. Власова

Корректор
О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.
Подписано к печати 28.02.2018 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Усл. печ. л. 20,6 Уч.-изд. л. 16,2
Тираж 870 экз. Заказ № 179

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997